9(С)26
Б77

БОИ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

NLRK 00040540

13/VII 41 г.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

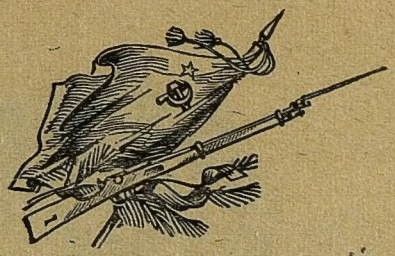
9(с)26
Б77

БОИ
НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

1935962 кр

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1941

Национальная
библиотека
республики Карелия



„За Родину, за Сталина!“
С этим лозунгом
шли мы в бой
и победили

И. В. СТАЛИН

Нет таких крепостей,
которых большевики
не могли бы взять.

И. Сталин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Война за безопасность города Ленина и северо-западных границ нашей советской Родины навсегда вошла в историю Красной Армии как героическая эпопея, воплотившая грозную силу, мужество и отвагу советских войск, их беззаветную преданность народу, партии, Сталину.

Военные действия советских войск в Финляндии, хронологически укладывающиеся в сравнительно короткий промежуток—между 30 ноября 1939 года и 13 марта 1940 года,—по своему напряжению, трудностям и массовому героизму становятся в ряд с наиболее яркими событиями в истории русского оружия. Еще со времени гражданской войны в СССР боевыми традициями Красной Армии являются высокая воинская дисциплина, готовность войск к преодолению любых трудностей и опасностей во имя великого дела Ленина—Сталина. Эти традиции не только поддерживались в отгремевших недавно боях, но укреплялись и умножались. Широкая популяризация боевых традиций Красной Армии, продолженных и обогащенных на полях сражений в Финляндии, несомненно, должна сыграть громадную воспитательную роль.

Нанося в Финляндии удар объединенным силам империализма, противопоставившего нам всю мощь современной военно-фортификационной техники, части Красной Армии извлекли из этих боев немало поучительных уроков и накопили значительный боевой опыт.

Книга «Бои на Карельском перешейке» знакомит читателя с замечательными подвигами, совершенными Красной Армией в борьбе с финской белогвардейщиной на Карельском перешейке. Книга

знакомит с отвагой и мужеством бойцов и командиров Красной Армии—доблестных патриотов нашей великой родины.

Книга представляет собой сокращенное издание сборника «Бои в Финляндии», выпущенного Военным издательством НКО СССР по приказу Народного комиссара Обороны СССР Героя и Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.

Материалы книги «Бои на Карельском перешейке» расположены в хронологическом порядке, по этапам войны. Однако этот принцип удалось выдержать не во всех случаях, так как некоторые воспоминания охватывают весь период войны.

В сборе материалов и их литературной обработке приняли участие писатели и журналисты: И. Авраменко, В. Беляев, Р. Бершадский, М. Головин, Н. Григорьев, П. Дмитриев, Б. Емельянов, В. Заводчиков, Б. Лихарев, К. Левин, Я. Литовченко, Л. Иерихонов, И. Молчанов, М. Погарский, В. Саянов, С. Семенов, Е. Соболевский, И. Френкель, Г. Холопов, Е. Цитович, Н. Чуковский, А. Шуэр и другие.

Книга подготовлена к печати *М. Гуревичем, Ф. Матросовым, В. Ставским и А. Шавериным.*

Герой Советского Союза генерал-майор инженерных войск

А. Хренов

ЛИНИЯ МАННЕРГЕЙМА

Финляндия с ее границами, упирающимися чуть ли не в самые стены крупнейшего советского культурного и промышленного центра—Ленинграда, рассматривалась генеральными штабами капиталистических стран как выгодный плацдарм для войны против Советского Союза. Правительства империалистических держав, поставившие себе целью при первой же возможности использовать Финляндию для военного похода против нашей социалистической Родины, в течение многих лет оказывали финской белогвардейщине самую широкую финансовую и военно-техническую помощь. На их деньги и под руководством лучших иностранных военных специалистов Финляндия подготовила мощный плацдарм, хорошо обеспечивавший сосредоточение и развертывание войск в случае антисоветской войны.

На Карельском перешейке, в нескольких десятках километров от Ленинграда, возникла линия Маннергейма с сотнями железобетонных и тысячами дерево-земляных сооружений. К самой границе Советского Союза была подтянута сеть шоссейных, грунтовых и железных дорог, имеющих исключительно стратегическое значение. Повсюду были построены железобетонные, каменные и металлические мосты через реки и узкие проливы озер, рассчитанные на переброску войск и военных грузов к нашим границам.

В то же время полоса местности на восточных границах Финляндии—от Ладожского озера до Баренцова моря—была оборудована для упорной обороны.

Прежде чем перейти к описанию системы укреплений Карельского перешейка, мы вкратце охарактеризуем систему обороны, с которой столкнулись наши части на северных направлениях.

В этой полосе почти не было мощных железобетонных сооружений, но сама местность, покрытая густыми девственными лесами, озерами и болотами, пересеченная холмами, горами и скалами, была столь выгодна для обороны, что даже простое ее

усиление с помощью полевой фортификации давало огромные преимущества обороняющимся.

Как же была построена эта оборонительная система? Основные позиции располагались вдоль дорог, рокадных шоссе и т. п., а болота, леса и горы обеспечивали эти позиции от охвата с флангов, от ударов в тыл. Укрепления полевого типа состояли из взводных, ротных и батальонных оборонительных районов с противопехотными и противотанковыми препятствиями впереди и на флангах.

Оборонительные районы были оборудованы стрелковыми и пулеметными окопами, ходами сообщения между ними и в тыл, орудийными окопами и землянками для личного состава. Покрытие землянок иногда доводилось до восьми бревенчатых накатов с земляной или каменной обсыпкой.

Все эти укрепления, как правило, были построены заблаговременно: окопы—хорошо замаскированы; наблюдательные пункты, пулеметные площадки, а иногда и ячейки (на одного стрелка или парные)—обеспечены противоосколочным покрытием.

Помимо взводных, ротных и батальонных оборонительных районов, на просеках находились отдельные огневые точки в виде перекрытой стрелковой или пулеметной ячейки на одного-двух человек.

Система обороны строилась в расчете на тактику борьбы, применяемую в оперативной зоне заграждений с двумя-тремя промежуточными позициями (Лаймола, Уомас и др.). Дороги и просеки между позициями и сами позиции прикрывались заграждениями всех типов: рвами, проволокой, завалами, минными полями.

На таких позициях доты встречались редко, и то лишь в виде отдельных полукапониров, прикрывавших подступы к мосту или узлу дорог. Однако на реке Янис-йоки (между озерами Янисярви и Ладожским) располагалась целая система укреплений долговременного характера. Эта позиция была оборудована пулеметными и орудийными дотами на западном берегу реки и мощными завалами на ее восточном берегу. Здесь также тянулись электризованные проволочные препятствия, ток в которые поступал от высоковольтной сети промышленного значения.

Таким образом, вся линия восточной границы Финляндии состояла из труднодоступных оборонительных рубежей. Но несравненно более мощными были укрепления Карельского перешейка.

На Карельском перешейке была оборудована широкая и глубокая оперативная зона заграждений, состоявшая из укрепленных позиций с линиями заграждений и препятствий. За этой зоной следовала главная оборонительная полоса—линия Маннергейма. Далее, в трех—пяти километрах от нее, тянулась вторая оборонительная полоса (или полоса тактических резервов). За второй оборонительной полосой находились выборгские укрепленные позиции из трех линий. Чтобы прикрыть вход в Выборгский залив и обеспечить правый фланг линии Маннергейма, белофинны укрепили берега и острова залива долговременными и деревоземляными сооружениями, а льды залива были минированы и заграждены.

1. ОПЕРАТИВНАЯ ЗОНА ЗАГРАЖДЕНИЙ

Карельский перешеек представляет собой резко пересеченную местность. Равнинные участки довольно редки. Скалы, холмы, котловины, болота, озера, леса покрывают почти весь перешеек.

Болота, скалы с крутыми и труднодоступными склонами, заросли и лесные чащи, озера с необычайно изрезанной береговой линией—все эти природные условия Карельского перешейка значительно затрудняли движение и маневрирование крупных войсковых соединений и создавали препятствия для наступления на широком фронте.

К этому нужно добавить, что глубокий снежный покров, доходивший в зиму 1939/40 г. до одного метра, и морозы в 40 градусов снижали маршевую способность войск.

Географические особенности Карельского перешейка финны использовали, начиная с оперативной зоны заграждений. Финское командование вообще возлагало на эту зону большие надежды. Зная о могуществе Красной Армии и ее боевой технике и в то же время не располагая достаточной военной техникой, финское командование строило свои военные планы в расчете на поддержку империалистических друзей и вдохновителей. Оно надеялось измотать и расстроить части Красной Армии в оперативной зоне заграждений еще до подхода их к главной оборонительной полосе, с тем чтобы по прибытии экспедиционных армий империалистических держав нанести решительный удар советским войскам и сделать ареной борьбы советскую территорию.

Дальнейший ход событий расстроил фантастические планы финской военщины.

Оперативная зона заграждений начиналась от линии бывшей государственной границы. Она была оборудована несколькими полосами заграждений и целой системой опорных пунктов для их огневого прикрытия. Силу этой системы характеризуют следующие цифры: в опорных пунктах частями Красной Армии с боем захвачено 12 долговременных (с одной амбразурой) огневых точек, 845 дерево-земляных огневых точек и 400 дерево-земляных убежищ.

В полосе заграждений противник заблаговременно подготовил к уничтожению все мосты, к порче—все грунтовые и шоссейные дороги, железнодорожный путь, станционные сооружения и т. п.

Основным принципом финнов в постройке полос заграждений было сочетание мощности препятствий с их массовостью.

Большие воронки на дорогах были глубиной в 7—10 метров, диаметром—в 15—20 метров. В них закладывали по 200 килограммов взрывчатого вещества. Лесные завалы доходили до 75—250 метров по глубине. На один погонный километр дороги ставилось в среднем 200 противотанковых мин. Эскарпы и рвы были непреодолимы для средних танков. Железобетонные и гранитные надолбы зарывались в землю на глубину 0,5—0,7 метра.

Вся система организации и оборудования оперативной зоны

заграждений была рассчитана на то, чтобы задержать Красную Армию в ее движении на Выборг. Однако 40 километров этой зоны были преодолены нашими войсками за 5—10 дней, после чего части действующей армии подошли к главной оборонительной полосе.

2. ОСНОВНАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ПОЛОСА

Линия Маннергейма, представлявшая собой главную, или основную, оборонительную полосу противника, состояла из 22 узлов сопротивления. Она проходила по следующему рубежу: от берега Ладожского озера, по реке Тайпален-йоки, водной системе Вуокси, далее по междуозерному дефиле на Муолаа, станцию Лейпясуо, высоту 65,5, Сумма, Кархула, Няюкки, Муурила, Койвисто.

Кроме узлов сопротивления, на главной оборонительной полосе имелись также и небольшие отдельные опорные пункты, как, например, на высоте 38,2.

Основу обороны составляли: опорные пункты с тщательно продуманной системой фланкового, косоприцельного и фронтального огня; развитая сеть противопехотных и противотанковых заграждений по переднему краю и в глубине с огневым обеспечением подступов.

Узлы сопротивления и промежуточные опорные пункты занимали тактически выгодные рубежи, междуболотные и междуозерные дефиле.

Узел сопротивления оборонялся одним-двумя стрелковыми батальонами, усиленными артиллерией. По фронту узел занимал 3—4,5 километра и в глубину—1,5—2 километра. Он состоял из 4—6 опорных пунктов; каждый опорный пункт имел по 3—5 долговременных огневых точек, преимущественно пулеметно-артиллерийских, составлявших скелет обороны.

Каждое долговременное сооружение было окружено траншеями, которые заполняли также промежутки между узлами сопротивления. Окопы в большинстве случаев состояли из хода сообщения с вынесенными вперед пулеметными гнездами и стрелковыми ячейками на одного—трех стрелков.

Стрелковые ячейки были прикрыты броневыми щитами с козырьками и амбразурами для стрельбы. Это защищало голову стрелка от шрапнельного огня.

В каждой ячейке, в передней или боковой крутости, имелась небольшая ниша таких размеров, что туда мог залезть стрелок в согнутом положении. Финны отсиживались в этих нишах при артиллерийском обстреле. Здесь же в ячейках стояли зажигательные бутылки против танков и связки ручных гранат. Броневой щит со стороны наступающих маскировался естественным способом—снеговым покровом. Иногда поверх щитов укладывались бревна, что улучшало маскировку, прикрывая выемку в бруствере.

В системе траншей, как правило, никаких убежищ или блиндажей не было,—весь гарнизон полевого заполнения узла укрывался, повидимому, в убежищах долговременных сооружений.

СХЕМА БЕЛОФИНСКИХ УКРЕПЛЕНИЙ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

Траншеи в узлах сопротивления были отрыты заблаговременно. От наблюдения с воздуха они, за небольшим исключением, не были замаскированы. Проволочные заграждения фланкировались огнем из дотов.

Основными типами противопехотных препятствий были проволочные сети и мины. На разрушенных участках финны устанавливали рогатки, которые в конструктивном отношении несколько отличались от наших рогаток, или спирали Бруно. Эти противопехотные препятствия дополнялись противотанковыми. Надолбы обычно ставились в четыре ряда, на два метра один от другого, в шахматном порядке. Ряды камней иногда усиливались проволочными заграждениями, а в других случаях—рвами и эскарпами.

Таким образом, противотанковые препятствия превращались одновременно и в противопехотные.

Наиболее мощные препятствия были на высоте 65,5 у дота № 006 и на Хотинене, у дотов № 45, 35 и 40, которые являлись основными в системе обороны Междуболотного и Суммского узлов сопротивления. У дота № 006 проволочная сеть доходила до 45 рядов, из которых первые 42 ряда были на металлических кольях высотой в 60 сантиметров, заделанных в бетон. Надолбы в этом месте имели 12 рядов камней и были расположены посреди проволоки. Чтобы подорвать надолбу, надо было пройти 18 рядов проволоки под трех-четырехслойным огнем и в 100—150 метрах от переднего края обороны противника.

1935962 КР

Дзоты в пределах узлов сопротивления отличались разнообразием конструкций.

Сооружение на один пулемет с покрытием состояло из четырех рядов бревен, двух слоев камней и земляной обсыпки.

В сооружении двухпулеметного типа на уровне со столом пулемета устраивались земляные полки, на которых иногда находились тюфяки. Значит, финны здесь же и ночевали. Но преимущественно эти полки служили для патронов.

Особенностью всех дзотов являлась настолько глубокая амбразура, что дуло автоматического оружия находилось примерно в середине ее. Это не позволяло видеть вспышку, искажало звук, маскируя его направление, и таким образом затрудняло определение цели по звуку.

Второй особенностью дзотов была незначительная их высота над горизонтом и хорошая маскировка. Поэтому часть их так и осталась невыявленной и неразрушенной. На многих дзотах были не воткнутые, а живые деревья высотой в 3—4 метра, что указывает на большую давность сооружений. При наземном наблюдении такие дзоты выглядели обыкновенными низкими холмиками.

Дзоты описанных типов разрушались даже от одного прямого попадания 152-миллиметрового снаряда, из орудий такого калибра в основном и велся обстрел узлов сопротивления.

В некоторых случаях промежуточную местность между дзотами и дотами занимали жилые постройки. Они обычно находились на окраине населенного пункта и были сложены из гранита, причем

толщина стен доходила до 1 метра и более. Такие дома финны при надобности превращали в оборонительные укрепления.

Полевое заполнение узла дополняло огневую мощь и повышало сопротивляемость оборонительного участка.

Насыщение огневыми точками наиболее мощного Хотиненского (Суммского) узла обороны достигало: на один квадратный километр 5 долговременных и 10 дерево-земляных огневых точек; на 1 погонный километр—2 долговременных и 5 дерево-земляных огневых точек.

Что же представляли собою доты?

Железобетонные сооружения были двух сроков постройки: 1929—1937 гг. и 1938—1939 гг.

Сооружения первого периода—обычно небольшие, одноэтажные доты на 1—3 пулемета, без убежища для гарнизона и почти без всякого внутреннего оборудования. Впоследствии многие из этих сооружений были модернизированы путем утолщения бетона, укладки бетонных и каменных тюфяков и установки броневых плит на амбразурах.

Сооружения второго периода, называемые финнами «миллионные», представляли собой большие современные доты на 4—6 амбразур, из которых одна-две орудийных, преимущественно фланкирующего действия. Такой дот имел полное внутреннее оборудование. Обычно в нем находилась также железобетонная казарма на 40—100 человек—не только для личного состава дота, но и для гарнизона окружавших его полевых построек.

Над каждым сооружением второго периода имелись заделанные в железобетон 2—3 бронеколпака (башни) с круговым обзором.

Общая планировка дотов такова: боевые казематы на 2—3 амбразуры, помещение для боеприпасов, коридоры со спусками в казарму, машинное помещение, офицерская комната, помещение для продовольствия, кухня, уборная, тупиковый или сквозниковый вход с броневыми дверями и лаз в бронекупол.

Сопротивляемость дотов, при толщине стен и покрытия до 1,5—2 метров железобетона, была рассчитана против 203-миллиметровых снарядов. На важнейших направлениях стояли железобетонные сооружения с броневыми лицевыми стенками толщиной до 75 сантиметров, рассчитанными на ту же сопротивляемость.

Над центральной частью этих сооружений, которая обычно являлась казармой и одновременно подземным ходом сообщения между боевыми казематами, лежала «подушка» из земли в 2—4 метра с одной-двумя прослойками гранитных валунов. Эта «подушка» вызывала преждевременный разрыв снарядов, увеличивая живучесть сооружения.

Слабые стороны финских долговременных сооружений таковы: неполноценное качество бетона у построек первого срока, перенасыщение бетона гибкой арматурой, отсутствие у построек первого срока жесткого армирования.

Сильные же качества дотов заключались в большом количестве огневых амбразур, простреливавших ближние и непосредственные подступы и фланкировавшие подступы к соседним железобетонным точкам, а также в тактически правильном расположении сооружений на местности, в тщательной их маскировке, в насыщенном заполнении промежутков.

Полевое заполнение узлов состояло: из дерево-земляных огневых построек на 1—3 пулемета, рассчитанных на сопротивление 122- и 152-миллиметровым снарядам; открытых пулеметных гнезд и стрелковых окопов; снайперских ячеек со специальной сигнализацией; сети траншей для маневра живой силой и огнем; заслонов и огневых построек для противотанковых пушек; различных заграждений.

О мощи основной оборонительной полосы на Карельском перешейке говорят следующие цифры: 194 железобетонных сооружения и 805 дерево-каменно-земляных огневых точек захвачены Красной Армией в боях на линии Маннергейма.

3. ВТОРАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ПОЛОСА, ИЛИ ПОЛОСА ТАКТИЧЕСКИХ РЕЗЕРВОВ

Эта полоса начиналась в 3—5 километрах от основной оборонительной полосы и соединялась с ней отсечными позициями: Лейпясуоской, Суммско-Харьюмякской, Няюкки-Сурярвинской.

В полосе тактических резервов находились 39 долговременных огневых сооружений и 178 дерево-земляных построек. Она была оборудована по тем же принципам, что и основная оборонительная полоса, но с меньшим развитием полевого заполнения.

В лесах и оврагах были расположены склады боеприпасов, землянки и убежища, в которых размещались тактические резервы линии Маннергейма. В районе Вяйсянен были обнаружены даже железобетонные казармы, правда, недостроенные.

Отсеки между главной оборонительной полосой и полосой тактических резервов были созданы на болотных рубежах, не проходимых для танков.

Вся полоса местности между главной оборонительной полосой и Выборгской тыловой позицией была хорошо оборудована и обеспечена лесными позиционными дорогами для тактического маневра частей обороны.

4. ВЫБОРГСКАЯ ТЫЛОВАЯ ПОЗИЦИЯ

Эта позиция состояла из узлов сопротивления: Сурперского, Алосяйнеского, Илясяйнеского, Нятяльского. Она находилась в 12 километрах от основной оборонительной полосы и имела 18 железобетонных сооружений и 77 дерево-земляных.

Перед тыловой оборонительной полосой имелось до шести промежуточных линий обороны с развитой системой заграждений и разрушений.

5. ВЫБОРГСКАЯ ПОЗИЦИЯ ПРИКРЫТИЯ

На подступах к городу Выборгу со стороны юго-востока, юга и юго-запада была оборудована Выборгская позиция прикрытия. Она имела два рубежа обороны. На первом рубеже были 16 долговременных и 31 дерево-земляная огневые точки.

Самый город Выборг с его окраинами представлял прочный узел сопротивления с 29 пулеметными блиндажами, развитой системой заграждений (особенно минных и фугасных полей), с большим количеством убежищ.

Первый рубеж представлял собой заблаговременно построенную укрепленную позицию. Он включал в себя опорные пункты: Корьяла, высота «Восьмерка», общественный дом, кладбище севернее ипподрома, Киройля, Ояла, Кангхсранта и Каремяки. В промежутке между опорными пунктами находилось полевое заполнение.

Насыпь окружной железной дороги использовалась как линия боевого охранения и была оборудована легкими крытыми пулеметными и стрелковыми ячейками.

Уступное расположение опорных пунктов и открытая местность впереди позволяли вести действительный огонь на предельную дальность.

За многочисленными камнями и развалинами зданий имели возможность укрыто располагаться автоматчики и минометчики. Хорошее наблюдение позволяло вести прицельный минометный огонь.

Основным противотанковым препятствием явились четырехрядные каменные надолбы (на дорогах—до трех полос). В незначительном количестве встречались эскарпы и контрэскарпы. Проволочные препятствия в один—три кола тянулись по всему обводу в комбинации с минными полями.

Минирование подступов к первому рубежу, а также всего городского участка до второго рубежа было проведено в широком масштабе. Применялись металлические мины наступного действия всех типов, деревянные, ползунковые, «сюрпризы» и снаряды с упрощенным взрывателем. Установка производилась комбинированная.

Фугасы наступного действия соединялись с «сюрпризами». Все мосты были подорваны, а места возможных объездов усиленно заминированы.

Вторая (внутренняя) оборонительная полоса проходила через центр города и представляла собой ряд позиций, соединенных огневыми точками, в развалинах и зданиях, приспособленных к обороне: общественный дом, тюрьма, городские кварталы у станции, больница и др. Основными сооружениями были одиночные ячейки и крытые картонными «тюфяками» пулеметные гнезда, приспособленные к обороне дома. Живая сила располагалась в подвалах домов, в бывших складах, на валах старой крепости. Для обеспечения обзора и обстрела всю юго-восточную часть города финны сожгли и разрушили. Вся эта часть города была

сплошь заминирована. Противотанковым препятствием на открытых участках явилась баррикада, сделанная из мебели, дров и других подручных материалов. На дорогах и в местах, где стояли противотанковые орудия, баррикады были сделаны из тюков картона.

Чтобы обезопасить себя от охвата с северо-востока, финны организовали систему большого затопления местности водами Саймаанского канала.

Саймаанский канал построен в 1844—1859 гг. и перестроен в 1934—1939 гг. Вместо 28 узких шлюзов при перестройке создано было 12 широких. Канал начинается от губы Лауринсала, в южной части озера Саймоло, и через губу Суоменведенпохья выходит в Финский залив. Длина канала 59,3 километра. Разница уровней между озером Саймаа и Финским заливом 75,9 метра.

Для наводнения и большого затопления восточной и юго-восточной части местности от системы Саймаанского канала белофинны построили водоподпорную глухую плотину в горле Суоменведенпохья, южнее Юустила.

Эта плотина была рассчитана на два случая последовательного наводнения и затопления местности. В первом случае воды канала, удержанные плотиной, поднимают уровень и через рукава озера Лепелен-ярви прорываются в озеро Кярстилен-ярви, наводняют долину реки Перон-йоки и затопляют местность на высоту до 2,5 метра от отметки 1,3, т. е. до отметки 3,8 метра. Во втором случае, после затопления участка местности водоподпорная плотина взрывается, и вся масса вод канала устремляется сильным потоком в Суоменведенпохья, ломает лед, затопляет низменность и часть Выборга. Затопление Выборга было бы значительным, если бы противник закрыл проливы Суоменведенпохья перемычками. Уровень воды поднялся бы тогда до 2,5 метра.

Затопление восточной и юго-восточной части местности от Выборга финны начали в конце февраля. Вода разлилась примерно на 30 километров в длину и около 6 километров в ширину. Район затопления приближался к Выборгу местами на 5 километров.

6. ОСТРОВНЫЕ И БЕРЕГОВЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ

Старая крепость Тронгсунд и острова Выборгского залива были также оборудованы противником как узлы сопротивления. Белофинны построили здесь 77 долговременных и 90 дерево-земляных огневых точек.

Все дороги и подступы к огневым постройкам были минированы. Только на двух островных и береговых узлах сопротивления (Тронгсунд и остров Раван-саари) обнаружено и обезврежено нашими саперами 5 500 мин и различных фугасов.

Мелкие и промежуточные острова, несмотря на слабое их оборудование в инженерном отношении, уже вследствие природных условий (леса, глубокий снег и т. п.) представляли собой серьезные препятствия для наступления наших частей.

☆

Так выглядел Карельский перешеек—мощный плацдарм, подготовленный Финляндией в союзе с крупнейшими империалистическими державами для нападения на Советский Союз. Враги нашей Родины противопоставили нам нередовую фортификационную технику в сочетании с географическими и топографическими особенностями Карельского перешейка, одного из самых труднодоступных уголков земного шара. Старший инструктор бельгийской «линии Мажино» генерал Баду, работавший техническим советником Маннергейма, писал:

«Нигде в мире природные условия не были так благоприятны для постройки укрепленных линий, как в Карелии. На этом узком месте между двумя водными пространствами—Ладожским озером и Финским заливом—имеются непроходимые леса и громадные скалы. Из дерева и гранита, а где нужно—и из бетона, построена знаменитая линия Маннергейма. Величайшую крепость линии Маннергейма придают сделанные в граните противотанковые препятствия. Даже двадцатипятитонные танки не могут их преодолеть. В граните финны при помощи взрывов оборудовали пулеметные и орудийные гнезда, которым не страшны самые сильные бомбы. Там, где нехватало гранита, финны не пожалели бетона».

Так говорили те, кто создавал линию Маннергейма. Но большевики говорят иначе; большевики говорят словами своего мудрого вождя, словами великого Сталина:

«Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять».

Армию большевиков—Красную Армию, выполняющую приказ партии и правительства, приказ любимой Родины, не смогли остановить на ее победном пути могучие укрепления линии Маннергейма.

Прорыв такой укрепленной линии—дело новое в военном искусстве. В этой области еще не существовало опыта. Не существовало практического решения этой сложнейшей задачи. Впервые в военной истории эту задачу решила Красная Армия.

Советские войска на Карельском перешейке в жестоких боях с врагом захватили 356 железобетонных сооружений и 2 425 дерево-земляных огневых точек, вооруженных 2 204 пулеметами и 273 артиллерийскими орудиями. На развалинах этих укреплений, на руинах знаменитой линии Маннергейма, считавшейся неприступной и неуязвимой, были разгромлены финские войска.

Красная Армия с честью выполнила свою историческую задачу по обеспечению безопасности города Ленина и северо-западных границ нашей Родины: плацдарм для войны против Советского Союза, подготавливавшийся в течение двух десятилетий на Карельском перешейке, разрушен и перестал существовать.

ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ ВОЙНЫ

Вл. Ставский

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В РАЙОНЕ МАЙНИЛЫ

(ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ)

Внеочередная V сессия Верховного Совета СССР, начавшая свою работу 31 октября 1939 года, в первый же день заслушала доклад председателя Совета Народных Комиссаров и Народного комиссара иностранных дел товарища В. М. Молотова о внешней политике Советского Союза.

Сессия постановила единодушно одобрить внешнюю политику Советского Союза.

И вместе с избранниками народа всей душой, всем сердцем одобрили мудрую сталинскую политику Советского Союза в области международной 170 миллионов населения нашей Родины.

Одобрили всем сердцем, всей душой эту политику и 13 миллионов населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Полномочные представители Народных собраний западных областей Украины и Белоруссии прибыли на сессию с декларациями о провозглашении советской власти и с просьбой принять эти области в состав Советского Союза. И в этом тоже звучала победа внешней политики социалистического государства.

В докладе товарища Молотова были с предельной ясностью освещены наши взаимоотношения с Финляндией. Шли переговоры. В условиях той международной обстановки Советский Союз не только имел право, но и обязан был принять серьезные меры для укрепления своей безопасности. Особенно в связи с тем, что Финляндия—это морской подступ к Ленинграду, а ее сухопутная граница в каких-нибудь 30 километрах нависла угрозой над городом Ленина.

Наши предложения Финляндии ограничивались тем минимумом, без которого невозможно было обеспечить безопасность СССР и наладить дружеские отношения с Финляндией. Мы начали переговоры с предложения заключить советско-финский пакт взаимопомощи,—Финляндия отказалась.

Мы готовы были итти навстречу Финляндии в тех вопросах, в которых она была особенно заинтересована. В ответ на явное

миролюбие и добрососедское заявление главы советского правительства товарища Молотова, сделанное им на сессии,—министр иностранных дел Финляндии Эркко выступил по сути с призывом к войне против СССР. Он угрожал Советскому Союзу, заявляя, что знает, на какие силы может опереться Финляндия, какие силы могут обеспечить «нейтралитет и свободу Финляндии».

Естественно, взоры всего советского народа, внимание каждого советского патриота были устремлены к городу Ленина, к северо-западным границам Родины.

От финляндских провокаторов войны, действующих по указке своих заморских хозяев, мы ждали в любую минуту всякой пакости. На советско-финской границе было усилено наблюдение за тем, что затевается там, у врага.

21 ноября, за пятидневку до провокации у Майнилы, я был на границе у моста через реку Сестру, на Выборгском шоссе. Журчала под бугром студеная зимняя вода. Там, за мостом, виднелись столбы и колья проволочных заграждений. Хмуро чернели на той стороне высокие ели, раскачивались под ветром кроны двух гигантских сосен. Словно мрачное воронье, торчали на сучьях сосен финские наблюдатели. Правее сосен, на бугре просматривалось бетонированное сооружение. Дорога за мостом упиралась в противотанковый ров. И еще было ясно видно: всюду следы, всюду большое движение—укрытое, тайное, ночное.

С бугра около Майнилы видна на той стороне реки Сестры деревня Тамисспена. Возвышается большое здание школы. Оно занято солдатами. Подход к школе замаскирован, укрыт свежесрубленными елками.

С товарищами мы прошли вдоль границы по берегу Сестры десяток-другой километров. И всюду дозорные сообщали о приготовлениях врага.

Над землей торжественно шествовала серебряно-голубая ночь. Казалось, можно было разобрать каждую хвоинку на соснах и елях. Из-за дерева вдруг мерцала синяя сталь штыка. Дозор.

Хрусткая тишина. Напряженный слух вдруг поймал отдаленный стук.

Дозорный сообщает, что на той стороне каждую ночь рубят деревья—стучат топоры, с шумом падают сосны и ели. Белофинны все больше выставляют станковых пулеметов, противотанковых пушек.

Враг готовился, затевал провокации. Население финских деревушек было выселено. Ни одного огонька.

А на нашей стороне—жизнь радостная, яркая. Приветливо светятся окна в домах сел и деревенек. Над зазубринами елового леса встает полная светлая луна. Искрится синий снег. И от этого сказочного леса, и от луны, и от звонкого мороза, от милых огней в домах моей Родины—на душе радостно и легко, как в детстве.

Под соснами собираются красноармейцы. В хрустально чистом воздухе задорно звенит молодой смех. Чеканно стучит движок. Начальник клуба с киномехаником спешат—налаживают экран между стволов.

Тут же разговаривают бойцы.

Пулеметчик Молчанов Дмитрий, рыбак с берегов Охотского моря, веско заявляет:

— Что делается за границей—это мы все понимаем. И все их гнездышки—пулеметные и другие, знаем—по ракитам да по соснам!..

В голосе его чувствуется непоколебимая сила убеждения, ясность сознания, уверенность в правоте своего дела.

Проходит над землей ночь: в угрюмо злобных действиях—там, на финской стороне, в живом и чудесном сверкании огней—на нашей.

Днем словно вымирала белофинская сторона. Только наблюдатели на вышках и деревьях чернели в своих тулупах зловещими сычами.

☆

Так шли дни, вплоть до 26 ноября.

Это был обычный наш день на границе. К утру выпал легкий снежок. И воздух был особенно свеж.

В поле, в лесу шли обычные красноармейские занятия. Группа лыжников мчалась по равнине, стремительно спускалась с бугров и косогоров, взлетала на высотки.

И этот мягкий, бодрящий день, и румяные деловые лица красноармейцев, и легкий звон синиц в лесу—все создавало светлое и легкое впечатление.

И вдруг оттуда, с угрюмой финской стороны, резко гукнула пушка. Еще и еще.

По воздуху с нарастающим воем пронеслись снаряды. Они разорвались на нашей, советской стороне. И на свежий снег брызнула кровь.

Так же внезапно, как и открыли огонь, замолкли на финской стороне пушки.

Лежали на снегу убитые наши товарищи. На лицах у них как будто навеки застыла печать недоумения.

Раненым оказывали помощь. Превозмогая боль, они рассказывали о том, как предательски подверглись обстрелу, как снаряды разрывались прямо среди бойцов, занимавшихся учебой на вершине бугра около Майнилы.

Из подразделения в подразделение и на всю страну летела страшная весть.

— Провокация! Финская буржуазия начала стрелять по нашим людям, на нашей земле.

На землю падали синие сумерки. С Балтики рванулся сырой и тревожный ветер. Гулко зашумели сосны и ели, раскачивая черными лапами.

Наступала ночь гнева и скорби. От Майнилы, от полянки, забрызганной кровью дорогих товарищей, мы шли из части в часть—говорили с красноармейцами, командирами, политработниками.

Пулеметчик Спокойчев Дмитрий—высокий и стройный, горячий, страстный—громко сказал:

— Когда выстрелы были—мое сердце огнем занялось! К бою я готов! Как и все мои товарищи! Так я хочу товарища Молотова попросить: «Давайте, товарищи правительство, приказ скорее. Время за все рассчитаться с врагами! Терпения нашего нет».

Всюду—жаркое волнение. Уже обсудили товарищи и сообщение ТАСС, и ноту советского правительства, направленную правительству Финляндии. Всюду—одно: к бою готовы, не терпится, скорее бы приказ.

В кругу бойцов поднимается командир пулеметчиков лейтенант Яковлев, и все слушают его с огромным вниманием.

— Быть готовым—это правильно... Недалек час. А сколько мы перенесли от провокаций, от злобы врага. Я девять лет на финской границе. Провокациям счет потерял. Ну, скоро и провокаторам, и тем, кто ими там управляет, будет крышка...

Скоро утро. Не спят на границе. В сумерках рассвета на бугре около Майнилы чернеют разрывы вражеских провокационных снарядов, алеет кровь наших товарищей.

Вот что случилось 26 ноября 1939 года в районе Майнилы.

Полковой комиссар

С. Ковтуненко

НАКАНУНЕ

Когда глядишь на ту сторону, за границу—все как будто спокойно: леса, холмы и деревья на пригорке. Но присмотришься глазами пограничника и видишь: на сосне примостился финский наблюдатель, за ветками прячется телефонист, а внизу еле заметны покрытые ветвями холмики—это брустверы окопов. Там, в земле—белофинны.

В прошлую ночь они суетились, пробирались ползком к границе и уходили обратно. Утром все стихло, но Выборгское шоссе перерезал свежий окоп, и по бокам в кустах выстроились замаскированные пулеметы.

День за днем глядят пограничники через реку Сестру, и каждый день на том берегу «новости».

Вчера у моста были видны следы свежей земли, и в гору змеей потянулся кабель. Сегодня у сараев можно разглядеть новые окопы.

Потом прогремели выстрелы провокаторов у деревни Майнила.

Никто не созывал людей. Бойцы, командиры, политработники сами собрались на поляну к землянке-клубу.

Трибуной служила автомашина. Начался митинг.

Первым говорил знатный танкист Федор Дудко.

— Нашему терпению пришел конец. Ждем от правительства боевого приказа, чтобы раз и навсегда обуздать зарвавшихся поджигателей войны!..

Младший командир Лушов пошел к трибуне. Не дойдя до нее, он в нетерпении крикнул:

— Чего много говорить? Пошлите наш экипаж первым в бой...

Попрежнему день за днем глядели пограничники через реку. Маскируясь, возились в земле белофинны. Напряжение все возрастало.

Бойцы и командиры целыми днями ощупывали и осматривали каждую деталь своих танков, протирали и смазывали пушки и пулеметы.

День 29 ноября, с утра туманный, начался обычно. Продолжали боевую учебу, а к вечеру мылись, чистились, брились.

Наступали сумерки. Снег падал большими хлопьями на деревья, на танки...

В штабе бригады шло совещание. Командиры и политработники частей, выслушав приказ Военного Совета Ленинградского военного округа, по телефону приказали собрать коммунистов и комсомольцев, а через полчаса—весь личный состав. И вот по лесу понеслось:

— Коммунисты и комсомольцы, на собрание!

Собрались быстро, все как один. Землянка полна. Растет нетерпение.

Дверь распахнулась. В землянку вошли командир батальона капитан Ушаков, комиссар—старший политрук Бекасов и представитель политотдела. Стало тихо. Керосиновая лампа еле мерцала в темноте, освещая тусклым светом потемневшие от ветра лица.

Все внимательно слушают: перейти границу, разгромить финские войска, раз и навсегда обеспечить безопасность города Ленина—колыбели пролетарской революции, безопасность северо-западных границ нашей Родины.

— За нашу любимую Родину!—крикнул комсомолец Самойлов.—За великого Сталина! За главу советского правительства Вячеслава Михайловича Молотова! Ура!

Ура прокатилось из землянки по лесу. Все встали и запели «Интернационал». Бойцы, собравшиеся группами у землянок, еще не зная в чем дело, подхватили пролетарский гимн.

Принята короткая резолюция. Вскакивает с места комсомолец Васин. Говорит воодушевленно:

— За любимую Родину, за великого Сталина буду громить врага, не пожалею своей молодой жизни. Пошлите нашу машину первой в бой!..

— Становись!—раздалось в ротах.

В темноте батальон быстро собрался на митинг. Валил густой снег. Начало подмораживать. Тусклый свет фонаря едва освещал лица ораторов. Гремело красноармейское «ура»...

Ожидали приказа о выступлении в бой.

В 23 часа у комиссара батальона тов. Бекасова появилась в блокноте запись:

«Настроение личного состава боевое. Все рвутся в бой. 82 человека подали заявление о приеме в партию».

Приказано всем спать. Накопить силы для боя. Улеглись, но разве можно уснуть в такую великую ночь!

Кажется, все уже спят, но вот мы входим в землянку, и сразу все открывают глаза.

— Товарищ командир, встаем? Выступать?

— Да спите же, товарищи, спите спокойно, пользуйтесь отдыхом.

Снова все закрывают глаза, будто спят, и только кто-то, не выдержав, глубоко вздыхает и говорит недовольным тоном:

— Чего тянуть, и так уж выспались.

Кажется, все уже спят, но вот окрик часового и еще, еще...

Караульные окликают водителей. Водители один за другим идут к танкам.

— Зачем вы пришли сюда?

— Как зачем? Машину посмотреть.

Людей нельзя удержать в землянках. Мороз становился крепче. Всем хотелось убедиться, не застыло ли масло. Почуяв мороз, потянулись из землянок и водители колесных машин.

— Я снаряды подвожу и патроны. Мне надо все проверить,— говорит Михайлов.

— А у меня горючее, бензин в цистерне,—говорит Алексеев.— Замерзнет радиатор, что я буду делать?

Всю ночь кипела работа. Командиры не спали. Они внимательно изучали исходные позиции, боевой курс, переправу. Уточняли боевую задачу.

И всю ночь работала разведка.

Бойцы поднялись по тревоге. Зашумели моторы, люди еще и еще раз проверяли себя и свое оружие, каждый мысленно прикидывал, как будет форсировать реку, преодолевать рвы, надолбы, уничтожать вражеские противотанковые орудия и пулеметы.

Мимо танков проходили части, подтягивались резервы, шел второй эшелон.

Связисты непрерывно проверяли линию. Ночью прошла тяжелая артиллерия—туда, к самой границе. У реки в лесу, широко по фронту, рассыпалась пехота.

Танкисты ожидали сигнала. Забрезжил рассвет. Было без пяти минут восемь. Все стихло вокруг...

Без одной минуты восемь. Бледнеет восток. Ни звука. И вдруг разом в тысячах мест блеснули зарницы гаубиц, заревели тяжелые дальнобойные орудия. Непрерывно свистели и разрывались снаряды. Глухо били крепостные орудия. Это вступил в бой Кронштадт и его форты.

Небосклон стал краснеть, потом вспыхнуло яркое пламя. Горел финский кордон. Белофинны стали отвечать из пулеметов. Запели пули. Артиллерия белофиннов, едва успев сделать три выстрела, была раздавлена ураганом металла.

Стихла канонада. Двинулась вперед пехота. Зашумел, закачался лес. Это стальная лавина танков, преодолев реку, устремилась на врага. На башнях было написано: «За Родину, за Сталина!»

Сержант

К. Кравченко

ТАК НАЧАЛОСЬ

В казарме было весело и шумно. Время подходило к ужину. После ужина—кино.

— Товарищ отделенный командир, вас вызывают в штаб,—сообщил мне дневальный.

Я шел и раздумывал. Положение на границе напряженное. Что-то меня ожидает в штабе?

Явился к командиру батальона капитану Аксенову.

— Товарищ Кравченко, поручаю вам выполнение ответственной задачи,—сказал мне капитан Аксенов.—Нам известно, что белофинны предпринимают различные военные меры против нас. Ваша задача: вести самое тщательное наблюдение за белоостровским железнодорожным мостом. Все, что увидите, записывайте и обо всем докладывайте мне. Командир роты выделит вам отделение бойцов. В случае боевых действий задача вашего отделения—захватить мост, не допустить, чтобы его взорвали. Действуйте решительно и смело. Задача ясна?

— Ясна, товарищ капитан!

Это была первая порученная мне боевая задача.

Вернувшись в казарму, я принял отделение. Мы взяли необходимые для наблюдения приборы и двинулись в путь. Перед уходом я написал записку своему товарищу: «Петя! Смотреть кинокартину сегодня не буду. Иду выполнять боевой приказ. Подробности узнаешь после. С комсомольским приветом. Константин...»

...Когда заговорила наша могучая артиллерия, я скомандовал своим окопавшимся бойцам:

— Отделение, вперед, за мной!—и мы бросились на железнодорожный мост.

Белофинны открыли по мосту пулеметный огонь. Наша артиллерия уничтожила пулеметное гнездо. Враг был сбит и стремительно отступал. Мы осмотрели мост и полотно—все было цело. Белофинны при отступлении не успели его взорвать.

Под рельсами у самого моста мы обнаружили хитро замаскирован-

ные мины. Быстро вытащили их, сложили под откосом и поставили знак.

Не теряя времени, отделение вместе с ротой направилось вперед. Сквозь лес мы разглядели белый дом финской пограничной комендатуры. Из окна застрочил пулемет. Дом был сразу окружен, и пулемет замолчал.

Командир взвода лейтенант Лехтовецкий, взяв с собой шесть человек, повел нас к комендатуре. Взломали прикладами дверь, вошли внутрь. На окне стоял станковый пулемет с лентой. Вскоре мы нашли и пулеметчика: он спрятался в шкафу под висевшей там одеждой. Это был первый шюцкоровец, взятый нами в плен...

После обеда командир роты приказал произвести разведку приморского шоссе, и если обнаружим мины,—уничтожить их.

Продвигаясь вперед по шоссе, мы внимательно осматривали дорогу и перекрестки. Один перекресток показался подозрительным. Из-под снега кое-где виднелась солома. Осторожно разгребая снег руками, я нашел мину, похожую на кастрюлю. Вспомнив порядок расстановки мин, я уже без особого труда определил, где находится вторая.

Мина была незнакомой системы. Посредине—медный стержень. Металлическая оболочка выкрашена в коричневый цвет. Тщательно осмотрев мину, я увидел, что стержень вывинчивается. Это и был взрыватель. Так мы открыли простой секрет финской (английской) мины.

Узнав, как обезвреживать эти «сюрпризы», бойцы начали расчищать минное поле. На сравнительно небольшом участке мы вынули 40 замаскированных мин, разрядили и уничтожили их.

За два дня боев с белофиннами мое отделение не только выполнило задачу по захвату моста, ознакомилось со многими видами препятствий, но и научилось быстро их преодолевать под огнем противника. Эта наука боевых дней принесла нам впоследствии громадную пользу.

Герой Советского Союза

В. Галахов

ТРИДЦАТОЕ НОЯБРЯ

Это было в первый день войны с белофиннами. Наш полк с боем пробивался через полосу заграждений возле деревни Липола.

Я со своим отделением связи выполнял задание командира батальона. Со мной было пять красноармейцев. Мы взяли полное боевое вооружение и снаряжение, какое полагается связисту: два телефонных аппарата, инструмент, на спину—красноармейский ранец, к поясу—по две гранаты. Еще винтовку, конечно, и по 30 патронов на каждого. Отправились в путь.

Как только вышли с командного пункта, сразу очутились в лесу. Утро вначале было хорошее, ясное. Солнышко пригревало, а потом погода совсем испортилась. Небо, оплыв облаками, потемнело. Пошел мокрый, тяжелый снег, подул резкий ветер, наметая сугробы по просекам.

Пробираемся мы по лесу, к каждой ветке присматриваемся, потому что финны кругом насажали своих снайперов—«кукушек»—с автоматами.

Выбрались мы на опушку, а там наша рота залегла. Дело свое сделали, ждем приказаний командира роты...

Враги сильно укрепились. Были у них проволочные заграждения, противотанковые гранитные надолбы, траншеи, а в самой деревне Липола—почти в каждом доме огневая точка.

Командир роты Медведев готовил удар по правому флангу, а из крайнего дома деревни несмолкаемо били пулеметы. Пробиваться при такой огневой завесе—значило вести бойцов на верную гибель.

Командир роты увидел меня и сказал:

— Бегите, Галахов, вон на ту высотку, там пулеметный взвод залег. Скажите, чтобы накрыли тех белофиннов, которые бьют из желтого дома.

Я побежал через лес, а кругом такая стрельба, что невольно прячешь голову и бежишь, пригибаясь. С трудом разыскал коман-

дира взвода, передал приказание. Он выкатил «Максимку», пристрелялся и несколькими очередями подавил огонь врага. Больше из этого дома не стреляли.

Слышу—командир роты Медведев кричит:

— Ура!..

Бегу обратно и вижу, что бойцы пошли в атаку на деревню. Я тоже повел своих связистов.

Финны, не выдержав натиска, отошли немного, но дальше нас не пустили. Из долговременной огневой точки (дота) они повели бешеный огонь. Медведев дал приказ залечь.

Укрылись мы за гранитными надолбами, стреляем оттуда, поджидая, пока наша артиллерия подавит дот.

— Что же, товарищ командир отделения, долго мы здесь лежать будем?—обратился ко мне с вопросом красноармеец Сверличенко.

Я знал, что замаскированная долговременная огневая точка финнов мешает продвижению пехоты. Поэтому, когда залег, все время наблюдал за стрельбой противника. Старался определить, где же этот проклятущий дот. Нельзя ли захватить его каким-нибудь обходным маневром или хитростью?

— Огонь из дота сдерживает наступление нашего батальона,—ответил я Сверличенко.

В конце деревни виднелась небольшая возвышенность, окруженная мелким кустарником. Впереди была лощинка, а позади громоздился густой хвойный лес.

Про себя я подумал: «Не дот ли это? Уж очень удобная горка... Всю деревню прикрывает».

Решил пробраться к этой возвышенности. Рассказал бойцам про свой план, поднял их, и ушли мы из-за надолб в лес. Вначале пробирались короткими перебежками, а потом, когда достигли кустарника, пришлось ползти. Все труднее и труднее становилось двигаться. Что это дот, я уже не сомневался. Заметил там каменное строение в рост человека, сложенное, как видно, из гранитных валунов и залитое цементом. С четырех сторон—узкие проходы, как незастекленные окна в новом доме, и ни одной двери!

Ползем мы все шестеро, маскируясь в кустарнике. Финны и не подозревали, что к ним так быстро могут пробраться советские бойцы. Они продолжали вести огонь из противотанковых пушек и пулеметов, стараясь задержать нашу пехоту.

Незаметно, переползая из ямы в яму, прикрываясь заснеженными кустами, подползли мы к доту. Осталось до него метров тридцать. Дальше уже ползти нельзя,—финны нас обнаружили и открыли огонь.

— Гранаты!—отдал я приказ и первым бросил гранату. Она глухо разорвалась в середине прохода, осветив пламенем падающих финнов. Вслед за ней полетели гранаты моих бойцов.

— В атаку!—командую я.

Зная, что бойцы идут за мной, поднимаюсь и бегу к доту.

Меня встречает редкий винтовочный огонь недобитых шюцкоровцев. Врываемся через узкий проход в дот, бьем прикладом и штыком...

— Ура! Дот наш!—кричу я.

Но радоваться было рано. Финны обнаружили, что их огневая точка захвачена, и бросили часть своих сил против нас.

Я расставил бойцов по проходам, и мы частым винтовочным огнем отбили первую контратаку.

— Товарищ командир,—обратился ко мне боец Павлов,—я могу стрелять из этого орудия,—показывает он на захваченную противотанковую пушку.—Снарядов здесь до чорта. Может, повернуть ее да жахнуть по финнам!

— Молодец Павлов! Дельно придумано.

Оставив в проходах красноармейцев Балкова и Орлова на случай новой атаки противника, я вместе с бойцами Сверличенко, Стародубцевым и Павловым вытащил противотанковое орудие из дота. С трудом, под непрекращающимся огнем врага, развернули его, поднесли снаряды, но вдруг я заметил растерянность на лице Павлова. Он что-то напряженно искал в самом доте и вокруг него. Ползал по снегу, разрывал сугробы, не обращая внимания на то, что ему ежесекундно грозила смерть. Он был отличной мишенью.

— Что случилось, Павлов?

— Беда, товарищ командир. Белофинны замок с орудия стащили,—волнуясь, ответил боец.

— Как я раньше не заметил, что замка нет?—говорил он про себя, продолжая поиски.

— Товарищ Павлов, возвращайтесь в дот! Убьют!—крикнул я. Но он буквально взмолился:

— Товарищ командир, разрешите еще минуточку поискать. Не могли они его далеко забросить...

Боец Стародубцев стал помогать Павлову в его поисках.

Внезапно раздались выстрелы... Стреляли Орлов и Балков, заметившие группу противника в кустарнике.

— Огонь!—скомандовал я.

Все мои бойцы открыли беглый огонь по врагам, снова отступившим в лес.

Когда атака была отбита и наступила тишина, я услыхал стон. Обернулся, вижу шагах в пяти от прохода ползет Павлов и стонет. Бросился к нему на помощь, а Павлов был не один. Будучи смертельно ранен, он не оставил врагу своего убитого друга Стародубцева. Теряя последние капли крови, тащил его на себе к доту.

Я перенес Павлова в укрепление. Накрыл его своей шинелью. Орлов принес туда тело Стародубцева. Новая атака белофиннов не позволила сразу сделать перевязку Павлову.

Он лежал в углу. Улыбка блуждала на его губах. Лицо заострилось, но глаза, несмотря на мучительную боль, светились тихой радостью.

— Товарищ командир...—звал он меня.—Замок...—шептал он пересохшими губами. Ему тяжело было говорить, он задыхался.—Я нашел замок... Он в кармане... Бейте этих гадов!.. Прицел...

Павлов начал бредить...

Очередная атака финнов оторвала меня от умирающего героя.

— Товарищ командир, патроны кончаются!—закричал мне с крайнего прохода боец Сверличенко, продолжая стрелять с колена.

— У меня тоже!—подал голос Орлов.

— У меня только пять штук осталось!—доложил Балков.

Положение наше становилось критическим...

Я сменил бойца Сверличенко у прохода, приказав ему:

— Ползите к своим, доложите обстановку. Пусть шлют помощь и патроны.

— Есть доложить обстановку и привести помощь, товарищ командир,—повторил приказ Сверличенко.

Вскоре он сумел незаметно выползти из дота.

Не прошло и нескольких минут, как финны снова повторили атаку. Теперь я потерял последних бойцов. Орлов и Балков были убиты. Я остался один.

— Что же теперь делать?—думал я.—Оставить дот нельзя. Если белофинны займут его снова, то батальону, пожалуй, не прорваться. А что сделаю один, без патронов?

Раздумывать было некогда... Я ходил от одного прохода к другому, ожидая новой атаки.

«Даром я им не дамся!»—решил про себя и еще настороженнее стал присматриваться к ложбинке, через которую они могли подобраться ко мне. Вскоре заметил нескольких финнов, ползущих в белых халатах. Уложил четырех, а остальные разбежались.

Патронов у меня больше не было. Посмотрел: у убитых шюцкоровцев в подсумке патроны (у своих павших бойцов я еще раньше забрал весь остаток патронов). Попробовал вставить обойму в ствольную коробку—не лезет. Стал загонять патроны по одному—пошли. Забрал я у убитых белофиннов все патроны, три пистолета, документы. Встал у центрального прохода лицом к лесу и притаился.

Спускались сумерки. Где-то близко слышался глухой звук разрывающихся снарядов, яростно выли пролетающие мины, свистели пули. Только в каменном мешке дота стояла зловещая тишина...

Опять увидел ползущих финнов. Теперь они окружали меня. В темноте их стало труднее различать. У меня от напряжения даже глаза заболели, слезиться начали. Подпустил их поближе и давай крыть... Бегу от прохода к проходу, веду частый огонь. Стремлюсь создать видимость, что нас здесь много. Заметались белофинны и снова отступили.

Вдруг недалеко разорвался снаряд, за ним—второй, почти у дота. Волной воздуха меня подхватило и ударило об стену. Не успел притти в себя, как разорвался третий снаряд—у самого прохода...

Сколько я лежал без памяти—не помню. Очнулся от боли. В доте совсем темно. Нащупал рукой больное место на бедре—

чувствую мокро, торчит что-то твердое. Закусив губы, вытащил осколок, хотел перевязку себе наложить, да сразу вспомнил, где я нахожусь, и ползком добрался до прохода.

Послышалось, что сзади кто-то возится... «Теперь,—думаю,—конец! С другого прохода подошли».

Взял пистолет, прижался к стене, жду...

На небе к тому времени тучи разогнало, звезды заблестели, показалась луна.

Снова услышал шорох. Теперь совсем близко... Вижу: среди убитых шюцкоровцев поднимается один. Проползет немножко и снова ляжет, потом опять ползет, а в руках финка блестит.

«Недобитый или притворялся?..»

Еще ближе ко мне подползает. Он меня как будто не видит, а я его при луне отчетливо вижу. Только я поднял пистолет, как он кинулся на меня. Но я успел его уложить и... снова потерял сознание.

На этот раз я очнулся от грохота. Мой подвал дрожал, как будто его трясла лихорадка.

«Танки!—подумал я.—Значит, наши прорвались!»

Стало легче на сердце. А рана ноет нестерпимо. Собрал я свои пожитки. Поджидаю своих, прислушиваюсь.

Где-то рядом говорят. Узнал я голоса Зуйкова, Сидорова, Богданова из моей роты.

Взял оружие, выхожу к ним.

— Товарищи!—кричу. Они ко мне бегут. Обрадовался, что свои подошли, и они мне тоже обрадовались.

— Мы думали, Галахов, что вас и в живых нет,—говорит Богданов.—Нам Сверличенко про все рассказал... Герои вы, одно слово!

— Ничего! Все в порядке, товарищи. Мне еще жить хочется. Где командир?—спрашиваю я у них.

— А чего хромаете? Ранили, что ли?—спрашивает меня Зуйков.

Тут я почувствовал боль в ноге. Понял, что меня и в ногу ранили. Но вижу—бойцы в наступление идут. Решил их не беспокоить:

— Ногу отсидел.

— То-то, богатырь! Командир роты в той лощине. Там найдете его командный пункт.

Пошел я в лощину, чувствую, что не могу итти. Опираюсь на винтовку, зубами скриплю, а иду. Нашел командира, докладываю:

— Занял вражеский дот. Удерживал его до прибытия наших частей. Имею потери—четыре человека.

Хотел было доложить, что ранен я, да увидел его сумку и вспомнил про офицерские сумки в доте. Как же это я забыл их взять с собой? Может, там важные документы—карты я сам видел.

— Товарищ командир роты, разрешите вернуться в дот? Я там с убитых офицеров сумки снял с картами и документами. Принесу их.

— Идите, только возьмите с собой нескольких бойцов,—сказал командир.

Иду я с бойцами обратно в дот. Иду и чувствую, что сил моих нет, а вида не подаю. С бойцами шучу, стараюсь показать, что не ранен.

Забрали документы, принесли их на командный пункт, сдали командиру роты. Он меня отправил на отдых.

Кое-как добрался я до сарая. Снял обувь, перевязал ногу, а снова сапог надеть не могу. Ногу всю разнесло, да и бедро болит отчаянно. Все же кое-как обулся.

Зовут ребята ужинать. Откуда только у меня аппетит появился. Так никто из товарищей и не заметил, что я ранен. Только на другой день увидели. Не хотелось ехать в госпиталь, да врачи уговорили:

— Ранение, Галахов, серьезное. Обязательно ехать надо.

Пришлось уехать, а не хотелось. Жалко было с товарищами расставаться.

И то сказать: пробыл один день на фронте и сразу же угодил в госпиталь.

Вернулся я на фронт только 24 января.

Летчик

М. Борисов

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЕТЧИКА-ИСТРЕБИТЕЛЯ

В ночь с 29 на 30 ноября был получен приказ командующего о переходе границы.

Наступило 30 ноября 1939 года. Было еще темно, но люди были в полной боевой готовности. Техники еще и еще раз осматривали самолеты, летчики проверяли вооружение. Стрелка часов подходила к восьми. Как только она стала на цифру восемь, весь горизонт сразу побагровел от вспышек орудийных выстрелов. Раздался залп многих сотен орудий. За первым залпом последовала непрерывная канонада.

Рассвело. По небу плыли низкие густые облака. Вылетать в такую погоду нельзя. А все так рвались сразиться с противником! Ждали весь день, но так и не пришлось вылететь.

Утром 1 декабря все поднялись в хорошем настроении. Погода явно улучшалась. Сидим в самолетах, ждем приказа о вылете.

Вдруг из землянки, где помещался штаб эскадрильи, выбегает командир... «Запускай моторы!»—раздалась команда. Летчики и техники только этого и ждали. Вмиг заревели моторы. Не прошло и нескольких минут, как эскадрилья была в воздухе и взяла курс на Выборг.

Подлетая к границе, мы увидели сплошное зарево. Дым от пожарищ поднимался высоко. Еле пробились через него.

Наконец, линия фронта осталась позади, мы—над территорией противника. Молчит земля, как бы притаившись и выжидая; на ней не видно ни одного живого существа, как будто все вымерло.

Все напряженно смотрят вокруг. Вдали появляется точка. Она все увеличивается и приближается к нам. По сигналу командира эскадрильи Шинкаренко, ныне Героя Советского Союза, идем навстречу. Уже вырисовываются контуры вражеского самолета. Шинкаренко со своим звеном бросился на него, и тот, не ожидавший встретить нас так далеко от линии фронта, стал падать, сбитый меткими пулями Шинкаренко и Григорьева.

Выполнив задание, мы взяли курс на свой аэродром. Линия фрон-

та хорошо выделяется пожарищами на финской территории. Еще несколько минут—и мы дома. Так получили мы боевое крещение...

Мы прикрываем свои войска, которые форсируют реку Тайпалеп-йоки. За рекой находится укрепленный район противника. Звено старшего лейтенанта Ларионова, ныне Героя Советского Союза, в котором шли лейтенант Покрышев и я, получило задание прикрыть переправу, а затем сбросить листовки над укрепленным районом.

Заревели моторы—и мы в воздухе. Внизу находятся наши войска. В предутренней мгле они еле различимы. Патрулируем над рекой и видим, как наши наводят понтоны. Бьет артиллерия. Хорошо видно, как рвутся снаряды в укрепленном районе противника. Но вот по нашим самолетам стали бить зенитки, снаряды разрывались слева от нас. Мы отошли от этого места.

Когда нас сменило другое звено истребителей, мы пошли в укрепленный район противника со стороны Ладожского озера, чтобы сбросить листовки. Облачность местами доходила до 100 метров. Шли на высоте 70—80 метров. В пути попали под зенитный огонь. Ларионов и я шли рядом, а Покрышев отстал, и когда мы выскочили на пункт, противник открыл огонь из пулеметов. Мы не видели, откуда стреляют, но Покрышев, шедший сзади нас, заметил огневую точку и молниеносно атаковал ее. Ларионов также повел атаку на зенитную точку. В первый момент противник отстреливался, но, когда мы засыпали его свинцом из пулеметов, огневая точка замолчала. Это была наша первая встреча с зенитками противника. После мы часто попадали под обстрел зенитки, но всегда было достаточно нескольких очередей, чтобы противник прекратил огонь.

Утро 23 декабря. Замечательная погода—«миллион высоты», как говорят летчики. Снег так и похрустывает под ногами. Среди летного состава оживление, слышны смех и шутки летчиков, рассказывающих о неожиданных столкновениях и встречах с врагом. Звонок телефона. Сразу все замолчали. Звонят из штаба. Шинкаренко получает задание на вылет. Лица у летчиков засияли,—опять есть работа, а то сидеть скучновато. Блеснули на солнце винты, и воздух вздрогнул от мощного рева моторов. Вот уже самолеты пошли на взлет, построились и двинулись к линии фронта. Техники провожают взглядом свои машины, затем идут в землянку отогреться: ведь у них будет много работы, когда вернутся самолеты.

Пролетаем линию фронта. Вот мы уже над заданным районом нашего патрулирования. Внимательно смотрим по сторонам. Недалеко прошли скоростные бомбардировщики, блестя плоскостями, промчались «чайки» (истребители), а вот в стороне компактно и грозно мчится еще девятка наших истребителей. Торопятся. Значит, где-нибудь есть работа. Вдалеке замечаем силуэты наших бомбардировщиков. Они возвращаются. Но что это? Они идут разорванным строем. Несколько самолетов отстали. Напрягаем зрение и видим, как около отставших наших самолетов кружатся маленькие силуэтики. Это истребители противника.

Шинкаренко разворачивается, и мы на полном газу летим на выручку товарищам. Подоспели во-время. Зато сами попали

в невыгодное положение, так как, идя с принижением, потеряли высоту. Противник оказался выше нас метров на четыреста. К тому же он имел численное превосходство. Идем в атаку. Сверху на нас сыплются финские истребители «Фоккер Д-21». Мы их встречаем на лобовых атаках. Атаки быстры, молниеносны: кто кому зайдет скорее в хвост. Вот уже мы поднялись выше и деремся на одной высоте. Наконец, сопротивление сломлено, и вражеские самолеты разлетаются в разные стороны—кто куда, лишь бы уйти. Но не тут-то было. Здесь уже пошла драка один на один. Противник уходит из боя с переворота. В то время когда он делает переворот и самолет на миг как бы застывает в прицеле, мы бьем его, как куропатку.

Вот Покрышев зажег одного, и тот падает к земле, разваливаясь на части. Тов. Булаев жмет противника к земле, тот старается как-нибудь увильнуть, но не таков Булаев, чтобы выпустить врага. Мгновение—и противник, блеснув хвостом, врезался в землю. Куда ни посмотришь—везде одиночные поединки. Теперь уже видно, что преимущество на нашей стороне.

Неожиданно замечаю в стороне самолет противника, разворачиваюсь и лечу к нему. Он боя не принимает. Хочет уйти от меня пикированием. Я погнался за ним. На пикировании он, стараясь уйти из прицела, все время выворачивал машину и дымил неимоверно. Даю полный газ. К земле мы падали камнем, скорость была ужасная, даже очки с лица срывало и их приходилось придерживать рукой. Уже близко земля, но противник не выводит самолета из пикирования, пикирую и я. Наконец, перед самой землей он резко выхватывает машину и идет над самыми верхушками деревьев. Противник думал, что я не успею вывести машину из пике и врежусь в землю. Враг просчитался. Я опять у него в хвосте. Он идет и виляет хвостом из стороны в сторону, не давая вести прицельный огонь. Даю по нему очередь, другую, и вдруг у меня отказывают пулеметы. Перезаряжаю, но бесполезно, пулеметы молчат. Делать нечего, приходится бросать недобитого противника и итти обратно. Но тут вижу, что я увлекся преследованием и далеко ушел от своих.

Осмотрелся. Нет никого—ни наших, ни противника. Беру курс домой. В стороне вижу: дерутся два самолета. Издали не разобрать, какой наш, какой противника. Белая полоса на плоскости наших самолетов и белый круг на плоскости противника сливаются. Очень трудно разобрать. Иду к месту поединка, хотя у меня пулеметы и не стреляют. Все же держу оба самолета в прицеле. Вдруг один из самолетов на миг замер и рухнул на землю. Другой, как видно, заметил меня и идет навстречу. Я приготовился, всматриваюсь: свой или противник? Уже можно различить красную звезду на фюзеляже. Она гордо блестит на солнце, как бы празднуя победу над врагом. Обрадованный, я узнаю самолет командира своего звена—старшего лейтенанта Ларионова.

Быть в глубине территории противника одному, скажем прямо, неприятно.

Набираем высоту. Наших уже нет. Ушли домой. Смотрю назад и вижу невдалеке группу из четырех самолетов. Показываю Ларионову. Идем к ней. Идем в лоб. Два самолета отделяются и на полном газу уходят в глубь вражеской территории. С другими двумя мы столкнулись на лобовых. Но атаки были недолгими, противник, не выдержав, бросился удирать. Горючее у нас было на исходе, преследовать не стали.

Когда подвели итог боя, было установлено, что сбито десять вражеских самолетов. На наш аэродром не вернулось два летчика.

В следующий раз получил задание итти на Лаппенранту и прощупать озера до самой Иматры, так как на некоторых из них находились вражеские самолеты. Подлетая к Выборгу, попали под обстрел зенитной артиллерии, но быстро вышли из зоны обстрела и взяли курс на Лаппенранту. Противник, как видно, заметил нас и сообщил своим истребителям о том, что мы летим в их сторону. Подлетая к одному местечку, мы увидели на белом фоне озера силуэты выруливающих и взлетающих самолетов. Мы камнем посыпались на них и пулеметными очередями уничтожили их еще на взлете. Все же некоторые из них успели подняться в воздух. И тут завязалась недолгая, но страшная схватка.

Выводя самолет из пикирования, я вдруг увидал, что к одному из наших самолетов пристроился в хвост истребитель «Фоккер Д-21» и строчит по нему из пулеметов. На раздумье времени не было. Бросился на помощь товарищу. Завязалась схватка с противником. Я удачно зашел ему в хвост. Он пробовал уйти пикированием. Но это ему не удалось. Пули настигли его во-время, он неловко повернулся и рухнул в лес.

В это время Зуев и Муравьев гонялись за другим самолетом, но у них почему-то шасси были выпущены, и противник стал уходить. Однако уйти ему не пришлось. Его заметил летчик Сереженко. Он молниеносно налетел на противника и огнем своих пулеметов уничтожил белофинна.

Семь самолетов противника попали под пули наших летчиков и были расстреляны. Зенитная артиллерия противника открыла было огонь, но опоздала: «Фоккеры» были уничтожены. Командир девятки старший лейтенант Михайлюк подал команду: «Сбор!». Мы пришли домой в полном составе.

...Летчики сидели в самолетах и ждали, когда прилетят наши скоростные бомбардировщики. Нам было поручено их сопровождать. Из-за леса показалось звено, за ним—другое, третье. Запускаем моторы истребителей. Взлетаем и присматриваемся к бомбардировщикам. Идем по направлению к Кархуле. Не успели еще пролететь линию фронта, как зенитная артиллерия противника открыла огонь. Неожиданно у одного из бомбардировщиков задымил мотор. Самолет резко свернул в сторону и направился на свою территорию. Снаряд зенитки попал ему в мотор, зажег его. Тогда командир наших истребителей тов. Шинкаренко повел свое звено на помощь подстреленной машине.

Бомбардировщик все больше и больше дымил, вот уже пока-

залось и пламя. Самолет шел со снижением. Наступали критические минуты. Неизбежна посадка на территории противника. Другого выхода не было. Внизу блеснуло большое озеро. Пылая, бомбардировщик удачно приземляется, немного скользит и закрывается дымом. Тут противник с берегов озера открывает по севшему самолету ружейно-пулеметный огонь. Подходить к самолету белофинны не рискуют. По самолету начинает бить артиллерия. Экипаж бомбардировщика выходит на озеро. Фигуры летчиков нам хорошо видны. Огонь противника по озеру и воздуху усиливается.

Звено под управлением тов. Булаева пошло на подавление огня артиллерии. Через несколько секунд артиллерия противника умолкла. Мы непрерывно атакуем пулеметные точки. Как только на берегу вспыхнет огонек пулемета, смотришь, уж там пикирует наш самолет и заставляет противника замолчать.

Сбросив бомбы на укрепленную полосу противника, возвращаются звеньями бомбардировщики. Вот они подошли к месту посадки своего товарища. От группы отделяется один самолет. Он идет на посадку. Белофинны, на время прекратившие огонь, усиливают его сейчас во сто крат. Но бомбардировщик смело и упрямо снижается. Лыжи его, вздымая снежную пыль, недолго скользят по озеру. Вот он остановился. Подруливает. Экипаж подбитого бомбардировщика быстро вскакивает на самолет. Истребители же в это время непрерывно атакуют огневые точки врага. Погрузка закончена. Самолет пошел на взлет. Теперь он в кругу своих. Скоростные бомбардировщики, одевив его, легли на курс и пошли домой.

Командир девятки истребителей тов. Шинкаренко решил ничего не оставлять врагу. Дает сигнал расстрелять оставшуюся на льду озера машину. Несколько очередей, и подбитый самолет загорается с утроенной силой.

Белофинны не могли скрыть свою злобу на истребителей, которые выручили свой экипаж и не дали им подбитый самолет. Они с еще большим ожесточением открывают пальбу, но безрезультатно.

В этот день среди летчиков царило веселье. Радостно и приятно было у всех на душе.

На другой день на имя командира эскадрильи тов. Шинкаренко пришла телеграмма от командира бригады скоростных бомбардировщиков тов. Никонова. Он благодарит его и всю эскадрилью за помощь, оказанную экипажу подбитого самолета.

Вл. Ставский

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Н. УГРЮМОВ

Утром 30 ноября начался славный путь батальона капитана Угрюмова. Над черными вершинами елей в полнеба ударили грозные огневые всплески. От гула вздрогнула земля. С рокотом пронеслись в высоте снаряды на вражескую сторону.

На том берегу реки Сестры полетели обломки разбитых логовищ врага, запылали белофинские казармы.

Артдивизионы в 8.30 перенесли огонь в глубину. Над сумрачной долиной реки взметнулись ракеты. Они рассыпались зелеными пятизвездиями.

Командир батальона капитан Угрюмов не ложился ни на минуту в эту ночь, проверяя дозоры, обходя подразделения. Сейчас он был на своем наблюдательном пункте над обрывом у реки. Здесь же, над обрывом взвод станковых пулеметов вел огонь, чтобы сковать противника.

Правее—4-я и левее—6-я роты уже прошли на ту сторону реки. Комбат, не видя из-за леса движения рот, тоже перешел на тот берег со своими посыльными и связными от рот. Штаб батальона был в землянке в лесу.

Роты стремительным броском заняли лесистые бугры за долиной реки, бойцы углубились в лес. И тут была первая неожиданность: никто не видел врага. На дороге вдоль границы громоздились завалы. Вражеские окопы были пусты.

Капитан Угрюмов, двигавшийся с 4-й ротой, приказал командирам рот усилить боевое охранение, держать роты собраннее, чтобы не прерывалась зрительная связь.

Перед батальоном стояла задача: перерезать полотно железной дороги Белоостров—Терноки и Курносовское шоссе. Дальнейшая задача—к исходу дня овладеть Териоками.

У противника, по данным разведки, были самокатная рота, кавалерийский эскадрон, бронепоезд. Это—против батальона. Но противник мог подбросить силы. И сведения разведки могли оказаться неточными, устарелыми. Какие силы белофиннов будут отходить от Белоострова?

Комбат бросил влево 6-ю роту лейтенанта Баранова с задачей прикрыть батальон от удара с фланга. 4-я рота наносила решающий удар. 5-я двигалась во втором эшелоне уступом между рот.

Вдруг откуда-то из-за сосен и берез, из-за бугорков затрещали выстрелы. 4-я рота залегла. Командир ее лейтенант Мухамедзянов вопрошающе глянул на комбата.

Капитан Угрюмов приказал:

— Вышлите взвод. Поставьте задачу: обойти справа, разведать, захватить врага.

Через мгновение взвод младшего лейтенанта Светлова исчез в болотистом лесу. Вскоре впереди загремели выстрелы. Потом раскрасневшийся, запыхавшийся связной доложил, что группа белофиннов сбита и откатилась.

Рота двинулась вперед. Капитан Угрюмов оценивал обстановку: «Противник действует мелкими группами. Он хочет нас измотать. Ну, я его сильнее измотаю!»

На окраине деревушки Лутахантя красноармейцы Чуримов и Литвиненко, заметив огонь из окопа, бросились туда с двух сторон. Но и оттуда белофинский снайпер успел сбежать. Красноармейцы увидели в окопе щегольскую офицерскую шинель, кожаную сумку с документами. Они кинулись в окоп.

Тотчас с грохотом разорвалась предательская белофинская мина. Раненым была оказана помощь. Капитан Угрюмов опять передал по телефону командирам рот приказание ускорить движение, развивая успех, и зорко смотреть под ноги, остерегаться мин.

Белофинны откатились от деревни Лутахантя. Капитан Угрюмов любовно смотрел, как ловко, скрытно обследовали деревню бойцы взвода лейтенанта Шведова. И вот—на кирке затрепетало алое знамя.

— Молодец!—одобрил комбат, вспоминая, как лейтенант Шведов обещался первым водрузить красное знамя в этой деревне—еще там, на исходном положении.

За деревней телефонная связь с полком прервалась.

Роты стремительно продвигались вперед. Запорошенные снегом, еле видны были белые шнурки, куски проволоки—все это были мины, фугасы, расставленные врагом. На одну из мин попал командир пульвзвода лейтенант Спирин. Он был убит. Пулемет взорвало. Больше потерь от мин не было. Красноармейцы замечали их, обходили без вреда для себя, ставя значки—сигналы для товарищей, которые пойдут следом.

И снова—на этот раз через связных—комбат приказал командирам рот: не распылять силы, держать в руках роты, держать живую связь цепочкой—действовать приходится в лесу. Усилить бдительность.

Комбата догнал начальник штаба батальона старший лейтенант Дорошенко. Он сообщил, что переправа через Сестру рухнула под танком, строится другая. Приданные средства усиления задерживаются. Задерживаются и батальонные тылы.

— Вперед! Развивать успех!—приказал комбат.

Оставив за себя начштаба Дорошенко и поручив ему взять в свои руки связь с подразделениями, капитан Угрюмов поскакал со взводом разведчиков вперед, по дороге. Справа и слева стояли стеной сосны. Угрюмов с командиром разведчиков скакали рядом, впереди взвода, метрах в семидесяти. Звонко били копыта. Вдруг командир разведчиков привалился к плечу Угрюмова.

— Товарищ командир, держитесь в седле!—строго крикнул Угрюмов. И, повернувшись, увидел, как падал командир, убитый двумя пулями в голову. Угрюмов в то же мгновение свалился с седла, оставив левую ногу в стремени. Он был любителем конного спорта, великолепным наездником и рубакой, и сейчас это спасло его. Притворившись убитым, он обманул врага. Взвод разведчиков уже свернул с дороги в лес. Лошадь с Угрюмовым прискакала к другим лошадям. Угрюмов бросился к разведчикам:

— Почему не стреляете?

Белофинская засада вела яростный огонь, а тут—молчали два ручных пулемета.

Разведчики по приказанию Угрюмова пустили в дело оба пулемета. Завязался бой.

Подошла 4-я рота. В обход вражеской засады выбросился взвод.

По тому, с какой взволнованной радостью и блеском в глазах встретили его бойцы и командиры, капитан Угрюмов почувствовал, как никогда ярко и глубоко: его и всех этих людей связывает огромная боевая дружба, дружба беззаветно преданных Родине, общему делу патриотов.

Через три дня в финском домике на берегу моря Угрюмов рассказывал мне про эту разведку и, добродушно посмеиваясь, признался:

— Я до первого боя,—чего только не думал про войну! Занимаешься дома, и вдруг представляется тебе картина: мой батальон идет в атаку. Сигнал. Я наблюдаю за ротами. И вижу—одна рота отстает. Я—в седло, на свою «Красотку». Шашку—вон! Рота, за мной! И—галопом туда. Первым заскакиваю в расположение врага и крошу. Крошу налево и направо. Теперь-то я вижу: так только в мечтах бывает. А в жизни—рядом со мной комвзводу две пули в голову. Какая же тут храбрость? Какое геройство? Дурь это одна—так под пули врагов подставляться!

Роты продвигались вперед, сшибая засады врага. Кончились сосны. Потянулся березняк. Из-под снега торчала ржавая осока. Под ногами бойцов легко пружинило торфяное болото. В следы быстро натекала вода. Дыханье бойцов становилось все чаще и шумнее. На пылающих лицах проступил крупный и обильный пот.

Болото кончилось. Среди огромных сосен показались богатые, нарядные дачи. Где-то за ними была железная дорога. Впереди начинались улички, перерезанные окопами. Комбат сверился с картой.

— Куоккала. Надо ускорить движение и перерезать полотно.

Из-за углов в глубине уличек затрещали очереди белофинских автоматов. Пули свистящим роем неслись над залегшими бойцами. Бойцы тоже открыли огонь. Капитан Угрюмов сердито сдвинул брови, а в глазах его блеснула усмешка. Неподалеку красноармеец шпарил из винтовки, просунув ствол в щель забора. Никакого врага в той стороне и не было!

Связные побежали к командирам рот с строжайшим требованием комбата:

— Каждому бойцу—стрелять только по цели! Посади врага на мушку, тогда и стреляй! Нечего палить в божий свет, как в копеечку!

Но—враг стреляет из окопов впереди. Капитан Угрюмов подозвал следовавших вместе с ним командиров—минометчиков лейтенантов Хамидова и Арянова.

Проворные минометчики с изумляющей быстротой изготовились и бросили мины в завалы и окопы впереди. Там грянули звонкие разрывы. Возникли клубы дыма. Невидимо откатывался враг.

«Умеют маскироваться! Нам бы так научиться!»—с завистью и злостью подумал Угрюмов и громко и радостно ахнул: впереди, в глубине улички виднелся блиндаж, в него прямо ударила мина, над кустом дыма взлетела земля, бревна.

— Молодцы минометчики!—восхищенно сказал Угрюмов.—Какое грозное оружие—минометы!

Связной доложил, что разведка вышла на полотно железной дороги, бронепоезда белофиннов не оказалось, враг откатился в направлении Териоки.

В дыму пожаров, стлавшихся над дачным городком Куоккала, роты вышли на линию железной дороги. Пути были взорваны, шпалы разворочены.

Комбат испытывал чувство глубокого удовлетворения и радости. Боевая задача выполнена: железная дорога от границы в глубь Финляндии перерезана.

На небе развеяло тучи, под солнцем блестел и искрился снежок. В отдалении глухо ухали орудия. Снаряды рвались далеко в стороне.

«Хорошо, что нас еще не накрыла вражеская артиллерия, собрались—прямо толпа!»—резко осуждая себя, подумал капитан Угрюмов. Взвесив обстановку, принял решение:

— Немедленно итти вперед и взять Териоки—полностью выполнить и дальнейшую задачу.

Он отдавал себе полный отчет в том, насколько ответственно это решение: средства усиления еще не подошли. Ни танков, ни артиллерии не видать. Времени уже 14 часов. Бойцы с утра еще не ели.

Но батальон уже добился серьезного успеха, и этот успех надо развивать. Бессмысленно и глупо топтаться, дожидаясь средств усиления. И капитана Угрюмова охватывает радостный жар борьбы, боя, победы.

☆

Быстро двинул свои роты комбат Угрюмов. Теперь батальон шел между железной дорогой и Курносовским шоссе, за которым был морской залив. Угрюмов пустил вдоль берега 4-ю роту, сам пошел с 5-й ротой левее полотна, а во втором эшелоне шла 6-я рота.

Сновали связные,—4-ю роту Угрюмов не видел в лесу и беспокоился о ней.

С правой стороны, за полотном, двигался 3-й батальон. С ним была зрительная связь.

Опять началось лесное болото. Ноги у бойцов глубоко уходили в мох, в осоку. На кочках, в следах краснели раздавленные ягоды клюквы. Лес поредел. Начались низкие кустики, кочки, елочки. За ними зловещей громадой желтел обрыв эскарпа—противотанкового сооружения, и по гребню его тянулось плетенье колючей проволоки на свежих сосновых кольях.

— А что, если там пулеметы врага?

Капитан Угрюмов выбросил свои станковые пулеметы на рубеж, с которого в любую минуту можно было обстрелять любую точку на эскарпе. Разведка уже подобралась к самому обрыву. Вместе с разведчиками шли красноармейцы с ножницами для резки проволоки. Где же противник? Что же он затеял, если не использовал такую позицию?

Слева, где шла 4-я рота, послышалась очередь, другая. Что там?

Впереди, помогая друг другу, вскарабкались на эскарп бойцы. Лязгнули ножницы, звякнув, свилась в кольца проволока. Рота быстро перевалила через эскарп. Связной, обливаясь потом, доложил, что 4-я рота лейтенанта Мухамедзянова прошла вдоль взморья уже третий эскарп.

— Вот почему и откатываются белофинны! Мухамедзянов их обходит! Вот командир! Будет так дальше действовать—дам ему рекомендацию в партию!

Роты проходили эскарп за эскарпом. На небо набежали тучи, посыпал влажный снег. До сумерек оставалось часа полтора. Кусты поредели. За кочкастой поляной на опушке леса стояли мрачные дома.

— Тут они нас и встретят!—сказал капитан Угрюмов, осматривая поляну, взвешивая обстановку.

Ручей наискосок через поляну, ложбина вдоль полотна железной дороги могли быть использованы как прикрытие. Разведка уже прошла за ручей. Взводы 5-й роты стали вытягиваться на поляну. Под ногами хлюпал талый снег. Угрюмов шел справа, пристально всматриваясь в мрачную опушку леса.

Командиру 5-й роты лейтенанту Кучкину комбат приказал выбросить взвод влево, по кустам, в обход поляны. Взвод лейтенанта Филонина скрытно ушел влево.

Впереди разведка подходила к домам. Уже 6-я рота вышла на поляну. И тут с той опушки затрещали резкие очереди автоматов «Суоми».

— Ложись!—скомандовал комбат, старательно укрылся сам за бугорком и приказал открыть огонь и взводу минометов лейтенанта Арянова.

Грянули на опушке разрывы мин. Слева ударили ручные пулеметы лейтенанта Филонина.

А здесь, на поляне, вскочил лейтенант Соловьев и метнулся вперед.

— За Родину! За Сталина!—кричал он и мчался через ручей, через кочки. Вслед бежали командиры, красноармейцы.

За предпоследним перелеском перед Териоками тоже была поляна. Только разведчики втянулись в кусты,—раздался взрыв, взметнулась земля, балки.

— Мины!—тревожно крикнул боец.

В кустарнике лежали два раненых красноармейца. Их уложили поудобнее, перевязали. Спереди, из-за елей вдруг затрещали автоматы и винтовки белофиннов. Бойцы залегли. Они лежали на минном поле.

Начальник штаба Дорошенко строго потянул за рукав Угрюмова, и они легли.

— Вы берегите себя, товарищ комбат, вас так обязательно убьют!—сердито и заботливо выговаривал он.

В сумерках мелькали, словно падающие звезды, красные трассирующие пули врага. Над вершинами деревьев полыхало тревожное зарево пожарищ.

Капитан Угрюмов послал связных в соседний батальон. И вскоре—обходом справа—белофинны были сбиты и с этого рубежа.

Что же дальше? В километре-двух была станция Териоки. Ее и надо было бы захватить. Капитан Угрюмов, приподнявшись, оглядел боевых соратников.

Мокрые, озябшие, они лежали на снегу с оружием в сторону врага. Ни одной жалобы, ни одного косого взгляда, а ведь от каждого потребовалось неимоверное напряжение всех сил.

Двигаться вперед?—но ведь местность впереди не разведана. Темно. Минное поле. И спереди бьют уже станковые пулеметы белофиннов. Их не менее шести.

Комбат Угрюмов принял правильное, смелое решение: вывести батальон назад, влево, на восточную окраину Териок.

Угрюмов связался с соседом, и оба батальона без единой потери вышли на окраину Териок, заняли до утра круговую оборону.

Командованию полка было послано донесение.

Ночевали батальоны в домах. Вокруг было выставлено сильное боевое охранение. Еще тогда, когда батальон выходил из минного поля, нарастая, послышался гул танков. Капитан Угрюмов почувствовал на себе тревожные, вопрошающие взгляды: «чьи танки?» Но это были свои—приданная батальону рота лейтенанта Преображенского. Он пустил танки по полотну железной дороги. По Курносовскому шоссе, сплошь заминированному, его рота наверняка не прошла бы.

Капитан Угрюмов лично размещал роты по домам, заботился

о раненых, проверял боевое охранение. И когда около полуночи поднялась ожесточенная стрельба, Угрюмов на мгновение представил себе перелесок, минное поле. По спине пробежала дрожь.

«Что бы с нами было там?»—Словно вторя мысли комбата, рядом, за углом дома, молодой красноармейский голос сказал:

— Вот бы побили нас, если бы комбат не вывел сюда из того минного поля! Это командир! С таким нигде не пропадешь!

Горячая волна радости и смущения плеснула в сердце капитана Угрюмова.

Первая контратака белофиннов была отбита. И еще были отбиты три их контратаки.

Всю ночь металось по всему горизонту зарево пожарищ. От бушующего пламени раскачивались ветви сосен. Хвоя казалась кованой из меди.

Капитан Угрюмов продумывал в эту ночь весь свой путь, тактику врага. На какой-то миг ему показалось, что война идет не один день, а многие-многие годы, и многое, словно, видел и переживал он когда-то. Так отозвалось сейчас в нем изученное, впитанное ранее.

☆

Первый день войны навсегда врезался в память капитана Угрюмова. Были дальше серьезные, горячие бои, яркие эпизоды. А в памяти вновь и вновь вставали завалы, минные поля и фугасы, эскарпы, коварные опушки. Запомнились ловкие и стремительные действия командиров и бойцов, пулеметчиков и минометчиков, спаянных в железный и славный батальон.

Форсирование реки Быстрой около Хенна—это было сложное, рискованное дело. Эту задачу батальону Угрюмова поставил непосредственно представитель командования армии.

Командир полка придал батальону дивизион артиллерии, два взвода саперов, взвод полковой артиллерии.

— Строй мост! И действуй!

Капитан Угрюмов выдвинулся с командирами рот и приданных частей на опушку леса, над рекой. Внизу, в глубоком ущелье, мчалась по скалам бешеная река. Мост был взорван.

На той стороне вздымались лесистые высоты. Там были позиции врага. Щипали наш берег белофинские снайперы. У капитана Угрюмова сердито сдвинулись брови. Он спросил командира-сапера:

— Вам долго мост наводить?

— День...

— Идите к командиру полка. Мне вы не нужны. День я ждать не буду.

Было уже 12.30. День был ясный и холодный. Капитан Угрюмов поставил командиру артдивизиона капитану Коренскому задачу поддержать батальон при переходе реки. И вслед за этим отдал приказ командирам рот о переходе на ту сторону реки по дрожащим мосткам, положенным на обломки свай и на скалы.

Переправляться мелкими группами. Под обрывом на том берегу накапливаться. Дальше—двигаться по заданным направлениям.

И как в первый день, так и позднее, во все время войны капитан Угрюмов требовал от командиров и проверял, чтобы боевая задача была доведена до каждого бойца и была хорошо усвоена.

Вскоре артдивизион накрыл фугасным огнем тот берег, окопы врага—они были траншейного типа.

Став на переправе, капитан Угрюмов пропустил весь батальон, подбодряя бойцов веселым словом, шуткой.

Первой прошла 4-я рота лейтенанта Мухамедзянова и завязала перестрелку.

Капитан Угрюмов направил 6-ю роту в обход, вдоль берега. Рота лейтенанта Баранова ворвалась в окопы врага, отрытые по берегу, среди дач, в садах и во дворах. Тут и там серели бетонные точки. Белофинны отбивались ожесточенно. Они вели огонь и из дач и из домов. Капитан Угрюмов увидел мелькнувшее в окне лицо врага и метнул туда гранату.

Лейтенант Светлов с бойцами быстро вошел в дом. На полу валялся убитый офицер.

Бой кипел на небольшом клочке земли, в дачном поселке, между рекой и заливом моря. Роты смешались. Капитан Угрюмов подал команду:

— Ложись!

Батальон залег. Угрюмов приказал командирам привести роты в порядок и доложить.

Лейтенанта Шведова со взводом он послал по берегу Финского залива. И снова своевременным оказался маневр. Избегая обхода, противник откатился.

Белофинны, часто прибегая к засадам, к фланговым ударам, сами смертельно боятся засад и фланговых ударов. Но эти удары по врагу должны быть смелыми и стремительными.

Батальон двинулся вперед. На всю жизнь запечатлелось у капитана Угрюмова: надо действовать в полной увязке с артиллерией.

Вечером в этот же день капитан Угрюмов еще раз убедился в грозной силе минометов и навсегда полюбил это оружие.

Разведрота старшего лейтенанта Березина наткнулась под деревней Сарвелой на сильную засаду противника, залегла, неся потери.

Меткий огонь минометов лейтенанта Хамидова сбил белофиннов. Действия минометчиков восхитили комбата. Были уже сумерки. Шел густой, липкий снег. В десяти метрах с трудом можно было различить человека. Минометчики в темноте определяли угол прицела, ориентируясь по вспышке выстрелов врага.

— Незаменимая легкая артиллерия!—с глубоким убеждением сказал Угрюмов.

Здесь же, в этом ночном бою еще раз оценил он всю силу и станковых пулеметов.

Пулеметчик Алексеев со своим расчетом быстро обошел с фланга финскую засаду и смертоносными очередями смял то, что еще уцелело после ударов наших мин.

Позднее, 24 декабря, четыре станковых пулемета решили за полчаса успех всего угрюмовского батальона.

Накануне батальон с марша повел наступление на высоту 34,8. Капитан Угрюмов произвел в предшествующую ночь, сейчас же по прибытии, рекогносцировку с командирами рот. Утром снова разведал местность.

С опушки леса он видел искусственно заболоченную низину, прорезанную рекой. Справа и слева—густой сосновый лес. За низиной—высота 34,8, очень сильно укрепленная белофиннами.

Капитан Угрюмов приказал 6-й роте обойти низину справа густым лесом, укрыто и атаковать высоту, 5-й роте двигаться за 6-й, 4-й—обходить низину слева.

Свой наблюдательный пункт Угрюмов организовал в центре, на опушке леса. Отсюда хорошо была видна высота, поросшая густым лесом. Перед нею виднелась проволока в три ряда. За проволокой—пять рядов траншей и четыре дзота.

Артиллерия полтора часа вела огонь по высоте.

4-я рота лесом подошла к проволоке. Белофинны весь огонь сосредоточили на ней. Подоспевшие танки проломали в проволоке проходы. 4-я рота вслед за танками проскочила за проволоку и броском ворвалась в белофинские окопы. Белофинны пытались было перейти в контратаку. 6-я и 5-я роты, укрыто пройдя лесом справа, бросились в атаку наперерез. Враги в панике бежали. Было захвачено шесть пленных. Они были пьяны. В окопах было много спирта, патронов, бутылок с горючей жидкостью.

Овладев этой безымянной высотой, капитан Угрюмов продвинул батальон к подножью высоты 34,8. Наступали сумерки. Танки не могли двигаться—здесь было болото. Роты залегли и окопались.

К ночи батальон, не поддержанный соседями, был окружен. Шел жестокий бой. Из финского дзота, в котором организовал свой командный пункт Угрюмов, он видел вокруг вспышки огня.

Посылаемые им для связи с полком разведчики не возвращались.

Утром 24 декабря связи с полком не было. Белофинны нажимали со всех сторон. В это утро погиб один из лучших бойцов—пулеметчик Бачмагин. Он был рядом с командиром пульроты лейтенантом Радченко. Расчет одного из пулеметов впереди был выбит целиком. Радченко послал Бачмагина вытащить пулемет. Тот пополз к пулемету и открыл по белофиннам огонь. Его ранило в руку. Расстреляв патроны, Бачмагин ползком вернулся, забрал пулеметные ленты и, вновь пробравшись к пулемету, открыл огонь. Тут пуля через прорезь в щитке ударила его в грудь...

Разведчик Литвинов сообщил, что в тылу батальона у круглой березовой рощи появились белофинны. Капитан Угрюмов рассмотрел через окно дзота, что верно—в его тылу движется целая рота в белых комбинезонах. Свои? Враги? Но откуда тут быть сейчас своим? Угрюмов приказал лейтенанту Радченко выкатить четыре станковых пулемета и открыть огонь. Люди в комбинезонах были метрах в ста пятидесяти. Пулеметчики еще колебались: вдруг это свои?

— Огонь!—приказал Угрюмов.

И четыре станковых пулемета заработали. В окно дзота Угрюмов хорошо видел, как заметались комбинезоны, как падали они. И как только поднималась группа, тотчас по ней хлестала свинцовая струя.

Немного их ушло, белофиннов. Они оставили шесть станковых пулеметов, шесть тысяч патронов, сотни гранат, десятки автоматов.

Ничего не вышло у врага с окружением батальона Угрюмова. Один пленный белофинн, с горем пополам говоривший по-русски, насмешил весь батальон. Когда он узнал, к кому попал в плен, он затрясся:

— Угрюмов—это чорт! Наши офицеры боятся Угрюмова.

А комбат в это время приводил в порядок батальон. Посоветовавшись с неразлучным своим комиссаром старшим политруком Бариновым, Угрюмов писал рекомендации боевым соратникам, вступавшим в ряды ВКП(б). Мухамедзянов, Радченко, Арянов, Шведов, многие другие—больше двадцати товарищей были рекомендованы Угрюмовым в партию.

Дружная боевая семья вокруг Угрюмова закалялась в боях, росла политически.

И когда 18 января 1940 года Угрюмов был назначен командиром полка, и он и все его соратники на какое-то мгновение взгрустнули: столько пройдено и пережито вместе. О боевых делах батальона уже знает страна. Землянка полна подарков, идущих со всех концов Родины. Ежедневно поступают сотни писем. Мать Николая Островского прислала книги сына «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей».

Комбат Угрюмов оглядывал товарищей. Нехватает веселого начштаба Дорошенко—убит за Териоками. Ранены Баранов, Кучкин. Их заменили младшие лейтенанты командиры взводов Бобров и Пискунов и действуют отважно и умело.

Угрюмов мгновенно представил себе все бои, стычки, походы. Вспомнил себя мальчиком, мечтающим о подвигах. Светлокарие глаза его блеснули. Настала она—пора подвигов и больших боевых дел. Родина и партия вырастили, выпестовали. Доверие партии он, командир Угрюмов, оправдал.

Руд. Бершадский

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ФЕДОР ДУДКО

Водитель танка младший командир Федор Дудко нажал на педаль и устремился на препятствие. Оно было, казалось, совершенно непреодолимо: глубочайший противотанковый ров. Как Дудко намерен выбраться из него? Зрители недоумевали...

Но тут произошло неожиданное: Дудко разогнал танк так, что машина пропала в снежном вихре, взметнувшемся за ней. И вдруг вихрь, оторвавшись от края рва, перемахнул на другую сторону. А когда рассеялась снежная пыль, из машины вышел водитель и отрапортовал: препятствие взято...

Принимая в Кремле орден «Знак Почета», Дудко поклялся, что будет действовать в бою так же, как на учебном танкодроме.

За четыре года, прошедшие после этого, младший командир превратился в воентехника 1 ранга. Круг его дел стал шире, значительнее. Славные танкисты новых призывов упорно изучали опыт бывшего водителя Дудко. Сам Дудко, воентехник 1 ранга, помощник командира роты по технической части, редко садился за рычаги.

Но когда начались военные действия, Федор Дудко обратился к командованию с настоятельной просьбой разрешить ему в бою снова занять водительское место. Ходатайство Дудко удовлетворили...

Батальон сосредоточился на исходной позиции. Командир напряженно вслушивался в тонкий писк, раздававшийся в радионаушниках. Впереди, за рвами и надолбами, притаились молчаливые пока укрепления противника. Командир чувствовал, как гнев и ненависть переполняют его. Скорей бы!

Тонкий осиный писк в наушниках заглушило властное слово команды: «Вперед!»

Грозная машина рванулась вперед, бешено скрежеща гусеницами. За ней пошли другие. С башен танков слетали маскировавшие их ветви елок.

Федор Дудко не слышал рева снарядов, которыми доты встретили их батальон. Он не слышал ничего, кроме рокота мотора да стука своего сердца.

Проход был узок. Дудко бросал машину вправо, влево, как кулачный боец, прошибая себе путь. Эскарп подался, и танк пробрался сквозь него прежде, чем противник успел пристреляться.

Сквозь триплекс Дудко увидел белофиннов. Они, как воронье, обсели деревья, швыряя оттуда гранатами, бутылками с бензином.

Команда стрелкам: «Огонь!»

Дудко показалось, что стрелки медлят. Распахнувши люк, он из нагана почти в упор выстрелил в одного белофинна, другого, третьего. Раненый вражеский автоматчик, свалившись в сугроб, притворился мертвым, но затем, видно, решив, что на него уже не обращают внимания, снова, как гадина, пополз к танку. Дудко видел его побелевшие от бешенства глаза.

— На тебе!

Беспощадные гусеницы накрыли врага.

Барабан нагана Дудко пуст, танк прошел уже три километра вглубь, прямым попаданием в башню убило политрука Новикова, командовавшего танком. Ненависть клокотала в сердце Дудко. Неукротимая машина неслась вперед. Замолкли орудия врага, подавленные выстрелами в упор, и вдруг Дудко снова увидел белофинских снайперов с бутылками, наполненными бензином. Враги поджидали его на деревьях. Башенные стрелки не могли их снять— им не позволял угол возвышения. Дудко с ходу остановил танк и одним прыжком через верхний люк выскочил с пулеметом. Белофинны на мгновение растерялись: один—под выстрелы всех?

Застрочил пулемет в руках Дудко, и для многих врагов мысль о советском храбреце стала последней мыслью в их жизни. Он стрелял безостановочно, быстро меняя цель. Полушубок его был прострелен, царапнуло ногу, сорвало с руки часы. Дудко выпустил два диска и перевел дух только тогда, когда увидел, что последний белофинн свалился с дерева. Один больше не поднимался, а двое других, позаячьи петляя, удирали в лес. Дудко послал очередь вдогонку врагам.

На следующий день танк Дудко снова понесся первым. Вперед, только вперед!

Бои были упорными.

Через день Дудко опять повел машину в атаку. Это была седьмая атака за три дня...

Путь преграждали надолбы, эскарпы, огневая завеса. Но часть надолб взорвали для друзей-танкистов отважные саперы, эскарпы были повреждены артиллерией.

Командир машины Савин только и ждал, чтобы противник открыл огонь.

На плечо водителя ложилась крепкая рука, сигнализировавшая: «направо», «налево». И если расчет противника не отбегал в сторону, он взлетал в воздух вместе с орудием.

Неожиданно танк пошел резко вправо, и Дудко почувствовал, что отнялась его правая нога. Ранен?

Заметил это и Савин. Сквозь грохот мотора и снарядов он закричал:

— Товарищ Дудко, заменю!

— Ничего. Ничего!

«Хорошо, что не левую,—подумал он.—Тогда бы сцеплениям не мог двинуть». Эта мысль сразу успокоила. Как будто даже боль ослабела. Но успокоение было минутным. Сапог давил все сильнее. И когда Дудко шевельнул пальцами, они захлюпали в крови.

Дудко увидел: оглушительно хлопнув о звонкую мерзлую землю, отскочила гусеница с соседнего танка. Резко затормозил: не бросать же товарищей!

А враги, освоившись с тем, как ведет борьбу танк, круто изменили свою тактику. Заметят, что башни повернуты влево,—ползут справа. Их в это время один водитель видит. А что он сделает им?!

Дудко искусал от злости губы. Эх, пулемет бы водителю! Вот они снова лезут с зелеными бутылками. Даже серные палочки можно различить! Покрутил барабан револьвера—ничего, еще не все потеряно, все семь патронов на месте. Подпустил еще ближе и, неожиданно распахнув люк, выпустил в подползающих все семь, а потом, не давая опомниться, рванул машину на залегших.

Как будто в отместку, по танкам застрекотал из лесочка пулемет.

В то же мгновение командир левой башни доложил:

— Сбили мушку, товарищ воентехник!

В броню что-то громыхнуло.

Взрывом вражеского снаряда заклинило затвор пушки.

Руки Савина были поцарапаны, лицо черно, он с ожесточением пробовал повернуть пушку. Она не поддавалась.

Дудко крикнул товарищу:

— Что значит—мушку сбило? Бей без мушки! Бей!

Савин расклинил, наконец, пушку, и вражеский пулемет смолк.

Темнело. Противник пробовал подползать снова, но Дудко отгонял его меткими выстрелами из нагана. Соседний танк почему-то совсем не подавал признаков жизни, высунуться же из люка наружу, чтобы докричаться до экипажа, было невозможно: здесь была пристреляна каждая пядь.

Дудко вертел свою машину около соседа, как мог,—откликнитесь! Ну, хоть как-нибудь, покажите: живы?

Соседний танк безмолвствовал попрежнему.

Придерживая окаменевшую правую ногу рукой, Дудко полез к верхнему люку.

Напрягая иссякающие силы, он открыл люк. Забарабанили пули. Выждал, пока стихнет очередь. Подтягиваясь на руках, высунул голову. Но вдруг так свело ногу, что даже вскрикнул. Соскользнул вниз.

Кто-то спросил его:

— Что с вами?

— Ничего. Ничего.

Снова подтянулся. Голову обдул свежий ветерок. Сразу стало легче. Закричал:

— Эй, друзья на соседнем! Живы?

Ударил снаряд—будто в голову, так зазвенело в ней.

Потом в памяти был провал, а затем, когда пришел в сознание, перед глазами встала внутренность танка и послышался треск пулемета. Должно быть, с соседней машины. Значит—живы.

Почувствовал, как меж лопаток ползла теплая кровь. Она щекотала. Хотел передернуть плечами, но закусил губу. Снова почувствовал, что теряет сознание. Но пересилил слабость. Сказал:

— Буксируйте соседнюю машину. Понятно?

...Дудко очнулся от ощущения тепла. Открыл глаза. Над ним было небо. Где он? Повернул голову. Его везли в тыл на люке моторного отделения танка. Танк был какой-то чужой. Откуда он взялся? И что сталось с тем, соседним?

Когда привезли на перевязочный пункт, набрался сил и встал. Врачи отделяли от спины рубашку, ставшую коркой. Дудко слышал, как один врач сказал другому:

— Не меньше, чем двадцать осколков... Не считая ранения в ногу...

После перевязки Дудко заметил, что здесь же находится бригадный комиссар Кулик.

— Вы ранены, товарищ комиссар?—воскликнул Дудко, забывая о собственной боли.

— Кто вам сказал? Пустяк, царапина. А вот вы действительно герой. Правильно. Так и должен вести себя коммунист.

Лицо Дудко неожиданно передернулось от боли.

— Вам нельзя разговаривать,—сказал комиссар.—Вам в тыл отправляться надо.

— Но я же здоров!

— Тем лучше. Счастливого пути!

— Товарищ комиссар, вы ведь тоже ранены, а остаетесь! Это же неправильно, товарищ комиссар.

— Ничего подобного, у меня раны легкие, друг дорогой. Ну, марш, марш!

— Товарищ комиссар, одно только слово: соседний танк забуксировали?

— Да его пехота выручила. Ну ладно, успокойтесь. Раненым надо молчать.

Комиссар пожал Дудко руку и вышел наружу, откуда доносился неумолчный гул нашей тяжелой артиллерии.

Герой Советского Союза
К. Симонян

ВСЕГДА ПОМОГАТЬ ТОВАРИЩАМ!

Наш огромный танк был на фронте с первых дней войны. За предшествующий год экипаж хорошо сработался, крепко сдружился. Нас было семеро: командир лейтенант В. Груздев, водитель Ларченко, артиллерист Луппов, пулеметчики Волк и Лобастев, техник Коваль и я—радист. Мы научились хорошо маневрировать, брать препятствия. Машина была во взводе головной.

На фронте мы сперва действовали в направлении Терноки—Райвола—Бобошино. Работы, как говорится, хватало. Могучей стальной грудью наш танк сокрушал на своем пути большие деревья, преодолевал глубокие речки, на больших скоростях брал возвышенности, перепрыгивал через рвы, преодолевал надолбы и французские сетки.

Познакомились мы с хитрой тактикой белофиннов. Часто они пропускали нас вперед, не стреляли, но как только за нами появлялась пехота, они открывали по ней огонь из пулеметов и автоматов. Не раз наш экипаж вынужден был возвращаться назад, чтобы подавить вражеские огневые точки и помочь продвижению пехоты.

В конце декабря, после нескольких дней продвижения—мы в эти дни одиннадцать раз ходили в атаку,—наш взвод получил задание произвести разведку. Прошли километров на пятнадцать вперед от пехоты и приблизились к сильно укрепленным позициям врага. Здесь местность была густо насыщена фугасами и не позволяла свободно маневрировать. Каждый метр поверхности хорошо пристрелян противником. На наше несчастье, видимость отличная—стоял ясный день при 40 градусах мороза.

И вот, как только мы вышли к берегу небольшой речки, белофинны встретили нас ураганным огнем. Мы отвечали. Вдруг машина содрогнулась: снаряд пробил броню и ранил в ногу водителя Ларченко. Управление было разбито, танк остановился. Я бросился помогать раненому, а потом снова вернулся к радио. Связи с танками нашего взвода не было. Я доложил об этом командиру.

— Ничего, мы будем держаться до последнего патрона!—сказал тов. Груздев.

Неподвижный наш танк вздыбился всей своей громадой над речкой и представлял собой прекрасную мишень для финских орудий. Вокруг кипел огонь разрывов. В эту тревожную минуту в танке раздались слова пролетарского гимна. Воодушевленные пением, мы стреляли и видели, как одна за другой прекращают стрельбу огневые точки врага. В этом неравном бою прошло минут сорок.

Неожиданно сквозь смотровую щель я заметил вдали какие-то фигуры, ползущие по снегу. Мы подумали, что это идет на выручку наша пехота, и оказались правы. Велика была наша радость! Решили помочь наступающим и стали отворачивать гайки нижнего люка, чтобы вылезти под машину. Так мы выбрались под танк, захватив с собой два пулемета, затворы от остальных пулеметов и пушки. Раненого Ларченко положили на землю. Затем зажгли дымовые шашки и открыли пулеметный огонь.

Увы! Дымовая завеса не могла скрыть нас от врага. Лейтенант Груздев, стрелки Волк и Лобастев были убиты. Оставшиеся в живых поползли навстречу пехоте. Я тащил раненого Ларченко.

По дороге я не нашел нашего второго танка, где командиром был тов. Загорулько. Оказывается, его экипаж придумал остроумную штуку. Машина загорелась, и, не имея возможности держаться внутри, они запустили мотор на медленный ход и направили танк в сторону своих. А сами шли перед ним, прикрываясь его корпусом от огня. Но все это я узнал позже.

Продвинувшись ползком в сторону наших, я встретил двух санитаров, которым и передал раненого Ларченко. А сам, вооружившись его наганом, побежал на выручку оставшимся. Был я, как в чаду, но твердо помнил, что боец Красной Армии не может оставить товарищей в беде! Вместе со мной были товарищи Полюткин и Карпов из второго танка, и другие танкисты этого экипажа поспешили за нами. Тут мне пригодились моя физкультурная тренировка и те кроссы, в которых я участвовал в Тбилиси. Перебегая и падая на снег при особенно сильной стрельбе, мы достигли третьего танка, где командиром был тов. Котунов. Возле машины мы нашли его и бойцов Семенникова и Смурикова—всех тяжело раненными. Постепенно мы переправили их в тыл, где им сделали перевязки.

На следующий день наши части отбили у финнов поврежденные танки. Дальше я уже участвовал в боях в качестве командира танка.

Все люди нашего экипажа получили высокое звание Героев Советского Союза. Трое погибли, четверо живут и работают.

Генерал-майор
А. Федюнин

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ РЕКУ ТАЙПАЛЕН-ЙОКИ

Указом Президиума Верховного Совета наш стрелковый полк награжден орденом Красного Знамени «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом доблесть и мужество».

Полк действовал успешно, начиная с перехода границы. Он стремительно продвигался с боями по территории противника, удачно форсировал сложную водную преграду—реку Тайпален-йоки, занял и удержал на той стороне реки плацдарм, вплотную прилегавший к линии Маннергейма.

30 ноября, в 8 часов 15 минут, после артиллерийской подготовки полк перешел границу.

Ночью 1 декабря одна рота 2-го батальона капитана Заломкина отважным и ловким маневром прошла к местечку Метсяпиртти и заняла его.

В течение 2 декабря батальон Заломкина сломил сопротивление белофиннов и занял два дзота между рекой Вись-йоки и озером Умши-лампи. Были захвачены 4 станковых пулемета, 10 тысяч патронов, одно противотанковое орудие и 100 снарядов к нему.

Белофинны пытались контратаковать батальоны, но были отброшены с потерями.

К исходу 3 декабря полк вышел к озеру Суванто-ярви и на берег реки Тайпален-йоки. Белофинны, понеся урон, откатились на ту сторону реки, уничтожив паромы.

Командующий армией поставил перед полком ответственную задачу: форсировать реку Тайпален-йоки, продвинуться на ту сторону и удержать возможно больший плацдарм.

Река Тайпален-йоки представляет собою проток из озера Суванто-ярви в Ладожское озеро. Вода еще не замерзла. Ширина протока—до 180 метров, глубина—до 8 метров. На той стороне в непосредственной близости—укрепления линии Маннергейма. Подходы к реке были совершенно открыты.

Задача требовала тщательного расчета, рекогносцировки, прикрытия переправы с суши и с воздуха, четкого взаимодействия с артиллерией.

Своих средств для переправы мало. Докладываю об этом, и к вечеру 4 декабря в наше распоряжение прибывает половина парка дивизии. Мы к этому времени произвели перегруппировку батальонов. Подразделения полка приведены в порядок и отдыхают в окопах, отрытых в лесу возле местечка Метсяпиртти.

Настроение всего личного состава замечательное. Воодушевленные первыми успехами, люди рвутся в бой.

Где выбрать место для переправы? Как организовать продвижение после форсирования реки?

5 декабря вместе с комбатами и артиллерийскими командирами капитаном Ивановым и майором Турбиным произвожу тщательную рекогносцировку.

Уставные положения предписывают выбирать для переправы через водные преграды укрытые спуски и выходы. В данном случае я решил, что выгоднее выбрать открытое место. Дело в том, что здесь река Тайпален-йоки делает изгиб. Центр изгиба—хотя и открытый—находился очень близко к лесистым буграм нашей стороны, а на обратных скатах этих бугров были сосредоточены батальоны.

Затем я учел, что противник менее всего будет предполагать, что форсирование реки произойдет в этом месте. Этот элемент внезапности увеличивал шансы на успех. Так это и оказалось на деле: белофинны думали, что переправа здесь ложная.

Решено было начать переправу лишь после трехчасовой артиллерийской подготовки, состоящей из огневого налета, затем методического подавления точек и узлов обороны противника.

И все же задача представлялась исключительно сложной: предстояло за короткий срок—за 3 часа—переправить тысячи людей с огромной техникой, с артиллерией.

Кто должен начать переправу? Я решил послать вперед 1-й батальон, которым командовал вдумчивый и серьезный, тактически грамотный и храбрый капитан Смирнов.

Когда смерклось, я провел всех командиров рот к реке для ознакомления с местностью.

Назавтра было принято решение: переправлять через реку первым эшелоном 1-й батальон с полковой артиллерией, затем—2-й батальон и, наконец,—3-й.

Впереди 1-го батальона за час до его выступления выбрасывается разведка (накануне разведку за рекой не вели, чтобы не обнаруживать себя). У нас не имелось точных данных о системе обороны противника, но при одном взгляде за реку становилось ясно, что там должны быть серьезные сооружения. Это и было обнаружено впоследствии.

За ночь саперы приготовили резиновые лодки в укрытой маленькой речушке Вийсь-йоки и по воде пригнали их к намеченному месту переправы. В эту же ночь наш артиллерийский диви-

зион занял огневые позиции между сарайчиками на лугу для стрельбы прямой наводкой.

Командир 116-го гаубичного артиллерийского полка майор Турбин крепко помог мне во всей работе, особенно в подготовке данных, в расчетах. Отлично действовал начальник инженерной службы полка старший лейтенант Филиппенко.

6 декабря, в 8 часов, началась артиллерийская подготовка. Орудия дивизиона капитана Иванова прямой наводкой «прочесали» сараи на том берегу и опушку соснового леса. Противник пытался отвечать артиллерийским огнем со стороны крепости Тайпале.

Полк майора Турбина вел мастерский огонь по глубине расположения противника.

В 12 часов на ту сторону Тайпален-йоки на резиновых лодках перешел разведывательный взвод младшего лейтенанта Сидорова. В 13 часов начал переправу батальон капитана Смирнова.

Белофинны открыли сильный артиллерийский огонь—осколочными снарядами и шрапнелью. На том берегу нашу продвигающуюся разведку противник встретил очередями пулеметов и автоматов.

Подразделения 1-го батальона, выскакивая из лодок, разворачивались и стремительно бросались вперед.

2-й батальон (капитана Заломкина) стал переправляться без промедления, невзирая на шрапнель врага. Очутившись на том берегу, 2-й батальон начал быстро наступать на лес, правее деревни Коуккиниеми, к которой продвигался 1-й батальон.

Мой командный пункт располагался на бугре, недалеко от Метсяпиртти, в развалинах сожженного белофиннами склада. Оттуда все было отлично видно: долина реки, территория противника, смелое движение батальонов.

Боевое охранение белофиннов, ошеломленное артиллерийским огнем, откатывалось. Нами были захвачены шесть пленных. Испуганные, растерянные, они дали весьма ценные сведения.

1-й батальон занял деревню Коуккиниеми. Она пылала, подожженная убегавшими финнами. Вот уже открыли огонь наши пушки на том берегу.

Переправа шла быстро и удачно. Связисты самоотверженно тянули линии вперед, связь с батальонами была бесперебойной.

Однако продвижение на той стороне реки не обошлось без ошибок. Командир 1-й роты 1-го батальона Корепанов, даже после приказа остановить движение и закрепиться на достигнутом рубеже на ночь, рвался со своей ротой вперед настолько горячо и неосмотрительно, что попал под губительный огонь белофинской засады. Рота понесла большие и ничем не оправдываемые потери. Погиб политработник тов. Куликов, такой же горячий и неосмотрительный, как и тов. Корепанов.

Саперы, перебросив на ту сторону реки и 3-й батальон, приступили к наведению моста. Нашему соседу справа противник не дал возможности организовать переправу, ведя артиллерийский огонь не только из района крепости Тайпале, но также из дотов, находившихся прямо на берегу протока—над самой водой.

Наша артиллерия била по врагу. Мои батальоны с боем продвигались вперед. В наступающих сумерках повсюду блестели огни выстрелов, разрывы снарядов. Вся долина Тайпален-йоки—от Суванто-ярви до Ладожского озера—клокотала в огненном шквале.

В 18 часов, когда наступила темнота, я перенес свой командный пункт с бугров возле местечка Метсяпиртти к деревне Коуккиниеми в расположение 3-го батальона.

1-му и 3-му батальонам я приказал остановиться, закрепиться на ночь, организовав круговую оборону. Батальоны прошли уже 2,5—3 километра от берега реки.

Первую часть боевой задачи—форсирование водной преграды—полк выполнил за 3 часа, получив отличную оценку высшего командования.

Предстояло решить вторую часть задачи—удержать занятый плацдарм.

Наступала ночь. Командиры батальонов доносили о возрастающей активности белофиннов.

— Обходят!—доносит капитан Смирнов.

— А вы сами их обойдите!—отвечаю я.

Ведь каждому из нас, командиров, была уже хорошо известна тактика белофиннов: любят они обходить, а действуют при этом небольшими группами. Чего же тут разговаривать про обход, про окружение: бить нужно...

И опыт в этом отношении уже был у полка, боевой опыт. Немного отвлекусь, чтобы рассказать о нем.

Местечко Метсяпиртти взяла ночью 1 декабря 4-я рота лейтенанта Куликова, усиленная взводом станковых пулеметов. С ней был начальник штаба батальона старший лейтенант Шабанов.

Наткнулись на проволочные заграждения, надолбы и мины. Белофинны вели сильный огонь из автоматов с церковной ограды, из домов. Кругом полыхало кровавое зарево пожаров. Создавалось впечатление, что врагов здесь много, на самом деле—ничего подобного!

Старший лейтенант Шабанов рассредоточил роту влево по кустам. Один взвод пустил в лоб, другой—в обход. Станковые пулеметы вели огонь с исходных позиций. И как только финны почувствовали нажим с фланга,—они откатились под смертоносным огнем с большими потерями.

Этот эпизод уже был известен в полку. Каждый боец хорошо понимал: надо удержаться и обеспечить переправу другим частям, идущим для развития нашего успеха.

В течение ночи на 7 декабря 1-й батальон отбил четыре контратаки белофиннов. 2-й батальон отразил шесть бешеных контратак. Ни одного метра занятой территории не было отдано.

К исходу ночи батальоны стали испытывать недостаток в патронах. Капитан Смирнов, немного волнуясь, доносил:

— Патронов нехватает...

— Приготовьте штыки, гранаты. Держитесь до последнего,—

сказал я ему, одновременно приняв меры к обеспечению боеприпасами.

Капитан Заломкин сам обеспечил свой батальон патронами. Он послал бойцов к переправе, приказав им на себе поднести патроны. И храбрые патриоты, действуя глубокой ночью, с честью выполнили это поручение. Роты 2-го батальона отбивали натиск врага, подпуская его на 20—30 метров, расстреливая в упор и забрасывая ручными гранатами. Только что с остервенением оравшие свое «хелла кюон!», белофинны выли от ужаса и бессильной злобы, поражаемые метким огнем «карманной артиллерии».

К утру правее 2-го батальона продвинулись части и подразделения нашего соседа.

Через реку Тайпален-йоки по готовой переправе давно уже прошли тылы полка. Боевая задача была выполнена.

Отделенный командир

П. Головин

ПРОВОД ПРИВЕЛ НА КОЛОКОЛЬНЮ

Во взводе связи 3-го батальона я был отделенным командиром. 1 декабря 1939 года наш батальон наступал на местечко Метсяпиртти. Ночью наша линия связи была перебита осколками вражеских снарядов. Мне было приказано восстановить линию. Я шел сначала лесом, кустами, потом открытым местом. Наш провод лежал на снегу. Я стал подвешивать его над тропой. И тут наткнулся на связь белофиннов,—их провод, тонкий и черный, был подвешен как раз в этом месте. Я немедленно подключил телефонный аппарат. Подслушиваю—да ведь это же белофинны болтают!

Тогда я отключил телефон от линии противника и, включившись в свой провод, доложил обо всем командиру батальона. Он приказал мне проследить, куда идет линия противника. При этом он предупредил меня, чтобы я был осторожнее и не попал в лапы белофиннам.

Я пошел по линии противника, предварительно вырезав кусок провода—метра два-три: пусть больше не болтают.

По вражескому проводу я добрался до местечка Метсяпиртти.

Тщательно маскируясь, я продолжал двигаться по местечку, не упуская из виду провод. И вот я увидел, что провод поднялся на колокольню церкви. Я стал наблюдать за колокольней и тотчас заметил, что наверху мигает огонек. Для меня стало ясно, что на колокольне—белофинский наблюдательный пункт и что наблюдатель сигнализирует светом: провод-то его я ведь обрезал!

Поспешно вернувшись, я доложил об этом командиру батальона. По колокольне ударили наши снаряды, и она запылала...

С. Клавдиев

ЗАХВАТ ПЕРВЫХ ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫХ ТОЧЕК

Части Красной Армии под сильным огнем противника успешно форсировали реку Тайпален-йоки. 3-й батальон под командой капитана Василия Гавриловича Нетребы в два часа дня на лодках переплыл реку и завязал бой на противоположном берегу.

Одна из рот Нетребы попала под сильный фланкирующий пулеметный огонь.

«Вблизи, повидимому, неприятельская бетонированная точка»,— подумал Нетреба. И он не ошибся. Разведка обнаружила низко сидящую в земле квадратную амбразуру, скрытую небольшим кустарником. Нетреба приказал одной из рот захватить эту огневую точку.

11 декабря батальон капитана Нетребы овладел второй железобетонной точкой.

Продвигаясь дальше, батальон натолкнулся на проволочные заграждения. Бойцы окопались и пролежали под сильным огнем целый день.

В ночь на 12 декабря белофинны открыли сильный ружейный и пулеметный огонь с фланга. Огневые точки противника были искусно замаскированы. Разведка поползла на выстрелы. Вдруг из подземелья разведчики услышали финскую речь. Подобрав двадцать храбрецов, Нетреба решил произвести атаку. Во главе с ним бойцы ползком приблизились к вражескому укреплению.

Капитан Нетреба поднимается во весь рост, командует «Рота, вперед!», бросается к массивной стальной двери и открывает ее.

Велика была его досада, когда он убедился, что дот пуст и противник скрылся по подземному ходу в овраг.

В бетонированном каземате тикали часы.

Тотчас же по занятии дота Нетреба приказал сделать проходы в проволочных заграждениях, выставил усиленную охрану. Саперы начали тщательно обследовать захваченный дот.

Вокруг дота—окопчик, позади—ходы сообщений, ведущие к речке Карнаа-йоки. Дот двухэтажный. В нем несколько амбразур. Справа и слева лестницы. Входы на верхнюю площадку закрываются

стальными дверями. В нижнем этаже расположены двухъярусные койки без матрацев. Это спальня. Кроме того, здесь склад боеприпасов. Потолки покрыты гофрированным железом. Стены железобетонные от полутора до двух метров толщиной.

Всюду еще были видны следы пребывания бывших хозяев. Валялись цинковые коробки с патронами, фляги из-под водки, ящики с запасными пулеметными частями, телефон, галеты, стояла бочка с клюквой. На одной из коек лежал журнал. Внутри журнала нашли карту. Авторы этой карты «прирезали» к Финляндии огромную северо-западную территорию СССР вместе с Ленинградом.

Бойцы по-хозяйски исследовали убежище, осматривали верхнюю площадку дота, откуда недавно вели огонь белофинны. Эта площадка была с трех сторон окаймлена толстой стеной. В стену был вделан стальной щит двенадцатимиллиметровой толщины, в нем 36 отверстий для стрельбы.

При артиллерийском обстреле дота команда скрывалась в нижнем этаже.

После захвата сооружения капитан Нетреба выдвинул роты вперед.

Ночью взбешенные белофинны открыли ожесточенный артиллерийский огонь по бывшим своим дотам.

Гулкие взрывы вражеских снарядов вызывали у бойцов немало насмешек.

С одной из коек, на которых отдыхали бойцы в убежищах дота, послышался голос красноармейца:

— Э, братки, что с возу упало, то пропало.

В доте раздался веселый смех.

Батальон Нетребы в последующих боях захватил еще несколько железобетонных сооружений.

Правительство присвоило Василию Нетреба звание Героя Советского Союза.

Младший командир

А. Ковлов

ОТВАЖНЫЙ САПЕР

Авангардные подразделения нашей пехоты, отбрасывая белофиннов, занимали деревню за деревней. Но вот они остановились перед высотой, опоясанной проволочными и минными заграждениями и надолбами. Надо было срочно проделать проходы в надолбах и проволоке. Задача ответственная и опасная.

— Товарищ капитан,—обратился к командиру батальона сапер Дарвин,—разрешите мне проделать проходы. Я комсомолец, и с бойцами своего отделения выполню задачу отлично.

— Хорошо. Идите. Но будьте осторожны!

Капитан показал саперу, как лучше подползти, как делать проходы.

Наступила лунная ночь. Мягкий иней опушил деревья, при свете луны он казался голубым.

Мороз крепчал.

— Кто хочет итти со мной?—спросил младший командир Дарвин у своего отделения.

Все бойцы выразили готовность принять участие в опасном деле. Но всем итти не пришлось. Дарвин взял с собой только трех человек.

Знакомя их с предстоящей задачей, он сказал:

— Путь, где мы будем продвигаться,—под наблюдением и под огнем врага, надо быть осторожным. До самого леса будем итти дорогой. Она ведет к финским укреплениям. Потом свернем с дороги и на лыжах двинемся лесом...

Командир отделения оглядел трех смельчаков.

— Приказываю,—заключил он,—каждому взять с собой лыжи, толовые шашки, ножницы. Все, что требуется для взрыва надолб, погрузить на салазки.

Перед тем как тронуться в путь, Дарвин проверил, все ли подготовлено и хорошо ли уложено. Затем подал команду:

— За мной!

Было тихо. Лишь где-то вдалеке, левее дороги, слышались отдельные ружейные выстрелы да изредка стрекотал «Максимка».

Когда саперы повернули в лес, Дарвин негромко сказал:

— Итти будем цепочкой, 3—4 метра друг от друга. Салазки с толом везти по очереди.

Бойцы надели белые халаты, встали на лыжи и двинулись лесом.

Дарвин шел впереди. Через каждые 100 метров он останавливался, вслушивался, смотрел на карту и компас и шопотом спрашивал у бойцов:

— Не устали?

— Нет, товарищ командир,—тихо отвечал красноармеец Федоров, который шел вслед за командиром.

Было видно, что Федоров устал. Он поминутно вытирал перчаткой пот с лица. Но ему не хотелось выказать хотя бы малейшую слабость, и он, преодолевая усталость, не отставал ни на шаг. Федоров, молодой слесарь одного из ленинградских заводов, в это время уже имел награду—медаль «За отвагу». Он считал своим долгом быть примером для других.

Миновали лес. Впереди расстилалась ровная местность, а за нею черной стеной снова вырисовывалась лесная опушка, где засели белофинны.

Дарвин остановился и тихо проговорил:

— Отдохнуть. Дальше будем пробираться ползком...

Небо было чистое, звездное. Когда луна стала уже цепляться за верхушки сосен, Дарвин сказал:

— Теперь пора!

И четверо отважных бойцов поползли по снежной равнине. Их белые халаты сливались со снегом.

Дарвин нащупал первый ряд проволочных заграждений и шопотом подал команду:

— Приступить к работе.

Быстро и уверенно работали ножницами саперы. Двое бойцов, лежа на спине, резали проволоку, а Дарвин и один красноармеец наблюдали за местностью.

Сделав пять проходов, бойцы поползли к гранитным надолбам, которые чернели на фоне пепельного горизонта.

В этот момент белофинны заметили саперов, открыли ружейный и пулеметный огонь, а затем стали бить из миномета. Мины рвались правее, метрах в двадцати—двадцати пяти. Один пулемет застрочил трассирующими пулями.

Дарвин скомандовал:

— Окопаться и ждать прекращения стрельбы!

Но белофинны не прекращали, а усиливали огонь. Вместо одного миномета заработали два.

Ночь была уже на исходе, и Дарвин решил переменить тактику. Он отполз назад. Бойцы последовали его примеру. А затем, выждав немного, все четверо стали подползать к надолбам

значительно левее, чем прежде. Белофинны продолжали вести огонь в прежнем направлении.

Видя, что врага удалось перехитрить, Дарвин приказал подложить заряды. Бойцы, быстро передвигаясь от одной надолбы к другой, в точности выполняли приказание командира, который переполз вслед за ними и проверял их работу.

Белофинский снайпер заметил действия наших саперов и открыл стрельбу. Пули ударялись в гранитные надолбы, высекая, словно огнивом, маленькие желтые огоньки. Вслед за снайпером заработал вражеский пулемет. Но было уже поздно. Отважные саперы, прикрываясь надолбами, отползали вправо.

Рассекая предрассветную мглу, грянул взрыв, за ним другой, третий. Белофинны, словно обезумев, открыли беспорядочный ураганный огонь по тем местам, где произошли взрывы. Саперы к этому времени уже отползли гораздо правее и залегли за надолбами.

Дарвин подал команду:

— Переползать вправо, от надолбы к надолбе.

Чем дальше продвигались наши бойцы вдоль вражеских надолб, тем слабее становился огонь белофиннов. А когда саперы продвинулись вправо метров на сто, то заметили, что совсем выбрались из зоны огня. Только отдельные шальные пули, словно осы, жужжали иногда над головой.

Свернув на поляну, саперы благополучно добрались до своего батальона.

— Благодарю вас, товарищ Дарвин!—сказал комбат и, протянув руку, спросил:

— А как остальные?

— Ни одной царапины, товарищ капитан!

Через несколько минут Дарвин увидел незабываемую картину.

...На равнину вышли наши мощные танки, вслед за ними двинулась неутомимая пехота. Войска устремились в ворота, проделанные ночью руками отважных саперов. Враг, не выдержав натиска, покинул высоту, на которой развевался красный флаг.

Заместитель политрука

Т. Щуклин

СНАЙПЕР

Стрелял я и до службы в Красной Армии неплохо, а в течение последних двух лет готовился стать снайпером.

В снайперской команде я изучил оптический прицел, много тренировался на стрельбах. Мой друг Олейников тоже стрелял отлично, и у нас постоянно разгоралась страсть соревнования. Мы работали над собой упорно и настойчиво, перегоняя друг друга, радуясь каждой новой удаче. Когда началась война с белофиннами, Олейников и я попали в один батальон.

...Батальону было приказано обойти врага с левого фланга и ударить в тыл. Перед операцией все мы, бойцы, командиры и политработники, осмотрели и вычистили оружие, запаслись патронами, гранатами и продуктами.

— Ну, Щуклин,—сказал мне Олейников,—береги оптический прицел. Кажется, нам предстоит серьезная работа.

— А ты не забудь,—возразил я, подшучивая над Олейниковым,—не забудь, что расстояние между глазом и оптическим прибором во время прицеливания не должно превышать 8,5 сантиметра. А то я дам тебе сто очков вперед...

— Посмотрим...

Разведка нащупала свободный проход, и мы двинулись. Густые кроны вековых сосен закрывали от нас небо. Под ногами хрустел и поскрипывал снег. Ухо ловило каждый посторонний шорох, глаз искал в лесной чаще признаки вражеской жизни.

Мы с Олейниковым держались возле командира батальона капитана Подставкина. Снайперы обязаны в любой момент защитить своим метким огнем командира, если он подвергнется опасности.

Во второй половине дня батальон, углубившись в белофинский тыл, круто свернул направо. Где-то здесь находилась шоссейная дорога, по которой шло боевое питание. Вскоре наша разведка вернулась, обстрелянная с деревьев.

— Щуклин и Олейников,—позвал нас капитан Подставкин,—

очистить путь для батальона. Пробирайтесь осторожно, не делайте переполоха раньше времени...

Мы протерли оптические прицелы, разошлись на десять шагов друг от друга и стали продвигаться вперед. Наша дружба с Олейниковым, сработанность, взаимное понимание облегчали задачу.

Кивнув Олейникову, чтобы он продолжал ползти, я тем временем тщательно обследовал в оптический прицел впереди лежащую местность, особенно деревья, густые кроны их, покрытые снегом. Затем Олейников наблюдал, я полз. Так мы, взаимодействуя и оберегая друг друга, пробрались к небольшому озеру.

Лежа в кустарнике, смотрели несколько минут на тот берег, шарили по верхушкам деревьев. Именно там должна быть «кукушка», обстрелявшая нашу разведку.

— Есть,—шепнул Олейников, не отрывая глаз от оптического прицела.—Вижу.

— Где?—спросил я также полушопотом.

— Прямо перед нами отдельное дерево... Фигура человека хорошо замаскирована, но виден черный ручной пулемет.

— Ага,—я тотчас увидел в оптический прицел шюцкоровца в белом халате на самой верхушке сосны.

Олейников, продолжая наблюдать, сказал:

— Шестьсот метров. Веди огонь.

Я поставил дистанционную шкалу на 600 метров, прицелился и выстрелил.

— Ранил в ногу,—заметил Олейников,—дернулся, как чорт, схватился за пьексу...

В этот момент раненый шюцкоровец открыл из пулемета огонь по нас. Стрелял он хорошо, пули зарывались в снег рядом с моей головой.

Я быстро и незаметно переменил место. Дал знак Олейникову: «Веди огонь», и стал наблюдать.

После выстрела Олейникова шюцкоровец выронил из рук пулемет, медленно отделился от дерева и полетел вниз. С веток поднялся белый столб снежной пыли.

Мы еще раз внимательно обследовали местность и, вернувшись, доложили капитану Подставкину:

— Путь свободен.

Батальон продолжал свой путь. Впереди снова шла разведка. А мы с Олейниковым опять заняли места возле командира.

Когда солнце уходило за горизонт, разведка донесла, что обнаружен противник силой до батальона. Наш батальон развернулся в боевой порядок. Я и Олейников поместились на левом фланге, между станковыми пулеметами и капитаном Подставкиным.

Не доходя до шоссейной дороги, увидели в лесу группу белофиннов. Раздались одиночные выстрелы с нашей стороны и ответная стрельба врагов. Я стрелял, перебегая от дерева к дереву. Белофинны рассыпались и, пригнувшись, стали удирать.

Вот, наконец, показалась за елками шоссейная дорога. Огромный финский конный обоз и сотни грузовиков с боеприпасами

тянулись к фронту. За дорогой стояли красный домик пункта боевого питания и длинный лабаз с плоской крышей, полный ящиков со снарядами. Белофинны метались у обозов, у домика, у лабаза, стреляли из придорожной канавы.

Наши станковые пулеметы застрочили по обозам. Началась жаркая перепалка.

— Щуклин, бейте по легковой машине!—крикнул мне командир роты старший лейтенант Шленский.

Я увидел легковую машину с офицерами, мчавшуюся к домику, и открыл огонь. Машина остановилась, шофер выскочил из нее и скрылся в лесу. Два офицера были убиты в кузове, третий открыл дверцу, пытаясь бежать, но свалился на подножку с простреленной головой.

В этот момент по нашим пулеметам стали стрелять «кукушки». Они с умыслом пропустили нас и вели огонь в спину.

Старший лейтенант Шленский скомандовал:

— Щуклин и Олейников, бейте по «кукушкам».

Я взглянул вверх, но никого не заметил. Снег плотно облегал макушки деревьев, а стрельба раздавалась повсюду, и не было возможности быстро определить, откуда бьют.

Вдруг я увидел младшего лейтенанта Колосова, подползавшего к дереву. Раненный, он продолжал стрелять из пистолета вверх. Бросившись к нему, я заметил на ветках шюцкоровца, стрелявшего из автомата. Это с ним дрался младший лейтенант Колосов.

Я быстро прицелился и нажал спуск. Шюцкоровец выронил автомат и повис на суку.

Сразу же стали стрелять и по мне. Я отполз назад и притаился за сваленным деревом. Отсюда заметил вторую «кукушку». На высокой сосне, почти у самого лабаза, стоял во весь рост шюцкоровец в серой куртке. Он стоял на мостике из досок и стрелял из ручного пулемета.

Я сбил его первым выстрелом, и он растянулся на своих досках, опустив одну ногу, точно хотел спрыгнуть на землю.

Бой разгорался. Мы продвигались вперед, занимая дорогу и окружая пункт боевого питания. Наши бойцы уже забирались на грузовики, с которых вели огонь.

Но мы с Олейниковым никак не могли еще справиться со всеми «кукушками». То там, то здесь раздавался треск автомата, и мы искали врага, стиснув зубы, сгорая от нетерпения покончить скорее с этой задержкой.

Вот на маленькой густой елке что-то шевельнулось. Я немедленно взял ее на прицел. Выстрел, другой по подозрительной точке—и на землю летит фигура в белом халате.

Я переползаю немного ближе к дороге и вижу Олейникова. Мой друг, вывалявшись в снегу до того, что и брови его стали белыми, палил из маленького окопчика по елкам.

— Смотри, Щуклин, автоматчик задерживает перебежку,—крикнул он мне, указав в сторону залегших бойцов, а сам выстрелил в другую сторону: с дерева, треща сучьями, полетел белофинн.

Я стал приближаться к залегшим в снегу бойцам, но автоматчик перенес огонь на меня. Пули запели над головой. Я быстро спрятался за толстый ствол ближайшего дерева и стал осторожно выглядывать. Да, на соседней елке ветер шевелил полу белого халата.

Этого мне было вполне достаточно. В следующую секунду грянул выстрел. С елки упал в снег автомат. Потом медленно стала валиться белая фигура. Она была привязана веревкой поперек туловища и потому повисла вниз головой. Шюцкоровская шапка слетела, по ветру растрепались длинные рыжие завитые волосы.

— Женщина?!—вскрикнул я удивленно.

— Молодец, Щуклин,—похвалил командир пулеметного взвода, видевший, как ловко была сбита шюцкоровка.

Теперь я переполз в придорожную канаву, откуда наши выбили врага. Всюду на снегу валялись трупы белофиннов, но сопротивление еще продолжалось. Несколько бойцов было ранено возле меня.

Боец Галуза закричал:

— Смотрите, с крыши бьет.

Я взглянул на крышу лабаза. Там лежал, постреливая, шюцкоровец. В тот момент, когда я дослал патрон и хотел прицелиться, пуля дзинькнула по моей каске. Враг поспешил опередить меня, но промахнулся. Я поднял сбитую каску, прицелился и выстрелил. Шюцкоровец выронил автомат и, перевернувшись на спину, остался на крыше недвижим.

— Чистая работа,—сказал Олейников, прыгая в канаву рядом со мной.

Он все время внимательно наблюдал за вражеской позицией и вдруг крикнул:

— Пулемет на чердаке. Ударим его, стервеца, вместе!

Из маленького чердачного окошка в красном домике, окруженном нашими бойцами, гремел станковый пулемет. Мы с Олейниковым выстрелили почти одновременно, и пулемет затих.

Домик тотчас был занят красноармейцами. Остатки белофиннов рассеялись в лесу. Вся дорога чернела трупами лошадей и людей.

В конце боя я заметил быстро удалявшегося по придорожной канаве белофинна. Голова его то ныряла за бугорком, то снова показывалась на другом месте. Несомненно, куда-то направлялся связной.

Я подождал, когда связной выскочит из канавы, и уложил его метким выстрелом...

Капитан Подставкин приказал запастись патронами и гранатами, а затем взорвать захваченные боеприпасы, уничтожить все, что представляло ценность для врага.

Приказ был немедленно выполнен.

В это время младший командир Микулин, наблюдавший за подступами к пункту боепитания, доложил, что с фронта движутся крупные силы противника.

Наступала морозная ночь с крепким, пронизывающим до костей

ветром. Свистела поземка. Звезды изредка показывались из-за туч.

С левого фланга заработал наш пулемет навстречу шюцкоровцам.

— Не стреляй по своим, бери левее!—загорланили по-русски белогвардейцы.

Но эти голоса только помогли пулеметчику вернее нащупать цель.

Перестрелка продолжалась до глубокой ночи. А тем временем капитан Подставкин отводил назад одно подразделение за другим. Наконец, незаметно снялись с фронта последние бойцы. Батальон построился в том же порядке, как шел сюда, и двинулся обратно, в обход вражеских сил.

Белофинны скоро догадались о нашем уходе. Они послали вслед за нами лыжников. Но мы ловко сманеврировали, отвлекли их на озеро, а сами ушли лесом.

Через четыре дня с боями мы вышли к своим передовым позициям. Задача, поставленная командованием—разгром белофинского тыла,—была выполнена.

Герой Советского Союза

И. Ульянов

РАЗВЕДЧИК

Я—парикмахер. С девятьсот тридцатого года. А до тридцатого года был беспризорником. Сбежал из детского дома и шесть лет беспризорничал. Весь СССР объехал.

В тридцатом году мне было пятнадцать лет. И задумался я над своей жизнью. Вижу, так продолжать нельзя—пропадешь. Поехал я в Малую Вишеру, а там единственный мой родственник жил, двоюродный брат, парикмахер. Встретил он меня хмуро, потом послал помыться и говорит:

— Дай честное слово, что будешь работать!

Делать нечего, дал я ему честное слово. И стал он меня учить своему ремеслу. Уже через три месяца я получил кресло с клиентом. Стригу и брею, стригу и брею,—по началу не очень хорошо, для столицы бы и не сгодилось, а для провинции ничего, сошло.

В 1936 году я был взят в армию. Повели нас, призывников, в баню, начали стричь. Гляжу—у одного из стригунов ребята морщатся, кряхтят.

— Давай-ка,—говорю,—сюда машинку.

Надел я халат, принялся за дело. Поглядел командир на мою работу и говорит:

— Вот это специалист!

Так меня и зачислили в часть парикмахером.

Служу я на военной службе, стригу и брею, стригу и брею.

В 1939 году, когда меня опять призвали в армию,—опять пришлось стричь и брить.

Стояли мы на самой финской границе. Вот брею я однажды командира разведки и давай ему жаловаться:

— Никак от бритвы не уйти. Я и в гражданской жизни брею, и на военной службе брею. Возьмите меня к себе в разведчики!

Он посмотрел на меня и говорит:

— Ну, что ж, возьму.

Стал я учиться быть разведчиком. Учился с азартом, быстро познакомился и с винтовкой, и с ручным пулеметом.

И вот—война.

Приходит командир полка, читает приказ. Наша дивизия первой переходит границу, наша разведка действует первой.

— Пойдете,—говорит,—утром вместе со взводом пограничников.

Пограничников нам дали в провожатые.

Позавтракали. Подогнали на себе снаряжение, все уложили, подтянули, чтобы не брякало. Пошли к реке Сестре.

В 8 часов началась артиллерийская подготовка. В 8.10 наша разведка стала переправляться через реку. У нас уже заранее были приготовлены срубленные деревья, по ним и перебрались на ту сторону.

Тихо. Противника не видно. Перебегаем от дерева к дереву, тянем связь, даем по телефону донесения.

Вошли в деревню Помпола. Пусто. Ни одного человека. Здесь пограничники нас оставили:

— Дальше,—говорят,—и мы дороги не знаем. Счастливого пути, товарищи.

Идем, идем, верст семь прошли—все никого. И вдруг навстречу пули. Заговорили, слышим, станковые пулеметы. Мы залегли. Ползем и видим: перегорожена дорога, нивесть что наворочено! Противотанковые рвы, надолбы, проволока, завалы из толстенных сосен. Не пройти.

Мы отползли назад, засели в лесу. Ждем, пока подойдет полк. Ждем. Уже темнеет. Полка нет. Выставили дозоры и боковое охранение.

Наконец, подошел 1-й батальон полка.

Докладываем командиру батальона: так и так. Командир батальона подумал и говорит:

— Нужно завалы обойти.

Приказал нам поискать обход справа. Пошли мы вправо. Все лес да лес. Темно, еле видно. Через некоторое время стали забирать налево. Берем все левее и левее. Часа через два вышли на какую-то дорогу. Наш командир долго смотрел на карту, прикрыв в темноте фонарик шинелью, и сказал:

— Пожалуй, это продолжение той самой дороги, вдоль которой мы продвигались днем. Мы обошли финнов с тыла.

Присели мы немножко отдохнуть, перед тем как двигаться назад. И вдруг—стрельба. Несколько пулеметов сразу. Но полета пуль не слышно. Значит, стреляют не по нас. Стали мы осторожно шарить по лесу и увидели в ночном воздухе огненные шнурки. Трассирующие пули! Теперь картина ясна. Это с завала, который мы обошли, стреляют по нашему батальону. А мы сзади у финнов.

Но темно, ничего не разглядишь. Никак нельзя действовать! Притаились мы, решили дождаться рассвета.

Когда начало рассветать, тут мы и увидели финское укрепление. Все оно обращено туда, в другую сторону, а с нашей стороны совершенно открыто. Пулеметчики лежали к нам спиной, в бревенчатых гнездах, и мы видели их пятки.

Финны опять стали обстреливать расположение нашего батальона. Бросились мы на них. «Ура!» В деревянном гнезде лежит передо мной пулеметный расчет—три человека. Граната, взрыв—и нет ни пулеметчиков, ни гнезда. Кругом рвались гранаты. Финны в панике разбегались.

Новое «ура»—это батальон пошел в атаку. Заграждение было взято.

Вот первый бой, в котором я участвовал.

Вскоре нашу роту разведчиков распределили взводами по батальонам. Так при 1-м батальоне я и остался.

5 декабря, продолжая наступление, наш полк вышел к озеру Ахи-ярви. Заночевали. Еще перед рассветом нас, разведчиков, накормили горячим завтраком и поставили нам задачу: разведать дороги, с тем чтобы обойти озеро, которое едва покрылось льдом.

Командир взвода вывел нас на опушку леса, здесь развилка дорог. Разделились. Я пошел в головном дозоре вместе со своим товарищем Ивлевым. Только-только начинало светать. Сзади, метрах в стапятидесяти двигались застава и боковые дозоры. Еще дальше сзади—основное ядро с командиром взвода. Все мы в белых халатах, с винтовками и гранатами. Дорога вьется. Сумерки. Ивлев осматривает правую сторону дороги, я—левую. Подходим к каким-то большим камням. И вдруг мне послышалось, будто Ивлев что-то тихонько сказал. А на нас каски, подшлемники, слышится туговато.

Шопотом его спрашиваю: «Что?» Он на меня удивленно смотрит, и я начинаю понимать, что это не его я слышал. Я мигом—за камень. Ивлев—за другой. С одной стороны камня держу винтовку, с другой стороны—гранату-«бутылку».

И вдруг вижу: в 10—15 метрах от меня со снегу поднимается какая-то фигура. Слышу резкий голос, подающий команду.

Я выстрелил. Фигура рухнула в снег. Вижу—их уже целая груша. Поднялись и по глубокому снегу идут ко мне. Я снова выстрелил. Еще один свалился. Остальные продолжают приближаться.

Я—винтовку в сторону, схватил гранату. Подождал несколько секунд, рассмотрел, где они покучнее, и бросил гранату им на головы. Взорвалась удачно. Я—рукой в сумку, за гранатой «Ф-1», которая полюбилась мне еще по первому бою: оборонительная граната огромной разрушительной силы. Швырнул ее. Еще удачнее! Финны, вижу, растерялись. Бегут.

— Ползи к командиру взвода,—шепчу я Ивлеву.—А я их здесь задержу, не выпущу на дорогу.

Ивлев пополз. Лежу один. Смотрю—финнов нет. Куда они девались, не знаю. Вдруг справа, позади слышу—длинная пулеметная очередь. Я насторожился. Это не ручной пулемет, у ручного нехватит диска на такую длинную очередь. Это станковый. А у нас в разведке станкового пулемета нет, только ручные. Значит, стреляют финны. По кому же это они бьют?

Подумал, подумал и пополз на звук пулемета. Пробираюсь болотом, кустарниками. Звук все ближе. И вот вижу: замаскированный срубленными елочками стоит в снегу пулемет и палит по

дороге, по тому месту, где должны проходить наши, за которыми пополз Ивлев. А у пулемета три белофинна. Я за винтовку. Но, думаю, нет—стрелять нельзя. Убьешь одного, а другие двое на тебя!

А то разве штыком? Нет, и штык не годится,—штыком тоже с тремя не управишься. Полез я в сумку за гранатой. А граната только «Ф-1», большого радиуса поражения. И я теперь не за камнем, а только за кустом. Но делать нечего. Бросил «Ф-1», а сам поскорее бух в снег, чтобы меня поменьше задело.

Оглушительный взрыв. Однако и меня тряхнуло здорово. Щеку поцарапало, на спине шинель осколками пробило и из ватника вату повыдергивало. Но цел!

Дым рассеялся. Смотрю: от всего пулемета один каток опрокинутый, ствол в снег зарылся, три трупа лежат.

Пополз я назад, к батальону. Уже совсем рассвело. Реденький лесок кругом. И вдруг вижу—несколько финнов устанавливают какую-то треногу. Что бы это такое? Фотографы они, что ли?

Нет, не то. Бак рядом пристраивают и шланг какой-то.

Я засел в кустах, выжидаю. Тут я увидел лыжи, а на лыжах стоит пулемет. Они поднимают пулемет и укрепляют его на треноге.

Ага, вот это какие фотографы! Я швырнул под треногу гранату. Взрыв. Выглядываю из снега—и следа белофиннов не осталось. Чисто сбрил!

Между тем из глубины нашего расположения стала доноситься беспорядочная стрельба. Я поспешил к батальону. Пробираюсь леском. В левой руке винтовка, в правой граната. Идя на выстрелы, вышел... к нашему обозу.

А тут полная паника. Люди под кухнями, под повозками. Стреляют слева, стреляют справа, а кто куда ведет огонь—не поймешь.

Я бросился в канаву, где залегло несколько красноармейцев.

— Что тут такое? Куда стреляете?

А мне человек показывает, зажмурившись и упрятав голову в плечи:

— Туда...

— Куда туда?

Перебегаю от одного к другому, от канавы к кухне, от кухни к повозкам,—всюду пальба, и ни от кого не добьешься никакого толку. А людей, вижу, много—сила, если их собрать!

Я и давай сколачивать обозников.

— За мной, кричу, товарищи! Давай за мной!

Не идут.

Я тогда одного поднял: «Становись!» Другого поднял: «Вставай рядом, если пропасть не хочешь!» Третьего уже легче удалось поднять, четвертого—еще легче.

Повеселели, закуривают под моим началом. Какой ни есть, а командир объявился. Все больше и больше у меня людей. Как перестали стрелять, так и вообще оказалось, что тут делать нечего. Ни одного белофинна. Видимо, финны сделали на обоз налет, посеяли панику, а сами—дальше.

Но только перестали обозники палить, как сразу же стала слышна стрельба в другом месте, и совсем недалеко—в расположении нашей полковой батареи... Это уже дело посерьезнее.

— Вперед,—кричу,—за мной!

Побежали мы лесом и вскоре так и выскочили на белофинских автоматчиков.

Они били по нашим из-за деревьев. Мы зашли с фланга—«ура!» и смяли автоматчиков. Те побросали оружие да как пошли удирать, только пятки засверкали. Я с командой—за ними, в погоню! Но на бегу попробуй-ка их взять! Как зайцы, туда, сюда увертываются финны от штыка. Да и налегке они, а мы в снаряженье.

Метров сто—двести мы их так преследовали, а потом они забежали в чащу, вскочили на лыжи, которые были там припрятаны, и сразу пропали в лесу.

А мы—тоже не лыком шиты! Обложили лес и пошли шаг за шагом его прочесывать. Теперь местность мне вся была знакома, стал я прижимать белофинских зайцев к нашему батальону. Батальон взял их огнем с одной стороны, я—с другой. Тут их и положили. Часть из них кинулась удирать по льду озера, а лед-то слабый. Эти провалились, ушли под лед.

Закончив свое дело, я распустил обозников. Отправились они приводить в порядок свои кухни и повозки.

Остался я один. Хожу туда, сюда: к кому примкнуть?

Тут встретился мне инструктор политотдела дивизии. Расспросил меня, кто я, что тут делаю,—и сразу к комиссару дивизии. Гляжу—и комиссар тут же.

— Орел!—говорит.—Да вы,—говорит,—товарищ Ульянов, своей находчивостью и отвагой боеприпасы отстояли и продовольствие, и весь обоз от налетевшего врага!

После этого еще во многих боях я был—и все разведчиком. Сначала рядовым бойцом, потом младшим командиром. Командование несколько раз предлагало мне поехать учиться—я уже был Героем Советского Союза.

Но как же, думаю, оставить своих разведчиков? У меня уже свой отряд был—из смельчаков, добровольцев. Как же я их, товарищей-то своих боевых, оставлю?

Так и не поехал учиться, пока не кончилась война. А теперь другое дело. Теперь я в военном училище...

Когда шли бои на главном рубеже обороны белофиннов, у линии Маннергейма, я попросил, чтобы мне разрешили сформировать группу разведчиков исключительно из добровольцев. Командование очень одобрило мое предложение, и вскоре я стал во главе отряда.

Тут я распорядился людьми, как подсказал боевой опыт. Отряд разбил на три группы. Сам и названия для них придумал: группа захвата—основная, она имела обычно задачу—разведывая, достать «языка»; группа отвлекающая—она отвлекала на себя внимание противника, чтобы обеспечить успех группы захвата; группа

прикрытия—она прикрывала обе первые группы огнем и для этого снабжалась двумя станковыми пулеметами.

Построив этим способом работу разведки, я сразу увидел, что тактика моя правильна: и результаты мы стали давать ценные, и потери резко снизились.

Теперь—о снаряжении бойца-разведчика. Границу мы перешли крайне перегруженными. На каждом, например, был вещевой мешок с двумя парами запасного белья, котелком, кружкой. К чему это? А в то же время гранат на каждом было одна-две. Дальнейшее показало, что гранат надо разведчику иметь при себе не меньше пяти штук. Я лично только с полудесятком гранат чувствовал себя в разведке уверенно. Значит, вещевые мешки с разведчика—долой, но прибавить в сумку ему гранат.

Винтовка, конечно, обязательно нужна, и со штыком. Патронов вначале мало давали—50—60, а надо разведчику не меньше 120—150 штук. Случалось по двое-трое суток в окружении действовать. Расстреляешь патроны, хоть зубами отгрызайся!

Наганы должны быть у разведчиков. Ножи—в обязательном порядке; мы все сами финками вооружились.

Разведчик на лыжах должен отлично ходить.

Валенки были у нас—не годятся они разведчику. Промочишь раз, после и не просушишь, пока на отдых не попадешь. И днем и ночью у тебя ноги стынут от промерзших валенок. Я лично обзавелся такой обувью: хромовый сапог, а переда и подметка—все резиновое. Наденешь две пары шерстяных носков да обвернешь еще ногу байковой портянкой—ногам всегда тепло, как на печке. И тепло, и легко, и удобно.

Скажу еще о продовольствии разведчика. Свежий хлеб зимой не годится. Замерзнет в ледяшку, его и не оттаешь: на костре только горит. И колбаса в ледяшку превращается, и консервы.

Хорошо давать галеты, шоколад и самое разлюбезное дело—ржаные сухари,—они не приедаются. Паек разведчику надо давать не суточный, а не меньше чем трехсуточный.

Вот так должен быть снаряжен разведчик.

Старший лейтенант
В. Игнатченко

ПЕРЕХИТРИЛИ ВРАГА

Моя батарея была придана в помощь стрелковому батальону, занимавшему оборону в районе деревни Пасури.

Участок был трудный. Севернее Пасури находился стык, соединявший озеро Вуокси-ярви с рекой Вуоксен-вирта, который выдавался мысом выше деревни Ораванеми. Мыс вел к переправе-дамбе, взорванной белофиннами при отступлении. По северному берегу тянулся укрепленный район противника, шедший на восток, вдоль всей водной системы: Вуоксен-вирта—Суванто-ярви—Тайпален-йоки и до самого Ладожского озера. Укрепленный район белофиннов начинался за хутором Коверлахти.

Занимаемый нами участок Муомяки—Пасури—Ораванеми—Лавола находился под систематическим обстрелом противника. Огонь велся с трех сторон: артиллерийский—из районов Коверлахти и Хейкканен, артиллерийский и минометный—из-за Контори, выше переправы. А у самой переправы торчала наблюдательная вышка противника. Сбить ее можно было только прямой наводкой, но открытое место возле переправы не позволяло установить там орудие.

Наш весьма важный участок надо было удерживать во что бы то ни стало. И перед моей батареей стояла задача—засекать огневые точки противника и подавлять их. В этих условиях бесперебойная связь играла решающую роль.

☆

Мыс у переправы занимали два стрелковых отделения. Здесь были прекрасные условия наблюдения, и в этом месте я организовал передовой наблюдательный пункт. Огневая позиция находилась в лощине, юго-западнее деревни Пасури. В самой деревне помещались основной наблюдательный пункт и промежуточный узел связи. Сам я обосновался на передовом наблюдательном пункте. Этого требовала обстановка.

Белофинны почами просачивались на наш берег из района Кон-

тори—чаще всего для совершения диверсионных актов. Проникали они небольшими группками и раза два-три нарушали связь между моей батареей и стрелковым подразделением. Финны связь перережут, пошлешь связистов восстанавливать линию,—а на дороге засада. Очень жалко было терять людей. Следовало что-то придумать, чтобы связь работала бесперебойно,—перехитрить врага. И вот явилась такая идея. Я дал связистам задание—от передового наблюдательного пункта до промежуточного (в деревне Пасури) провести три линии связи: основную, которую я приказал закопать в снег, и две подвесные, контрольные: первую—по деревьям, вторую—по изгороди.

Ночь. Дежурный телефонист все время поддерживает связь с огневой позицией через контрольную линию. Оттуда отвечают. Проходит час, два,—все в порядке... Вдруг связист настойчивее начинает вызывать условным кодом огневую позицию, дует в трубку телефонного аппарата.

— Что там?

— Обрыв линии, товарищ командир!—докладывает он.

Белофинны перерезали подвесной провод. Они уверены в своем успехе. Возможно, они перережут и тот, что протянут вдоль изгороди. Но теперь я уже не волнуюсь, как день-два назад.

— Напрасно ждете, гадины!—мелькнуло у меня в голове.—Подохнете на морозе, а ни чорта не дождетесь!..

Отдаю приказание связисту включить основную линию. Связист включает и вызывает огневую позицию.

— Ну, как?—спрашиваю.

— В порядке, товарищ командир! Отвечают!

Так белофинны остались в дураках.

Однажды, когда они сделали попытку захватить наш мыс, третья линия связи нам здорово помогла. Не зная о ее существовании и перерезав контрольные линии, белофинны думали нас окружить и внезапно атаковать. Они начали наступление превосходящими силами. Но, включив основную линию, я быстро связался с огневой позицией, и батарея открыла огонь прямо по наседавшему на нас врагу. Снаряды рвались метрах в ста от нас, как раз по тем местам, где залегли белофинны. Они растерялись и начали в панике отходить. Их по пятам преследовал огонь батареи, которым я управлял, а вдогонку летели меткие пулеметные очереди.

Белофинны были отбиты.

Старший лейтенант
П. Копытин

ТОВАРИЩА В БЕДЕ НЕ ОСТАВЛЯТЬ

20 декабря. Получен боевой приказ. Нашему звену предстояло разрушить железнодорожную станцию Хейниоки. Маршрут давно изучен. Проверено знание сигналов: «сомкнись», «разомкнись».

Над аэродромом взвилась ракета. Эскадрилья за эскадрильей стали подниматься в воздух и ложиться на курс.

У озера Муола-ярви на звено обрушились зенитные батареи противника.

— Разомкнись!

Летчики быстро исполнили эту команду. Чтобы окончательно запутать белофиннов, я на ходу беспрерывно меняю скорость и направление. Через несколько секунд снаряды стали рваться в стороне от самолетов.

— Станция близко!—кричу я в микрофон штурману.

Самолет лег на боевой курс. Вдруг горсть снега ударила меня по очкам. Это штурман открыл бомбовые люки, и примерзший к стенкам снег рвануло вверх.

Теперь, несмотря на усиленный зенитный обстрел, необходимо 15—20 секунд строго выдерживать горизонтальный полет, чтобы бомбы попали точно в цель. Какими долгими кажутся эти немногие секунды! В ушах почему-то звучит мотив «Не спи, вставай, кудрявая...», и невольно я начинаю его напевать.

Но вот я почувствовал, что штурман сбросил бомбы и самолет стал легче.

— Сомкнись!..

Зенитный огонь врага не смог отрезать нам путь. Справа видна железнодорожная станция Хейниоки, окутанная дымом и пламенем.

Перелетаем линию фронта. Облака опять прижимают самолеты к земле. Я веду свое звено над самыми верхушками деревьев и вдруг замечаю, что левый ведомый летчик Остаев отстает. Я сбавил скорость, но ведомый отстал еще больше. С экипажем явно неблагополучно! «Если ранен летчик,—подумал я,—экипаж может погибнуть», и решил немедленно сесть на аэродром соседней части, над которым мы пролетали.

Я не ошибся. Летчик Остаев и стрелок-радист Погребняк были действительно ранены. Остаев моментами впадал в полуобморочное состояние, но быстро приходил в себя. То, что мы находились все время рядом, оказало ему большую моральную поддержку. Летчик, преодолев боль и напрягая все усилия, благополучно посадил машину.

Он сам говорил потом:

— Вижу, как все приноравливаются ко мне, берегут меня. И это прибавляет сил. Чувствуешь себя крепче, бодрее, забываешь о ране...

С утра ждем вылета, чтобы разгромить деревню, где скопилась большая группировка противника.

Погода крайне неустойчивая. По нескольку раз в день солнце скрывается за тучами, начинается метель. Во второй половине дня, когда солнце выглянуло в один из просветов, был отдан приказ лететь.

По пути мы попали в сплошную облачность. Долго и упорно пробивались, твердо уверенные в успехе. Проходили долгие минуты, а просвета все не было. Вдруг мы вырвались из белесой мглы. Над нами сияло солнце, голубело небо.

Легли на боевой курс. Ударила вражеская зенитка. Трассирующие снаряды пролетали огненным дождем между самолетами.

Неожиданно мою машину качнуло—сначала влево, а затем вправо. Эскадрилья сделала маневр, я оглянулся и увидел, что правое крыло пробито и поврежден левый элерон. Самолет сильно кренило вправо.

Я удерживал его изо всех сил, стараясь дойти до цели и сбросить бомбы. Это мне удалось, но разворот от цели стоил больших усилий. Разворачиваясь, все же успел заметить, что цель поражена.

Постепенно мой самолет начал отставать, все более кренясь на правое крыло. И тут произошло то же, что было когда-то с Остаевым. Летчик Гонтаренко, придержав свою машину, махнул мне, чтобы я выходил вперед. Когда я вышел, он и Остаев пристроились по бокам. Я оказался ведущим. Звено сбавило скорость. Заметив это, командир эскадрильи капитан Тараненко сделал то же самое. И вся эскадрилья, приноровившись к скорости моего самолета, вместе дошла до своего аэродрома.

Так наша эскадрилья воспитывалась в духе товарищества и боевой дружбы.

Герой Советского Союза

С. Комендант

НОЧЬЮ...

Побывал я на Халхин-Голе, на польском фронте, а тут война с Финляндией. Стал я просить командование отправить меня добровольцем. Мою просьбу удовлетворили. Попал я в 1-й батальон.

Начальник штаба полка тов. Москвин вызывает меня и спрашивает:

— Вы кем были?

— Был,—отвечаю,—и командиром отделения и командиром взвода.

— Ну, куда пойдете?

— Куда,—говорю,—потяжелее, туда и пойду.

— Пойдете вы в разведку!

— Есть пойти в разведку!

Разведывательной группой командовал старший лейтенант Березин. Он был опытным разведчиком и лично подбирал людей в свою группу. Собрал он нас и стал нам рассказывать, в чем заключается работа разведчика. Я сразу почувствовал, что тов. Березин любит свою опасную работу и старается нам внушить эту любовь. Когда он говорил о разведке, то не только нас увлек своим рассказом, но и сам увлекся. Глаза горят. Волнуется... Говорит со всеми, а смотрит на меня:

— Чтобы быть хорошим разведчиком, помимо личного героизма, бесстрашия и отваги, надо обладать железными нервами, волей, находчивостью, умело ориентироваться в любой обстановке. Надо иметь хорошую память, быть физически выносливым, знать компас, хорошо владеть всеми видами оружия. А самое главное—быть верным и преданным сыном Родины, не щадить своей жизни для ее блага!

Потом вдруг обращается ко мне:

— Правильно я говорю?

— Очень даже правильно, товарищ старший лейтенант.

— Пойдете моим помощником?—снова говорит он мне.

Вначале я не понял. То ли он спрашивает меня, то ли приказывает.

— Я никогда в разведке не работал, товарищ старший лейтенант. Боюсь не справиться...

— Дело за вами! Захотите—научитесь. Вот сегодня ночью в разведку пойдем... Присматривайтесь, учитесь! Наша работа опасная и нужная. Понятно? Собирайтесь! В 23 часа выступаем.

Командир дружески посмотрел на меня и ушел...

Темной ночью мы отправились в разведку, и эту ночь я буду помнить всю жизнь.

Снег отливал синевой и хрустел под ногами. Мы шли гуськом. Впереди—старший лейтенант Березин. Наши белые халаты сливались со снегом. Шли молча, настороженно. Я иду последним. Стараюсь не терять из виду впереди идущего и одновременно вглядываюсь в темноту, хочу первым заприметить врага.

На опушке молодого леса Березин дал нам знак залечь и тихо прошептал:

— Там, левее, проволочные заграждения. Нужно перерезать проволоку. Сделайте проходы для наступления пехоты. Еще требуется разведать огневые точки противника и нанести их на карте. Понятно?

— Понятно, товарищ старший лейтенант,—ответил старший дозора.

Березин отобрал трех разведчиков и под командой старшего направил их выполнять задание. Они взяли с собой ножницы и исчезли в темноте.

Лежу я на снегу и провожаю взглядом товарищей. За себя не волнуюсь: немало мне пришлось пережить на Халхин-Голе. А вот за ребят, за этих четырех, с которыми познакомился только сегодня и которые стали мне близкими и родными, очень волнуюсь, хоть и стараюсь скрыть свое волнение, потому что вижу, как командир за мной наблюдает. Прислушиваюсь. В лесу тишина такая, что в ушах от нее звенит...

Вдруг слышу выстрел... другой... третий... Заработал автомат, как будто град бьет по железной крыше.

— Обнаружили!—шепчет Березин.

Стрельба смолкла так же неожиданно, как и началась.

Напряженно ждем. Прислушиваемся к каждому шороху. До боли в глазах всматриваемся в ночной мрак...

Внезапно около меня раздался шелест ветвей, шуршание снега и легкий стон. Я сначала растерялся. Дергаю за халат Березина, а он тоже услышал и делает нам знак «приготовиться». Вынули мы наганы и приникли к самому снегу.

— Свои!—шепчет Березин и поднимается, встречая разведчиков, которые несли на халате раненого бойца.

У меня от сердца отлегло, когда увидел своих товарищей.

— Товарищ старший лейтенант, задание не выполнено. У самой проволоки нас обнаружил финский секрет. Обстреляны. Ранен один боец.

— Куда ранен?—спрашивает Березин старшего разведчика.

— В плечо.

— Перевязку наложили?

— Да! Только намокла она от крови.

— Двоим отнести раненого на медицинский пункт,—приказывает Березин.

— Есть отнести раненого,—повторяет приказание старший разведчик и вместе с другим бойцом уносит раненого.

Снова ждем. А нет ничего хуже, как ждать ночью в разведке.

Березин снова отбирает троих, дает им ножницы и посылает перерезать проволоку. Они уходят. Лежу я рядом с командиром и вижу, как он волнуется, а от нас хочет скрыть свое беспокойство. Мне было обидно, что бойцы не сумели выполнить приказание старшего лейтенанта. Сам бы пошел, да боюсь просить разрешения, не пустит...

По лесу прокатился металлический звон, и сейчас же, как и раньше, застрекотал автомат.

— Опять обнаружили,—зло шепчет Березин,—не спят, черти! Теперь нам надо уходить отсюда. На этом участке ничего не выйдет!

Скоро вернулись и бойцы, высланные вперед. Березин обрадовался, что они пришли без потерь.

— Мороз сильный, товарищ старший лейтенант. Проволока под ножницами так и звенит. Финны по звону и бьют. Насилу ушли...

— Товарищ старший лейтенант, разрешите, пойду я,—обращаюсь с просьбой к командиру.

— А перережете?—пытливо спрашивает меня Березин.

— Конечно! Иначе я и не вернусь!—отвечаю я уверенно.

— А вы знаете задачу? Знаете? Ну хорошо, идите. Только осторожней. Они теперь на-чеку! Вдвоем пойдете.

— Есть итти вдвоем, товарищ старший лейтенант.

Взял я ножницы и пополз вперед. Вслед за мной направился и боец, один из только-что возвратившихся красноармейцев, выделенный командиром мне в помощь.

Недолго ползли мы по лесу, а я уже здорово устал с непривычки. Надо пробираться без шума, чтобы самого себя не слышать, а тут все кругом мешает: и холод, и винтовка, и ветки, что на дороге лежат.

Добрался я до опушки, вижу небольшую высотку. Вокруг нее густой кустарник. Туда нужно пробираться через заснеженную лужайку, а она открыта со всех сторон.

Я приподнялся, маскируясь ветками, осмотрел местность, а потом подполз к бойцу и шепчу ему на ухо:

— Будем опушкой до проволоки добираться. Лужайка наверное пристреляна финнами. Сколько там проволоки?

— Семь колов,—отвечает мне боец.

Думал я, думал, и пришла мысль обмануть белофиннов. Да только за товарища своего боялся—выдержит ли он? Решил его испытать. Подвинулся к нему еще ближе, обнял его и дружески спрашиваю:

— Женат?

Красноармеец смотрит на меня удивленно и отвечает:

— Нет.

— Родные есть?

— Отец, мать, сестра в школу ходит, брат в армии политруком,— шепчет он мне в ответ, но чувствую, что парень озадачен моими вопросами.

— Комсомолец?

— Да! С 1936 года.

— А ты парень рисковый?—спрашиваю его.

— Что?—переспросил он.

А я решил ему план мой выложить и в упор говорю:

— Не трус ты?

— Я в Красной Армии служу! Понятно?—обиженно шепчет он.—В разведке говорить не полагается. Что ты ко мне пристал с расспросами? Если за старшего назначен, приказывай...

Вижу,—парень обижен и раздражен, но делаю вид, что ничего не замечаю.

— Вот это правильно,—говорю ему,—ты возьмешь немного вправо. Окопайся поглубже и бей лопатой по проволоке, что есть силы, делай вид, что режешь ее. Финны по тебе огонь откроют, ты пережди, а потом снова бей. Пусть они думают, что это ты режешь проволоку. Понял?

— Понял! А ты, я вижу, со смекалкой,—шепчет он мне.

«Ну, думаю, дошло до парня, понял он мою хитрость».

— Давай, двигай,—говорит он мне.

Поползли мы по опушке до проволоки. Оставил я его чуть правее, а сам дальше пополз к самым кольям. Забрался под проволоку, взял в обе руки ножницы и стал приспосабливаться, как удобнее резать. Сообразил, что если лечь на спину и резать вытянутыми руками, то это всего безопаснее: и для финнов мишенью не будешь и проволока колючками не издерет. Только для этого надо большую физическую силу иметь, а я этим похвастаться не мог, особенно после ранения на Халхин-Голе.

Все же решился испробовать. Лег на спину, вооружился ножницами и жду сигнала.

Проволока, скованная морозом, как струна, зазвенела от сильных ударов моего помощника, и тут я начал действовать. Сразу же перекусил ножницами проволоку. Она, свертываясь клубком, как змея, заныла на все лады, оглашая скрежетом и звоном воздух. Тут же застрекотал автомат. Его поддержали пулеметы. Но финны били только в направлении, где был мой товарищ, ибо моей работы они не замечали. Как только мой помощник смолкал, стрельба прекращалась, но чуть он снова начинал бить по проволоке, они открывали огонь. Я же терпеливо продолжал резать проволоку, продвигаясь на спине все дальше и дальше, перегрызая острыми ножницами, как зубами, колючую изгородь. Наконец, сделал два прохода.

Выполнив первую часть задания, я решил пойти дальше в разведку и выявить огневые точки противника. Но раньше я решил

захватить с собой бойца, который продолжал дубасить по проволоке, не зная, что я уже кончил свое дело. К тому же он каждую секунду рисковал жизнью.

В момент, когда финны прекратили огонь, я дополз до него и крепко пожал ему руку.

— Спасибо, браток! Молодец!—шепчу ему.—Если бы не ты, вовек бы эту проклятую проволоку не перегрызть. Они ее тут столько намотали, что у меня руки отнялись, пока ее резал.

Боец был очень доволен моей похвалой.

— А теперь пойдем в разведку. Дорожку сделали, легко будет итти,—сказал я ему и пополз к проходу, который только-что был прорезан.

Финны, уверенные, что уничтожили нас, прекратили огонь.

Мы ползли по снегу, перекатываясь с боку на бок. О нас можно было подумать, что это ветер поднимает снег и метет его перед собой.

Только переползли через проход, как мой товарищ зацепил винтовкой конец срезанной проволоки; она издала легкий звон. Финны сразу обнаружили нас и открыли огонь трассирующими пулями.

Я увидел как пуля попала в моего товарища.

«Убили!»—решил я и вмиг зарылся в снег. Вдруг услыхал шорох. Обернулся, вижу мой «убитый» ползет ко мне.

— Ранили?—тихо спрашиваю его.

— Нет! Только шинель испортили! Прожгли, сволочи!

— Тише,—предупредил я его и пополз к небольшому бугру, который заметно выделялся на снежной целине. Чуть подползли туда, боец тащит меня за халат и головой показывает в сторону. Метрах в десяти от нас пристроился финн с автоматом.

Мой товарищ вынул гранату. Я его поймал за руку, удержал.

— Нельзя,—шепнул ему.—Обнаружим себя, сведений не принесем, а уничтожить его всегда успеем.

Боец подчинился, но шопот мой выдал нас. Финн повернул автомат и открыл огонь по бугру, за которым мы прятались. Лежим без движения. Только бугорок нас и спасает, а финн строчит из автомата, не жалея патронов.

Вдруг я почувствовал удар в плечо.

«Ранили»,—подумал я, но сильной боли не почувствовал и продолжал лежать, как мертвый. Вот тут-то до меня дошли слова Березина о том, что много выдержки нужно разведчику. Только у моего товарища по молодости лет ее мало было. Несмотря на стрельбу финна, он вдруг пополз от меня влево, и вскоре я увидел только его ноги.

«Что с ним?—думаю.—Ранен или пополз в яму? Надо его выручать, если ранен».

А финны, как назло, ведут такой огонь, что я сдвинуться с места не могу.

Мой товарищ пролез в канаву и пополз по ней, решив прорваться за проволоку к своим, но увидел, что по канаве к нему навстречу

ползут финны, чтобы окружить нас и взять живьем. Он пополз обратно и предупредил меня.

— Мы, кажется, попадаем в плен!—шепчет он мне и рассказывает, что увидел в канаве.

— Не может быть!

— А вот смотри!

Он показал на ползущих по канаве финнов и тут же застонал. Я повернулся к нему, спрашиваю:

— Тяжело?

— Тяжело,—шепчет он со стоном, держась за бок.

— Можешь отползти назад?

— Попробую,—отвечает и ползет вниз.

— Старайся, браток, старайся отползти, а я их тем временем задержу,—обнадеживаю я своего товарища, хотя понимаю, что дело почти табак.

Вынул гранату и лежу. Подпустил финнов поближе и бросил в самую гущу...

А финн-автоматчик заметил моего товарища и открыл по нему огонь. Я в автоматчика вторую гранату,—от него только мокрое место осталось. Отползаю назад. Финны рычат, на меня скопом лезут. Я в них гранату... они отступают. Ползу назад, а мысли—о товарище.

Отполз он до середины проволоки или нет?

— Потерпи, браток, сейчас помогу,—шепчу ему, как будто он может меня услышать.

Вдруг у меня потемнело в глазах.

«Ослеп, что ли?—думаю.—Почему же глазам не больно?»

«Каска»,—догадываюсь я. Она надвинулась мне на глаза, и я ничего не вижу. Поднимаю, а она снова на глаза лезет, сдвинуть совсем не могу, ремешком под халатом у подбородка стянута. Приподняться нельзя—убьют, а проход никак не найдешь. И ползаю я у проволоки, как слепой щенок, пока проволока не зацепила меня за халат и не опутала колючками, словно паук. И вот я уже не могу вырваться.

«Ну, теперь живьем возьмут! Лучше смерть, чем плен»,—думаю, а сам пытаюсь освободиться от проволоки. Но паники—никакой. Соображаю, что винтовка вылезла вверх и видна. Я ее под себя. Опасаясь, что могут быть видны черные перчатки, прячу их... Мозг работает, как часы. Маскируюсь халатом, стараясь слиться со снегом. Лежу, не дышу. Чувствую, как финны проходят мимо, ищут меня и не могут найти... Проходят во второй раз—совсем близко. Слышу, как бьется мое сердце. Крепко сжимаю в руке наган...

«Дорого, гады, я продам вам мою жизнь!»—думаю про себя, а биение сердца остановить не могу. Мне кажется, что оно бьется слишком громко, и его услышат.

Финны отходят все дальше и дальше. Они уже метрах в двадцати. Напрягаю последние усилия и вырываюсь из проволоки, оставляя на ее прожорливых зубьях клочья белого халата и тела

своего с кровью. Вскоре нахожу проход, посредине которого лежит мой боец. Подползаю к нему, прикладываю ухо к сердцу... Убили, гады! Такая меня злость взяла! Какого парня ухлопали!

Финны снова по мне огонь открыли. Взвалил я на себя мертвого товарища и пополз к нашим.

В это время меня одна пуля ударила в бок, другая в руку. Сжал зубы и ползу,—убитого не выпускаю. Не оставлять же мне его на растерзание этим волкам. Погиб комсомолец смертью храбрых. Я и решил, что мой долг—спасти его тело, чтобы хоть после смерти отдать ему должное за мужество и героизм.

Еще два ранения получил я... Чувствую, что истекаю кровью, а товарища не бросаю. Отдохнул и дальше ползу, а главное—стараюсь не потерять сознания, чтобы донести старшему лейтенанту об огневых точках, которые я разведал.

Березин, как услыхал стрельбу, прибежал на помощь и нашел меня уже в лесу. Я ему все доложил и тут же сознание потерял—больно много крови ушло из меня.

Пролежал я несколько дней в госпитале и вернулся в разведывательную группу... Теперь я знал, что такое разведка, понял, как нужна моя служба Родине.

Майор
С. Михайлов

ТАНКИСТЫ

Бурно течет полноводная красавица Вуоксен-вирта. Стремительно низвергаясь через гранитную преграду, она образует водопад Кивиниемен-коски. Зажатая скалами, река вливается в продолговатое озеро Суванто-ярви.

Над рекой не смолкают громоподобные раскаты артиллерийской канонады. Над противоположным берегом вспыхивают молнии шрапнелей. Высоко вздымаются черные фонтаны земли, с треском валятся на снег стволы столетних деревьев. За лесной завесой раздаются одиночные ружейные выстрелы. Перебивая их, вторят нестройным хором пулеметные очереди... Вдоль обрывистых берегов Вуоксен-вирта тянется линия фронта.

В глубине леса бело-зеленой вереницей выстроились танки. У машин энергично хлопотали танкисты—весельчак командир роты, любимец части, воентехник 2 ранга Григорий Руфов, совсем юный лейтенант Иван Прошин, широкоплечий водитель Никита Русин. Танкисты ползали по снегу, заглядывая под машины, проверяли механизмы.

Головная командирская машина ушла вперед к бревенчатой финской избушке, затерянной в лесу. Из люка танка ловко, по-кавалерийски вынырнул полковник Дмитрий Данилович Лелюшенко—командир бригады.

Он вышел на опушку леса у реки, пригнулся, лег и пополз к наблюдательному пункту.

Смельчаки-пехотинцы уже делали попытку на лодках прорваться на тот берег, но сильный вражеский огонь возвращал их обратно. Познакомившись с обстановкой, Лелюшенко пополз обратно к своему танку. Противник, следивший за ним, уже успел его засечь. В минуту, когда он садился в машину, снаряды и мины рвались впереди. Один из них рикошетом ударил в башню. Раздался стальной звон. Снаряд упал вблизи, не разорвавшись.

Полковник приказал водителю дать задний.

Три снаряда разорвались впереди—перелет.

— Попали в вилку,—предупредил полковник водителя.—Полный вперед!

Белофинны продолжали вести ураганный огонь по пустому месту.

Полковник прильнул к смотровой щели. От него не ускользнул подозрительный дымок над лесом. Впоследствии разведка обнаружила курсирующий за лесом белофинский бронепоезд.

Двадцать машин вели огонь осколочными через реку. Они метко посылали снаряды в домики на опушке леса, вызывали огонь врага, засекали появляющиеся огневые точки. Данные немедленно передавались артиллеристам.

В грохоте канонады танкисты уловили гулкие звуки тяжелых орудий. Это вел огонь тот самый вражеский бронепоезд, который был обнаружен полковником. Скоро дуэль танков с бронепоездом прекратилась. Бронепоезд, как донесли разведчики, ушел в направлении Кивиниеми.

Два дня танкисты действовали на берегу, как подвижная, надежно закованная в броню артиллерия. Они подавляли огневые точки, и под прикрытием их огня смелые пехотинцы форсировали Вуоксен-вирту.

Целые сутки Лелюшенко с капитаном Двинянинновым находится на наблюдательном пункте в районе Тайпален-йоки. На карте появляются цифры, обозначающие цели.

Район высоты 13,2 является загадкой. Но данные подтверждают, что здесь—передний край укрепленного района. Высота 13,2—ключ, огневая ось района.

Против высоты стояли пехотные подразделения капитанов Нетребы и Фролова, старшего лейтенанта Михеева, лейтенанта Луценко; в стыках действовали танкисты.

Капитан Нетреба к этому времени уже врезался в расположение противника и занял первые железобетонные точки. На участке шли кровопролитные бои.

Вечером в командирской землянке, при свете вздрагивавшей от артиллерийских выстрелов керосиновой лампы, собрались танкисты. Мигающий свет блуждал по черным кожанкам и шлемам с белыми от изморози очками.

Прямо перед Лелюшенко сидел Руфов. Прислонившись к стене, лейтенант Гудзенко старательно вносил очередную запись в маленькую книжечку, с которой никогда не расставался. Рядом с ним сидел лейтенант Прошин. Капитан Волков, политрук Шарендо, заместитель политрука Константинов и другие, которых нельзя было рассмотреть в полумраке, стояли у входа в землянку, завешенного плащ-палаткой.

Капитан Двинянинов кратко изложил итоги наблюдений за прошедшую ночь и указал по карте танкопроходимые места.

Полковник сообщил о своем решении завтра, в 10 часов, начать глубокую разведку боем высоты 13,2. Он подробно объяснил Руфову, Волкову и Моисееву поставленные им задачи.

— Вот рвы, противотанковые эскарпы, ряды колючей проволоки... минные поля... И где-то здесь,—полковник показывал пальцем,—предполагаются доты...

Прошин с волнением следил, как пальцы Руфова скользили по зеленому полю карты. Ему было не по себе. «Неужели,—думал он,—для меня не найдется задачи?!»

— Лейтенант Прошин...

У Прошина екнуло сердце. Насколько позволял низкий потолок землянки, он привстал перед полковником.

— Вы будете действовать с Луценко. Понятно?

— Понятно, товарищ полковник,—сказал просиявший лейтенант.

☆

С озера Суванто-ярви на поляну, где укрытые хвоей и брезентом стояли танки, потянул туман. Он шел волнами, затягивая сырой, белой, почти ощутимой завесой и небо, и лес, и притаившиеся стальные громады танков...

Измазанный сажей Никита Русин ходил вокруг машины, как бы сожалея, что делать больше нечего,—все подготовлено и проверено. Он направился к соседней машине—помочь товарищу. Но в его помощи не было надобности. Тогда Русин набрал горсть снега и с остервенением начал тереть закопченные руки и лицо.

В утренней дали зарокотали моторы. Вздрогнул лес от гула. Полковник вышел из землянки. Он, как всегда, был свеж, подтянут, хотя этой ночью не сомкнул глаз. Быстро обошел он строй машин.

Руфов стоял на танке. Перед собой он видел родные лица товарищей, плотно обступивших машину, чувствовал, что его слова горячо отзываются в их сердцах.

— Поклянемся, товарищи танкисты, итти только вперед,—закончил он свою речь.—За Родину! За нашего Сталина!

В тумане не шелохнутся стройные ели. Вот проплыли грозные боевые машины. Танкисты пошли в бой.

По лесной опушке, подминая молодые деревья, мчалась командирская машина. У открытого люка сидел полковник.

Гудзенко при появлении полковника почему-то быстро спрятался за танк. В руке лейтенанта болтался окровавленный кончик размотанного бинта.

— Вы ранены?

Лейтенант, не появляясь из-за машины, громко ответил:

— Пустяки, товарищ полковник, прищемило люком.

Едва машина ушла, Гудзенко юркнул в свой танк и захлопнул крышку люка. Стрелок Моторин сделал ему перевязку.

Раненый Гудзенко остался в строю.

Руфов со своей ротой вырвался вперед. Его танк уже вблизи белофинской точки. Прорваны три ряда проволочных заграждений. Он влетает в ров, в самую гущу белофиннов, давит их тяжестью танка. Башня машины вращается то вправо, то влево. Град осколков осыпает врагов. Вслед за танком Руфова—десятки таких же грозных машин.

Первая огневая точка подавлена. За ней вторая, третья.

Руфов мчится вперед.

Вражеские снаряды рвутся рядом. В ушах надоедливый звон от ударов пуль и осколков о броню. Руфов видит впереди белофинское противотанковое орудие. На огромной скорости летит туда грозная машина.

— Огонь!—кричит Руфов стрелку.

Но огня не последовало... Вышли боеприпасы...

Руфову остается одно—телом танка раздавить орудие.

Машина уже у цели...

В это мгновение танк вздрогнул. Бронебойный снаряд ударил прямо в башню. Гул разрыва потряс машину. Поникла голова Руфова. Ручьи крови залили одежду. Навсегда закрылись глаза. Вместе с командиром погиб стрелок Швалов.

Под танком, вмятое в мерзлую землю, валялось белофинское орудие, раздавленное вместе с прислугой.

Водитель уцелел чудом. Он был тяжело контужен. В голове шумело. Невероятным усилием воли он приподнялся, открыл люк. В танк ворвалась струя чистого воздуха. Водитель выбросился из горящего танка. «Еще несколько мгновений и взорвутся баки»,— промелькнула мысль. Пригоршнями снега водитель стал забрасывать огонь. Пламя зашипело и погасло.

— Ни машины, ни товарищей врагу не оставлю.

Водитель снова садится в танк. Машина ожила. Медленно отошла назад, к своим.

А в это время на врагов стаей налетели танкисты—товарищи Руфова—Ширяев, Гудзенко... За ними, со штыками наперевес, устремились пехотинцы.

Красноармейцы уже хозяйничали в белофинских траншеях.

Только тогда Гудзенко почувствовал, как по лицу медленно ползли теплые капли. Он был ранен вторично...

Лелюшенко лежал на опушке леса. Белый маскировочный халат полковника казался продолжением небольшого холмика.

Полковник следил, как из укрытия, вздымая бешеные снежные вихри, в атаку помчались танки.

Он узнал машину Прошина. Она была впереди. Танк лейтенанта плыл, как ледокол, то взлетая, то исчезая в глубоких оврагах и ямах. Послушная воле водителя, машина преодолела глубокий ров, занесенный снегом, и поднялась по крутому скату вверх, прямо на обезумевших от неожиданности врагов.

Справа—обгоревший домик. Пулеметчик-белофинн обстрелял машину Прошина из-за уцелевшей печной трубы.

Будто невзначай повернулась башня прошинской машины. Раздался выстрел. Труба рухнула на пулеметчика. Взвился столб пыли.

Прошин мчался по следам бегущих врагов.

Он направил свой танк на ряды колючей проволоки и прорвал заграждения.

Невдалеке шел танк Пальченко, другие машины еще находились во рву. Прикрываясь их огнем, подтягивалась рота Луценко.

Прошин обнаружил долговременную огневую точку.

Подвижная бронированная крепость вступила в единоборство с хорошо замаскированной подземной крепостью врага, защищенной прочной толщей железобетонных стен.

На танке, ведомом мастером-водителем Русиным, Прошин подошел к доту. Противник наглухо задвинул амбразуры.

Спасая осажденную точку, белофинны открыли сильный орудийный огонь из глубины.

«Надо быстро рассредоточить танки и подтянуть пехоту вперед»,—решил Прошин.

Он отбрасывает люк. Наполовину высовывается из танка.

— Немедленно занять ров!—приказывает он пехотинцам.

Прошинская машина рванулась вперед. Вслед за ней остальные танки на стремительном ходу лавиной проскочили в тыл белофиннов. Но вдруг командирский танк передней частью свесился над отвесной стеной оврага.

— Ловушка?

Русин был достойным учеником своего командира. Он резко затормозил. Танк покачнулся, отполз назад, затем рванулся вперед вдоль оврага, осыпая белофиннов дождем осколков. За ним шли остальные машины.

Но где Луценко?

Прошин с нетерпением ждал появления пехотинцев.

— По какой причине они остались позади?!

Где-то сбоку трещали пулеметы. Прошин понял: фланговым пулеметным огнем финны отсекали пехоту от танков; Луценко со своей ротой остался в первом овраге. Тогда Прошин принял необычное решение. В канаве между двух рвов он стенкой выстроил все танки. Башни, ведущие беспрерывный огонь, направлены в сторону противника.

Прикрываясь стальным забором, Прошин лично вывел пехотинцев вперед.

Во втором овраге завязался рукопашный бой. Слева открыл огонь фланкирующий пулемет врага. Одним прыжком Прошин подскочил к ближайшему танку.

— По пулемету слева—огонь!

Прошин следил за разрывами и корректировал стрельбу.

Тем временем стрелки в овраге приканчивали остатки неприятельской пехоты.

Надвигался вечер. Под прикрытием темноты белофинны снова стали накапливаться у оврага. Загорелся ночной бой.

Пехотинцы нуждались в срочной помощи танкистов. Путь через овраг был рискован. Танк Янушкина, сорвав гусеницы, чинился, загородив единственный путь.

Прошин приказывает водителю пройти напрямик через овраг. Русин дает газ. Машина «клюнула». Не останавливаясь, уверенно взобралась по противоположной крутой стенке. Едва она выползла

наверх, по броне дробно застучали пули невидимого во мгле, изготовившегося к броску в атаку врага.

— Ночь темна, но побеждает тот, кто лучше видит.

Прошин приказывает водителю Русину включить фары.

Декабрьскую ночь на мгновение разорвали лучи яркого света. Прошин увидел ползущих белофиннов и повел по ним прицельный огонь. Несколько раз машина разворачивалась, снова вспыхивали фары и снова град пуль обрушивался из танка на врагов...

Контратака финнов захлебнулась.

На рассвете Прошин проверял свои машины.

— В порядке!—сказал он, сосчитав все до единой.

Командирская машина находилась на соседнем участке, где действовало другое подразделение танков. Из-за гребня сюда доносились яростные звуки ожесточенной схватки, а пехотинцы медлили.

Дорога каждая минута! Около пехотинцев на полном ходу остановился танк. Из него выпрыгнул Лелюшенко. Полковник скомандовал:

— За Сталина! Вперед!

Батальон дружно поднялся.

Со штыками наперевес вперед устремились пехотинцы. Они завершили атаку танкистов.

До конца боя вместе с пехотинцами с револьвером в руке шел полковник-танкист.

На рассвете вернулось подразделение старшего лейтенанта Волкова, вслед за ним—подразделение Моисеева.

Подошел танк Баскакова, обезображенный, как оспой, следами сотен пуль и глубокими вмятинами от осколков снарядов. Баскаков славно поработал. Он разгромил две белофинские огневые точки и уничтожил множество врагов в захваченных траншеях.

Весь под впечатлением боя возвратился лейтенант Прошин.

Привел целиком свой взвод дважды раненый лейтенант Гудзенко.

— Все, нет только Руфова...

Но вот появилась машина Руфова. В башне зияло отверстие.

У всех еще теплилась надежда.

— Жив?

Но недвижим Руфов, погиб Швалов. Тела погибших товарищей бережно вынесли танкисты. На темносинем комбинезоне Руфова алели следы замерзшей крови.

Вырвался вздох:

— Прощай, Руфов...

— Прощай, Швалов...

Потом из танка, поддерживаемый товарищами, качаясь, вышел водитель. Ноги его подкосились. Он упал в объятия друзей...

...В этот день район высоты 13,2 перестал быть загадкой. Танкисты и пехотинцы боем выяснили расположение дотов и огневую систему противника.

☆

Каждый раз, когда машины уходили в бой, писарь Косетченко волновался больше всех. Всегда он первым выскакивал из землянки навстречу прибывающим машинам и близорукими глазами искал полковника Лелюшенко.

— Какой я писарь, товарищ полковник? Ведь я же башенный стрелок.

И он вытаскивал замусоленную старую мишень с продырявленным насквозь яблоком.

— Вот она, моя работа.

Но Лелюшенко отклонял его просьбы о переводе на танк: Косетченко не мог быть там по близорукости.

Тогда писарь стал обращаться к Прошину.

— Возьмите, товарищ лейтенант, хоть раз в бой.

Прошин отвечал:

— Занимайтесь своим делом, товарищ Косетченко.

Случилось, что заболел башенный стрелок на одной машине. Прошин потребовал замену. Начальник штаба капитан Ситников прислал ему нового стрелка. Быстрой походкой танкист подошел к Прошину.

— Товарищ командир роты, башенный стрелок Косетченко прибыл в ваше распоряжение...

— А... писарь,—разочарованно бросил Прошин.—Стрелять-то хоть умеете?

— Отлично умею, товарищ лейтенант.

Прошин недоверчиво посмотрел на Косетченко. Они приблизились к машине.

— Ставьте прицел... угол возвышения...—скомандовал Прошин.

Проворные руки писаря быстро установили нужный прицел.

— Противник слева... огонь...

Башня, повинуясь стрелку, послушно развернулась. Орудие грозно нацелилось влево.

— Справа пулемет.

Косетченко виртуозно развернул башню вправо.

— Ну ладно,—примирился Прошин.—Будете следовать за мной неотступно. Ведите наблюдение за моим танком...

Полчаса спустя рота Прошина вновь пошла в бой. Прошин зорко следил за машиной необстрелянного еще писаря. Машины проскочили первый ров. У деревушки начался подъем. Прошин насторожился: где-то здесь неприятельская бетонированная точка, которую нужно разведать. Прошин приказал уклониться влево. Грохот вражеских снарядов усиливался. Резкий удар в башню. Бронебойный снаряд пробил лобовой щит, повредив подъемный механизм.

— Полный вперед!—приказал Прошин и выпустил два снаряда по противотанковому орудию.

Теперь, чтобы вести огонь, танкисту приходилось плечом поднимать и опускать орудие, набирая нужный угол склонения пушки.

На полном ходу танк врезался в опушку леса. У окопов противника остановился. Почему же противник умолк? Прошин обратил

внимание на то, что писарь с места куда-то посылает снаряд за снарядом. Догадался: писарь бьет по амбразуре точки, вот почему она прекратила огонь. Прошин смотрит в щель.

— Троньте вперед,—приказывает он Русину.

Приоткрыв люк, Прошин метнул гранату в кучу ползущих на танк врагов, затем вторую, третью.

Тем временем рядом с прошинской машиной остановилась машина писаря. Оба танка бросились на вражеские блиндажи, давили пехоту в ходах сообщения.

Поддерживая друг друга, истребляя врагов, они продвигаются вперед. Надо проскочить на виду у вражеской точки. Прошин открывает огонь по амбразуре. Косетченко, сразу поняв замысел командира, продолжая стрелять, идет вперед. Затем писарь, замаскировавшись за деревьями, в свою очередь начинает класть снаряды в амбразуры. Этим пользуется Прошин и присоединяется к Косетченко.

Отсутствие снарядов вынуждает их возвратиться обратно.

Впереди взорванный мост. Из глубокого оврага торчат лишь сваи, на которых лежат толстые перекладины.

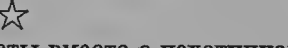
— Русин, проведете?—спрашивает Прошин водителя.

Путь по перекладинам рискован. Русин смерил ширину моста. И машина понеслась над пропастью по двум перекладинам, как по рельсам. Гусеницы наполовину повисли в воздухе. Ошибись водитель на несколько сантиметров, и машина ринулась бы вниз.

За Русиным успешно прошла вторая машина...

На сборном пункте Прошин обнял писаря.

— Вы настоящий танкист,—похвалил его лейтенант.



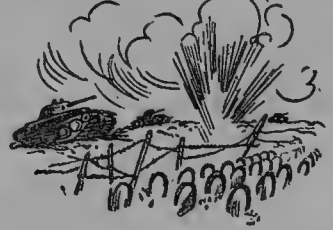
Дни и ночи героические танкисты вместе с пехотинцами, артиллеристами и летчиками штурмовали вражеские укрепления.

В железобетонном поясе танкисты пробивают широкую брешь для стремительного марша в глубокий тыл врага...

Два месяца непрерывных боевых действий в глубоких снегах, при лютых морозах, борьба в укреплениях, построенных по последнему слову военной техники,—позади...

Об этих героических днях напоминает сейчас боевое знамя бригады с приколотым к нему орденом Ленина—наградой правительства. На груди генерал-майора Лелюшенко, капитана Прошина, водителя Русина—горят золотые звезды Героев Советского Союза.

Такой же высокой наградой правительство отметило водителя моисеевского танка—участника двадцати двух танковых атак—младшего командира Серебрякова. Так Родина отблагодарила своих верных сынов—героев Карельского перешейка.



Механик-водитель

Д. Затулавитер

В ПЕРВОЙ АТАКЕ

Сначала мы ехали колонной за машиной нашего командира взвода. На опушке леса он высунул из башни желтый флажок и помахал им направо и налево. Это была команда развернуться. Мы приняли боевой порядок углом вперед. Вырвались на открытое место и пошли в атаку. У нас была задача—поддержать пехоту, помочь ей выбить белофиннов, которые засели в укреплениях в лесу, за рекой Тайпален-йоки.

Едва мы вышли из леса, как сразу же застучали по броне пулеметные очереди.

Я был совсем еще молодой водитель и в бой шел в первый раз. Было непривычно вести машину с закрытым люком. Через узкую смотровую щель все, что проходило мимо, было видно какими-то кусочками. Далеко впереди за оврагом темнел лес и перед ним какие-то сараи. Это и была первая цель нашей атаки. Говорили, что там прячутся финские пулеметчики.

Так дошли мы до проволочного заграждения и легко поломали его. Машина даже не тряхнулась. Прошли поляну, заваленную камнями... Наконец, подошли к овражку. Здесь машины развернулись—кто вправо, кто влево, чтобы найти проход. Командир приказывает взять влево. Конечно, он не говорит: в танке трудно докричаться, чтобы тебя услышали, а просто толкает в левое плечо. Это и значит—поворачивай.

Когда мы пошли вдоль оврага, я увидел впереди покосившийся сгоревший танк, подбитый белофиннами еще накануне. Я нет-нет, да и поглядывал на него. А лучше было не глядеть. Был он весь искареженный, черный. Катки сгорели, гусеницы рассыпались, а пулеметный ствол торчал перекрученный, как простая железка.

Наконец, я нашел проход через овраг. И только сунулся в него, командир застучал по спине часто и быстро. Это значит—проезжай скорей, место опасное. Может быть, белофинны нарочно оставили этот проход, а где-нибудь неподалеку поставили противотанковое

орудие. Я вспомнил сгоревший танк, и понеслась моя машина, как шальная, подскакивая на кочках.

Попали на открытое место. Здесь бой был в самом разгаре. Откуда-то справа появились наши танки. На опушке лежали красноармейцы в маскировочных халатах. Очень сильный огонь был на этой полянке, и пули стали стучать по броне, как дождь по стеклу. И увидел я, как один боец приподнялся, крикнул что-то, оглянувшись на наш танк, и показал рукой вперед. А впереди, метров за четыреста, стояла еще какая-то большая постройка. Я понял, что оттуда белофинны ведут огонь и что надо эту постройку уничтожить. И хоть плохая была местность, попадались камни, бугры и воронки от снарядов, но дал я машине третью скорость и понесся вперед.

Метров сто оставалось до сарая, и уже примечал я, как бы удобнее к нему подойти, когда вдруг нестерпимый гул раздался в ушах, и танк загремел так, как будто его броню вспарывали по швам. Я успел только выключить мотор, нажать тормоз... И вдруг увидел у себя под ногами маленький раскаленный предмет... Дрожь прохватила меня, когда я понял, что это бронебойный снаряд. «Вот, значит, и конец,—подумал я,—сейчас он разорвется, тут и смерть моя будет...»

Но снаряд не рвался. И я сидел, не двигаясь, и смотрел на него, пока не пришел в себя. Затем откинул его носком в сторону. Снаряд опять подкатился ко мне. Тогда я осмелел—прижал его ногой, и от сырого валенка пошел пар.

Обернулся назад, хотел посмотреть на командира, узнать, что с ним, и показать, какой со мной случай произошел. Повернулся к башенному:

— Где командир?

— Контужен. Нам башню снарядом пробило.

— Да снаряд вот он, в ногах у меня валяется.

И вдруг снова удар. Второй снаряд. Машина заглохла, и башенный закричал:

— Ранили...

Посмотрел назад—в танке огонь. Снаряд пробил резервуар, башенного обрызгало, и огонь по ватнику змейками ползет. Вытащили командира, вывалились сами из горящего танка...

Много раз я слушал рассказы о том, какие бывают на войне страшные случаи. Только недавно смотрел я на сожженный танк, и было мне не по себе. А когда случилась такая же беда со мной, как будто и страху не стало. Очень много сразу забот появилось: и огонь надо на ватнике загасить, и за командиром уследить—где он, жив ли, и товарищу плечо перевязать—его осколком немного ранило. А когда сделал все это да увидел, что командира соседний танк забрал, новая забота появилась: жалко стало пулемет оставлять в танке. Да и плохо среди боя без оружия оставаться. Подполз я к переднему люку, попробовал сунуться в машину, но ничего не вышло. Успел только взять наган, который за сиденье зацепился, а сам едва не задохнулся. В машине горело все—краска, резина,

одежда, масло, бензин... Залез я снова под танк, но чувствую, что долго там не усидеть. Жарко становится, и снег начинает таять. Башенный толкает меня:

— Давай побежим к своим...

— Обожди. Не торопись. Давай оглядимся.

Огляделся. До нашей пехоты метров триста-четыреста. Место открытое, все под огнем. А неподалеку от танка бугор и густой кустарник. До него метров двадцать. Пополз я туда и башенному скомандовал:

— За мной!

Легли мы в кустах и смотрим, что дальше будет. Над нашим танком целая туча поднялась. И дом видим, до которого не доехали. Так мы лежим за бугром и посматриваем, а в кустарник все время пули залетают. Как будто кто-то невидимкой пробегает мимо и ножиком прутья скашивает. И опять башенный толкает меня:

— Пошли к своим. Поймают здесь нас...

— Обожди,—говорю.—Куда ты торопишься? У нас еще наган есть. Даром не дадимся.

А к нам еще танкист подползает, из той машины, которая обстреливала дом.

— Ты кто такой?—спрашиваю.

— Водитель Назаренко.

— Ну, здравствуй. Я тоже водитель. А командир твой где?

— Убили. И танк загорелся.

— Ну,—говорю,—ложись с нами. А башенного не слушай. Сейчас пойдешь дальше—зря убьют. Надо подождать до ночи.

А башенный все-таки пополз дальше, и больше мы его не встречали. И остались мы вдвоем—водители с подбитых машин. Забрались с ним в кусты поглубже и вдруг увидели небольшой колодец. На дне его было еще немного воды, она даже не успела замерзнуть.

— Вот нам и квартира. Сырая немного, обидно валенки мочить, а все лучше, чем под пулями.

Так и засели мы с ним в эту яму. Нет-нет, да высунемся и поглядим на танки. Мой танк горит до конца, и патроны в дисках уже рвутся. А его только дымится, как трубка. И интересно мне поглядеть, что же с ним такое...

Долго сидели мы в колодце. Я даже прикорнул немного, дремота меня взяла. И почудилось мне, будто я у себя в колхозе взял лошадь, чтобы ехать куда-то, а обратно хватился—лошадь увели. И никак мне нельзя без нее возвращаться... Это все танк у меня в голове вертелся. Очнулся я—сосед меня в бок толкает:

— Ну, вот и темно стало. Стреляют меньше. Пошли.

— Обожди,—говорю.—Приехали мы сюда на машинах, а обратно что ж—пешком?

— Мне самому обидно пешком. А что же, по-твоему, делать?

— Давай посмотрим. Моя машина пропащая. А твою надо поглядеть. Может еще и живая.

— А вдруг подстрелят нас, когда шуметь начнем. Ночь-то светлая, заметят...

— Чего же бояться. Начнут стрелять—снова в кусты спрячемся.

Мы, согнувшись, подбежали к машине и обошли ее кругом. Как будто все в порядке.

— Ну,—говорю,—залезай. Посмотри, отчего там дым идет.

Он сунул голову в люк—и тут же обратно, а в руках обгоревшая куртка. Снова сунулся и вытащил ватники, которые еще дымились. Мы открыли все люки, выпустили дым, закидали снегом остатки огня. Оказалось, что снаряд пробил в машине маленький бензобак. Бензин вспыхнул, загорелись ватники, а дальше огонь не пошел... Ну, значит, машина в порядке, теперь надо заводить.

Он к стартеру—стартер отказал. Я взялся за рукоятку, стал крутить, а машина захолодела, масло остыло и не распевелишь. До того крутил—мочи больше нет! А тут стрелять начали. То и дело свистят пули, щелкают по танку. Залез я под машину отдохнуть, и даже слезу у меня прошибло от досады. Отдохнул, вылез и говорю:

— Давай сначала.

И стали крутить сначала. И вдруг пошел мотор! Заработал! Застучал! Сначала на двух свечах, потом на трех...

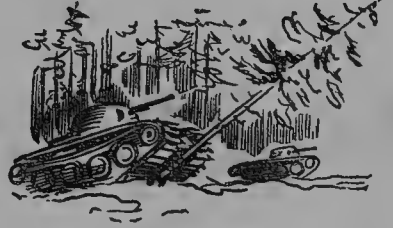
— Ну,—говорю,—залезай в башню. Будь за командира. А машину я сам поведу. До того она мне дорога стала—никому не отдам...

Включил сцепление. Загрохотала машина, качнулась и пошла. А когда отъехали мы немного, стали нам попадаться раненые—и танкисты и пехотинцы. Мы их брали на заднюю броню, потому что она над мотором: лежать там тепло и удобно. А потом стали брать и на переднюю. Одного раненого взяли с собой, был он сильно контужен и итти не мог. И вел я машину между камнями и кочками осторожно, чтобы раненых не потревожить. А когда вышли на дорогу,—перевел на третью скорость, а потом и на четвертую, и понеслась она во всю мочь, как живая.

— Ну, думаю, прощайте пока, белофинны. Только мы к вам еще вернемся и посчитаемся за этот день.

И возвращался я к ним еще много раз. Много раз наши танки ходили в атаку на белофинские доты. И научились мы распознавать повадки врагов, уходить от их пушек. Научились налетать на доты, корпусом закрывать амбразуры и выбивать врагов из укрытий.

А машину, которую увел я у белофиннов, отремонтировали и снова пустили в бой. И хотя ходил я на других танках, но не раз еще встречался с этой машиной и узнавал ее по маленькой заплатке, которую наши ремонтники поставили на ее броне так чисто и аккуратно, как будто привесили ей боевую медаль.



Герой Советского Союза

Г. Лаптев

ЖАРКАЯ СХВАТКА

Нам предстояло обстреливать маннергеймовские укрепления и подавлять огневые точки противника.

Батарея заняла огневую позицию примерно в десяти километрах севернее станции Пэрк-ярви.

Связь батареи с внешним миром держалась на телефонном проводе. Не было живой связи и с расположенной в 2—2,5 километра передовой линией наших войск. В случае непосредственного нападения противника надо было рассчитывать только на свои силы.

Лютая зима. Глухая лесная поляна, редкий ельник кругом. Для маскировки позиции от наблюдения из леса мы натыкали елочек вокруг орудий. Неплохо были укрыты орудия и от воздушного наблюдения. Над ними были поставлены на столбах жердевые навесы, которые припорошил сверху снег, а мы еще по снегу разбросали ветки.

Слева и справа от орудий были устроены блиндажи с амбразурами для двух легких пулеметов. Позади фронта батареи, против каждого орудия, мы выкопали щели в рост человека. Это на случай внезапной атаки танков противника.

Расчеты находились тут же, в землянках. От землянок к орудиям вырыли ходы сообщения.

Так была оборудована позиция батареи.

Между нашими землянками и землянками взвода управления, на снегу, в ящиках находился запас снарядов. С каждым днем штабели ящиков раздавались вширь: нам все добавляли снарядов, и к моменту нападения белофиннов на батарею этот запас достиг 1 500 выстрелов.

Нападение на батарею произошло так.

23 декабря на рассвете командир батареи получил по телефону сообщение из штаба артиллерийской группы:

— Будьте готовы. Через наше расположение просочился отряд белофинских лыжников. Человек тридцать...

В этот момент телефон перестал работать. Связь была прервана,—как после оказалось, линию перерезали белофинны.

Командир батареи вызвал расчеты к орудиям.

Я был наводчиком третьего орудия. Командир приказал мне проверить, все ли у меня наготове (снаряды, заряды), исправны ли механизмы. Проверив все, я опустил ствол орудия к горизонту, чтобы встретить врага прямой наводкой.

Командир усилил караулы вокруг батареи подчасками за счет бойцов из взвода управления. Бойцов орудийных расчетов он предупредил, чтобы они были готовы итти в контратаку.

Приготовились. Ждем. Мороз за 30 градусов, снег, метет поземка. Выбрали белофинны погодку!

Ждать гостей пришлось недолго. Сразу же после полудня раздался винтовочный выстрел: правофланговый дозор дал сигнал о замеченных им белофиннах.

Старший лейтенант Маргулис тотчас вывел на батарею человек пятнадцать красноармейцев, рассчитывая одним ударом ликвидировать диверсантов. Мы полагали, что их всего три десятка.

Но белофиннов оказалось не 30, а, как выяснилось уже в самом бою, свыше 300, к тому же отлично вооруженных автоматами и пулеметами.

Противник сразу начал окружать батарею.

Мы все отстреливались из винтовок. Непрерывно били оба наши легких пулемета, но огонь врага был неизмеримо сильнее. И если бы не самообладание командира и отвага бойцов,—не знаю, чем бы кончилась эта схватка.

Финны с криками пошли на батарею. Мы встретили их дружным огнем пулеметов, винтовок и револьверов. Финны отступили.

— Батарея, огонь!—скомандовал старший лейтенант.

Все наши четыре орудия ударили с короткой дистанции.

Земля дрогнула, и на опушке леса взлетели, кувыркаясь в воздухе, огромные деревья. Огненный шквал смел группу подбиравшихся к нам белофиннов.

Финны на мгновение притихли. Но вслед за этим снова еще яростнее пошли на нас в атаку, только уже не в лоб, а со стороны, где их не могли достать наши орудия.

Кричу:

— Товарищ старший лейтенант, финны слева!

А командир старший лейтенант Маргулис лежит раненый.

— Лаптев, дайте мне винтовку!—слышу его голос.

Я раздобываю винтовку, но подползти к командиру не могу—сплошной ливень пуль.

Заряжаю винтовку и перебрасываю ее командиру. Он снова начинает стрелять. Метким огнем укладывает одного белофинна за другим.

Глянул я,—а белофинны пробрались уже к нашему складу снарядов. Они швыряют бутылки с горючим. Уже вспыхнули и горят несколько ящиков.

Что делать? Вот-вот взлетим на воздух. Ведь на складе 1 500 снарядов...

Кричу не своим голосом:

— Товарищ старший лейтенант, горят снаряды!

А он спокойно в ответ:

— Прямой наводкой, огонь! Снаряды без нас потушат.

И действительно, младший лейтенант Сидоров с несколькими бойцами разбросал горящие ящики по снегу и потушил начинавшийся пожар.

— Есть бить прямой наводкой!

И тут-то мне пришлось поработать.

Один я остался у своего орудия. Часть людей выведена из строя, остальные обороняют батарею справа, слева, сзади, действуя винтовками.

А у меня орудие. И тоже надо бить из него одному, как из винтовки. Огромная 122-миллиметровая пушка превратилась в мое личное оружие...

Финны на поляне перед орудием. Финны у опушки. Стреляют, собираются группами, перебегают с места на место. Вражеские пулеметы и автоматы, сея пули, не дают мне возможности голову поднять.

Я свернулся клубочком между железными станинами орудия, раздвинутыми на снегу в форме ласточкиного хвоста.

К панораме подойти—и думать нечего. Да и лишне. Стреляю прямой наводкой. Поднимаю над головой руку, открываю затвор. Поднимаю снаряд и закладываю. Таким же порядком посылаю заряд. Затем, действуя одновременно поворотным и подъемным механизмами, ловлю белофиннов «на мушку», а попросту сказать, прикидываю на-глаз, куда, в какую группу выгоднее ударить.

Финны—ни минуты на месте. Все время перебегают. Я это учитываю. Навожу не в бегущих, а перед ними.

Навел. Раз!—дергаю за шнур, конец которого тут же, у меня на коленях.

Выстрел.

Осторожно бросаю взгляд вперед, проверяю исполнение.

Разнесло белофиннов впрах...

Опять тянусь рукой вверх, открываю замок. Вываливается на меня стреляная гильза.

Опять заряжаю орудие. Опять, улучив момент, стреляю по скоплению противника.

Кончаются снаряды, а раскупоривать новый ящик долго, капитально. Схвачу целый ящик, подниму—да ребром о станину орудия. Хрясь!—снаряды вылетают из ящика.

Я закладывал снаряд в орудие, даже и не глядя—свернут колпачок или не свернут. Где уж тут колпачки сворачивать,—станешь разбираться, так самого свернут.

Финны то тут, то там. Работаю, а сам только и оглядываюсь по сторонам. То и дело приходилось пускать в ход винтовку или револьвер. Тут у меня на станине, как на полочке,—и ружейные патроны и револьверные. Полный арсенал наготове.

Идет бой. Жарко.

Командир дивизиона капитан Хоменко, собрав позади с десяток бойцов, прибежал с возгласом:

— Товарищ Маргулис! Иду на помощь.

Раненый командир тотчас скомандовал:

— В атаку! За Родину! За Сталина!..

И бросился, возглавляя горстку бойцов, вперед.

Но и после этой атаки финнов оставалось еще немало, и они продолжали свои попытки захватить батарею, действуя против нас группами по 15—20 человек.

Гляжу—одна такая группа с криками бросилась прямо к моему орудию.

Я успел выстрелить из орудия, и от наскочивших финнов ничего не осталось, но своим же снарядом я едва не вывел из строя пушку,—так близко разорвался снаряд. Осколки перекорежили щит.

Вдруг слышу сзади шорох. Я обернулся с наганом в руке.

— Кто?

— Не стреляй, Лаптев. Это я, Пулькин, кузнец.

Вижу—верно, Пулькин. Удивился я: как же это он прополз сюда, когда над снегом головы не поднять. Весь снег кругом так и вихрится от белофинских пуль.

Но расспрашивать некогда.

Приполз, оказывается, Пулькин мне помогать.

Я обрадовался:

— Давай,—говорю,—давай, подноси снаряды.

Облегчил мне Пулькин работу, хотя сам он был кузнецом—к орудию, к снарядам никогда не прикасался. Здорово облегчил. А то я уже насквозь промок, словно в бане побывал. Шутка сказать—за восьмерых один работал. Тут и 30 градусов мороза—не в прохладу...

Стали работать с Пулькиным. И у орудия он мне облегчил работу и отбиваться по сторонам помог.

Подал, помню, мне Пулькин снаряд. И сразу у меня над ухом—хлоп!—винтовочный выстрел.

Оглянулся я и вижу—падает в снег белофинский офицер и граната в руке. Это его Пулькин стукнул.

Поработал со мной парень, поработал. Вдруг я оглядываюсь,—где Пулькин?.. А он уже пошел в атаку.

...Бой с белофиннами продолжался несколько часов. Враги были отброшены от батареи. Только ушло их очень немного.

Капитан
К. Голубенков

В ЧЕСТЬ ЛЮБИМОГО СТАЛИНА

Двадцатое декабря, канун дня рождения товарища Сталина, мы провели у самолетов. Вылета опять не было. Лишь к вечеру погода стала улучшаться, и мы впервые за двадцать дней увидели розоватую полоску заката. Каждый радовался улучшению погоды, каждому хотелось отметить день шестидесятилетия великого Сталина боевым вылетом. Метеоролог Мельниченко высказывал сомнения, говорил о «соединении двух облачных фронтов» в районе Луги, о возможных осадках, а между тем стояла тихая морозная ночь, небо было усеяно звездами.

Степная газета и боевой листок вышли, как всегда, любовно оформленные. В них было множество заметок летчиков, радистов, штурманов, техников и авиамехаников с самыми сердечными пожеланиями дорогому товарищу Сталину в день его шестидесятилетия. В каждой строчке чувствовалась безграничная преданность наших людей Родине, делу Ленина—Сталина. В этот день машины были готовы к вылету еще до рассвета. Стоял 25-градусный мороз. Чистое небо радовало всех. Но с рассветом стали появляться разорванные облака на весьма подозрительной высоте—метров сто пятьдесят—двести. И к восходу солнца все небо закрылось облачками, сильно ухудшилась горизонтальная видимость.

Настроение, как говорил мой штурман Шведовский, опустилось ниже нуля. Неужели не будет вылета? Эта мысль томила всех нас.

Но вот снова появились разрывы облачков, видимость увеличилась. На аэродроме началось оживление. Через 15 минут командир полка сообщил летному составу боевой приказ: «Вылетаем в 10.30 в составе 9 экипажей. Цель: головной склад противника, что южнее Выборга 18 километров, в 2 километрах восточнее железнодорожной станции. Маршрут на карту наносить, курсы, расстояние и время даст штурман при подходе к заливу, записи уничтожить. В случае посадки на вражеской территории в плен не сдаваться. В тылу противника сделать все, что можно, для облегчения действий нашей пехоты».

Штурман эскадрильи коротко рассказал о признаках цели, дал курс, расстояния, а также указания на случай отрыва кого-либо от строя.

Нашей эскадрилье разрешили вылететь первой. Когда после взлета легли на курс, погода не радовала. Облачность была до 200 метров, видимость стала ухудшаться. Пролетев минут тридцать, неожиданно вышли из-под облаков, и над нами открылось голубое небо. Лучи декабрьского солнца весело играли на серебристых машинах. Но впереди лежала черная гряда облаков, видно было, что она несет с собой снегопад.

Командир эскадрильи принял решение итти над облаками. Полет над ними продолжался не больше часа. Показался край облачности, а за ним и вражеская земля.

Трудно описать нашу радость, но забыть ее нельзя. Вот под нами северный берег Финского залива. Высота 5 тысяч метров. Хорошо виден Выборг. По земле стелется дым пожарищ. Больше с такой высоты ничего нельзя разглядеть.

— Скоро цель,—сказал мне штурман Шведовский по телефону.

Все девять самолетов идут в плотном строю, как это не раз бывало, когда мы летали на парад.

Вот у ведущего открылись люки. Нервы напряглись; кажется, будто секунды идут гораздо медленнее, чем обычно. Но вот от ведущего самолета оторвалась первая бомба. Все самолеты сбросили свой грозный груз. Сразу стало легче, веселее.

Все девять самолетов плавно развернулись. В это время Шведовский подскочил к соединяющему нас окошку и с такой заразительной улыбкой показал мне два больших пальца, что я тоже заулыбался, глядя на него.

Обратный маршрут был гораздо сложнее. Погода окончательно испортилась. Последние 70 километров шли в снегопаде, высота не больше 100 метров. Чувство радости, что цель уничтожена, покрывало все трудности. Вот и аэродром. Мы дома.

Этот первый боевой вылет, совпавший со днем шестидесятилетия товарища Сталина, мне никогда не забыть.

Я четырнадцать раз летал в глубокий тыл противника, мы с Шведовским были под ураганным огнем зенитной артиллерии, не раз встречались с вражескими истребителями, но первый вылет навсегда останется в памяти.

Политрук
П. Матюшин

ПЕРВЫЕ ДНИ ПЕРЕД ЛИНИЕЙ МАННЕРГЕЙМА

После занятия селения Бобошино части 123-й дивизии 10 декабря получили приказ двигаться правее Выборгского шоссе, по дороге, соединяющей Бобошино со станцией Кямяря. Эта дорога имела для противника важнейшее значение: по ней финны питали огневыми средствами центральный узел своей обороны. Понятно, почему финны обороняли с таким ожесточением каждый километр дороги, по которой следовала дивизия. Завалы, минные поля, фугасы, «кукушки» на деревьях по сторонам дороги—вот с чем мы столкнулись, как только двинулись из Бобошина.

Утром 12 декабря передовой полк дивизии вышел на северную опушку рощи «Зуб». Дальше, не разведав местности, двигаться было нельзя. Впереди лежала широкая, километра на полтора, голая лощина, замыкаемая с севера высотой, помеченной на карте 65,5. За высотой виднелся лес: роща «Фигурная», так мы ее назвали потом. Справа от дороги к лощине подходила вторая роща, обозначенная на карте в форме молотка, роща «Молоток» (под таким названием она вошла в историю боев). Слева от высоты, по направлению к Сумме, тянулось низкое, покрытое мелким и чахлым кустарником, болото, замыкаемое с севера возвышенностями (высота «Язык»), правда, невысокими, но весьма удобными для обстрела местности.

На высоте 65,5, на возвышенности «Язык» и слева от нее, а также в рощах «Молоток» и «Фигурная» враг возвел сильные укрепления. Высота 65,5 имела два железобетонных дота, соединенных между собой подземной бетонированной траншеей-тоннелем, где размещался батальон солдат. В глубине, по направлению к роще «Фигурная», стояло мощное железобетонное укрытие. На возвышенности «Язык»—укрепление, тоже из железа и бетона, с артиллерийскими и пулеметными установками. В роще «Молоток» железобетонный дот поддерживало множество дзотов.

Огневые позиции минометов были устроены повсюду. Артиллерию скрывал сосняк рощи «Фигурная». Все пространство между дотами было изрезано хорошо замаскированными траншеями, по которым финны, оставаясь незамеченными, могли перебрасывать

силы на любой участок оборонительной полосы. Траншеи проходили через укрепленные землянки, рассчитанные на размещение до 100 солдат в каждой. Огневые точки всей укрепленной полосы, скрещиваясь, поражали каждый метр лощины и в то же время взаимно обороняли одна другую. А ко всему этому следует добавить целую систему заграждений: надолбы, противотанковые рвы, колючая проволока и минированные участки. Лощину перехватывал широкий пояс надолб, дотов, а за ним лежал глубокий ров, и по ту сторону рва подступ к дотам замыкали пять рядов проволочного заграждения.

Таков был характер укрепленного района, через который лежал наш путь к Кямяря. Выйдя к лощине 12 декабря, мы не знали еще, что именно здесь, вот на этом участке нашего пути, начинаются укрепления линии Маннергейма. Ни дотов, ни дзотов, ни железобетонных артиллерийских сооружений, ни землянок, ни траншей—ничего не было видно. Доты гнездились глубоко в земле, торчали над ними сосенки, пеньки, а то и могучие сосны.

Ничто не указывало на наличие вражеских укреплений на высоте 65,5. Однако перед нами лежала лощина, замыкаемая высотой и двумя рощами («Фигурная» и «Молоток»), и этого было достаточно, чтобы мы не сделали ложного шага.

Батальоны выделили разведчиков. Десятка три крепких мужественных бойцов, надев белые халаты, поползли по снегу. Зарываясь в снег, как кроты, все дальше и дальше углублялись они в лощину. И вот остановились: путь им преградили малозаметные препятствия—сплошная паутина колючей проволоки. Сунешься в нее—так не скоро вырвешься.

Весь следующий день мы уничтожали малозаметные препятствия в лощине. Враг не выдержал: открыл из-за надолб огонь из пулеметов и автоматов. Отлично! Это был уже большой результат: значит, финны защищают лощину, не оставили ее.

С утра 14 декабря 2-я рота 1-го батальона провела разведку боем. Роте были приданы два танка. Задача—обнаружить огневые точки врага в надолбах. Рота рассыпалась по лощине, поползла. Из-за надолб застрекотали пулеметы и автоматы. Рванулись вперед наши танки, но откуда-то из-за высоты по танкам стали бить минометы.

Пояс разрывов мин все шире и шире охватывал местность перед надолбами. Бойцы залегли. Танки отошли, лавируя между разрывами. Минометы врага стали охотиться за танками, и вот тут-то наши бойцы рванулись вперед, к надолбам. Впереди—отделение младшего командира Бурмагина. Враг стреляет, а опытный и сметливый Бурмагин засекает его огневые точки. Потом отделение отползло, прикрываясь огнем станковых пулеметов, а через полчаса танки, снова лавируя среди разрывов мин, уничтожили огневые точки, обнаруженные отделением Бурмагина.

Высота 65,5 в эти дни молчала. Молчали и железобетонные логовища на возвышенности «Язык» и в роще «Молоток», не подавала голоса артиллерия, скрытая в роще «Фигурная». И выходило: перед нами только надолбы, противотанковый ров, проволока, пулеметы в надолбах да минометы за высотой.

На 17 декабря было назначено общее наступление. Наш 1-й батальон наступал на возвышенности несколько левее высоты 65,5.

Утро выдалось мягкое. Покрытое облаками небо низко висело над землей. На елках и березах за высотой—кружевные узоры инея.

Наши артиллеристы прошлись по надолбам беглым огнем. Потом в воздух взвились ракеты, и первым ринулся к высоте саперный взвод младшего лейтенанта Баранова. Килограммы взрывчатки—и надолбы полетели в воздух. Один пролом, второй, третий. Отважные сапёры прорезали и проволочные заграждения. А высота молчит, словно никаких укреплений на ней нет. Молчит роща «Молоток». Враг стреляет лишь с задних позиций, от рощи «Фигурная», да еще из-за высоты ведут огонь минометы.

В воздух взвилась вторая ракета, и в лощину вышли танки, а за танками—пехота. Танки быстро проскочили по лощине, прошли через проломы в надолбах, на мгновение спрятались в противотанковом рву, а через минуту были уже на высоте 65,5, не зная, что под ними в земле железобетонные логовища врага. Вскоре на высоту ворвалась и пехота—бойцы 2-го батальона. Наш 1-й батальон занял возвышенность слева от высоты 65,5. 3-й батальон идет в атаку справа. И вот тут-то враг и привел в действие всю систему огневых точек укрепленного района, все пулеметы, минометы, артиллерию. Пули повизгивают, с грохотом рвутся мины и снаряды. По приказу бойцы откатываются с высоты в ров, оттуда—в надолбы.

Мы—в блиндированном укреплении. Выходы из него закрыты перекрестным огнем врага. Ловушка! Укрепление пристреляно, из него не выйдешь. Приказываю выставить станковые пулеметы у входов на случай атаки. Наблюдаю из узкой щели под крепкими накатами бревен: враг отчаянно бьет, но ни одной огневой точки обнаружить невозможно. Все укрыто, замаскировано. Огонь чертовский! Полк откатывается через лощину, в рощу «Зуб», на свое исходное положение. Мы—примерно полторы роты 1-го батальона—остаемся в блиндаже. Темнеет. Едва делаем попытку вырваться из блиндажа,—убийственный перекрестный огонь из невидимых точек снова заграждает выход.

Только через пять дней мне удалось вывести бойцов из этой ловушки. Полк окапывался, рыл землянки. Предстояла стоянка. Стало ясно: за этой заснеженной лощиной на высоте 65,5, и на возвышенностях слева от нее, и в роще «Молоток», что справа, и в глубине рощи «Фигурная»—укрепленный район врага.

ПОДГОТОВКА ШТУРМА ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА

Полковник
П. Груздев

ТОВАРИЩ ТИМОШЕНКО НА ПЕРЕДОВЫХ ПОЗИЦИЯХ

Стремительно перейдя границу и преодолев серьезно укрепленное предполье, мы подошли вплотную к линии Маннергейма.

Со всех концов нашей необъятной страны в части действующей армии шли взволнованные, горячие письма. Советские патриоты выражали в них пламенную любовь к своим славным защитникам. Эта любовь согревала нас в самые лютые морозы. В трогательных, заботливых строках к нам нередко обращались с вопросом: а скоро ли вы окончательно разделаетесь с врагом?

Нетерпение было естественным, им горела вся страна, которая ничего не жалела для своей родной Красной Армии, но по праву требовала взамен, чтобы мы отвечали не только обещаниями, даже не только героизмом, но прежде всего победами. И каждый из нас чувствовал, как велика наша ответственность перед советским народом.

☆

Командующий Северо-Западным фронтом командарм 1 ранга товарищ Тимошенко приказал начать штурм Хотинена. Слова его приказа прозвучали для нас приказом всего советского народа—незыблемым приказом партии, правительства, Сталина.

...Блиндаж штаба дивизии. Два часа дня. Вскоре начнется трехчасовая артиллерийская подготовка, а за ней и штурм.

Дверь растворяется, но она низка для входящего: ему приходится нагнуться. Войдя со света в блиндаж, он щурится и прищуренными глазами пристально всматривается в тех, кто находится в блиндаже. Вслед за ним входят в штаб командарм 2 ранга Мерецков, член Военного Совета армии корпусный комиссар Вашугин, комкор Воронов, комдив Парсегов.

Неужели на долю нашей дивизии выпала такая честь, что в решающие минуты штурма Хотинена командующий фронтом товарищ Тимошенко будет с нами?

Так и есть—это он!

Стараясь совладать с охватившими меня радостью и волнением, рапортую товарищу Тимошенко. Но командующий фронтом не ограничивается принятием рапорта. Указывая на командиров, находящихся в блиндаже штаба, спрашивает о каждом в отдельности, кто это такой.

Представляю:

— Врид начальника 1-й части штаба дивизии капитан Лихолетов, начальник артиллерии дивизии комбриг Губернев, командир полка полковник такой-то...

— Так это вы?—сразу обратился к названному мной полковнику товарищ Тимошенко.

Полковник вытянулся еще старательнее. Видимо, его подкупило, что только-что назначенный командующий фронтом товарищ Тимошенко уже знает его фамилию.

— Я, товарищ командарм 1 ранга.

Затем товарищ Тимошенко потребовал доклада от комбрига Губернева о готовности артиллерии.

— То, что вы доложили,—подытожил товарищ Тимошенко,—хорошо. Но пока это только слова. А вот если на деле вы пропустите сигнал и первый выстрел отстанет хоть на секунду от сигнала...

Товарищ Тимошенко не закончил фразу, но все мы отчетливо поняли, что от нас ждут теперь не слов, а дел, и что на счету каждая секунда.

Вслед за этим наступила очередь моего доклада. Товарищ Тимошенко приказал доложить все детали подготовки операции. Он особенно тщательно проверил, насколько точно знают свою задачу части, притом не вообще, а в отдельности: стрелковые полки, артиллерия, танки. Я подробно рассказал, как спланирован бой, как организовали свою работу штабы. Товарищ Тимошенко обратил мое внимание на такое ответственное звено, как низовая, ротная ячейка управления. Сейчас трудно, конечно, восстановить в памяти подлинные слова командующего фронтом, но сущность их я запомнил на всю жизнь: как бы ни был подготовлен бой в целом, но если низовая ячейка управления не подготовлена к четкой и бесперебойной работе,—под ударом успех всего боя.

Незадолго перед тем, как должны были раздаться первые выстрелы наших орудий, товарищ Тимошенко оставил блиндаж штаба дивизии и направился на артиллерийские позиции наблюдать работу артиллеристов и стрелков.

Понятно, что испытал в эти минуты каждый из командиров, находившихся в штабе. Командующий рисковал жизнью: артиллерийские позиции находились под непрерывным огнем противника.

Я попробовал сказать товарищу Тимошенко, что мы не имеем права допустить его на передовые позиции. Но командующий фронтом решительно возразил мне:

— Я провел гражданскую войну и никогда не пропускал случая наблюдать за работой командиров и бойцов лично. Это необходимо командиру любого ранга!

Как только артиллеристы увидели, что к ним на позиции пришел сам командующий фронтом, темп огня возрос максимально. Люди сбросили полушубки, чтобы поживее управляться у орудий,—а мороз стоял в 37 градусов! Сама земля, казалось, загудела от нашего огня.

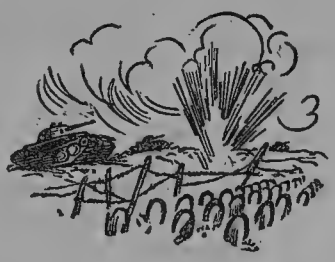
Товарищ Тимошенко сравнил их действия с работой слаженного механизма на хорошем заводе.

— Четко работают! Быстро работают!—несколько раз повторил он.

Но еще быстрее, чем работали артиллеристы, распространилась по всей дивизии весть о том, что к нам прибыл командующий. С энтузиазмом встретили всюду эту весть наши славные воины.

После артиллерийской подготовки части нашей дивизии преодолели первую полосу прикрытия обороны Хотиненского узла и вышли за линию надолб, противотанковых рвов и проволочных заграждений.

Падение Хотинена было уже не за горами.



Старший политрук
А. Косенко

ТРОЕ ОТВАЖНЫХ

Командир роты Ватагин кончил специальные курсы разведчиков. Он был незаурядным снайпером. Больше того, он обучал все снайперские команды в полку. О нем как о командире нельзя было сказать ничего дурного. Тем не менее вначале совершенно не было уверенности, что это действительно тот человек, которого можно поставить во главе разведывательной группы полка. Кто знает, чем это объяснить. Пожалуй, очень уж обманчива была внешность Ватагина. Невысокого роста, худенький, он производил впечатление мальчика, наряженного в военную форму. Да, кроме того, Ватагин был очень скромен, старался держаться в тени; голос его вообще был слышен редко.

И вот Ватагин стал во главе разведывательной группы полка. Группу он сформировал из добровольцев. Помощником себе назначил командира взвода Герасименко. На хорошем счету у Ватагина был командир отделения Кириллов, только-что окончивший полковую школу и пока не проявивший себя ничем особенным.

Чуть ли не каждую ночь отправлялись разведчики в расположение противника, каждую ночь бывали там. Возвращаясь, докладывали об огневых точках белофиннов, о путях подхода к дотам. Все это казалось обычным, и, надо прямо сказать, работа полковой разведывательной группы вначале многих не удовлетворяла. От нее ждали более ощутимых результатов.

Но вот однажды разведчики заставили заговорить о себе. Герасименко сумел добыть два пулемета, оставленных нашими в предыдущих боях на «ничьей земле». Много раз пытались мы вытащить оттуда эти пулеметы, но противник днем и ночью держал их под обстрелом, как приманку.

Пулеметы были минированы. Герасименко, установив это, потихоньку вернулся назад и в следующую ночь пополз на «ничью землю», захватив соответствующие инструменты для разминирования.

Какую стрельбу открыли финны на утро, когда обнаружили, что приманка исчезла, а «угощение», заложенное под ней, никому не нанесло вреда! Лишь этой бесплодной стрельбой они и могли утешить себя.

Между тем разведчики тщательно изучали передний край обороны противника: и в ночных поисках и при дневном свете. По целым дням просиживали они в замаскированных укрытиях, внимательно фиксируя каждый шаг белофиннов, каждое их движение. Все эти наблюдения показали, что прямо перед нами находится какой-то очень мощный дот. Это был так называемый «Миллионный» дот, который противник считал ключом ко всему Хотиненскому узлу обороны.

Ватагину было приказано добыть «языка». Командир разведывательной группы справедливо рассудил, что добыть «языка» в районе такого мощного дота—почти безнадежное дело. Он предложил иной план, на первый взгляд более сложный и трудный: добыть «языка» не на переднем крае обороны, а в глубине ее, где находился небольшой дот, уже подробно разведанный. Командование согласилось с этим предложением.

11 января, как только стемнело, группа Ватагина отправилась по лесу в свой опасный путь.

Вообразите себе лес, состоящий не из деревьев, а из столбов, лес без признаков ветвей на деревьях—только ободранные стволы остались на второй месяц беспрерывной бомбардировки! Вот по такому лесу и ползли двенадцать разведчиков. То вывороченная коряга преграждала им путь, то цепь воронок, то завал из деревьев, сбитых снарядами...

Уже остался позади дот № 45 (тот самый, что финны называли «Миллионным»). Разведчики зашли в тыл противника и с фланга подобрались к намеченной огневой точке.

Так и есть, расчеты были правильны: в тылу противник менее осторожен—ни одного часового!

Расставив часть людей вокруг дота для наблюдения за амбразурами, Ватагин с Герасименко и остальными бойцами направились к двери дота. Попытались открыть ее ломом—не удалось.

Загремели пустые консервные банки под ногами одного из разведчиков. Внутри каземата послышались голоса. Затем оттуда что-то громко спросили по-фински.

Разведчики промолчали.

Из дота раздалось (уже по-русски):

— Кто там? Что нужно?

Ни Герасименко, орудовавший ломом, ни кто другой из разведчиков не посмеялся над неожиданной наивностью вопроса—не до этого было.

Герасименко закричал:

— Открывай дверь.

В ответ из каземата раздалась отборная русская брань, произносимая, правда, с явным финским акцентом. И почти вслед за ней откуда-то из финского тыла прилетел грохнувший неподалеку

снаряд: должно быть, финны, что сидели в доте, не только переругивались с нашими, но одновременно сообщили по телефону своему начальству о нападении.

Пришлось спешно ретироваться. Разведка благополучно вернулась назад, притащив в качестве вещественного доказательства кусок бетона от дота.

По возвращении Ватагин подробно разобрал итоги этой вылазки и пришел к выводу, что допустил ряд ошибок. Во-первых, не взял с собой саперов и не захватил взрывчатого вещества. Во-вторых, не договорился заранее о том, чтобы разведка в нужный момент была поддержана артиллерией. А чтобы артиллерия смогла поддержать разведчиков огнем, надо было иметь с ней постоянную связь, т. е. итти в разведку с проводом.

Командование признало доводы Ватагина основательными. Следующей ночью он снова отправился в расположение противника, имея уже саперов и связиста.

Основная группа пошла в прежнем составе. Сомнение возникло только насчет одного человека—Кириллова: можно ли ему итти? Дело в том, что Кириллов неожиданно заболел. Температура подскочила до 38 градусов, лицо покрылось неестественным румянцем, человеку явно следовало отлежаться в тепле.

Но Кириллов с необычайной для него настойчивостью и горячностью доказывал, что повышенная температура и румянец—это попросту результат волнения, вызванного неудачей прошлой ночи, болезнь его как рукой снимет, если ему все-таки разрешат пойти в разведку, и вообще—это не болезнь, а сущие пустяки. В конце концов он убедил Ватагина.

Изведанным путем опять двинулись разведчики в обход «Миллионного» к дальней огневой точке...

Вот и она. Без единого звука расположились люди под командой Герасименко у амбразур дота, готовые в любую секунду забросать их гранатами.

Кириллов взобрался на купол дота, охраняя все подходы.

Саперы под руководством Ватагина заложили под дверь каземата взрывчатку.

Изнутри слышались спокойные голоса финнов—там никого не ждали.

Саперы отошли, готовясь зажечь запальную трубку. Только Кириллов не покидал поста. Да он не так уж и беспокоился за свою сохранность: взрывчатки заложили немного—лишь бы дверь вылетела. Поэтому вряд ли поранит.

Закладывать порцию поосновательней—так, чтобы взлетел весь дот,—Ватагин счел невыгодным. Во-первых, от такого «угощения» может не остаться ни одного живого среди гарнизона дота—и «языка» тогда не добудешь. Во-вторых, переполох произойдет чересчур большой, уходить придется с трудом: шутка сказать, целый дот в тылу на воздух взлетел! А взрыв не слишком большой мало ли от чего может произойти—хотя бы от собственной неосторожности команды дота. Конечно, переполох все равно

будет, но как раз такой, что нашим разведчикам удастся под шумок благополучно вернуться назад...

Ватагин командует саперам:

— Зажигай!

Огонь струйкой бежит по шнуру. Вот он подскочил к двери. Легкое шипение. Мгновение тишины... Взрыв!..

Дверь рухнула наземь.

Тревожно озираясь, выскочил наружу какой-то финн.

Бросился на него сверху Кириллов, навалился Ватагин с саперами.

В дыру, образовавшуюся на месте двери, разведчики кинули несколько гранат, чтобы больше из дота никто уже не выскакивал! Пойманного финна связали, уложили в лодочку для перевозки раненых, которую захватили с собой, и—ходу!

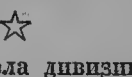
Они видели, как к поврежденному доту спешили с разных сторон группы финнов... Где-то вспыхнула паническая стрельба.

Воспользовавшись тем, что внимание противника сосредоточилось на неожиданном взрыве в собственном тылу, наши разведчики довольно спокойно миновали передний край белофинской обороны.

Товарищи в части не знали, куда усадить героев. Потчевали их сладостями, отказываясь от собственного пайка, расспрашивали обо всех подробностях вылазки. В блиндаж приходили все новые и новые люди, настаивая, чтобы им повторили всю историю сначала.

Только сейчас Кириллов почувствовал, что он действительно болен. Он даже отказался от угощения...

В штабе тем временем допрашивали «языка».



С быстротой выстрела облетела дивизию весть о подвиге ватагинских разведчиков. Каждый командир, каждый мало-мальски инициативный боец стал строить собственные планы разведки, захвата «языка», разрушения дота. Пример ватагинцев поднимал людей на новые героические дела, звал к окончательному разгрому врага...

Советское правительство высоко оценило доблесть смелых разведчиков. Ватагину и Кириллову присвоено звание Героев Советского Союза, Герасименко награжден орденом Ленина. Многие другие также отмечены наградами.

Герой Советского Союза лейтенант
П. Ребендк

ИЗ БОЕВОЙ ПРАКТИКИ РАЗВЕДЧИКА

Сейчас, через год, мне уже трудно вспомнить все числа, когда ходил в разведку. Точно помню лишь, что ходил шестнадцать раз—до того самого дня, пока не ранили. Единственное, что навсегда врезалось в память,—дата первой разведки, хотя эта разведка была и не так уж интересна.

В первой половине января, после того как мы достигли Хотиненского узла линии Маннергейма и убедились, что без предварительной подготовки не преодолеть его, наша часть заняла оборону. В этот период все активные действия нашего стрелкового батальона, где я работал помощником начальника штаба, свелись преимущественно к разведке.

Каждый раз, ставя задачу разведчикам, я мечтал: «Вот кабы мне с ними пойти...» Конечно, не у одного меня такое настроение было: любой наш командир и боец за честь считал оказаться в разведывательной группе.

Одна такая группа была создана по предложению командира батальона старшего лейтенанта Мешкова (теперь Герой Советского Союза). Товарищи в нее подобрались—один к одному. С такими не то что в разведку—к чорту на рога итти не страшно.

Командовать группой было поручено мне, и 18 января я впервые отправился «в гости» к белофиннам.

Ночь—глаза выколи. Вышли в 12 часов. Было это правее Кархулы, у опушки леса. Мост через речонку миновали спокойно—финны нас не заметили. Пошли дальше. Наткнулись на проволочное заграждение. Искушение возникло большое: чего перед ним зря задерживаться, когда нас не обнаружили?—взять да перерезать! Но удалось пересилить нетерпение: разведчику торопиться никак нельзя.

Залегли мы молча возле проволоки. Знаешь, что рядом с тобой свои же, а видеть их не видишь. Только немного погодя глаза привыкли к темноте.

Услышали скрип снега за заграждением. Еще пристальнее вглядываемся. Наконец, разобрали: финские часовые на бугорке ходят. Чуть подальше—другой бугорок, и там тоже часовые. Ага! значит, мы наткнулись на укрепления. Удачно вышли!

Дождались, пока смолкли шаги часовых (должно быть, они за доты ушли), и в тот же момент перерезали проволоку. Решили: зайдем сперва в тыл, затем с тыла подберемся к этим дотам, да и оседлаем их. А тут наши по выстрелам поймут, в чем дело (или, может быть, связного к ним пошлю для большей верности), подоспеют на помощь, и мы захватим доты.

План был рискованный, но приняли его с воодушевлением.

Однако едва мы перевалили через высотку, как услышали скрежет железа, звон лопат, удары ломов, тарахтенье автомобильных моторов. Грузовики приходили, их разгружали, затем они снова уходили в тыл. Машин было примерно с десяток.

Оказывается, здесь финны рыли траншеи. Хороши бы мы были, если бы предприняли сразу захват дотов: пожалуй, от нас осталось бы одно воспоминание.

Подсчитав примерно численность работавших на рытье траншей (их было человек до двухсот), мы поползли назад. Со сведениями о расположении дотов и новых траншей противника вернулись к своим. Первая же вылазка показала, что никогда не следует пренебрегать скрытностью. Выгоднее, может быть, два-три раза сходить в разведку с одной и той же целью, лишь бы ни в коем случае не обнаруживать себя.

Следующую разведку я провел, кажется, два дня спустя. Задачу нам поставили—добыть «языка». Вышли опять ночью, в два часа. Приблизились к проволочному заграждению, прорезали его. За ним—поляна метров в шестьдесят длиной, дальше—лес.

Поползли по поляне, наткнулись на брошенные окопы. Окопы были только-что покинуты: в них не было снега, хотя в это время шел густой снег. Значит, ясно: тут сидел финский полевой дозор. Он заметил нас и решил отойти, заманивая в глубину своей территории.

Я приказал разведчикам остановиться и выслал вперед парный дозор: помощника старшины Крамаренко и старшину Лебедева.

Через несколько минут Лебедев приполз и доложил: так и есть—впереди ловушка.

Пришлось изменить маршрут: двинулись мы теперь левее, тем более, что оттуда какой-то шум слышался. Но только вступили на стежку, как по нас застрочили три станковых пулемета. Мы залегли. Пулеметы не унимаются. Головы поднять невозможно. Должно быть, финны заранее пристреляли эту стежку.

Что тут делать? Решил: выдвину ручной пулемет правее—пусть отвлечет на себя огонь, а сами в это время отойдем. Так и сделал. Но финны заметили, что от нашей группы отделились лишь два человека, и перенесли на них огонь только одного пулемета.

Час от часу не легче. Тогда я приказываю младшему лейтенанту Дерпо:

— Принимайте командование на себя—я сам пойду с пулеметом.

И—ужом, ужом по снегу.

Попалась на пути яма. Рассмотрел повнимательнее—воронка. Ничего лучше и не придумаешь! Залег в нее, да и давай хлестать оттуда по финнам.

Они по мне очередь. Я молчу в это время. Но едва они отстрелялись—опять строчу.

Здорово, видно, удалось мне их разозлить: вижу, все три пулемета на меня навалились. А мне только этого и нужно!

Но и они сообразили, в чем дело: снова лишь один пулемет оставили на подавление моего.

«Нет,—решаю,—не выйдет у вас!» Не стал дожидаться, пока этот их пулемет замолчит: он стреляет, и я по нему. Дуэль!.. Пришлось им снова сосредоточить огонь на мне одном.

Долго ли так продолжалось, не скажу: на часы смотреть было некогда. Но вот подползает ко мне связной и докладывает:

— Наши уже отступили, товарищ младший лейтенант (я тогда еще младшим лейтенантом был). Пора и вам из боя выходить.

Дал я по финнам последнюю очередь (невежливо ж не попрощаться!) и—назад. Ползем со связным,—видим, ручные пулеметы за меня вступились, прикрывают мой отход. Хорошо они задачу выполнили: вышли мы невредимыми. Впрочем, в ту ночь вообще во всей группе никто не пострадал.

Вернулся я, но зло разбирает: задачу мы не выполнили. Правда, расшифровали огневые точки финнов... Но когда же, наконец, «языка» добудем?!

И вот, спустя четыре дня, повторяем попытку. Задача была такова: узнать, что делается в лесу, какие там силы у противника, какое охранение. Но, конечно, если бы удалось и «языка» добыть, никто не стал бы возражать.

Ночь лунная, тихая—действовать надо еще осторожнее. Вышли рано—в девять часов вечера. Прикинули: пусть у нас до рассвета побольше времени будет.

Преодолели два проволочных заграждения. За ними начиналась опушка леса. Тут обнаружили небольшое дерево-земляное укрепление, скрытое заборчиком. Двое часовых ходят.

Прошли они перед нами раз, другой. Я шопотом говорю своим людям:

— Ну, как только я свистну—сразу наваливаться на обоих! Понятно?

Но чуть я губы сложил, чтоб свистнуть,—гляжу, из леса выходит взвод финнов и—прямо как будто на нас. А нас под забором всего шестеро.

Опять пришлось план менять. Командую тихо:

— Гранаты к бою!

Думаю: на нашей стороне внезапность. Пока они в себя придут, мы хоть одного в плен захватим.

Финский взвод все приближается. Вот он уже метрах в пятнадцати.

Тут мы и бросили в них свои «гостинцы»...

Одного я не учел, когда размышлял, как мы пленного возьмем: не учел, что ведь они могут и наутек пуститься вместо того, чтобы обороняться. И, действительно, наши гранаты так на них подействовали, что не только пешие—и на самолете мы бы их не догнали!

Пришлось прекратить преследование и побыстрее уходить назад. Но отступать прежним путем оказалось невозможно: мы себя уже обнаружили, и финны дали отсечный огонь откуда-то из глубины. Оставался один путь—в сторону, где лесок, в котором мы действовали, вдавался в расположение наших частей клином.

Так и поступили. Перекатами то Дерий со своей группой двигается, то я со своей,—добрались до речки. Но финны решили во что бы то ни стало не допустить нашего отхода. Видим: окружают нас. С одной стороны, с другой, с третьей. Группы—человек по сорок.

Ну, ждать нам нечего, открыли огонь. Финны залегли и тоже стреляют в ответ. Расстояние друг от друга близкое—метров восемьдесят. Чуть высунешься (ночь-то лунная, как назло!)—так и жди, что тебя в лоб стукнут.

И вот наступила тишина: и они прекратили стрельбу, видя ее бесплодность, и мы патроны экономим.

Вдруг с их стороны голос:

— Сдавайтесь!

Хоть мы и старались излишним шумом себя не демаскировать, но тут никто не стерпел:

Крамаренко и Дерий, слышу, кричат:

— Большевики не сдаются!

А другие—просто отвечают крепким, язвительным словом.

Услышали финны красноармейский ответ и еще свирепее застрочили.

Лежим мы, отбиваемся. А мороз все злее. И патроны уже на исходе. Однако темп огня ослабить никак нельзя: только ослабишь—финны ближе подползают...

Мне докладывают:

— Товарищ младший лейтенант, Дерий убит!

Три часа отбиваемся. Вижу, не выйти нам без помощи наших. Приказываю связному-автоматчику:

— Добирайтесь к своим, передайте, пусть артиллерия поможет.

Отполз он от меня метров десять и залег. Я—к нему:

— Почему дальше не двигаетесь?

— Ранен, товарищ младший лейтенант.

Кое-как перевязал его, стал он окапываться.

Положение все хуже: патронов остается всего-навсего три диска, а полноценных, нераненых бойцов—пятеро, включая меня...

Хорошо хоть, что финны не решаются больше на сближение лезть—видно, и им от нашего огня не сладко.

Но в это время загрохотали наши пушки.

Как оказалось впоследствии, старший лейтенант Пилипенко, слыша непрекращающийся длительный бой в том лесу, где, по его расчетам, могли оказаться мы, разведчики, и не получая от нас никаких сведений, вызвал артиллеристов и приказал им бить по тому месту, откуда велся огонь с бо́льшей интенсивностью. Он резонно рассудил, что из двух сражающихся сторон именно мы были лишены возможности вести такой интенсивный огонь.

Батарея старшего лейтенанта Зимина стреляла с превосходной точностью: первый же снаряд угодил в самый центр левой группы белофиннов. Поспешно стали отступать вслед за этой группой и остальные.

Ярость наша была так велика, что мы выпалили в спину врага все три уцелевших диска. Выходили из боя уже без единого патрона. Но не только сами вышли, а вывели с собой и всех своих раненых.

На пути отхода лежало много трупов белофиннов. Дорого им стоила попытка окружить нас.

Герой Советского Союза капитан
М. Сипович

ПАДЕНИЕ ПЕРВЫХ ДОТОВ ХОТИНЕНА

Весь январь наша (ныне ордена Ленина) стрелковая дивизия посвятила подготовке штурма Хотиненского укрепленного района.

Возле дивизионного командного пункта находился захваченный у белофиннов укрепленный рубеж с надолбами, рвами и проволочными заграждениями. На этом рубеже подразделения систематически тренировались в технике преодоления надолб и проволочных заборов, в блокировке дотов. Занятия происходили поротно, с участием блокировочных групп, с танками, противотанковыми орудиями, саперами.

В районах расположения батальонов шла усиленная огневая подготовка. Проверялся бой оружия, проводились практические стрельбы и метание гранат. В часы затишья тут же устраивались занятия по тактике.

Между тем наш полк, ведя мелкие дневные и ночные бои, старался продвинуться как можно ближе к финским укреплениям. Мы отвоевывали у противника каждый метр, стремясь заранее подготовить подходящий рубеж для исходного положения при штурме дотов. С большими усилиями удалось нам отнять у финнов высоту «Топор», за которую они яростно цеплялись. Высота оказала моему батальону большую услугу, поскольку она находилась непосредственно против крупнейшего дота противника. Правда, об этом мы узнали позже.

С высоты «Топор» можно было принять этот дот за безобидный холмик. В ширину он был метров примерно сорок. Весь занесенный снегом, он не подавал никаких признаков жизни. Финны совершали на мой батальон по три-четыре огневых налета в сутки, но и в этих случаях холмик молчал, с него не раздавалось ни одного выстрела. Не обнаруживал он себя и тогда, когда в его районе появлялись мелкие разведывательные группы. У нас было сомнение: дот ли это?

В январе полк получил задачу—произвести дневную разведку боем, чтобы выявить огневую систему противника на данном

участке. Для этой цели выделили группу в составе 30 разведчиков, 31 сапера и 8 связистов. Огневая поддержка ее была поручена 4-й роте моего батальона.

Хорошо подготовившись, разведывательная группа под командой лейтенанта Свекровина приступила к выполнению задачи. Продвигаясь ползком и короткими перебежками, разведчики достигли первой линии проволочного заграждения в один кол и преодолели его. Затем следовали каменные надолбы в четыре ряда, а в 50 метрах от надолб—проволочный забор в пять колов. Саперы сделали проходы в проволоке; головной дозор разведки прошел через них вперед и был встречен сильным ружейно-пулеметным и минометным огнем. Продвигаясь дальше, дозор обнаружил два дота. Один из них мы издали приняли за обыкновенный холмик. Это и был знаменитый дот № 45, или «Миллионный». Так финны называли свои крупнейшие доты-крепости. Говорили, что будто бы один финский пленный заявил так: если, мол, вы захватите дот «Миллионный», то перед вами откроются «Хотиненские ворота». Не знаю, насколько это правда, но дот «Миллионный» действительно оказался ключом от укрепленного района Хотинен. Рядом, на расстоянии 200 метров, находился дот № 44.

Когда разведка лейтенанта Свекровина приблизилась к дотам на 50—70 метров, огонь из амбразур и траншей, соединяющих точки, усилился. Разведка стала нести большие потери и получила приказ отойти. Однако отходу мешал огонь противника, приковавший разведчиков к земле.

Командир 4-й роты лейтенант Гришин и ее политический руководитель старший политрук Фомичев (ныне Герой Советского Союза) приняли решение ввести свою роту в бой, чтобы отвлечь на себя внимание противника. По сигналу рота стала продвигаться к надолбам. Финны открыли по ней сильный огонь. Красноармейцы залегли.

Потеря времени грозила гибелью разведке. От поддерживающей роты требовались самые решительные и инициативные действия. Если бы она достигла надолб, то смогла бы укрыться за ними от огня и использовать их как выгодный огневой рубеж. Оценив это обстоятельство, старший политрук Фомичев поднялся и с возгласом «Вперед!» бросился к надолбам. За ним последовали все бойцы. Из-за надолб рота открыла мощный огонь по траншеям. Вражеский огонь стал затихать. Этим воспользовалась разведка и возвратилась в исходное положение.

Сведения, добытые разведкой лейтенанта Свекровина, принесли нам большую пользу. Дальнейшие действия разведчиков, в масштабе полка и батальонов, способствовали уточнению обстановки, и с каждым днем она становилась все яснее. Мы выявили количество дотов, их размеры, огневую связь между ними, характер препятствий, местонахождение некоторых минных полей между надолбами и возле самых дотов.

Что было перед моим батальоном? Справа—дот № 45 с большим количеством пулеметных амбразур и щелями, слева—дот № 44

с двумя пулеметными амбразурами. Траншеи между ними, оборудованные бронированными щитами с амбразурами для ведения огня, имели выходы к лесу, названному нами «Сапог». Лес находился сзади обоих дотов. В нем, по всей видимости, располагались полевые подразделения противника, оттуда велся артиллерийский и минометный огонь. Мой батальон отделяли от дотов линии надолб и проволочные заборы.

Уже несколько ночей подряд мы строили траншеи перед высотой «Топор», на расстоянии четырехсот метров от дотов. Расчет был прост: оборудовать рубеж для исходного положения поближе к противнику, чтобы избежать лишних потерь при наступлении. Работали ночами под прикрытием боевого охранения. Перед рассветом работы заканчивались, и люди уходили в расположение батальона, а для защиты траншей выделялось небольшое огневое охранение с наблюдателями и со средним командиром во главе.

Так, готовясь к штурму, мы оборудовали два ротных района неподалеку от линий надолб.

Вся тяжесть ночной охраны позиций легла на 4-ю роту, которая располагалась в землянках на обратном скате высоты «Топор». Рота находилась впереди батальона на 300 метров. Финны часто беспокоили ее своим огнем. Кроме того, охраняя траншеи, она каждую минуту должна была быть наготове. Нам казалось, что две недели такого напряжения вконец извели и утомили людей. Однако, когда перед наступлением был поставлен вопрос о смене, командир роты, политрук и бойцы попросили, чтобы их оставили на прежнем месте, и обязались с честью выполнить задачу по прорыву укрепленной линии.

И когда командование полка приказало захватить дот № 45, выйти к опушке леса и закрепиться на достигнутом рубеже,—это трудное дело я поручил 4-й роте.

Перед выступлением выработали подробный план захвата дота, уточнили все вопросы взаимодействия с приданными и поддерживающими подразделениями. Все бойцы были ознакомлены с задачей. Им разъяснили, что при продвижении необходимо как можно ближе прижиматься к артиллерийскому огневому валу, что лежать долго на одном месте опасно, так как противник сумеет пристреляться и поразит лежащего.

В 12 часов 15 минут 1 февраля артиллерия открыла огонь. Под прикрытием ее огня 4-я рота заняла заранее подготовленные нами траншеи. Справа от нее действовал 1-й батальон нашего полка.

Артиллерийскую подготовку вели два дивизиона. Я заранее условился с артиллерийскими начальниками, что они в это время прощупают кусты на участке, отделявшем нас от дота. Таким образом удалось уничтожить часть минных полей, а воронки, образованные в местах разрывов, сослужили хорошую службу бойцам как укрытия при продвижении.

Покинув траншеи, 4-я рота стала двигаться вперед. Начал продвижение и 1-й батальон. Противник обрушился на них ураганным огнем.

В этот день 1-й батальон постигла неудача. Заняв противотанковый ров около Сепянмяки, он не сумел под сильным артиллерийским огнем противника продвинуться дальше. Приданные ему два танковых взвода были остановлены глубоким снегом.

Но 4-я рота продолжала движение. Направление было выбрано такое, что дот № 45 не мог обстреливать роту в лоб. Это предохраняло ее от больших потерь. Рота прошла уже надолбы, проволочные заграждения. Приступили к делу саперы. Но тут мы совершили ошибку. Объяснить ее можно тем, что это был по сути дела первый опыт захвата таких крупных дотов. Саперный взвод с санями, на которых лежали взрывчатые вещества, застрял в надолбах и понес потери. В конце концов он вынужден был откатиться, даже не сделав проходов для танков. Эта неудача натолкнула нас на мысль, что для подрыва надолб надо направлять лишь небольшую группу саперов, а остальные саперы, имея взрывчатые вещества для разрушения дота, должны начинать движение, когда будут готовы проходы. Груз взрывчатых веществ связывает движения саперов, особенно среди надолб, и они представляют собой заметные мишени для противника.

Танкам пришлось пробивать себе дорогу в надолбах огнем своих пушек. К такому приему, по нашему мнению, надо прибегать лишь в крайнем случае, поскольку, ведя огонь с места, танки могут быть легко уничтожены огнем противотанковых пушек. Но на этот раз дело обошлось без потерь. Разбив на куски несколько надолб, пять танков направились к доту.

К этому времени 4-я рота уже «оседлала» дот № 45.

Финская артиллерия и минометы обрушились на «Миллионный», стараясь сбросить с него героическую роту и восстановить положение. Но рота цепко держала дот в своих руках. По невероятному шквалу огня можно было легко заключить, какое значение имел для финнов «Миллионный».

Вот донесение старшего политрука Фомичева, ярко характеризующее стойкость бойцов и командиров. «В роте осталось 28 человек,—сообщает Фомичев.—Прошу помощи. Если же ее нет, то обойдусь и без этого. Оставшиеся люди действуют не хуже, чем рота в полном составе». Небольшая группа смелых и мужественных людей попыталась взорвать одну из амбразур, но у них было лишь небольшое количество взрывчатки (саперы еще не подоспели), всего несколько десятков килограммов. Взрыв не принес особого вреда амбразуре. Но камнями, комьями земли и снега им удалось «ослепить» амбразуры дота. Изнутри раздавались угрожающие крики. Гарнизон сделал попытку выбраться из подземелья через дверь. Но у выхода из дота, имея гранаты наготове, находился с группой бойцов старший политрук Фомичев.

Финны незаметно просачивались к сооружению по траншее, идущей от дота № 44. Они, видимо, стремились внезапным налетом уничтожить остатки роты и освободить дот. Заметив движение в траншеях, старший политрук Фомичев первым бросился на противника и закидал его гранатами. Вслед за ним к траншеям

подползли бойцы и гранатами заставили финнов откатиться. Большую поддержку нашим стрелкам оказали танки и пулеметная рота.

Стемнело. Саперы подвезли припасы, необходимые для взрыва. Было решено взрывать дот сверху. Его перекрытия очистила от толстого слоя земли и камней наша артиллерия во время неоднократных обстрелов. На оголенный цемент бойцы положили более полутора тонн взрывчатых веществ.

Перед взрывом роту отвели к надолбам. Она укрылась за ними и в воронках. Возле дота остался только командир саперного батальона тов. Коровин (ныне Герой Советского Союза). Он и поджег фитиль. Раздался оглушительный взрыв. Но дот был так велик, что даже полторы тонны взрывчатки сумели разрушить его лишь частично. Левая его часть продолжала жить, имея огневую связь с дотом № 44. Немедленно после взрыва рота вернулась на свое прежнее место, к доту.

Мой батальон получил приказ—продолжать выполнение поставленной задачи. Оставив 4-ю роту у дота № 45, я ввел в дело 5-ю. 2 февраля с наступлением темноты начался бой за дот № 44. Артиллерийскую подготовку мы провели своими средствами. Все пять танков открыли беглый огонь по району дота № 44 и примыкающим к нему траншеям. Заговорили также все пулеметы, находившиеся в моем распоряжении. 1-й взвод 5-й роты должен был, используя ходы сообщения, подойти к доту и оседлать его. Взвод двинулся в путь. Вслед за ним вдоль траншей пошли три танка, ведя методический огонь по доту и опушке леса «Сапог». А вслед за танками продвигались остальные взводы 5-й роты. Взрывчатку в количестве одной тонны везли танки на санях. Два танка остались у дота № 45, чтобы в случае его оживления прикрыть амбразуры своей броней.

Короткая борьба в траншеях. Финны, не выдержав нашего напора, откатились в лес. Воспользовавшись этим, 1-й взвод обошел дот по тыловым ходам сообщений, оседлал его и заклинил амбразуры. Чтобы не дать противнику опомниться, мы решили тут же взорвать дот. Взрывчатку передавали из танков, которые остановились в 50 метрах от дота, по траншеям, из рук в руки. Финны стреляли по нас из леса, пытаясь нам помешать, но огонь их был беспорядочный и не принес нам вреда.

Ночью дот № 44 взлетел в воздух. Уцелели только его казематы, которые командир 5-й роты младший лейтенант Ступак использовал для своего командного пункта. Временами в них отогревались бойцы.

В эту ночь силы батальона располагались следующим образом. 4-я рота, как было уже сказано, занимала район дота № 45, имея непосредственную связь с правым флангом 5-й роты, занимавшей траншеи и дот № 44. Минометный взвод находился с 4-й ротой, имея задачу вести беспокоящий огонь по противнику. Пулеметная рота использовалась для охраны флангов и стыка между стрелковыми ротами. Танки я отвел за дот № 45, и они были готовы в случае контратаки подавить своим огнем наступающих. 6-я рота

оставалась в резерве, занимая исходное положение в траншеях по ту сторону надолб.

Как и следовало ожидать, захват двух дотов, а особенно дота № 45, привлек к себе все внимание противника. Он стал лихорадочно стягивать резервы к лесу «Сапог». Потом от пленных мы узнали, что там было сосредоточено до батальона пехоты, две пулеметные роты, много минометов и артиллерия.

Дважды в эту ночь финны пытались окружить и уничтожить нас. Дело доходило до рукопашных схваток в траншеях, занятых 5-й ротой. Финны проникали сюда по ходам сообщения, ведущим из лесу. Красноармейцы держались стойко и принимали финнов на штыки. Младший лейтенант Селифонтов подхватывал брошенные противником гранаты и отправлял их в группы контратакующих финнов. Всю ночь напирал на нас противник, но успеха не имел. Большую роль в отражении контратак сыграли станковые пулеметы. Под их огнем финны каждый раз, понеся серьезный урон, откатывались в лес.

3 февраля финны весь день вели артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь по захваченному нами участку. Огонь был настолько силен, что чуть ли не через каждый час рвались линии связи, соединяющие нас со штабом батальона и с полком. Исправление их под огнем стоило больших усилий. Иногда целыми часами мы не имели проволочной связи. Посыльные погибали в пути, не доходя до цели. Радиостанции сейчас же, как начинали работать, засекались финнами.

Не оставалось никаких средств связи, кроме собак. И тут-то они нас выручили. Я вспоминаю, с каким пренебрежением относился в мирное время к этому виду связи, и теперь мне становится стыдно. Четырехногие связисты работали безотказно. Бывало, получит связная собака донесение, понурит голову, посмотрит на тебя жалобным взглядом и покорно поползет под огнем, прижимаясь к земле. Ни одна не была ранена или убита.

С большим трудом и риском удавалось доставлять питание, поскольку финны держали под огнем все подходы к нашему расположению. Смельчаки-старшины все же не оставляли людей без пищи. Они подвозили сухой паек на санках, таща их за собой на веревке. Повар Котов кормил свою роту горячей пищей, доставляя ее ползком в термосах.

Шли четвертые сутки беспрерывного боя. В ночь на 4 февраля мы подготовили еще два взрыва дота № 45. Каждый потребовал до 2 тонн взрывчатки. В эту ночь дот «Миллионный» превратился в груду развалин.

Так была пробита брешь в «Хотиненских воротах».

Политрук

А. Кирпичников

УХО К ЗЕМЛЕ!

Как ни старались разведчики полка, им не удалось полностью раскрыть огневую систему укрепленного района. Железобетонные доты все еще не были обнаружены. А враг с каждым днем все усиливал и усиливал огонь. Все новые и новые точки приводились в действие. Теперь простреливалась вся лощина. Заговорила и артиллерия врага—снаряды ложились в роще «Зуб»—там, где закопался в землю полк. Сюда же долетали и мины. Все труднее становилось работать разведчикам. Мешала делу и разобщенность их действий. Тогда командование полка решило создать особую разведывательную роту.

Это было глубокой ночью. Меня неожиданно вызвал к себе комиссар полка тов. Поршаков. У комиссара я застал лейтенанта Жгута и старшего лейтенанта Кваш у.

— Вот и Кирпичников. Отлично!—увидев меня, сказал комиссар и сразу же приступил к делу.

Нам поручалось формирование разведывательной роты. Тов. Жгут назначался начальником разведки, тов. Кваша—командиром роты, а я—политическим руководителем. Задание: в кратчайший срок обнаружить все доты, артиллерийские позиции, укрытия пехоты, выявить всю систему огня укрепленного района.

— Есть!—ответили мы комиссару.

Всю ночь просидели мы над планом нашей будущей работы. Прежде всего договорились о составе роты. У нас должны быть крепкие, выносливые бойцы. Никаких кашлюнов, т. е. людей, хотя бы в малой степени подверженных простуде. Разведчик—он же сапер. Каждому разведчику—ножницы, взрывчатку. Разведчик должен обладать к тому же чутким ухом, уметь надежно замаскироваться, во-время донести о результатах наблюдения.

Затем мы договорились о характере и порядке действий. Во-первых, круглосуточное наблюдение за всем укрепленным районом как из расположения полка, так и с территории противника. Во-вторых, «разведка флангом» (обманывая, дезорпентируя

противника, по одному из его флангов бьет наша артиллерия, а на другом фланге в это время работает разведка). В-третьих, наиболее глубокое проникновение на территорию укрепленного района.

Прошли сутки—рота была создана.

Разведка укрепленного района началась. Отважные разведчики ползком пересекали лощину, переползали надолбы, проволочные заграждения, углублялись далеко на территорию врага. Опасность поджидала их на каждом шагу. Командир взвода Тишкин полдня пролежал недалеко от огневой позиции вражеского миномета. Командир отделения Ефимов с утра до ночи пролежал в сорокаградусный мороз вблизи огневой точки, не шевелясь, без единого движения, чтобы не выдать себя. Красноармеец Рябков провалился в глубокую яму. Оказалось, что он попал в замаскированный ход сообщения, ведущий к высоте 65,5. Вместо «потолка»—сетка, на сетке—листы бумаги, а поверх—снег.

Однажды, когда наши артиллеристы посылали снаряд за снарядом на рощу «Молоток», отвлекая внимание противника от действий разведки на левом фланге, командир отделения тов. Парменов забрался на возвышенность «Язык», метрах в шестистах от высоты 65,5 и залег на холме в снегу. Противник активно отвечал на действия наших артиллеристов. В воздухе свистели мины, с гулом проносились снаряды, пули беспрестанно повизгивали, дзинькали над головой. Смелый разведчик, все глубже и глубже зарываясь в снег, добрался до грунта.

Неожиданно он почувствовал под собой какие-то толчки. Насторожился, приложил к земле ухо. Земля протяжно гудела и через короткие промежутки вздрагивала от мощного удара изнутри. Парменов сообразил: под землей—пушки. Артиллерийское сооружение. Дот!

Сердце разведчика учащенно забилось. Хотелось тотчас же доложить об этом командованию, но герой-разведчик понял, что именно теперь, вот в эти минуты, когда он постиг тайну дота, он обязан во что бы то ни стало уберечься от пуль, чтобы не унести с собой в могилу эту тайну. Выдержка и спокойствие! Разведчику не положено волноваться.

Спустилась ночь. Артиллерийская стрельба все еще продолжалась. Еще явственнее ощущал Парменов толчки под собой и протяжный, певучий гул. Так мог гудеть только бетон. Да, все ясно. Дот! Железобетонный артиллерийский дот... Теперь пора домой, в полк, к командованию...

Но прежде чем ползти домой, Парменов еще с полчаса наблюдал в темноте за возвышенностью, на которой лежал, прикинул ее размеры, запомнил опознавательные знаки—пень и елочку. Потом, стараясь не произвести ни малейшего шума, спустился с возвышенности и пополз.

Часов в одиннадцать ночи раскрасневшийся Парменов, отряхиваясь от снега, пришел к нам на командный пункт. Обо всем доложил. Мы обняли замечательного разведчика. Лейтенант Жгут пошел доложить командиру полка. Майор Рослый приказал артил-

леристам разрыть возвышенность, найти и разрушить подземную крепость врага.

На другой день, когда взошло солнце и наблюдатели засекли стереотрубами опознавательные знаки—пень и елочку,—артиллеристы полка открыли сокрушительный огонь по возвышенности «Язык», на которой лежал вчера герой-разведчик. Снаряды ложились точно в цель. Вся возвышенность опоясалась столбами разрывов. В воздух вздымались камни, земля, клубы черного дыма. Вокруг почернел снег.

С полудня артиллеристы усилили огонь. С каждым разрывом снаряда все ниже и ниже становилась возвышенность, а к вечеру из развороченной земли показался уже и угол дота, острый, как нос линкора.

Еще два дня разрывали артиллеристы возвышенность «Язык»,— и вот железобетонное артиллерийское укрытие врага встало перед нами, как на картинке.

«Ухо к земле! Слушать землю!»—вот о чем мы говорили теперь нашим разведчикам. И это сразу дало большие результаты. По звуку шагов, по стуку винтовок о мерзлую землю мы разведывали заснеженные финские траншеи, землянки, скрытые ходы к дотам, а затем и самые доты. Всего перед фронтом нашей 123-й дивизии было восемь железобетонных крепостей, оснащенных пушками и пулеметами, с подземными казематами, с отепленными и освещенными электричеством тоннелями.

Крепко, по-боевому работали артиллеристы. Сносилась высота 65,5, сносились возвышенности слева, сносился и холм у рощи «Молоток». С каждым днем все больше и больше обнажались железобетонные крепости врага. Вот явственно выступали из развороченной земли серые квадраты дотов на высоте 65,5, вот уже видны черные стальные плиты, вделанные в бетон передних стен, вот открылись длинные щели амбразур,—и доты обнажены, вырыты из земли. Теперь они перед нами, как на ладони!

Командир взвода
Б. Драбкин

ПО ОГОНЬКУ ПАПИРОСЫ

Батальон капитана Сукача готовился к прорыву укрепленного района белофиннов севернее деревни Вяйсянен. В это время взвод противотанковой артиллерии, которым я командовал, получил боевой приказ: прямой наводкой проделать проходы в поясе каменных надолб, чтобы пропустить танки на участке намеченного прорыва.

При стрельбе по относительно малой цели, как надолбы, необходима исключительная точность огня. Такой точности можно достигнуть лишь на расстоянии 150—200 метров от цели. Как же подготовить незаметно для противника огневую позицию?

Все места, подходящие для огневой позиции, были расположены в районе, пристрелянном пулеметами и минометами врага. Оставалось одно: работать ночью.

Вечером я отправился в разведку с командирами орудий. Осторожно ползли мы по снегу. Неподалеку от вражеских гнезд выбрали огневую позицию. От нее до надолб, которые предстояло нам громить, было метров сто двадцать пять—сто тридцать.

С наступлением темноты мы приступили к оборудованию огневой позиции. Ночь выдалась очень темная. Выбранная нами позиция находилась в низкорослом густом сосняке. Чтобы иметь возможность стрелять отсюда, необходимо сделать расчистку. Как же это осуществить в такой темноте?

— Товарищ Васильев,—отдал я приказание бойцу,—отползите назад, в укрытие, зажгите папиросу и приползите с ней обратно.

Боец удивился, но приказание выполнил: через несколько минут он явился с папиросой в зубах.

— Ложитесь,—говорю ему,—на то место, где у нас будет стоять орудие, и через каждые пять минут на одну-две секунды поднимайте папиросу до уровня орудийного прицела.

Так, ориентируясь на еле заметный огонек папироски, я с группой сапер бесшумно расчистил секторы обстрела.

А на рассвете наводчики моего взвода увидели цель, как на ладони. Мы открыли огонь бронебойными снарядами. Через 15 минут надолбы на протяжении 15—20 метров были начисто снесены, словно их ветром сдуло. Проход для танков сделан.

Когда враг опомнился и стал довольно точно бить по сосновой рощице, нас уже там не было. Мы не только успели ускользнуть отсюда, но и приступить к завтраку.

За едой Васильев балагурил:

— Обкурился я, товарищ командир... Пока вас ориентировал, четыре папиросы выкурил—все боялся, что ориентир потухнет.

С. Рубен

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА МИХАИЛ ТРУСОВ

Когда Михаил Трофимович Трусов впервые появился на новом аэродроме, товарищи прозвали его «медведем»—до того этот невысокий человек казался им малоподвижным в своем коричневом комбинезоне и меховых унтах.

— Медведь, совсем медведь. И имя даже медвежье. Михаил. Миша...

Целые дни Трусов проводил у своей серебристокрылой машины. Молча проверял приборы, опробовал моторы, делал какие-то вычисления. И так же молча наблюдал он за полетами других летчиков.

Скромный, тихий, он мало рассказывал о себе, больше приглядывался к товарищам. Те в свою очередь изучали его.

Однажды предстоял сложный тренировочный полет. К Трусову подошел командир.

— Сейчас летите вы.

Трусов сел за штурвал. Машина плавно скользнула по земле и рванулась вверх. С неослабным вниманием следили товарищи за тем, с какой виртуозностью и легкостью Трусов решал в воздухе сложную задачу.

— И кто бы только подумал. Вот тебе и медведь!

Уже тогда товарищи убедились, что перед ними незаурядный летчик.

...В дни боев на Карельском перешейке с особой силой сказалось летное мастерство Михаила Трусова.

Он совершил десятки боевых вылетов. Летал и тогда, когда многоярусная облачность прижимала к земле, когда пятидесятиградусный мороз сковывал пальцы и сквозь маску обжигал лицо, когда зенитный огонь преграждал путь самолету. Сквозь дождь и снегопад, в пургу и метель бесстрашно вел Трусов свою машину в бой с врагами.

Беззаветная отвага и искусство Трусова сделали его имя широко известным на фронте. Но более всего прославился отважный лет-

чик подвигом товарищества, подвигом взаимной выручки, о котором мы расскажем читателю.

В это утро наши летчики отлично бомбили укрепленную линию противника и сейчас снова летели туда же, чтобы расчищать путь наземным войскам. Маршрут проходил над озером Куолемаярви.

Ведущим шел капитан Локотанов. Слева от него вел свое звено Трусов.

Погода не баловала. Ветер гнал серые тучи. Самолеты шли над облаками.

— Цель,—доложил командиру штурман Кирюхин.

Трусов прорывает пелену облаков, спрашивает у штурмана:

— Видно?

— Отлично.

Глубокие воронки—следы утренней работы летчиков—зияли в земле. Кругом было тихо, пустынно.

«Притворяются, гады... Хитрят...—подумал Трусов.—Сейчас мы им покажем!»

Он хорошо изучил коварство врага. Точно такой же пейзаж ему довелось видеть несколько дней назад: заснеженный лес, домики. Но стоило самолетам очутиться над ними, как эти домики «заговорили».

Враг маскировался. Едва самолеты очутились у цели, завеса зенитного огня преградила путь. Разрывы снарядов ложились почти у самых машин.

Маневрируя, Трусов выводит звено из зоны огня. Штурманы моментально уточняют расчеты на бомбометание. Цель уже в пузырьке прицела. Из-под крыльев срывается смертоносный груз. Внизу взметнулись столбы огня, и густой черный дым поднялся к небу.

— Нормально,—улыбается Трусов.

Самолеты развернулись на обратный курс. Вдруг ведомый—старший лейтенант Мазаев почувствовал сильный толчок. Машину подкинуло вверх. Пули забарабанили по сиденью летчика. Мазаев мгновенно выводит самолет из-под обстрела.

— Все невредимы?

Штурман Климов кивнул головой. В кабине командира зажглась сигнальная лампочка—значит, стрелок тоже невредим.

Опытным глазом Мазаев оглядывает машину. На капоте левого мотора несколько рваных пробоин. Сильной струей вытекает вода.

— Сволочи...—выругался Мазаев.—Придется добираться на одном моторе.

Когда он сделал разворот, стрелок-радист Пономарев сообщил:

— Горит правая плоскость...

Развернув машину на обратный курс, Трусов по установившейся привычке решил посмотреть на своих ведомых. Машина Лобаева, правая ведомая, шла за ним. Трусов повернул голову влево. Мазаева не было.

Командир звена сделал крутой разворот. Далеко впереди он увидел как бы горящий факел. Это и был самолет Мазаева.

Не в обычае советских людей оставлять товарищей в беде. Если ты видишь, что твоему товарищу угрожает опасность, иди ему на выручку. Все за одного, один за всех. Это правило твердо усвоил Трусов и так учил свои экипажи.

Раздумывать некогда. Трусов дает полный газ. Он не выпускает из поля зрения самолет Мазаева. Но вот густые облака скрывают горящую машину.

Что делать? Обходить облачность? Это значит—потерять несколько минут.

Прорваться вперед, сквозь облачность!

Рваной ватой плывут облака, расступаясь перед могучими моторами.

Вот впереди опять маячит самолет Мазаева.

— Лишь бы добраться к своим...—думает Мазаев, напрягая все силы, чтобы дотянуть машину до линии фронта. Но до родной земли далеко, а единственный мотор с каждой минутой все больше и больше сдает.

Вокруг стало темно. Густые черные клубы дыма заволокли небо. Белофинны открыли стрельбу из зениток. Мазаеву пришлось маневрировать на пылающем самолете. Вот-вот сдаст правый мотор.

— Держись, товарищи,—шепчет летчик.

Плывут земля, лес, блещет озеро, скованное льдом. Садиться нельзя: площадка слишком мала, погубишь экипаж. Вот озеро побольше...

Яростно бьют вражеские зенитки. Воздух наполняется громовым гулом. Неожиданно Мазаев видит, как огненные струи трассирующих пуль скрещиваются почти у самого самолета, а сверху доносится рокот моторов.

Мазаев поднял голову: впереди, сбоку и сзади летели наши истребители. Это они поливали свинцом зенитки врага. Мазаев понял: боевые друзья пришли на выручку. Еще через несколько секунд он увидел самолет своего командира Михаила Трусова. Он кружил над ним и покачивал крыльями. А дальше—машины Локотанова, Лобаева, Сажко, Баратьяна. Вся пятерка шла на помощь товарищу.

Управлять самолетом становилось все труднее. Но Мазаеву удалось дотянуть его до озера и сесть на лед.

Враги подстерегали добычу. Они вылезли из окопов, открыли ружейную пальбу и побежали к советскому самолету.

Но не тут-то было. Со всех машин затрещали пулеметы. Стреляли с истребителей, стреляли стрелки-радисты, стреляли штурманы. Сталинские соколы загнали врага назад в его берлогу. Белофинны не смели высунуть головы. Они вели лишь беспорядочный огонь по озеру, пустив в ход пушку и минометы.

Под градом пуль и осколков стояли на льду у горящего самолета три отважных бойца.

— Надо спасти экипаж во что бы то ни стало,—решил Трусов.

Он представляет себе всю сложность и опасность принятого решения. Но что может быть сильнее воли большевика!

Трусов резко снижается и идет на посадку.

Бандиты предвкушают двойную добычу—два советских экипажа. С новой силой грохнули орудия. Но с советских машин стреляют метко. Пули ложатся прямо у укрытий, за которыми прячутся враги, и не дают сдвинуться с места.

С волнением и восхищением следили товарищи, как мастерски сел Трусов недалеко от горящего самолета.

Первым подбежал к Трусову стрелок-радист Пономарев.

— Мы знали... Мы были уверены...

Он бросился обнимать Трусова.

— Потом... Потом... Не время...—крикнул Трусов.—Два—в кабину стрелка-радиста, один—в бомбовый люк,—командовал он.—Только быстрее.

Теперь нужно поскорее оторваться ото льда. Враг продолжает вести сильный огонь. Снаряды ложатся то позади самолета, то не долетая до него. Трусов садится за управление, дает полные обороты моторам. Самолет не сдвигается: примерзли лыжи. Трусов энергично «шурует» рулями, машина раскачивается, идет вперед, несколько раз ударяется хвостом о лед и, наконец... отрывается...

На глазах у опешившего врага Трусов делает разворот над озером и пристраивается к своим.

Внизу чернеет догоревшая машина Мазаева.

— Теперь все в порядке.

Вдруг Трусов вспомнил порыв стрелка-радиста.

— Где Пономарев?—спросил он в переговорную трубку.

— В бомболюке.

— Нормально,—улыбнулся Трусов.—Включу-ка я ему свет...

Герой Советского Союза

В. Яковлев

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ ПО ДОТАМ

Наш тяжелый корпусный артиллерийский полк прибыл 17 декабря в район Хотинена, к так называемой линии Маннергейма. Двухсуточный тяжелый переход с боем был совершен без сна и отдыха. Мы были сильно утомлены, но не теряли бодрости. Быстро была сделана обычная трассировка для орудия и вырыты ровики для расчета. К вечеру выкопали землянки, оборудовали их тремя накатами из бревен, что защищало нас не только от пуль и осколков, но и от вражеских снарядов малого калибра.

В первый день нам мало пришлось пострелять по белофинской артиллерии. Но зато на второй день мы уже по-настоящему показали врагу всю мощь советских тяжелых орудий.

О нашей артиллерийской стрельбе финские пленные из резервистов отзывались так: «В какие бы доты и укрытия мы ни прятались,—не было спасения от вашего огня. Если даже ваши снаряды и не поражали нас своими осколками, то все равно организм человека не выдерживал силы взрывов: из ушей, носа и рта лилась кровь».

Стреляли мы много и довольно метко, неоднократно давая прямые попадания в доты, расположенные в 6—7 километрах от наших огневых позиций. Но одного, двух и даже десятка снарядов было недостаточно, чтобы разгромить дот и полностью заставить его замолчать. Поэтому выброшенные нами за несколько дней тысячи килограммов стали не дали желательного эффекта.

И тогда—это было 19 января—командование решило поставить тяжелое орудие на несколько сот метров от дота и прямой наводкой разбить его.

Об этом узнали мы, расчет первого орудия 5-й батареи.

Кто поедет выполнять эту задачу—неизвестно. Приказа никому еще пока нет. В первую же свободную минуту мы собрались в землянку обсудить этот вопрос. Решение у всех одно: немедленно составить рапорт и просить командование части, чтобы эту почет-

ную и ответственную боевую задачу доверили нам, расчету первого орудия 5-й батареи. Опасались лишь одного: не доверят нам эту задачу, поскольку все мы из приписников, а в части было много орудийных расчетов целиком из кадрового состава. Но мы успокаивали друг друга: ведь хотя мы и «приписники», но наше орудие по быстроте и точности стрельбы считается передовым в полку.

Рапорт тотчас же был составлен и подписан всеми номерами орудийного расчета. В рапорте мы поклялись, что доверие командования, доверие народа и любимого Сталина оправдаем с честью и выполним задачу только отлично.

Когда принесли рапорт в штаб части, то оказалось, что туда уже поступило двенадцать таких рапортов. Расчеты других орудий раньше нас узнали о предстоящей опасной задаче. Я не суеверный, но подумал—наш рапорт по счету тринадцатый. Чортова дюжина! Вот нам и не повезло.

Огорченный, я обратился к комиссару части орденоносцу тов. Мартынову.

— Товарищ батальонный комиссар, мы поздно узнали и поэтому опоздали. Итти сейчас к бойцам с отказом—это лучше не ходить.

Он мне говорит:

— Не волнуйтесь, поедете вы, так и передайте бойцам. Окончательный ответ—завтра.

— Есть так передать!

А сам думаю: «Комиссар, наверно, всем так говорит».

С нетерпением ждали завтрашнего дня. Комиссар свое слово сдержал в точности. Нашему орудию—первому—было доверено прямой наводкой громить белофинские логовища—доты. Все мы чувствовали себя именинниками. Днем еще раз проверили орудие, все до винтика, пришили к гимнастеркам свежие воротнички, чисто выбрились. С наступлением темноты отправились на намеченную огневую позицию, чтобы под прикрытием ночи оборудовать ее, до рассвета подвезти на тракторе орудие и с рассветом взяться за выполнение боевой задачи.

Ползком, с инструментами, добрались до огневой позиции. При сорокаградусном морозе дружно взялись за работу под орудийный гром и пулеметную трескотню. Хотя эта музыка и не такая уж веселая, но настроение у всех было замечательное, работа как-то особенно спорилась.

Огневая позиция готова. Теперь предстояло самое сложное дело—подвезти на тракторах орудие и поставить его перед носом белофиннов так, чтобы они не заметили. Чтобы замаскировать движение орудия и самую установку его на огневой позиции, одному дивизиону было дано задание—вести непрерывный огонь по дотам.

Нам удалось благополучно подвезти и установить орудие.

Когда чуть-чуть забрезжило, стали смутно вырисовываться очертания дота. Рассветало медленно. Ночь словно нехотя уступала место ясному морозному дню.

Выбираю ориентиры, на-глаз прикидываю дистанцию и ставлю прицел. Докладываю:

— Орудие готово.

Командир батареи старший лейтенант Трунов подает команду:

— Огонь!

Первый снаряд—мимо. Беру поправку: опять мимо. Беру поправку на волосок, на полволоска. Все мимо! Ругаю себя, как только умею. А потом опыт показал, что пока орудие не укрепилось, оно прыгает, перемещается, а я на эти перемещения поправки не брал.

Восьмой снаряд угодил уже прямо в дот, в башню с амбразурами. За ним туда же летят девятый, десятый и т. д. Смотрю—башня не падает. Навожу под башню, выпускаю десятка три снарядов, разбиваю амбразуру, крепление башни, затем даю выстрел по самой башне... и она падает с дота.

С первого же нашего выстрела по доту белофинны словно с ума сошли. Они открыли по нашему орудию бешеную стрельбу из нескольких батарей шрапнелью и гранатой, минометный и пулеметный огонь. Тяжелые снаряды рвались справа, слева, сзади, спереди. Но мы работали без малейшего замешательства. Мешали нам только снаряды, которые разрывались впереди, поднимая вверх огромные столбы снега и земли. Это затрудняло наблюдение за дотом и ориентиром.

Двумя тяжелыми снарядами разбило наш бруствер. Несколько раз нас засыпало комьями мерзлой земли, поднятой разрывом, но каждый боец уверенно продолжал делать свое дело, горя желанием скорее разбить логовище врага, решить боевую задачу отлично!

Ящичному А. И. Головкину осколком снаряда разрезало щеку, кровью ему залило всю фуфайку и брюки; потом кровь перестала литься и запеклась на щеке. Мы были так увлечены стрельбой, что никто не заметил ранения Головкина, не заметил его и сам Головкин.

Снарядному Е. К. Булахову разбило осколками руку. Ему предложили немедленно эвакуироваться с огневой позиции, над которой хлестала свинцовая гроза. К тому же с одной рукой он был нам плохим помощником. Булахов уйти отказался и продолжал работать здоровой рукой. В течение всей стрельбы с нами находились наши непосредственные начальники: командир 2-го дивизиона старший лейтенант Лебедев и командир батареи старший лейтенант Трунов.

Когда мы выпустили последние снаряды по доту, тов. Лебедев сказал:

— Задача выполнена отлично!..

К вечеру мы вернулись на свои старые, закрытые, огневые позиции. Нас все поздравляли и считали счастливцами. Да, мы действительно были счастливы, так как с честью выполнили свои обязательства, причем без единой потери.

В этот, навсегда памятный для нас день орудийный расчет работал в следующем составе:

За командира орудия—помощник командира взвода Леонтьев

Петр Михайлович, слесарь 1-го граммофонного завода (ныне Герой Советского Союза).

Наводчик—Яковлев Василий Николаевич, директор одного из ленинградских ресторанов (ныне Герой Советского Союза).

Замковый—Банеев Леонид Павлович, ленинградский кровельщик (награжден медалью «За отвагу»).

Снарядный—Булахов Ефим Кириллович, литейщик завода «Центролит», Ленинград (награжден медалью «За отвагу»).

Зарядный—Блинов Иван Иванович, завхоз 1-й ленинградской школы Ленинского района (награжден медалью «За отвагу»).

Установщик—Вайнелович Антон Викторович, грузчик Ленинградского порта (награжден медалью «За боевые заслуги»).

Ящичные—Головкин Андрей Иванович, рабочий артели «Выборгский обувщик» (Ленинград), и Бунеев Антон Семенович, грузчик Ленинградского порта (награжден орденом Красной Звезды).

Тракторист—Ворона Андрей Тарасович (награжден медалью «За отвагу»).

Весь состав расчета—приписной, мобилизованный в Красную Армию в 1939 году.

☆

С того памятного дня прошло две недели, как мы не выезжали для стрельбы прямой наводкой. 8 февраля 1940 года мы опять получили эту любимую работу. На этот раз нам дали задание разгромить не один, а несколько дотов.

Командир дивизиона тов. Лебедев и командир батареи тов. Трунов выбрали очень удобную огневую позицию; с нее можно было разбивать доты, расположенные справа, слева и впереди. Но белофинны стали в это время еще злее. Когда товарищи Лебедев, Трунов, инструктор пропаганды полка политрук Лапанов, замковый Банеев, снарядный Панягин, помощник командира взвода Леонтьев и я поползли к огневой позиции, белофинны осыпали нас стальным градом. Приходилось по пути неоднократно зарываться в снег. Нужно было добраться в намеченное место, разрыть снег, чтобы подготовить площадку для орудия, и опять—самое сложное (сложнее, чем в первый раз, когда мы работали в темноте)—подвезти при дневном свете орудие на тракторах и установить его.

Во время подготовки огневой позиции выбыл из строя снарядный В. В. Панягин. Ему пулеметной очередью, когда он лежа разрывал снег, пробило грудь и живот. Он был еще жив, но в безнадежном состоянии. Мы хотели положить его на лыжи и эвакуировать к своим.

— Не несите меня никуда,—возражал наш славный товарищ,— не теряйте времени... Бейте гадов крепче!..

И это были его последние слова. Мы доставили его на медицинский пункт, где он скончался.

Орудие установили быстро, несмотря на сильный огонь противника. Для стрельбы прямой наводкой мы теперь уже имели опыт. Со второго же выстрела снаряд ударил в дот, за ним еще и еще.

Из дота выбежали белофинны, по ним вели огонь наши малокалиберные пушки. Оставшаяся часть белофиннов побежала обратно в дот искать спасенья. Тогда я им подарил еще гостинец, который, видимо, оказался им не по зубам. Несколько человек выскочило из дота, но далеко не ушел ни один. Так всеспасающее логовище превратилось для них в могилу.

Враг сосредоточил по орудию сильный артиллерийский, минометный и пулеметный огонь. Но расчет смело и уверенно продолжал свою работу. Разгромив один дот, мы перенесли огонь на второй и тоже вывели его из строя.

Сгустились сумерки, ориентиров не видно, работу надо заканчивать. Нужно снять орудие, чтобы отвести его подальше в тыл, а завтра до рассвета опять поставить на то же место. Белофинны создали заградительный огонь и беспрерывно освещали ракетами место, где находилось орудие. Освещаемые ракетами, мучаемся час-два под огнем белофиннов. От подпрыгивания и сильных ударов о землю получился перекос станины, а это не давало возможности перевести орудие из боевого положения в походное. Это было самое неприятное испытание. Когда стреляют по тебе и ты отвечаешь, то мало заметен вражеский огонь, но когда стреляют только по тебе, а ты молчишь,—ощущение весьма противное.

За ночь нам сменили орудие. 9 февраля ночью мы поставили его опять на то же место и с рассветом начали расстреливать дот. Белофинны снова обрушились на нас огнем, еще более жестоким. Но мы продолжали уверенно выпускать снаряд за снарядом. Из дота вверх взлетала какая-то рухлядь, корзины, кровати, тряпки, а вместе с ними и белофинны.

В это время меня окликнул наблюдавший за боем политрук Лапанов. Я подполз к нему, смотрю: у него разбиты противогаз и стоявшая рядом автоматическая винтовка, но сам он отделался счастливо, не получив и царапины. Он сидел в воронке, и возле него упало два снаряда—один на расстоянии одного метра, а другой—еще ближе.

— Видишь, как финн шутить начал. Но нас—сталинцев—не возьмешь!—сказал, обращаясь ко мне, тов. Лапанов.

— Ну, правильно,—говорю я ему.

Затем он показал мне бугорок. Это был дот. Там что-то зашевелилось, амбразуры не видно, огонь ведется с правой стороны,—амбразура, видимо, там же. Рассматриваем в бинокль и обнаруживаем ее.

— Давайте так,—говорит тов. Лапанов,—чтобы с первого же выстрела заклепать амбразуру.

— Можно,—говорю,—это не то, что в первый раз. Сейчас будем бить по заказу в любую точку дота.

Выбрал я ориентир в направлении этого дота, ввел нужную поправку в установку угломера. Выпустил снаряд, смотрю—он в амбразуре. Хорош!

Так в течение нескольких дней, с 8 по 16 февраля, мы, меняя огневые позиции, разбивали в этом районе доты, превра-

щали эти железобетонные спасательные убежища белофиннов в их могилы.

В самые напряженные моменты никто из нас не думал о себе. Все были охвачены одним стремлением—как можно лучше выполнить боевую задачу. Однажды, когда по станинам орудия колотили осколки вражеских мин и цокали пули, замковый Леонид Павлович Банеев обратился ко мне с такими словами:

— Пусть ребята уйдут в укрытия, в воронки, а мы с тобой будем вести огонь вдвоем. Если погибнем, то только двое. Зато остальные смогут после стрелять.

В таких случаях мы так и поступали—вели огонь вдвоем. Часто нам помогали помощник командира взвода Леонтьев или Боровиков, командир орудия.

Старшина батареи Киселев ползком, и всегда во-время, доставлял нам пищу и спецпаек. Если старшина видел, что некоторые из расчета выведены из строя или затормозилась доставка снарядов к орудию, он снимал полушубок, оставался в одной фуфайке и помогал нам до тех пор, пока орудие не снималось с огневой позиции. Когда что-нибудь заедало у орудия, артиллерийский техник Миненков здесь же на глазах, под огнем врага, быстро устранял неисправность.

Каждый день белофинны выпускали по нас сотни снарядов и мин, тысячи пуль. Но что бы враги ни делали, они не в силах были остановить нашу боевую работу.

Остановить нас могла только смерть, и больше ничто, потому что мы были полны неистребимой ненависти к врагам и беззаветной любви к своей великой Родине, партии большевиков, родному Сталину.

Младший политрук
Ф. Филиппов

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЛЕЙТЕНАНТ С. ЕЛЕЙНИКОВ

Нас отделяло от противника устье реки Тайпален-йоки. На первый взгляд противоположный высокий берег казался безлюдным: там не было заметно никакого движения. Однако стоило человеку появиться на нашем берегу, как сейчас же начинали жужжать пули, а если показывалась группа бойцов, то немедленно с вражеского берега летели мины или снаряды.

Противник сильно укрепился на высоте, омываемой с одной стороны рекой, а с другой—Ладожским озером. Здесь стояла когда-то знаменитая крепость Тайпале.

Задача нашего полка заключалась в том, чтобы укрепить свои позиции, охранять фланг армий, сдерживать натиск противника и разведать расположение его огневых средств.

Распознать чужой, столь неприветливый берег—дело не простое, да и время нам дали весьма ограниченное...

Привычен ко всяким трудностям и невзгодам лейтенант Степан Елейников, бывший рабочий.

— Надо будет сходить в гости к «соседу»,—пошутил он.

Еще задолго до получения приказа о разведке противоположного берега лейтенант Елейников часто «любовался» им, не раз выползал вперед с биноклем и снайперской винтовкой. Он был первоклассным стрелком, несколько раз участвовал на окружных соревнованиях и получал призы за отличную стрельбу.

Наблюдение за противником—дело трудное, кропотливое. Лейтенант Елейников долгими часами выжидал врага, упорно высматривал пути подхода к высоте Тайпале. Как-то он заметил новый куст, которого раньше не было.

— Что-то есть,—сказал Елейников красноармейцу Слесареву и начал в бинокль внимательно рассматривать куст.

Он увидел белофинна, лежавшего под кустом. Один, только один выстрел из снайперской винтовки раздался с нашей стороны, и он скосил врага. Лейтенант Елейников стрелял без промаха.

Однажды был такой случай. Еще до наступления темноты Елейников подполз поближе к берегу реки и тщательно замаскировался. Он ждал утра. С рассветом белофинны открыли сильный огонь по нашему берегу. Били они по наблюдательному пункту и человеку, стоявшему с ним рядом. Но враги не знали, что пункт и человек были ложными. Пункт выстроил за ночь Елейников и поставил перед ним чучело, чтобы разведать огневые точки врага.

— Бейте, бейте по пустому месту,—говорил Елейников, у которого каждый кустик на противоположном берегу был на учете.

В этот день Елейников определил, что миномет, стрелявший по нашим позициям, был установлен за развалинами печи, что под большой сосной есть амбразуры и оттуда редко, но метко стреляют из автомата. Казавшийся совсем безобидным бугорок на опушке леса был огневой точкой противника, и к нему вел хорошо замаскированный ход сообщения. И много других подробностей о чужом береге узнал хитрый разведчик.

Ночью, по заданию командования, под руководством лейтенанта Елейникова была организована вылазка в расположение белофиннов. Добираться туда было чрезвычайно трудно. Река очень хорошо простреливалась, да к тому же ночью белофинны почти непрерывно вели огонь.

Берег перед самой крепостью был высоким и обрывистым.

Группа разведчиков бесшумно, пользуясь темнотой, поползла по льду на тот берег. Неожиданно загремел пулемет. Разведчики, прильнув ко льду, замерли. Выпустив несколько очередей, финский пулеметчик умолк. Разведчики снова поползли дальше. Вот уже и берег. Опять застрочили вражеские пулеметы, на этот раз с двух сторон. Но группа попрежнему двигалась вперед. У берега показались бугорки. Это были мины. Разведчики распознали их и осторожно обошли. Миновали проволочное заграждение. Внезапно началась стрельба. Пулеметные струи пронизывали воздух. Белофинны обнаружили смельчаков.

Путь назад оказался отрезанным. Нужно было быть готовыми ко всему. Группа разведчиков мгновенно скатилась в противотанковый ров. Все боевые средства—наготове.

Лейтенант Елейников деловито стал изучать позиции противника. Его спокойствие ободряло бойцов.

Младший командир Кутьин и красноармеец Слесарев выдвинулись несколько вперед. Остальные, приготовившись ко всяким случайностям, осматривали берег. Послышались шорох приближающихся людей и возгласы на финском языке. Нужны были выдержка, спокойствие. И разведчики проявили эти качества. Белофинны так и не обнаружили их. К утру стрельба утихла. Стало светать.

Когда разведчики возвращались обратно, среди них не было Слесарева. Тяжела потеря товарища. Лейтенант Елейников эту потерю переносил как-то особо тяжело.

— За Слесарева мы отомстим,—сказал он.

Не отдыхая после бессонной ночи, проведенной в разведке,

Елейников с ручным пулеметом пошел на наблюдательный пункт артиллеристов и рассказал о расположении укреплений противника, о местонахождении целей. После первых же разрывов снарядов тяжелой артиллерии белофинны отступили. К опушке леса выбежало около 18 человек. Тут к артиллерийским залпам присоединились и пулеметные очереди снайпера Елейникова. Вся группа была уничтожена полностью, а их логово разрушено...

☆

В двух километрах от берега, на Ладожском озере, лежит каменистый остров Курви-саари. Лейтенант Елейников давно обратил на него внимание.

«Надо обязательно сходить туда»,—подумал он.

Постоянное наблюдение за островом показало, что за ночь на нем происходят заметные изменения. Появляются камни там, где их не было, новые предметы, которых раньше не замечали. Видимо, враг что-то готовил. Белофинны могли использовать остров как исходный пункт для вылазок, атак, оборудовать там артиллерийские огневые позиции или пулеметные точки.

Командование отдало приказ—провести разведку боем, разузнать, что представляет собой остров, по возможности, определить огневые средства, расположенные на нем. Эта задача была возложена на лейтенанта Елейникова.

Лейтенант сформировал специальный взвод из смельчаков. Вечером 25 января разведчики стали готовиться к выступлению на остров Курви-саари. Елейников проинструктировал стрелков, пулеметчиков, младших командиров. В 20 часов 30 минут взвод двинулся на остров.

Берег Ладожского озера был покрыт глубоким снегом, а дальше простиралось чистое ледяное поле. Елейников выслал вперед дозор, а затем и сам во главе взвода двинулся следом за ним. Вот уж близок остров. Видны большие черные пятна—камни. Взвод принял боевой порядок.

2-е отделение вступило на берег острова. Лейтенант Елейников, находившийся вместе со 2-м отделением, услышал какой-то шорох, и в то же мгновение, разрывая ночную тишину, раздались пулеметные очереди. Послышались злобные крики на финском языке.

Взвилась одна, другая ракета. Белофинны, находившиеся на острове, видимо, просили помощи. Из Тайпале к ним подошел отряд на лыжах.

Взвод был атакован врагами. Силы далеко не равные, но лейтенант Елейников решил принять бой, задержать белофиннов и выполнить поставленную боевую задачу. Он приказал четырем бойцам залечь за камни и засекать огневые точки белофиннов.

— Особенно замечайте, откуда бьет артиллерия,—дал наказ Елейников наблюдателям.

Остальным бойцам было приказано:

— Приготовить гранаты. Расстреливать противника только в упор.

Одновременно Елейников по радио сообщил в батальон о ходе дела. Впереди появилась группа белофиннов. Они были встречены огнем ручного пулемета. После короткой очереди у ручного пулемета произошла задержка. Враги наседали. Елейников схватил пулемет, мгновенно устранил задержку и открыл огонь. Семь белофиннов свалились замертво неподалеку от Елейникова.

Начала бить артиллерия белофиннов. Снаряды пролетали над взводом и рвались где-то позади.

Выполняя приказ командира, разведчики внимательно наблюдали за вспышками орудийных выстрелов и засекали места расположения батарей противника на берегу Ладожского озера.

Финны наседали. Часть бойцов была ранена, появились убитые. Елейников ранен в обе ноги. Но отойти назад—преступление. Люди будут расстреляны на льду. Елейников знает, что помощь должна притти. Он командует:

— Первому взводу—справа, второму—слева, приготовиться к атаке!

Заглушая треск ружейной стрельбы и взрывы гранат, бойцы повторяли команду. Они сразу поняли, что командир хочет ввести противника в заблуждение. Уловка помогает. Натиск финнов ослабевает: повидимому, противник ждет подхода нового подкрепления.

Но вот оборвалась очередь станкового пулемета. Слышно несколько взрывов. Финны обошли поредевший взвод с флангов и стали наседать на горсточку отважных бойцов.

Преодолевая боль, Елейников взял у убитого красноармейца винтовку, гранаты, приготовил пистолет. Двум разведчикам он приказал обязательно пробраться на берег и во что бы то ни стало доставить сведения об обнаруженных на берегу Ладожского озера батареях противника, а также сообщить, что укреплений на острове Курви-саари нет.

— А как же вы?—обратились к нему бойцы.

— Выполняйте приказ!

Два разведчика по льду поползли к своим.

Финны кричали им:

— Русские, сдавайтесь!

В ответ послышался голос красноармейца:

— Большевики никогда не сдаются!

И с еще большей силой затрещали выстрелы. Слева на лейтенанта наседает несколько белофиннов, одетых в халаты. Елейников бросает одну, другую гранату. Группа рассеяна, но и гранат больше нет. Лейтенант взялся за пистолет.

Сзади к Елейникову подкрался один белофинн и нанес удар штыком в плечо. Но выстрел свалил врага.

— Получай, гадюка,—прокричал лейтенант.

Такая же участь постигла и второго белофинна, пытавшегося приблизиться к Елейникову.

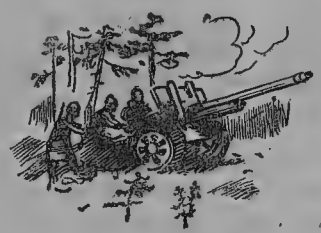
К лейтенанту подполз раненый красноармеец Степченко, передал ему винтовку, найденную на льду; и снова мужественно дерутся с врагами верные сыны Родины.

Наши автоматы и пулеметы в стрельбе не отказывают, наши бойцы бьют метко. В рядах белофиннов слышны стоны. Но взвод все редеет, патроны кончаются. Степченко смертельно ранен. Свора белофиннов бросилась на Елейникова. Два удара штыком, и жизнь героя оборвалась. Враги издеваются над мертвым.

В это время к острову подошли наши танки, подтянулась пехота. Несмотря на ожесточенное сопротивление, враг разгромлен и отброшен. Тело мужественного командира вынесено с поля боя.

На следующий день утром на основе данных разведки Елейникова наша тяжелая артиллерия начала сокрушать орудия врага на берегу Ладожского озера. Вскоре они замолчали навсегда.

Лейтенанту Елейникову правительство посмертно присвоило звание Героя Советского Союза.



Илья Френкель

ВОЗДУШНЫЙ БОЙ В РАЙОНЕ СТАНЦИИ ИМАТРА

Нам, работникам фронтовой печати, тяжеленько доставался материал в летных частях. Люди в громоздкой одежде, обутые в меховые унты, не хотели—или не умели—говорить о своем опасном и увлекательном деле.

— Да что ж тут такого? Взлетел. Лег на боевой курс. Выполнил задание и вернулся на свою базу!

Иногда после некоторого раздумья добавлялось:

— Материальная часть работала безотказно...

Как-то один майор посоветовал:

— А вы почитайте боевые донесения.

Я согласился. Мне показали боевые донесения летчика Антонова.

Предлагаю и вам прочесть этот документ, пленивший меня лаконичностью и предельной ясностью изложения.

«Взлетели мы в 15 часов 45 минут 2 февраля. Над станцией Иматра на высоте 2 250 метров наша группа была обстреляна интенсивным зенитным огнем. В результате обстрела группа расстроилась. Я потерял ведущего и остался с другим ведомым, старшим политруком тов. Ивашкиным.

С высоты 2 тысяч метров я увидел два вражеских самолета, которые шли на низкой высоте над озером Имала-ярви. Предполагаю, что они взлетели с этого озера. Немного спустя западнее станции Иматра на высоте 2 800 метров я увидел, что два «Фоккера Д-21» уходят вниз, не замеченные двумя нашими самолетами.

Я развернулся и атаковал одного из «Фоккеров» снизу, в лоб. Когда с расстояния 400 метров я дал по нему очередь, он сделал переворот, во время которого я с расстояния 100—50 метров дал еще очередь. «Фоккер» загорелся и упал.

Впереди появился еще один «Фоккер». Я догнал его и завязал с ним бой. Он, с переворота, во время которого я дал по нему очередь, вошел в крутое пикирование и сильно задымил. Некоторое время я сопровождал его, затем потерял из виду и вышел

из пикирования. Потом я увидел, что этот «Фоккер» преследуется на пикировании другим нашим истребителем.

Ко мне пристроился младший лейтенант Смирягин и показал мне «Фоккер Д-21», собиравшийся атаковать меня сверху сзади. Я резко развернулся ему в лоб и проскочил ниже его, а затем пошел за ним. «Фоккер» сделал боевой разворот, затем вошел в вираж, во время которого я зашел к нему в хвост и дал очередь. «Фоккер» сделал переворот и вошел в пикирование. Я пикировал за ним и стрелял с высоты 2 тысяч метров до высоты 500 метров. «Фоккер» вышел из пикирования еще ниже и стал ходить над заливом. По этому заливу рулил еще один «Фоккер Д-21», очевидно, только-что севший.

Я произвел еще одну атаку по «Фоккеру», летавшему над этим местом. Я поднялся на высоту 2 тысяч метров, нашел младшего лейтенанта Смирягина, перезарядил пулеметы, опробовал их—стреляют, и взял курс на свою территорию с набором высоты. Вскоре меня снова атаковал сзади сверху «Фоккер Д-21». Я развернулся ему навстречу; он вошел в пикирование. Гнались за ним до высоты 500 метров, а затем взяли курс опять на свою территорию, так как время истекло, и наших самолетов в этом районе больше не было.

Время воздушного боя—с 16.10 до 16.35.

Всего в разное время я видел самолетов типа «Фоккер Д-21» до десяти. Вместе они ходят не более двух. Атакуют только сверху, одиночно и со стороны солнца. Лобовую атаку принимают, если имеют превышение, после первой же очереди переворотом уходят в пикирование, а когда мы их преследуем, выходят из пикирования очень низко над землей».

Вот и все... Можно еще добавить, что материальная часть работала безотказно и что тов. Антонов за все время войны в Финляндии тоже работал безотказно. Правительство присвоило летчику Антонову за боевые заслуги звание Героя Советского Союза.

Военинженер 3 ранга
Д. Зайцев

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Преодолев оперативную зону заграждений, наш корпус остановился перед укреплениями противника в районе Кархула—Хотинен.

Слева перед высотой 65,5 было озеро Сумма-ярви, справа—болото, которое позже бойцы назвали «долиной смерти». Это болото было так пристреляно противником, что поднять голову выше уровня снега не было возможности. Здесь у белофиннов до войны был постоянный военный полигон, и они могли теперь с закрытыми глазами точно обстрелять любую точку этого района.

Мне пришлось принять участие в руководстве инженерным обеспечением дивизии, действовавшей в направлении высоты 65,5 и рощи «Молоток».

Саперы дивизии поработали в эту войну основательно. Они обеспечивали пехоту укрытиями от вражеского огня, разрушали заграждения противника, устраивали проходы в надолбах, блокировали и подрывали доты.

В самые сильные морозы, в период подготовки прорыва линии Маннергейма, пехота подошла к «долине смерти». Нам было приказано запрятать штабы полков и батальонов в надежные убежища.

Местность почти непроходимая. По глубокому снегу, под которым болото оставалось незамерзшим, не могли пройти не только автомашина или трактор, но даже лошадь.

Работали двое суток непрерывно под сильным пулеметным, артиллерийским и минометным огнем. Задание выполнили точно к сроку.

Теперь, когда все это ушло в область воспоминаний, многое забылось, но никогда не изгладится из памяти снежная поверхность, шевелящаяся от осколков снарядов и пуль. Да еще двух вещей я никогда не забуду.

ЕЛКА

Под новый год артиллеристы решили поздравить противника ураганным огнем. Всю ночь гремела канонада, над головами, шипя, пролетали к врагу стальные подарки. Они летели так густо, что, казалось, и небо имеет ребра. Первое время белофинны отвечали интенсивно, а часа через два все реже стали падать их снаряды в долину. На утро стихли обе стороны. Поединок кончился. Моему подразделению приказано было отдохнуть. И вот измученные работой, оглушенные канонадой, мы выползаем и... я не в состоянии передать нашего изумления и охватившего нас веселья. Нам стало так приятно, как будто каждый из нас в этот момент увидел окна родительского дома.

На берегу стояла елка.

Самая настоящая новогодняя елка. На ней не было стеклянных шаров, бус, яблок и конфет, но она была по-праздничному запушена снегом, как ватой, и убрана использованными пулеметными лентами, гильзами от снарядов малых калибров. А под елкой стоял разбитый пулемет противника.

Утреннее солнце загорелось на этом металлическом убранстве, и казалось, что на елке горят настоящие новогодние свечи.

Кругом зияли черные воронки от разорвавшихся снарядов. На кустах лежали не успевшие еще рассеяться хлопья дыма, но мы ничего этого уже не замечали и по-детски радовались выдумке храброго шутника.

БАНЯ

Тому, кто не был в бою, кто не лежал часами в снегу на морозе в 50 градусов, кто не спал в блиндаже, когда нет возможности не только раздеться, но даже ослабить пояс с вооружением,—тому трудно представить себе, что такое после всего этого баня. Я имею в виду хорошую баню, со всеми удобствами.

В полосе действия наших частей находились финские бани—небольшие деревянные постройки в три-четыре квадратных метра и вышиной чуть побольше метра. Вы представляете, что это были за бани! В такой бане только выпачкаешься. К тому же находились они в 8—9 километрах от передовой линии фронта; пока дойдешь, всякая охота мыться отпадает. И бойцы саперного батальона построили свою баню у самой линии фронта, под Хотиненом.

Баня эта, как и все наши военные «учреждения» того времени, была выстроена глубоко под землей. Там не было слышно не только грохота взрывающихся рядом снарядов, но даже и треска летящих на воздух дотов.

Баня эта была построена со всеми удобствами: из коридора попадаешь в предбанник, где стоит зеркало и работает парик-

махер в белом халате. Парикмахерского халата, разумеется, на фронте не было, но в безукоризненно чистом маскировочном халате парикмахер отвечал всем нашим требованиям—выглядел по-боевому.

Тут же за дверью была расположена «мыльная».

И пахла эта баня весной: пол, потолок и лавки были сделаны из свежих еловых досок. От передвижной электростанции в баню провели электричество, и здесь же наигрывал марши радиоприемник—все двадцать четыре удовольствия!

Недаром корпусное командование также приезжало мыться к нам на передовую линию и хвалило баню.

Подполковник

Б. Бычевский

САПЕРЫ

Левый фланг линии Маннергейма проходил по перешейку между Ладожским озером и озером Суванто-ярви. Сжатый поздно замерзающими озерами, перешеек пересекался рекой Тайпален-йоки с обрывистыми берегами и быстрым течением. Местность как нельзя более благоприятствовала обороне.

Во время подготовки к прорыву и разгрому укрепленного района на одном из участков тайпален-йокского сектора саперы начали готовить сеть траншей для исходных рубежей атакующих. В откосе оврага были только пещерные укрытия. За оврагом, как уже было сказано, тянулось открытое снежное поле на 400—500 метров. Итти в атаку по этому полю стоило бы больших потерь. Надо было это поле подготовить для атаки.

Саперы работали ночью. Так как финны непрерывно освещали местность ракетами и систематически вели огонь по выходам из оврага, саперы вынуждены были выползать с зарядом взрывчатого вещества вперед метров на пять, взрывать заряд и рыть траншею до воронки, образовавшейся после взрыва. Затем они снова выползали с зарядом, взрывали его, опять рыли траншею для новой воронки и т. д. Сеть траншей быстро покрывала все поле. Пехота сразу ощутила все выгоды глубоких, во весь рост, траншей, подходящих почти вплотную к расположению белофиннов.

Однажды ночью группа наших разведчиков захватила удачным броском каменно-бетонный наблюдательный пункт белофиннов, находившийся в 150 метрах от наших траншей. Он был полуразрушен артиллерией и после этого ускользнул от нашего внимания. Финны посадили туда наблюдателя с перископом и телефоном. Обзор местности оттуда был очень хороший. Когда впоследствии я посмотрел из этого пункта ночью в свой тыл, мне было нетрудно пересчитать все синие огоньки наших машин, двигавшихся по берегу реки и на переправы.

Борьба за этот пункт шла всю ночь. На другой день саперы вместе с пехотой сомкнули свои траншеи с этим пунктом.

Саперы-разведчики действовали самыми разнообразными приемами.

Разведывая исходный рубеж для атаки в устье реки Каарнойоки, где было два железобетонных дота, саперы натолкнулись ночью на минное поле. Это был единственный путь в несколько десятков метров шириной для выхода во фланг финских укреплений. Саперы убрали мины. На другой день проход оказался снова минированным. Снова саперы нашли и убрали мины. И снова финны заминировали его.

В третий раз саперы убрали мины противника и потом поставили на подступах к проходу свои, поймав в эту ловушку несколько финнов. После этого у противника пропала охота заглядывать сюда.

На одном участке финское железобетонное сооружение, находившееся в складках местности на фланге наших частей, не давало покоя ни пехоте, ни саперам. Результаты артиллерийского огня по этому укреплению нельзя было наблюдать. А по всем признакам точка продолжала жить. С ней саперы разделались при помощи минного горна. Захватив ее в клещи траншейной сапой, саперы пробили под землей минную галлерею в 60 метров длиной. Перед атакой горн был взорван. В 20-метровой воронке мы нашли потом только куски железобетона и железных балок.

Борьба сапер совместно с пехотой и танками против дотов шла по-разному в различных частях. Командир отделения саперов ночью пробрался со своими бойцами к финскому укреплению по воронкам и складкам местности, таща на лыжах три заряда по 120 килограммов. В то время, когда пехота с исходного рубежа для атаки вела огонь, отвлекая все внимание на себя, саперы заложили заряды у дверей и на перекрытии дота и взорвали их. Пехота только этого и ждала. Стрелки бросились вперед. Опорный пункт был взят.

В другом месте тов. Сагонян с пятью храбрецами и танком ночью отправился к финскому железобетонному капониру. Где был в это время финский наблюдатель—неизвестно. Тов. Сагоняну удалось беспрепятственно добраться до капонира и подорвать бронекупол. Из капонира теперь можно было вести наблюдение лишь через фланговые амбразуры. Следовательно, он был ослеплен со стороны фронта. Пользуясь этим, пехота подошла к нему по ненаблюдаемой полосе, блокировала его и окончательно уничтожила.

Лейтенант

А. Вдовин

ПЕРЕД ШТУРМОМ

По мере того как артиллеристы вырывали из-под земли вражеские железобетонные крепости, все нарастало нетерпение—поскорее бы покончить с белофиннами. Командиры подразделений едва сдерживали порыв бойцов. Гневом и яростью загорались люди, глядя на серые квадраты из железобетона и стали, ощерившиеся черными зевами амбразур. Мучила, тяготила бойцов эта неожиданная остановка перед вражеским укрепленным районом.

Враг укрепился основательно, капитально. Но у нас не голые руки, хороша наша техника. Мы в силах дать такой огонь, от которого враг с ума сойдет в своих железобетонных логовищах. Но чтобы бросить на штурм укрепленного района нашу технику, наших замечательных бойцов, чтобы взять и стереть с лица земли эти проклятые доты и дзоты, нужна была подготовка. Серьезная, вдумчивая подготовка! Еще ни одной армии не приходилось прорывать такие укрепленные позиции.

Подготовка к штурму в 123-й стрелковой дивизии шла полным ходом. В трех километрах от передовых позиций был построен «укрепленный район», в точности воспроизводивший схему вражеской оборонительной полосы. Бойцы учились преодолевать надолбы и проволочные заграждения, брать штурмом доты. Сколачивались блокировочные группы. Артиллеристы-противотанковики учились поспевать со своими пушками всюду, где было необходимо поддержать пехоту. Танкисты практиковались в боевом взаимодействии с пехотой, подвозя блокировочные группы к макетам дотов на прицепленных к танкам бронесанях.

Не зная усталости, готовил к штурму свой батальон капитан А. Сорока. Это был один из самых энергичных организаторов прорыва. Его, спокойного и бесстрашного большевика, знал и любил весь полк.

Особое значение придавал капитан Сорока индивидуальной выучке бойца. Он требовал от каждого—быть зорким и смелым в бою, умело учитывать обстановку. Не только требовал этого, но и учил этому бойцов.

Большое внимание обращал капитан Сорока на взаимопомощь подразделений в бою. Тяжело доставалось артиллеристам. Колеса орудий вязли в глубоком снегу. Стоило больших усилий вытаскивать их и двигать орудия вслед за пехотой. Предвидя эти трудности в бою, капитан Сорока заранее выделил несколько стрелковых отделений в помощь артиллеристам.

Три раза мы инсценировали штурм вражеского укрепленного района. Сознавая всю ответственность перед страной за предстоящее боевое дело, бойцы и командиры подразделений действовали на учениях всерьез, не щадя сил. Могучие крики «ура» оглашали лес, когда над макетом вражеского дота взвивалось красное знамя. Большие серые глаза Сороки искрились, когда подразделения, поддерживая друг друга, стремительно врывались в траншеи, мастерски преодолевали проволоку, надолбы и другие препятствия.

— Отлично! Дело выйдет!—говорил капитан.

Бойцы и командиры окружали его.

— Когда штурм, товарищ капитан?

— Штурм?—как бы не расслышав, переспрашивал Сорока и добавлял, улыбаясь:—Ничего необычного, товарищи, не будет. Самое обыкновенное дело. Горячее, правда, но самое обыкновенное. Прикажут нам с вами: «Взять доты, разгромить укрепленный район врага!»—возьмем и разгромим! Помните сталинские слова: нет таких крепостей, которых не взяли бы большевики...

Спокойствию, хладнокровию и деловитости в бою учил бойцов капитан Сорока...

Окончив учения, батальон снова занял передовую линию.

Вражеские железобетонные крепости были уже обнажены. Мы рыли траншеи поблизости от них. С каждым днем все ближе к врагу переносили наблюдательные пункты. По склонам рощи «Зуб» спустились в лощину взводы полковой артиллерии. Они били по дотам прямой наводкой. Там же, вблизи от врага, оборудовали огневые позиции минометчиков. Перенес в лощину свой командный пункт и капитан Сорока.

Нетерпение нарастало.

— Когда штурм, товарищ капитан?

— Выдержка и спокойствие, товарищи!..

И вот долгожданные дни настали. 10 февраля капитан Сорока пришел с командного пункта командира полка майора Рослого в приподнятом настроении. Серые глаза его светились как-то особенному, задорно, вызывающе. Все мы, сидевшие в землянке командного пункта батальона, поняли: штурм и разгром укрепленного района врага—дело решенное. Сдерживая волнение, встали, окружили капитана. Он сказал:

— Одиннадцатого февраля за нашими боевыми действиями будет следить из Москвы товарищ Сталин, вся страна будет думать о нас...

Все ясно: штурм вражеского укрепленного района назначен на завтра. Скоро на неприступных железобетонных крепостях врага будут развеваться красные знамена. Кто-то из нас закричал «ура». Капитан Сорока рассердился:

— Предстоит серьезное дело, а не забава!.. Вызвать ко мне командиров и политруков!

Собрались командиры рот: лейтенанты Дутов, Чирков, Маньков, командир подразделения пулеметчиков Шаповалов, политруки Шангулов, Тайгулов, Смирнов, комиссар батальона Циренщиков, командиры блокировочных групп, танкисты, саперы. Командир батальона начал объяснять задачу. Командование полка поставило перед батальоном сложную боевую задачу: прорвать укрепленный район на высоте 65,5 и обеспечить свободный выход частей к станции Кямяря. На пути—центральный дот № 006, выступающий двумя серыми казематами, соединенными бетонированным тоннелем, в котором свободно может разместиться целый батальон. На пути—надолбы, ров, проволочные заграждения, глубокие вражеские траншеи, железобетонная стена для укрытия пехоты и минометов, доты и дзоты в глубине обороны.

Весть о наступлении облетела все землянки. Велико воодушевление бойцов. Вечером везде был прочитан приказ. Наконец-то! Бойцы осматривали свое оружие, чистили его, надежнее закрепляя на лыжах бронированные щитки. В отделениях, взводах и ротах командиры и политработники объясняли бойцам предстоящую задачу. Неутомимо работали связисты, проводя новые линии связи к подразделениям.

На командном пункте батальона—деловое оживление. Невдалеке от него уже встали за прикрытиями могучие танки с бронесанями для подвоза к дотам блокировочных групп. Сюда доставляли ящики со взрывчаткой.

Бойцы ужинали, получали штурмовой паек. Часов в десять вечера капитан Сорока отправился в подразделения, чтобы проверить боевую готовность батальона. Он побывал в стрелковых ротах, у минометчиков, у артиллеристов, у танкистов. Всюду его встречали восторженно:

— Значит, штурм, товарищ капитан?

— Штурм, товарищи,—отвечал капитан Сорока.—В бой пойдем с именем любимого Сталина на устах. Докажем, что никакие крепости не остановят нас, бойцов и командиров Красной Армии. Только—выдержка, спокойствие, хладнокровие! Каждый должен выполнить свою боевую задачу организованно, мастерски. На штурм во славу Родины!..

— Есть на штурм во славу Родины!—отвечали стрелки, пулеметчики, артиллеристы.

Была ночь, последняя ночь перед штурмом линии Маннергейма.

ПРОРЫВ ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА

Генерал-майор
Ф. Алябушев

123-я ОРДЕНА ЛЕНИНА СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ

Тридцатого ноября 1939 года, выполняя волю советского народа, части Красной Армии перешли государственную границу. Среди них была 123-я стрелковая дивизия.

Основной удар противника приняли на себя части первого эшелона. 123-й стрелковой дивизии, находившейся тогда во втором эшелоне, пришлось вести борьбу с мелкими группами противника и преодолевать устроенные белофиннами заграждения.

Некоторые бойцы, столкнувшись с неожиданными для них формами сопротивления противника (мины, «кукушки» и пр.), терялись. В то время наши бойцы еще не научились «прочесывать» лес, что имеет огромное значение во время боев в лесных условиях, не умели находить мины, хорошо маскироваться...

Однако это не могло сломить и не сломило воли бойцов и командиров. Продолжая теснить противника в глубь Карельского перешейка, дивизия одерживала все новые победы. Уже в начальный период военных действий за боевые заслуги было присвоено звание Героя Советского Союза красноармейцу Соломонникову, а 38 бойцов и командиров дивизии получили ордена и медали.

Ко второй половине декабря дивизия подошла к переднему краю линии Маннергейма.

Стояли морозы в 35—40 градусов. Бойцы ютились в норах. Землянок не было. В такой обстановке трудно было вести серьезную борьбу с противником, которая требовала тщательной подготовки, точного плана.

Необходимо было как можно скорее обогреть и ободрить бойцов. Построили землянки, поставили в них печи. Получили перчатки, валенки, телогрейки, а для командного состава еще и полушубки. Усилили питание.

Одновременно началась разведка оборонительной системы противника. Об этой системе командованию дивизии почти ничего не было известно. Были организованы дневные и ночные поиски. И вот во время одного из ночных поисков был взят в плен сержант

пехотного финского полка в то время, когда он выставлял секреты. Сержант заявил, что прибыл в свой полк недавно, но уже успел побывать на высоте 65,5 и в роще «Молоток». На высоте 65,5, по словам сержанта, он видел два дота, вооруженных пушками и пулеметами, а в роще «Молоток»—один дот, вооруженный пулеметами. Рассказал он и о дерево-земляных сооружениях, о ходах сообщения между дотами и так далее.

После этого было установлено наблюдение за дотами, а артиллерия стала вскрывать отдельные бугорки высот. Прежде всего вскрывались каменные и земляные «подушки», которыми доты маскировались; затем подвергались обстрелу и сами укрепленные точки.

К первой половине января выяснилось, что линия сопротивления на участке дивизии от рощи «Молоток» до высоты «Язык» имеет три опорных пункта.

В роще «Молоток» были два железобетонных дота и несколько дерево-земляных укреплений. На высоте 65,5 имелись железобетонные доты с большими убежищами и четыре—шесть дерево-земляных укреплений.

Это был наиболее мощный узел укреплений. За ним располагалась высота «Язык». Здесь дот имел форму капонира с амбразурами, из которых можно было обстреливать с одной стороны озеро Сумма-ярви, а с другой—подступы к высоте 65,5. Здесь же находились хороший наблюдательный пункт с двумя стальными колпаками и ряд дерево-земляных укреплений.

Все укрепленные пункты противника были тесно связаны между собой. Взять их можно было только одновременно, так как один дот прикрывал подходы к другому.

К 15 января мы выявили до десяти железобетонных и восемнадцать дерево-земляных укреплений. Их-то и предстояло нам разрушить, чтобы прорвать в этом месте линию Маннергейма.

Прежде всего решили обстрелять прямой наводкой из тяжелых орудий высоты 65,5 и «Язык».

18 января на заранее подготовленную площадку в 400—450 метрах от дота мы подвезли 152-миллиметровую пушку. Чтобы заглушить шум тракторов, прибегли к артиллерийской канонаде. Все обошлось хорошо. Этой пушкой был сбит стальной колпак наблюдательного пункта дота на высоте «Язык» и повреждена его амбразура. Удалось повредить и часть дота на высоте 65,5.

Дивизия готовилась к решительному наступлению. Следовало распределить части для решения сложнейшей боевой задачи в зависимости от их боеспособности и слаженности. Уже давно в нашей дивизии выделялся стрелковый полк майора Рослого. Майор Рослый, капитан Сорока, капитан Кравченко, комиссар Поршаков и другие пользовались заслуженным авторитетом у бойцов. Бойцы этого полка не раз показывали примеры героизма в боях.

Поэтому было решено—против главных пунктов сопротивления противника, а именно против высоты 65,5 и рощи «Молоток» направить стрелковый полк майора Рослого. Против высоты «Язык»

определили место расположения другого стрелкового полка. Во втором эшелоне надлежало итти третьему стрелковому полку.

Дивизии была придана артиллерия. Имелись и пушечные полки, и гаубичный полк, и группы дальнего действия. 108 орудий, начиная от 76-миллиметровых и кончая 280-миллиметровыми, решено было установить на огневых позициях. Полоса прорыва равнялась трем километрам. Пехоте были приданы также танковые батальоны, инженерный батальон.

В тылу мы устроили учебное поле. На нем день и ночь проводились занятия. То, что обнаружилось в системе укреплений противника, мы старались воспроизвести на учебном поле и тренировались в условиях, наиболее приближавшихся к боевым. На учебном поле преодолевали проволочные заграждения, вели огонь по укрепленным точкам, блокировали доты и т. д.

Главное внимание обращали на движение пехоты за огневым валом, на использование щитков и взаимодействие пехоты с танками, с полковой и батальонной артиллерией во время боя.

Отдельно проводились занятия с командным составом.

Как я уже указывал, два стрелковых полка должны были итти в первом эшелоне, а третий стрелковый полк—во втором. В том же боевом порядке мы развертывали полки на тренировочных занятиях. Для достижения большей подвижности бойцы осваивали лыжное дело, совершая 15-километровые переходы при морозе в 40 градусов.

К 4 февраля боевая подготовка дивизии была закончена. Выбрали места для наблюдательных и командных пунктов больших и малых подразделений, разработали схему связи. Танки в точно установленное время проходили расстояние, которое им надлежало пройти во время боя. Инженерные войска оборудовали исходные рубежи, на флангах устроили окопы и блиндажи. Все было готово к атаке.

На случай контрподготовки со стороны противника для наших резервов по дороге были вырыты щели.

Большим вниманием стала пользоваться маскировка. Опыт декабрьских боев, когда подразделения шли на высоту 65,5 без всякой подготовки, не разведав как следует местности, не замаскировавшись, был полностью учтен.

Настроение в дивизии круто изменилось. Если раньше слышались отдельные голоса, что ничего, мол, не выйдет, то теперь во всех подразделениях нетерпеливо ждали дня решительного наступления.

— Скоро ли наступать?—спрашивали бойцы.

Части первого эшелона хорошо отдохнули и к началу февраля получили свежее пополнение.

В разведку мы посылали бойцов второго эшелона, чтобы части первого были к моменту боя в полной силе, сохранности и готовности.

Командование батальонов крепче взялось за руководство тылами. Решили ни одной лишней повозки не допускать на территорию, где

должны были разыграться боевые действия, чтобы ничто не мешало продвижению войск.

Наконец, был разработан детальный план решающей атаки. Планирование артиллерийского огня построили так, чтобы вконец запутать противника, учитывая опыт декабрьских боев. Тогда, во время переноса нашего артиллерийского огня в глубину оборонительной полосы, финны спокойно выходили из укреплений, занимали места в окопах и вели жестокий огонь по атакующей пехоте. Теперь мы решили прибегнуть к ложным переносам огня. Порядок артиллерийского огня был заранее разработан с точностью до минуты.

10 февраля 1940 г. пришел приказ: частям 123-й дивизии 11 февраля перейти в наступление. Было указано, что час атаки будет сообщен дополнительно. Вечером нам указали и час атаки: 12.00.

Незабываема ночь с 10 на 11 февраля. Никто не спал. Шла окончательная подготовка к прорыву. Артиллерия, танки, пехота занимали свои места, согласно плану. Командный пункт дивизии перешел на другое, заранее подготовленное место (высота 54,2), ближе к огневым позициям. Связь там была уже готова.

К 8 часам все части заняли свои исходные рубежи и замаскировались так, что даже я с трудом мог обнаружить некоторые танки, хотя и знал о месте их пребывания.

На поле предстоящего боя не было никого.

В эту напряженную ночь я побывал почти во всех подразделениях и всюду наблюдал такую уверенность в победе, такой порыв вперед, на штурм линии Маннергейма, что стало ясно: теперь ничто не может остановить бойцов!

Бойцы крепко верили в своих командиров, и настроение у них было приподнятое. Все чувствовали, что предстоит одно из величайших в истории сражений, которое решит дальнейший ход войны.

В 9 часов 40 минут началась артиллерийская подготовка. Велась она классически. Тысячи снарядов полетели на головы врагов. Ни на одну минуту не прерывалась связь с командным пунктом. Два часа гремели орудия всех калибров, поднимая вверх груды земли. Осталось 20 минут до конца артиллерийской подготовки. Загудели моторы. Танки пошли вперед с исходного рубежа. Ровно в 12 часов они соединились с пехотой. За танками на бронесанях двинулись пехота и саперы с взрывчатыми веществами.

Враг думал только о своем спасении. Дезорганизованный ложными переносами огня, он потерял много людей убитыми и ранеными. А когда началась атака и наш огневой вал уже по-настоящему прикрывал пехоту, белофинны не решились вылезти из своих нор. Они боялись повторения внезапных огневых налетов.

Не прошло и получаса с начала атаки, а над центральным дотом высоты 65,5 уже развевалось знамя с портретами Ленина и Сталина.

Остановить наши части теперь не смогла бы никакая сила. К концу дня почти без потерь взяты были и остальные железобетонные укрепления. Захваченные пленные заявили, что финны были ошеломлены внезапностью атаки.

В ночь с 11 на 12 февраля враг кое-где пытался перейти в контратаку. На некоторых участках было до десяти таких попыток. Но белофиннам уже не было спасения. Такая уверенность, такая сила была в наших бойцах, что все попытки врагов отбросить нас с занятых рубежей не привели ни к чему.

Дот за дотом мы прорывали первую линию обороны противника. Плохие дороги мешали быстрому продвижению наших войск. 15 февраля мы впервые применили танкодесантные операции.

Финны отступали...

К 17 февраля, пройдя в труднейших условиях за 2 дня 12 километров, мы подошли ко второй линии обороны противника—на рубеже Кусисто—полустанок Хантемяки—Хумола. Тут снова нас встретили и надолбы, и противотанковые рвы, и проволочные заграждения, и минные поля. К этому времени наша дивизия опередила другие соединения.

20 февраля завязался бой за высоту 47,8 у озера Липиенламми. Это была довольно поучительная борьба. Местность лесистая. Из леса стреляли и настолько интенсивно, что наши немного растерялись. Прихожу в батальон, спрашиваю:

— Почему не идете?

— Стреляют.

— Откуда?

— Из лесу.

Я приказал пулеметами «прочесать» лес сверху донизу. Стрельба прекратилась.

Но занять этот лесок нам еще долго не удавалось. Где бы мы ни сосредоточились в нем, противник засыпал нас снарядами, расставлял поблизости мины. Это было довольно странным явлением. Командир 1-го батальона организовал поиски. Он нашел и обезоружил группу белофиннов с офицером во главе. Они бродили по лесу, имея радиостанцию и телефон, и сообщали своей батарее о расположении наших войск.

С ликвидацией этой группы разведчиков-белофиннов прекратился обстрел наших частей. Отсюда вывод: во время наступления требуется особенно тщательная разведка леса.

Вскоре была взята станция Тали. Наши бойцы проявили большой героизм, когда приходилось форсировать затопленные финнами полосы. Вода была выше колен, но водная преграда не остановила красноармейцев. Они прошли через нее, подняв винтовки кверху.

Бои в Финляндии явились для бойцов нашей дивизии хорошей боевой школой.

☆

Белофинская печать утверждает, что вся 123-я стрелковая дивизия состоит из коммунистов. Конечно, это не так. Но наши непартийные большевики шли в ногу с коммунистами и победили.

Весь боевой путь 123-й стрелковой дивизии является наглядной иллюстрацией к словам Народного Комиссара Обороны Героя и маршала Советского Союза товарища Тимошенко о том, что «мы будем побеждать малой кровью только тогда, когда научимся образцово владеть своей техникой, применять ее в любых сложных условиях, когда наши люди будут обучены искусству воевать».

За боевые заслуги награждены орденом Красного Знамени стрелковый полк майора Рослого и артиллерийский полк дивизии, 22 человека получили звание Героев Советского Союза, 981 человек награжден орденами и медалями.

За прорыв линии Маннергейма дивизия награждена орденом Ленина.

11 мая товарищ Калинин, выдавая ордена и медали бойцам, командирам и политработникам, участникам боев с белофиннами, в своей речи особо сказал о нашей дивизии.

— Эта дивизия,—заявил он,—ныне существующая, выковалась в борьбе с белофиннами и получила право на свое дальнейшее существование.

Майор
С. Степанов

ПРОРЫВ

Перед нами современная, построенная по последнему слову техники линия Маннергейма. Эта укрепленная линия, которую по праву сравнивали с линиями Мажино и Зигфрида, являлась последней надеждой финской буржуазии.

Ее искусно замаскированные, прикрытые лесами и снегом доты и дзоты осыпали нашу дивизию от Меркки до Суммы свинцом пуль и сталью снарядов.

123-я стрелковая дивизия остановилась перед шквалом огня. Батальоны атакуют линию Маннергейма. Встреченные фланговым и косоприцельным огнем невидимых дотов, отходят назад. Отдельные подразделения прорываются за передний край укрепленной полосы. Втиснутые в снег плотным огнем пулеметов, они лежат без движения, скованные холодом. Коченеет каждая частица тела. Как хочется потереть лицо, руки, ноги! По малейшее движение вызывает фланговый огонь. И только ночью, под прикрытием окаймляющего огня артиллерии, удается отойти назад. В сердце каждого бойца огромная ненависть к белофиннам.

Вот выносят раненых, но стонов и жалоб не слышно. Один из бойцов бережно, с материнской нежностью укладывает в санитарную двуколку своего тяжело раненного товарища, вынесенного им из боя. Укрывает его одеялом и, как родного брата, целует в лоб. Губы что-то шепчут, усталые глаза покрываются влагой, слезы катятся по обветренному лицу.

— Мне прислали посылку,—приглушенным голосом говорит раненый,—возьми ее, поделись с другими.

По узкой тропе в частом ельнике идет рослый, широкоплечий боец. Он ругается и сердито грозит кому-то кулаком.

— Что случилось?—спрашиваю я, выходя на тропу.

— Ранили, товарищ майор...

— Куда вы ранены?

— Да вот, в плечо. Где здесь пункт медпомощи, товарищ майор?

Рана серьезная, но боец не думает о ней. Его бесит сопротивление врага. После перевязки хочет снова в бой.

Но одной храбростью, отвагой и мужеством не возьмешь железобетонных укреплений врага. Для преодоления линии Маннергейма, помимо бесстрашия, требовалась высокая организованность, выучка и тесное взаимодействие всех родов войск.

Фронт атаки нашей дивизии сужается.

Началась подготовка к прорыву. Справа и слева выходят соседние воинские части. Прибывают для усиления огневого воздействия гаубичный и другие артиллерийские полки большой мощности. Увеличивается количество танков. Изучается опыт предыдущих боев. Анализируются неудачи, конкретно разбираются ошибки всех родов войск.

Начались занятия с командирами полков, батальонов—дивизионов, рот—батарей. Основной упор—на взаимодействие. В тылу полка, в глубоком снегу пехота с танками и артиллерией «штурмует доты». Сколачиваются блокировочные группы. Танки оснащаются всем необходимым для преодоления противотанковых рвов и тренируются в преодолении их.

Артиллерия начала подготовку к прорыву с разведки.

Посредством перископа, бинокля, стереотрубы, а также и невооруженным глазом прощупываются каждый куст, каждая кочка, бугорок. И за любым, пусть даже самым маленьким клочочком земли, где только можно подозревать огневую точку противника, устанавливается неослабное наблюдение. Если оно не дает результатов, разведчики-артиллеристы, утопая в рыхлом, глубоком снегу, ползут к интересующему их объекту и наблюдают за ним почти в упор. Они идут с пехотой в ночные поиски, проникают за передний край обороны противника и добывают нужные сведения для артиллерийских штабов. Старший лейтенант Желанов, лейтенант Бондарь и заместитель политрука Мысягин под покровом ночи подползают к подбитым танкам, оставленным на брустверах траншей противника, и ведут оттуда разведку, наблюдая за передним краем укрепленного района. Много дней проводят они в танках и получают исключительно ценный материал о дотах, пулеметных гнездах, расположении траншей, ходах сообщения и блиндажах. Когда удается, устанавливаем телефонную связь с таким временным наблюдательным пунктом, и оттуда корректируется огонь по обнаруженным огневым точкам.

Но всего этого, конечно, мало для того, чтобы полностью расшифровать линию Маннергейма. И вот огнем отдельных орудий прощупываются подозрительные снежные бугорки. Некоторые из них при прямом попадании снаряда дают высокий огненный язык, появление которого сопровождается резким, режущим ухо металлическим звуком. Это бетон. Значит, здесь железобетонный дот. Земляная маска его вскрыта, и он передается для разрушения артиллерии большей мощности.

Методично долбят дот тяжелые, бетонобойные снаряды. Высоко взлетают вверх громадные столбы взрывов. Прямое попадание тяжелого снаряда в стальную плиту или железобетонную стенку дота вызывает резкий металлический звук необычной силы. Содро-

гается земля, и кажется, что передняя стенка наблюдательного пункта как бы падает на тебя.

Оголяются стены хваленых маннергеймовских сооружений. Кусок за куском отлетает бетон. Стальные плиты дают трещины. Острыми, изуродованными концами торчат железные брусья дота, похоронившие под собой обитателей укрепления.

Соревнование по разведке огневой системы врага ширится. Люди увлекаются разведкой. Каждый день подводятся итоги.

Линия Маннергейма с нашего наблюдательного пункта еще недавно выглядела мирным финским ландшафтом. Густой лес покрывал ее. На деревьях были большие шапки снега. Теперь же на разведывательной схеме перед нами детальный план всей огневой системы противника. Жирными кружками обозначены доты № 006, 008, 0021 и дзоты № 13, 14 и 19. Черной зубчатой линией показаны траншеи, соединяющие доты и дзоты. На схеме густая сеть точек—это огневые точки. И далее—наблюдательные пункты, ходы сообщений и блиндажи. Все ясно. Теперь можно реально планировать артиллерийскую подготовку для всей группы.

Батареи, так же как и мы, уже давно ведут интенсивную подготовку к прорыву. Бойцам скорее хочется покончить с зарвавшимися белофиннами.

Идет напряженная работа по оборудованию передовых огневых позиций, с которых в день атаки будет проводиться артиллерийская подготовка. Строятся солидные орудийные окопы, погребки для снарядов, блиндажи. Каждая батарея гордится чистотой и надежностью оборудования, хорошей маскировкой. Предусматриваются все мелочи, вплоть до санок, на которых нужно будет подвозить из погребов боеприпасы: предстоит большой расход снарядов, расчет не в состоянии будет вынести их на руках. Снаряды заранее раскладываются по периодам артподготовки. Проложены необходимые для передвижения дороги и тропы.

Связисты также не отстают. Учитывая опыт прошлого, когда свои же танки нарушали телефонную связь, наматывая кабель на гусеницы, связисты подвешивают кабель на высокие столбы. В артиллерийской группе связь организуется как по линии наблюдательных, так и по линии командных пунктов. Огневые позиции батарей дивизионов тоже связаны между собой. Широко применялась и радиосвязь. Такая организация связи гарантирует бесперебойное управление огнем группы и дивизионов.

По инициативе командира стрелкового полка майора И. Рослого пехота саной подбирается к вражеским дотам и траншеям, идущим по восточным скатам высоты 65,5, и в 60 метрах от них оборудуются исходные рубежи для атаки. Отважные саперы проделывают проходы для танков в многорядных, доходящих до 12 рядов, надолбах.

Расставлены все огневые средства пехоты—пулеметы, минометы, противотанковые орудия, полковая артиллерия. Все нацелено. Все получили конкретные, ясные задачи.

В небольшой, жарко натопленной землянке у майора Рослого

происходит совещание перед штурмом. Здесь представлены пехота, артиллерия, танковые части. Спокойный, выдержанный командир, человек большой культуры и прекрасный организатор, майор Рослый в последний раз подробно, учитывая каждую мелочь, излагает план атаки. Еще раз уточняются сигналы взаимодействия. Проверяется, понимает ли каждый командир свою задачу и задачи других родов войск.

Входит командир дивизии полковник Алябушев. Он интересуется каждой мелочью, обращая главное внимание на взаимодействие пехоты с артиллерией и танками, на использование всех огневых средств пехоты. Он проверяет снаряжение и подготовку питания бойцов на время штурма. Недоговоренностей нет.

☆

10 февраля поступил приказ о наступлении. Завтра, после длительной артиллерийской подготовки, идем на штурм. Сердце учащенно забилось. Мысль сверлит голову: «А все ли у тебя готово, не упустил ли чего в своей работе? Не будет ли лишней крови по твоей вине?»

Штаб нашего артиллерийского полка немедленно приступает к планированию огня. Под карандашом помощника начальника штаба младшего лейтенанта Тараканова лист бумаги быстро начинает пестреть трех- и четырехзначными цифрами. Ровными колонками размещаются цифры в таблице огня группы. Завтра они оживут. Разрезая морозный воздух, тысячами полетят из жерл грозных орудий снаряды на укрепления линии Маннергейма.

...Ясная, тихая ночь. Поражает необычная тишина. Нигде ни выстрела, ни звука. Артиллерия не ведет даже обычного беспокоящего огня. Часовой у землянки штаба замечает:

— Эх, хороша ночка! Вот такая, наверно, и у нас в деревне.

Четыре часа ночи 11 февраля.

Я и начальник штаба капитан Иваницкий, перелезая через брошенные финские траншеи и колючую проволоку, идем проверять боевую готовность дивизионов группы.

В землянках штабов дивизионов заканчивают работу. Составляются выписки из таблицы огня для командиров. Они все здесь. Задают ряд вопросов. Еще раз уточняют свои задачи и, серьезные, озабоченные, спешат к себе на пункты.

Возвращаемся на свой командный пункт. Отдыхаем последние минуты перед решительной схваткой. Но вот уже настало время пойти на наблюдательный пункт. Берем все документы по управлению огнем и с комиссаром тов. Закладным и помощником начальника штаба тов. Таракановым направляемся к новому, только что подготовленному наблюдательному пункту.

При выходе из землянки нас поражает резкая перемена погоды. Звездную ночь сменило туманное утро. Белая густая мгла закрыла все. В пяти шагах ничего не видно.

Вглядываюсь в лицо рядом идущего комиссара, стараясь угадать его мысли, его переживания. Задумался комиссар. Очевидно,

мысль «все ли предусмотрено?» беспокоит и его. Беспокоит его и подготовка людей: все ли отлично выдержат экзамен, не будет ли малодушных, которые спасуют перед трудностями, не выполнят своей задачи или посеют панику? Нет, таких не должно быть. Люди готовы перенести любые трудности, готовы они и на любые подвиги. Ведь каждый день при обходе позиций только и слышали мы вопрос: «Скоро ли начнем громить гадов?»

А с каким упорством и настойчивостью готовились мы к решительному наступлению! Были, правда, тяжелые дни, но никогда, даже в самую тяжелую минуту, не слышал я недовольства, жалоб на трудности. Наш (ныне Краснознаменный) артиллерийский полк — дружный, крепкий коллектив. Благодаря усилиям партийной и комсомольской организаций и всего начальствующего состава он сплотился как никогда и живет единой мыслью, мыслью всего многомиллионного советского народа: «Скорее разбить зарвавшегося врага!»

Вот мы на наблюдательном пункте. Впрочем, в тумане, кроме переднего бруствера пункта, ничего не видно. Не видно высоты 65,5, рощи «Молоток» и черных зияющих пятен на снежном покрове — полуразгромленных дотов. Связь со всеми дивизионами работает отлично. Вот передают о готовности дивизионов к открытию огня. До волнующего момента, когда от Ладожского озера до берегов Финского залива тысячи орудий общим залпом возвестят о начале штурма, остались считанные минуты. Командиры нетерпеливо посматривают на часы. Иногда кажется, что стрелки часов остановились. Приставляешь часы к уху, затаив дыхание, вслушиваешься и слышишь однотонное тиканье.

До атаки осталось 5 минут. Летит команда по телефонным проводам: «О готовности доложить!» Команды передаются телефонистами особенно четко и ясно. И в ответ доносят:

— «Тула» готова! «Орел» готов! «Кировск» готов! «Пенза» готова!

9 часов 38 минут. Тишина. Все возбуждены. Кажется, перестаешь дышать в ожидании начала. Вот где-то слева, очевидно, в соседней стрелковой дивизии, кто-то, не выдержав, дает орудийный выстрел.

Не спускаю глаз со стрелки часов.

9 часов 40 минут.

— Группа, огонь!

Легче становится на сердце.

Одновременный страшной силы треск раздается сзади на огневых позициях батарей. Мгла как бы разрывается. Содрогнулась земля. Через голову с резким визгом проносятся снаряды первого залпа, а за ними — несмолкаемый, сплошной гул.

Редко слышны отдельные выстрелы. Все слилось воедино. Как будто бы из брандспойта льют через наши головы огненную струю смертоносных снарядов.

Но вот гул утихает. Теперь слышны только отдельные выстрелы. Это методический огонь.

Вскоре огонь с прежней силой обрушивается на противника.

Там, впереди, в туманной мгле, видны вспышки разрывов.

11 часов 20 минут. Бегу на наблюдательный пункт командира стрелкового полка майора Рослого. Спрашиваю:

— Товарищ Рослый, как танки, как Кравченко и Сорока? Готовы ли к атаке?

— Да, готовы. Больше того, батальоны Кравченко и Сороки вышли на исходные рубежи. Прижавшись к огню артиллерии, они лежат, готовые к штурму.

Огонь артиллерии нарастает.

11 часов 40 минут.

Еще раз справляюсь о готовности пехоты и танков. Ответ утвердительный.

Мгла рассеивается. Теперь уже достаточно ясно видишь, как точно и метко ложатся наши снаряды на передний край противника. Тяжелые снаряды дивизиона старшего лейтенанта Головкова своими мощными взрывами закрывают всю высоту 65,5. На траншеи белофиннов ложатся снаряды дивизиона старшего лейтенанта Яцкова. Роща «Молоток» неузнаваема. Вместо лесного ландшафта— изуродованные, ощипанные деревья. Вид этой рощи изменила отличная работа дивизиона старшего лейтенанта Крючкова.

Стрелка подходит к 12 часам.

— Груша, приготовиться!

Вот и 12 часов.

— Груша, огонь!

Минутная пауза, несколько отдельных запоздалых выстрелов, и вглубь, за высоту 65,5 и рощу «Молоток», переносится смертоносный огневой вал.

— Кравченко овладел дотом № 0021,—докладывает старший лейтенант Крючков.

Передаю весть о падении дота майору Рослому по телефону. Какая это была радость для всех!

— На доте № 0018 красный флаг,—докладывает старший лейтенант Яцков.

Все впились теперь глазами в высоту 65,5. Там центральный дот № 006, куда и наносится главный удар. И вот, наконец, в 12 часов 28 минут и на центральном доте № 006 взвился красный флаг.

Поблескивая серебром могучих крыльев, пошли на север самолеты. Огневой вал, очищая путь пехоте и танкам, уходит все дальше и дальше, к роще «Фигурная».

Прорыв совершен!

Герой Советского Союза полковник
И. Рослый

ОДИННАДЦАТОЕ ФЕВРАЛЯ

Наконец-то приблизился долгожданный час—час решающего боя. Ночь прошла спокойно. Наша артиллерия молчала, чтобы не вызвать подозрений у противника. Молчали и финны.

Над землей вставал рассвет, одетый в серую дымку. Наступало 11 февраля. В предутренней полутьме невидимым было движение войск. Бесшумно накапливался мой стрелковый полк на исходных рубежах.

Справа, на болоте, в полной готовности к атаке расположился батальон тов. Кравченко. Левее, на главном направлении, против высоты 65,5, особенно сильно укрепленной противником (12 рядов надолб, ряды колючей проволоки, доты и дзоты), залег батальон тов. Сороки. 1-й батальон находился на левом фланге, во втором эшелоне. Танки ждали сигнала к выступлению.

Вот заговорили мощные орудия. Оглушающие залпы сотрясали воздух и землю. Непрерывный гул орудийных выстрелов сливался с разрывами снарядов, высоко подбрасывавших вырванные с корнями деревья и глыбы мерзлой земли на рубеже, занятом противником. Это началась артиллерийская подготовка.

Еще раз проверяю готовность батальонов к атаке. С правого фланга бойко отвечает знакомый голос...

— Кравченко, это вы?

— Я, товарищ командир полка,—ответил Кравченко.

— Как настроение людей?

— Все уверены в победе.

За него я спокоен: прекрасный командир, истинный патриот социалистической Родины! Недавно Кравченко ходил в разведку с группой бойцов и обморозил ноги. Его отправили в госпиталь. Он просил отпустить его в батальон, но врачи были неумолимы. Кравченко не желал даже на короткое время расставаться с боевыми друзьями, с которыми делил лишения фронтовой жизни и радость побед. Однако пришлось уступить. Но вот Кравченко

узнает, что завтра в полдень батальон пойдет в решительную атаку. При содействии санитарки он втайне от врачей покинул госпиталь. Радостно встретили бойцы любимого командира.

Канонада длится более двух часов. Путь пехоте проложен. На переднем крае оборонительной полосы противника все, казалось, превращено в щепы и развалины.

По установленному сигналу огонь артиллерии быстро переметнулся за передний край обороны. Пехота устремилась на высоту 65,5 и в рощу «Молоток». Будто из-под земли выросли танки, вырвались вперед и пошли впереди пехоты. Еще мгновение—и первые группы бойцов ворвались в траншеи, вступили в рукопашную схватку с белофиннами, забрасывая их гранатами, уничтожая штыками, расстреливая в упор.

Почти одновременно батальоны Кравченко и Сороки заняли высоту и водрузили красные флаги на дотах.

Но линия Маннергейма на этом участке была прорвана только частично. За железобетонными сооружениями имелись деревоземляные, куда поспешно отходил противник. Немедленно продвинуться вперед на плечах неприятеля, не давая ему опомниться, добить его—такая задача стояла перед нами.

Сочетая огонь с движением, мы стремились все вперед и вперед. Забрасывали гранатами удиравших шюцкоровцев, поливали их свинцовым дождем. Почерневший снег покрылся трупами белофиннов. Преследование не приостанавливалось до рощи «Фигурная». Но у рощи мы были встречены ураганным огнем. Пришлось остановиться для перегруппировки сил.

Разведка установила, что у опушки рощи «Фигурная» протянулся противотанковый ров шириной в 7 метров. Противник, численностью до двух батальонов, зарылся в землю. Мы готовились к новой атаке. Ночью на левом фланге сделали проходы для танков.

— Товарищ командир полка,—сказал мне Кравченко,—лобовой атакой трудно взять противника. Это будет стоить больших потерь.

Кравченко был прав. Подступы к роще «Фигурная» противник прикрывал сильным огнем.

Я приказал Кравченко отвести батальон в рощу «Молоток», ночью обойти рощу «Фигурная» и ударить во фланг противника. Так и сделали. Внезапный удар по флангу привел врага в замешательство, он обратился в бегство. До 700 трупов оставили здесь белофинны.

Этим маневром полк завершил прорыв линии Маннергейма.

Герой Советского Союза майор
С. Ниловский

ЗАМЕТКИ АРТИЛЛЕРИСТА

Доты линии Маннергейма находились во взаимной огневой связи. Чтобы пробить проход в системе финских укреплений, надо было ликвидировать не один дот, а целый участок системы.

Вести борьбу с дотами противника и побеждать в бою могли только сильные, смелые люди.

Я хочу рассказать о двух наших славных героях-артиллеристах товарищах Кириллове и Булавском.

На просеке у одного из дотов стояли три наших подбитых танка. Экипажи давно покинули их. Эти танки мешали нам вести наблюдение за дотом, а приблизиться к ним было трудно. По данным пехотной разведки, они были заняты финскими снайперами, которые использовали их как бронированные укрытия. Мы решили проверить, действительно ли в танках находятся снайперы.

Кириллов взял с собой двух человек из пехотной разведки и выполз из окопа. Почти тотчас же, едва они отползли на 60—70 метров, по ним был открыт огонь из танков. Кириллов зарылся в снег и наблюдал, прислушиваясь к выстрелам. Один разведчик, лежавший рядом с ним, был убит, второй ранен. Прежде чем продолжать разведку, Кириллов взял винтовки обоих товарищей, взвалил на себя раненого и пополз с ним назад.

Оружие и раненого Кириллов сдал передовым постам пехоты. Но точных данных о противнике у него еще не было. Задача не была выполнена. Он вернулся обратно к танкам...

Доклад Кириллова был точен и короток:

— Танки заняты снайперами, огонь ведется через башенные щели, снайперов, очевидно, четверо.

Немедленно было передано приказание стоявшей рядом батарее 152-миллиметровых орудий открыть огонь по танкам. Два финских снайпера были убиты, двое успели скрыться.

Кириллову, как у нас говорили, «везло». Он возвращался невредимым из самых опасных экспедиций. Но везение здесь было обусловлено тем, что сам Кириллов старался рисковать как можно

меньше. Он вел свое дело без спешки и торопливости. Там, где другой, может быть, прополз бы расстояние за полчаса, Кириллов полз три часа, а то и четыре. Каждую кочку, каждый камень он использовал для укрытия. В его подвигах не было жертвенности, в них были сознание долга и расчет, доведенный до предела.

За боевые заслуги правительство присвоило тов. Кириллову звание Героя Советского Союза.

Командир батареи лейтенант Булавский, Герой Советского Союза, прославил себя высоким артиллерийским мастерством и бесстрашием.

Однажды возле высоты «Язык», у озера Сумма-ярви, наш наблюдатель заметил, что откуда-то сбоку из-за леса ведет стрельбу мощная огневая точка. С этого же пункта удалось установить, что корректировать огонь по этой точке можно только с просеки, которая простреливается из соседнего дота орудийным и пулеметным огнем. Попытки танков и пехоты пройти просеку успеха не имели. В двух шагах от нее, в лесу бойцы стояли без особого риска, но едва лишь они выползали на просеку, как пулеметы и орудия финнов буквально сметали их огнем.

У пехоты и танков не было возможностей обхода просеки. Обстановка требовала любой ценой, хотя бы на время, заставить дот замолчать. Но, чтобы вести огонь, надо было кому-то выползти на просеку. Иначе корректировать стрельбу невозможно.

Булавский получил приказание подавить дот. Он взглянул на меня внимательными, чересчур спокойными глазами, лицо его потемнело. Даже одного шанса из тысячи на спасение у него не было.

Радиста он посадил сбоку в лесу, в трех шагах от просеки, так, чтобы тот слышал его команды. Посередине лесной прогалины стоял пень. Это было единственное место, возле которого можно было продержаться живым несколько минут. Булавский выбросился по снегу к этому пню. Было видно, как за пару секунд пули выхватили куски шерсти из его полушубка.

— Цел?—спросили его.

В ответ он подал первую команду, и радист передал ее на огневую позицию. Время шло. Минуту каждый считал за час. Булавский уже вывел снаряды к цели и перешел на подавление. Дот замолкал. Но в это время Булавский, словно устав, положил голову на правую руку, вздрогнул, вытянулся. Две пули попали в него. Одна застряла в животе, другая пробила грудь.

Только теперь осознаешь все величие и всю простоту такой вот смерти, необходимой для жизни других людей.

Герой Советского Союза

В. Кириллов

В РАЗВЕДКЕ

Связь с наблюдательным пунктом прервалась. Свои же танки намотали линию на гусеницы. Я получил приказание установить новый наблюдательный пункт.

С разведчиком Пономаревым идем вперед, тянем проволоку. За рощей финны встретили нас пулеметным огнем. Спасаемся за танком. Вместе с танком перемещается и наш наблюдательный пункт. Мы не прекращаем корректировать огонь артиллерии.

Наконец, выбрали два дерева и решили устроиться на их верхушках. Командир батареи тов. Коваленко наблюдает с одного дерева, я—с другого. Но вскоре по дереву застучали пули. Тов. Коваленко взял щиток от пулемета и установил его наверху для защиты от пуль, мне же пришлось спуститься.

Я получил приказание итти вперед вместе с наступающей ротой и выяснить обстановку. Мы бежали, падали, укрываясь от снарядов, и снова бежали вперед. Однако скоро добрались до полянки, а перебраться через нее было крайне трудно. На полянке беспрестанно рвались снаряды.

Командир роты просит артиллерию уничтожить неприятельское орудие. Но орудия не видно. Я ползу через полянку вправо. Влез на бугор и вот уже вижу орудие, не пускающее нас вперед.

Теперь нужно как можно скорее добраться до наблюдательного пункта. Бегу, влезаю на дерево к командиру батареи и показываю ему место, где обнаружили орудие. Через несколько минут это орудие было уничтожено, и рота пошла вперед.

Но зато финны повели яростную стрельбу по нашему наблюдательному пункту. Я иду с разведчиком Хейманом и пехотинцами в лес, чтобы отогнать противника и облегчить положение пункта. Лесом доходим до просеки. Выползаю на просеку. В конце ее—бугор, а на бугре какое-то подозрительное черное пятно. Неужели дот?

Чтобы проверить, я подымаюсь во весь рост.

Тишина.

Я делаю несколько шагов.

Слышу шопот Хеймана:

— Ложись!

Ослепительный свет. Грохот.

Я лег. Теперь мне стало ясно—там дот. Так вот откуда охотились за нашим наблюдательным пунктом!

Мы обнаружены, нас обстреливают из винтовок. Видим финнов, перебегающих от дерева к дереву. Пытаются нас обойти. Мы отходим назад, к ручью, довольные разведкой. Обнаружить дот—большая удача.

По приказанию командира части наблюдательный пункт перенесли в другое место. Получили новое задание—разведать все примыкающие к доту укрепления. Это была задача необычайной важности, и мы выполнили ее путем систематического наблюдения, ряда дневных и ночных разведок.

Расскажу об одной нашей ночной разведке.

Нам было поручено пройти лесом левее дота, занять ранее обнаруженный блиндаж и произвести разведку огневых точек.

До блиндажа добрались без особого труда. Блиндаж пуст, в нем никого нет. Ползем дальше. Темно. Только снег слегка белеет.

Натыкаемся на проволочное заграждение. Стали резать проволоку. Но от проволоки, видимо, была проведена сигнализация. Со всех сторон на нас посыпались пули—хорошо пристреленное место. Делать нечего, отползли за бугор.

Надо установить, откуда финны ведут огонь. По глуховатому звуку выстрелов справа догадываюсь, что стреляют из закрытого помещения. Значит, из дота. Следовательно, дот справа от нас. Слева тоже обстреливают. Судя по звуку, автоматчики. Там, верно, траншея.

И мы через поляну поползли к траншее. Финны этого никак не ожидали. Они были уверены, что мы ушли. У себя в траншее они курят, разговаривают, мы видим огоньки папирос, слышим голоса. Ползти необычайно трудно, потому что малейший шум может выдать. Двигаюсь вперед метр за метром, напрягаю мышцы. Мучительно хочется кашлять. Кашель давит, душит. Усилием воли сдерживаюсь.

Вот надолбы перед траншеей, затем колючая проволока.

Вдруг финны разом всполошились. Встречают нас бешеным огнем. Пускают осветительную ракету. По выстрелам мы определяем все, ради чего пошли в разведку: и дот и траншеи.

Наша цель достигнута, и мы отходим назад, к лесу. Но осветительные ракеты взлетают одна за другой; и проклятая луна начинает вылезать из облаков. Враги видят нас и стреляют, не переставая.

В лесу мы остановились. Я пересчитал своих товарищей. Нехватает помощника командира взвода. Где он? Неужели остался возле траншеи? Убит или ранен?

Надо выручать. Я пополз назад. Финны стреляют, но я ползу и ползу. Дополз до проволоки. На колючей проволоке возле траншеи повис наш товарищ. Он молчит, но еще жив. Я снимаю его с проволоки, кладу себе на спину и опять ползу к лесу.

Финны ведут бешеный огонь. Через каждые 2—3 метра я зарываюсь в снег, чтобы переждать пулеметную очередь. Товарищ просит:

— Пристрели меня.

Он не хочет, чтобы я погиб из-за него, но я прошу его только об одном: не стонать.

Из леса к нам на помощь подполз разведчик Пономарев. Вдвоем тащить раненого куда легче, и через минуту мы в лесу.

Вернувшись в штаб, отдали раненого санитарам и доложили командиру о результатах разведки.

Днем я получил задание—исследовать местность справа от дота. Взял двух разведчиков и пошел с ними в лес. Вижу—просека, в конце просеки—перевернутый танк, а за танком—пулемет. Оттуда, вероятно, хорошо видна вся правая сторона дота.

Обоих разведчиков я оставил в лесу, приказав им наблюдать за мной, а сам пополз к перевернутому танку. Одолел уже больше половины пути, как вдруг пулемет, стоявший у танка, дал по мне очередь. Неподалеку впереди я заметил яму. Сделал несколько рывков, скатился в яму и залег на дне. Здесь меня пулемет не достанет.

Минут через десять осторожно поднимаю голову и ясно вижу всю правую сторону дота с несколькими амбразурами. Справа замечаю хорошо замаскированное орудие.

Возле орудия и возле перевернутого танка все время люди. Вылезти из ямы нет никакой возможности. Ну, что ж,—нужно ждать. Чтобы время не пропало даром, я начал запоминать местность.

У меня такое обыкновение—в разведке запоминать местность подробно, чтобы потом можно было нарисовать ее, начертить панораму. Начерченная разведчиком панорама даст артиллеристу гораздо больше, чем схема ориентиров. Я запоминал углы (определял их на глазомер, по пальцам), расстояния от одного предмета до другого, очертания предметов и, придя в штаб, рисовал панораму на память.

На этот раз в уме панорама была уже давно готова, а я все еще сидел в яме, не зная, как из нее выбраться. Финны совсем близко и ни на минуту не отходят. Так просидел я в яме часов пять, до темноты. Когда стало темнеть, вылез и пополз назад.

Метров пятнадцать удалось проползти незаметно. Но вот снова слышу пулеметный стук. Пули пролетают надо мной. На этот раз меня обстреливают не из одного пулемета, а из нескольких. У меня было сильное искушение—оглянуться и посмотреть, откуда они стреляют. Но оглядываться немыслимо. И я продолжаю ползти.

Однако разведчики, которых я оставил в лесу, наблюдали за этим обстрелом. Когда я добрался до них, они мне сказали:

— Вас обстреливал один пулемет из-за танка, три из леса и один вон с того бугра.

Мы особенно заинтересовались бугром, с которого стрелял пулемет. Я заподозрил, что этот бугор—промежуточный блиндаж, соединяющий два дота. Ночная разведка подтвердила мое подозрение.

С этим дотом мне пришлось встретиться еще раз 11 февраля, когда наши войска пошли в наступление. Было приказано итти на передовой наблюдательный пункт. Воздух дрожал от взрывов,

гул снарядов заглушал голоса. На передовом пункте я попросил у командира, чтобы он разрешил мне взять несколько разведчиков и подойти ближе к доту. Командир разрешил.

Подползли мы к доту и залегли за пнем.

Дот уже сильно потрепала наша артиллерия—все купола были разбиты, торчала арматура. Многие траншеи вокруг него были оставлены финнами. Но дот продолжал стрелять. Стоило только нашему танку показаться на просеке, как справа от дота возникал дымок орудийного выстрела.

Вдруг белый картон, маскировавший орудие, которое стояло справа от дота, свалился. Так вот она, эта пушка, стреляющая в наши танки. Смотрю: из-за щита орудия осторожно тянется рука, чтобы поправить упавший картон. Я стреляю. Рука прячется, но через минуту появляется с другой стороны щита. Я опять стреляю. Рука опять прячется. Я несколько раз стреляю под щит. Орудие замолкает.

Мне хотелось немедленно подползти к орудию, но, к сожалению, это было невозможно—пулемет дота обстреливал нас с такой силой, что отлетела верхушка пня, за которым мы прятались.

Когда стало смеркаться, мы подобрались к доту по пустой траншее. Дверь заперта, дот молчит. Я решил залезть на него. Но едва только полез, как финский снайпер, засевший в лесу, сшиб с моей головы каску. Обошел я дот кругом и снова полез наверх. Влезаю на разбитый купол. Оттуда торчит кирпичная труба. Когда я подполз к трубе, полы моего халата запутались в арматуре.

Мне пришло в голову бросить в трубу гранату. Пусть она разорвется внутри дота. Достал гранату и опустил ее в трубу. Но, оказалось, что труба перегорожена решеткой. Граната застряла в решетке, шипит и вот-вот взорвется.

Мне нужно бежать, чтобы моя же граната не убила меня. Я дергаюсь, а запутавшийся в арматуре халат не пускает. Рвусь, напрягаю силы и скатываюсь вниз, оставив на железных прутьях свой халат и полы шинели.

Граната взорвалась и уничтожила решетку в трубе. Я взял связку гранат и одну за другой швырял их в трубу. Они проваливались вниз и взрывались внутри дота. Дот вздрагивал от взрывов. Из всех щелей валил дым. Внутри бушевал пожар.

Тем временем мои разведчики принесли тол, подложили его под стенку дота и взорвали. Тогда всю вражескую берлогу вывернуло наружу.

Так был уничтожен этот дот, с которым мне столько пришлось повозиться.

Полковник

А. Муравьев

и Герой Советского Союза старший лейтенант

П. Шутов

ФРОНТОВЫЕ ЗАМЕТКИ

Командира взвода разведки 7-й батареи тов. Николаева мы встретили ночью у подножья южного ската высоты.

Николаев был в белом халате. Он сидел за деревом в неглубоком окопчике и изредка покашливал в кулак. Вокруг дерева вьюга намела бугор; дальше к фронту шла ровная снежная целина. На бугре, полукругом были натыканы в снег сучочки, щепочки, кусочки сосновой коры.

Услышав наши шаги, Николаев поправил, не оборачиваясь, лежавший на коленях автомат и только потом, все еще стараясь не шевелиться, не скрипеть на снегу, повернул к нам голову.

— Ну, как?—спросили мы.—Слышно?

Поглядев на щепочки, дощечки, сучочки и веточки, натыканные рядом, Николаев тихо ответил. Все, что надо, было ему слышно, но, к сожалению, ничего не видно.

Где-то, шагах в пятистах от нас, тишину разорвали выстрелы—один, второй. Потом застучал пулемет. Николаев встрепенулся.

— Левый край,—сказал он еще тише.—Вчера тут никого не было.

И воткнул в снег еще одну ветку. Мы с любопытством наблюдали за командиром, который считался одним из лучших разведчиков.

На своем участке Николаев прекрасно знал, где сосредоточены автоматчики, куда передвинуты пулеметы, где стоят противотанковые орудия. Сейчас мы наблюдали метод его работы.

Сбоку, на этот раз вправо от высоты, сверкнули огни и рассыпалась новая пулеметная очередь. Опять так же спокойно Николаев взял веточку и воткнул ее в снег в направлении звука и блеска выстрелов.

Каждый из заговоривших ночью или на рассвете пулеметов, каждый автомат Николаев засекал, устанавливая в створе с выстрелом отметинку. Ночью звуки доходили до него отчетливо и чисто. Пулемет отмечался веточкой, автомат—щепочкой, винтовочная стрельба—сосновой корой, очередь спаренных пулеметов—сучком.

Сам Николаев сидел неподвижно, всегда в одном и том же положении. Когда рассветало, он по отметинкам тщательно устанавливал направление, в котором слышал ночью выстрелы, и уже днем вместе со своими разведчиками непрерывно наблюдал в этом направлении. Пулеметный окоп, блиндаж, дзот выдавали себя либо неосторожным движением людей, либо дымком, либо стрельбой. Так устанавливались цели. Таким же способом был обнаружен Николаевым один крупный дот, позднее уничтоженный нашей артиллерией.

Не следует, конечно, думать, что таким методом разведки можно было ограничиться на фронте. Широко применялись все виды разведки.

Незадолго до начала штурма мы обнаружили, что целый ряд укрепленных точек противника нам неизвестен. Участок против высоты 65,5 охраняли не разведанные нами долговременные сооружения. Увидеть или по крайней мере попытаться увидеть их можно было только с самой высоты и ниоткуда больше.

Мы решили занять эту высоту своими наблюдательными пунктами, не останавливаясь перед тем, что она находилась под непрерывным перекрестным огнем финских дотов и минометов. Но без основательного инженерного оборудования таких пунктов нечего было и думать о том, чтобы удержаться на высоте хотя бы 2—3 часа.

Приказ—занять высоту наблюдательными пунктами—получил дивизион старшего лейтенанта тов. Курбатова. Многие уже ко всему привыкшие люди считали, что успех этого дела крайне сомнителен. Но другого выхода не было.

Захватив с собой кирки, группа бойцов и командиров ночью выбралась на южный склон высоты. Землю долбили, лежа на боку, голову нельзя было поднять. Работали на совесть, по-шахтерски. Мерзлая земля поддавалась с трудом. Лишь через три часа бойцы получили возможность работать сидя, согнувшись. Только через 5—6 часов они встали на ноги.

Но чтобы вынести наблюдательные пункты на высоту, нельзя было ограничиться отрывкой ям в мерзлой земле. Требовалось устроить крепкие, надежные блиндажи. Для этого на высоту, где не было ни одного дерева, следовало поднести бревна. Мы пробовали их катить—они зарывались в снег и застревали; мы тащили их волоком, на веревках—результат оставался прежним. Бойцы измучились. Тогда мы решили подвезти бревна... на обыкновенных грузовых машинах. Кому пришла в голову эта идея,—сейчас не вспомнишь.

— Чистое нахальство,—говорили нам пехотные командиры.

— Чистейшее,—отвечали мы.

На следующую ночь машины с потушенными фарами, с приглушенными и укутанными моторами сделали подряд четыре рейса на высоту. Подобная дерзость сошла нам с рук. Когда наступил рассвет, оставалось закончить еще одно перекрытие, и мы бросили машины в пятый рейс. На этот раз их заметили. Несколько

бойцов выбыло из строя, но задача была выполнена—бревна доставлены.

На виду у противника выросли солидные блиндажи, в которых вскоре стали сидеть уже не только командиры батарей со своими связными, но и командиры пехотных батальонов и рот. Здесь же обосновались пункты медицинской помощи. Высота принимала «комфортабельный», обжитой вид. На северном ее скате были белофинны, на южном—мы.

Неприступно и грозно сосредоточивалась, нависала над финским укрепленным районом мощная большевистская артиллерия. Произведена разведка переднего края. Готовя прорыв, батареи переходили на разрушение.

Каждому, конечно, хотелось внести свою лепту в дело уничтожения дотов—этих «ядовитых черепах», как их называли на фронте. Даже полковая и легкая дивизионная артиллерия стреляла по ним. Приходилось сдерживать благородные, но малообоснованные стремления некоторых командиров, чтобы избежать бессмысленной траты снарядов. Оправданной была лишь стрельба по дотам из тяжелых орудий и малокалиберных противотанковых пушек. Исключительная точность наводки позволяла расчетам последних вести огонь по амбразурам. После прорыва во многих дотах были найдены амбразуры, заклепанные 45-миллиметровыми снарядами.

К фронту форсированным маршем подходили резервы. В частях уже знали, что подготовкой решительного штурма руководит товарищ Тимошенко. 10 февраля были подавлены основные оборонительные сооружения первой линии, и утром 11-го началась артиллерийская подготовка перед штурмом.

Утром пал туман. В десяти шагах нельзя было разглядеть соседа.

Начальник артиллерии дивизии тов. Кутейников приказал тяжелой артиллерии открыть огонь по глубине обороны противника. Финны начали отвечать. В белесой мгле, словно сотканной из тысячи полос кисеи, рвались снаряды.

Буквально через 15—20 минут после того, как наша артиллерия стала обстреливать глубину расположения финнов, туман начал подниматься вверх. Это было величественное зрелище. Гигантский белый занавес поднимался над полем сражения. Еще через 10 минут сверкнуло солнце, туман рассеялся, и артиллерия снова обрушилась на передний край.

Когда наш артиллерийский огонь стал опять уходить в глубину обороны, финны покинули укрытия и вышли в траншеи, думая, что теперь пойдут вперед наши танки и пехота.

Враг жестоко просчитался. В траншеи, заполненные финскими стрелками, вернулись наши снаряды. Несколько раз тов. Кутейников переносил огонь на 400—500 метров в глубину и возвращал его обратно на передний край. Финны запутались. Они не знали, где начало, где конец артиллерийской подготовки. Пехота финнов несла большие потери. Оставаться в укрытиях было нельзя, так как в любую минуту вслед за переносом огня могла начаться атака, но и сидеть в траншеях под огнем наших батарей было невозможно.

Ложный перенос огня, умело и точно примененный тов. Кутейниковым, был заимствован из опыта прорыва австрийского фронта летом 1915 года. Русские артиллеристы тогда удачно применяли этот способ подавления переднего края обороны.

Близился момент атаки. Наблюдатели артиллерийских групп сели в машины командиров танковых рот, стали рядом с командирами пехотных подразделений.

Загудели моторы танков. Суровая и сосредоточенная, поднялась пехота.

Взвились ракеты. Бросок!

На наблюдательных пунктах мы следили за сигналами пехотных командиров и наших передовых наблюдателей, которые шли рядом с ними.

Огонь переносился по заранее известным рубежам, и у нас было время наблюдать за действиями пехоты и танков. Пехота продвигалась неудержимо, то исчезая во рвах и воронках от снарядов, то появляясь. Она немного приостанавливалась, вела огонь и снова стремились вперед. Танки шли спереди и на флангах.

Кстати, тут еще раз подтвердилась способность малокалиберной артиллерии бороться с надолбами. 45-миллиметровые и 37-миллиметровые орудия танков разбивали камни на куски. Танки двигались через проходы, сделанные ими же самими.

Наблюдательные пункты превращались в перерывах между командами о переносе огня в своеобразные «штабы последних известий». В глубину расположения наших частей мы передавали одну новость за другой.

— Подошли к проволоке!.. Вошли во рвы!.. Взяли первую линию траншей!.. Обходят центральный дот!.. На центральном доте — красный флаг!.. Ура, товарищи!

Один из свободных радистов перешел в это время на прием. Утреннее московское радио передавало вчерашнее запоздавшее сообщение: «На Карельском перешейке без перемен».

11 февраля на участке 123-й стрелковой дивизии траншеи и доты главной линии обороны противника были взяты.

Герой Советского Союза лейтенант

В. Федоров

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АРТИЛЛЕРИИ И ПЕХОТЫ

Теперь, когда бои с белофиннами давно уже окончились и я задаю себе вопрос, чему научила меня, как командира, эта война, какой опыт я из нее извлек, я отвечаю: она научила меня понимать, ценить и использовать, как ничем не превзойденную, сокрушительную, поистине чудодейственную силу, взаимодействие разных родов войск и, в частности, взаимодействие артиллерии и пехоты. О конкретных эпизодах моей боевой практики, которые вскрывают, как много значит в современной войне взаимодействие, я и хочу рассказать.

13 декабря наш дивизион занял боевой порядок в районе Вихолы, действуя совместно со стрелковым полком. Перед нашей группой была поставлена задача—прорвать узел сопротивления противника.

Пехотная разведка установила комбинированную и сильно организованную оборону финнов, имевшую в своем распоряжении несколько дзотов, больших траншей и два дота. Когда были готовы исходные данные для стрельбы, мы стали ждать приказа о начале артиллерийской подготовки. Прибыл, наконец, приказ: 14 декабря, в 9 часов, огонь должен быть открыт. Рано утром, прежде чем уйти на наблюдательный пункт, я обошел свою батарею. Осмотр доставил мне много радостных минут. Радовали прежде всего люди, их нетерпение, волнующее ожидание. Ведь качество артиллерийской подготовки определяет успех действий пехоты. Как же не волноваться! Довольный настроением людей, удовлетворившись осмотром, который выявил полную готовность батареи вести огонь, я ушел на наблюдательный пункт.

Придя к себе, взглянул на часы. До 9 часов оставалось несколько минут. Навел бинокль туда, на притаившегося врага, укрытого в заснеженных укреплениях. В предрассветной мгле приметенные ориентиры были трудно различимы. Но постепенно глаза привыкали, и цель начинала прощупываться отчетливо. Прошло уже несколько минут. Тишина, стоявшая вокруг, действовала утомляюще. Вызвал по телефону батарею. Слышимость хорошая. Далекий голос в этой тишине как-то по-особенному обрадовал.

Перекинулся шуткой с телефонистом. А время, как назло, идет удивительно медленно.

Вдруг в этом снежном безмолвии раздался легкий, чуть уловимый звук выстрела, и в воздух взвилась стремительная, долгожданная красная ракета—«Начало огня!»

И сразу же заговорили все орудия нашего полка.

Артиллерийская подготовка продолжалась 30 минут. Наблюдение устанавливало, что снаряды падали точно. Видно было, как взлетали на воздух вражеские укрепления. Противник был точно распознан.

Артиллерия наша умолкла. Молчал и противник. На поле боя нахлынула тишина. Но это была особая тишина, длящаяся обычно всего лишь несколько мгновений. Сознание и опыт подсказывали, что именно сейчас воздух наполнится звуками движения наступающей пехоты. Я припал к стеклам стереотрубы и стал всматриваться в снежное поле: там уже должна была двигаться стремительная, неудержимая лава наших бойцов. Но снежные просторы были безмолвны.

Отчего же нет людей на исходном рубеже? Где залегавшие в том направлении роты? Приказ ясно говорил: после артиллерийской подготовки—атака. Уже во время стрельбы наших батарей роты должны были накапливаться на исходном рубеже и сразу же после прекращения огня артиллерии броситься на противника. Именно сразу же, тотчас же, чтобы не дать врагу опомниться, не дать ему возможности оправиться после артиллерийского обстрела. Так почему же медлит пехота?

Вот уже прошло двадцать, двадцать пять, сорок минут. Недоумение переросло в тревогу: пехота начнет наступление с опозданием и поставит под угрозу все дело.

Так оно и вышло. В период артиллерийской подготовки противник увел свои силы из траншей и окопов, а после прекращения огня, не видя атакующей пехоты, он вновь быстро занял оставленные было позиции. Таким образом, пропустив время атаки, пренебрежительно отнесясь к принципу взаимодействия, пехота допустила крупную ошибку. Перегруппировавшийся противник встретил ее выход сильным ружейно-пулеметным огнем.

Это послужило для нас серьезным уроком. Вся моя дальнейшая боевая работа с этого момента во многом определялась организацией совместных действий со стрелковой ротой, которую поддерживала моя батарея. Было ясно, что взаимодействие—это такая сила, которая сама не возникает, которую надо создавать.

☆

Получив приказ поддерживать стрелковую роту, я прежде всего поставил вопрос об отработке взаимодействия. Слаженная боевая работа обоих родов войск—это уже конкретная реализация плана взаимодействия. Ей должна предшествовать предварительная подготовка. Нужно добиться четкой, бесперебойной связи с пехотой, позволяющей моментально удовлетворять любой запрос и требование командования роты или батальона, а прежде всего—приучить бойцов ходить на коротких дистанциях за огнем нашей артиллерии.

Вместе с командиром роты я специально собирал пехотных младших командиров, а если позволяли условия, и красноармейцев, рассказывал им о действиях артиллерии, объяснял, как надо держать себя во время артиллерийской подготовки, говорил, насколько можно приближаться к разрывам своих снарядов, стараясь рассеять опасения бойцов.

Но этим я не ограничился. Я выносил свой наблюдательный пункт непосредственно к месту, где залегала пехота. Присутствие среди пехоты артиллерийского командира во время ведения огня укрепляет дух бойцов, вселяет в них бодрость, внушает веру в свою артиллерию. Это повышает также и ответственность артиллерийских командиров. Чувствуешь, как в таких условиях меткость огня является силой, помогающей организовать людей в бою.

11 февраля моей батарее предстояло поддерживать наступающую роту. Местность была лесистая, пересеченная. Цели просматривались плохо. Пришлось перенести наблюдательный пункт вперед и расположиться в 200 метрах от переднего края противника. Вместе со мной залегла и пехота. С этой дистанции укрепления были видны отчетливо. Предстояло подавить один дот и еще несколько огневых точек, не дававших нашей пехоте возможности вести наступление.

Устроившись на наблюдательном пункте, приступили к работе, но, видимо, мы были замечены, так как противник открыл огонь. Положение становилось напряженным, а уходить нельзя: именно отсюда удобнее всего подавить вражеские точки. Принимаю решение: оставаться здесь и немедленно открыть огонь. Работа на наблюдательном пункте требует спокойствия и сосредоточенности. Чуть отвлечешься и сразу можешь напутать в расчетах, а ошибка в расчете обесценивает работу всей батареи. Она может сорвать выполнение задания и обойтись дорого для сотен людей.

Еще в период боевой учебы в мирных условиях я натренировал себя так, что полностью отдавался наблюдению и расчетам, не реагируя на посторонние звуки или разговоры, не обременяя сознания посторонними мыслями. Лучше всего удавалось мне это тогда, когда я что-нибудь напевал, т. е. напевал один мотив, беспрестанно повторяя одни и те же слова. Это как бы создавало заслон, отгораживающий мое сознание от всего постороннего, рассеивающего. Так было и в данном случае. Открыл огонь, начал корректировать стрельбу и невольно затянул какую-то песенку. Лежу, наблюдаю, рассчитываю, передаю команды, весь погрузившись в работу. И вдруг, неожиданно для меня, эта привычка оказала мне услугу. Пригибаясь от беспрестанно свистящих пуль, ко мне подполз командир роты и говорит:

— Хорошо это вы придумали. Бойцы услышали, что командир запел, и им радостно стало. Ну, мол, дела хороши, если артиллерист песни поет.

Выслушал я эти слова и промолчал. Пусть, думаю, будет так. Мне важно, чтобы бойцы верили в своего командира, чтобы они доверяли артиллеристу.

☆

В этом бою мы применили неожиданный для финнов маневр. До этого было так. Перед наступлением пехоты проводилась артиллерийская подготовка, причем начинали класть снаряды с переднего края, а затем переносили огонь в глубь обороны противника. Белофинны приметили нашу тактику, и как только мы начинали переносить огонь с переднего края, они спешили скопиться там. Поэтому даже после успешной артподготовки финны часто встречали нашу пехоту сильным ружейно-пулеметным огнем. Но мы вскоре разгадали эту уловку врага.

После обстрела переднего края мы сделали перенос огня вглубь, чтобы дать время финнам перебежать на место, уже обстрелянное нашими батареями. Перенос был ложным, и после него наш огонь вновь обрушился на передний край. Такая тактика артиллерии прямо ошеломила финнов, внесла полное смятение в их ряды. В то же время наша пехота, приучившаяся верить артиллеристам, привыкшая спокойно лежать вблизи разрывов своих снарядов, сразу, как только прекратился огонь артиллерии, бросилась в атаку и стала уничтожать оставшиеся силы противника штыком.

☆

Проходили дни, наполненные большими, волнующими событиями. Сработанность с пехотой давала себя знать.

N-скому стрелковому полку было приказано произвести разведку боем в районе Пяллиля. В состав разведки были включены артиллеристы. Руководить группой артиллеристов поручили мне.

Утром рота, выделенная в разведку, приступила к выполнению приказа. Двигаться пришлось по лесу. Я шел с левой группой, имея задание—не только обнаруживать огневые точки противника, но и поддерживать в случае нужды действия разведывательной роты огнем своей батареи.

Километра полтора прошли без особого труда. Никаких следов противника и его укреплений обнаружено не было. Но вот лес стал более редким, вдали появились просветы. Приняв меры предосторожности, вышли на край леса. Впереди—большая поляна, в конце которой виднелась линия надолб и проволочные заграждения, дальше—опять лес. Стало ясно: там, за этими укреплениями, притаился враг. Надо было осторожно двигаться дальше и точно разузнать расположение его огневых точек.

Поползли вперед. Но, видимо, за нами уже следили, так как тут же нас стали обстреливать. Мы залегли под бугром, у линии надолб, не досягаемых для вражеских пуль. Между тем противник обнаружил себя выстрелами. Выявилось, что впереди—комбинированный узел из трех дотов. Прорубленные со всех сторон просеки для обстрела делали позиции белофиннов особенно выгодными. Просеки были сделаны так, что они становились заметны только со стороны дота. Как кто-нибудь попадал на просеку,—немедленно подвергался обстрелу. Заношу себе в книжку данные о располо-

жении дотов, приступаю к вычислениям. Затем передаю команду открыть огонь. Нужно заставить врага замолчать, а кроме того, лишить доты маскировки, чтобы разведчики смогли отлично выполнить задание.

Через несколько мгновений раздались разрывы снарядов. Начинаю корректировать стрельбу. Снаряды ложатся близко, в 150—200 метрах от нас. Но залегающая со мною рота стрелков спокойна. С любопытством и интересом они наблюдают разрушительную работу батареи. Под прикрытием нашего огня они уверенно и отважно подползают ближе к вражеским огневым точкам, тщательно разведывая местность вокруг них.

Стрельба продолжалась два с половиной часа. Затем был получен приказ командования: произвести отход разведывательной роты. Наступил наиболее тяжелый момент. Враг, заметив отступление роты, может ударить с фланга, обойти, отрезать дорогу назад.

Принимаю решение: рота пусть отходит, а я останусь, чтобы усиленным огнем батареи снова подавить противника, а потом перенести огонь частично на фланги и не допустить обхода. Рота пошла. Остаюсь вдвоем с телефонистом. Быстро подготавливаю новые данные и приказываю отходить телефонисту. Он должен остановиться на определенном рубеже, передать на батарею новые установки и ожидать меня.

И вот я остался один. Впереди, в каких-нибудь 150 метрах,— противник. Но я не чувствую одиночества и заброшенности. Сознание, что у нас установлено точное взаимодействие с пехотой, вселяет уверенность в победе. Своим огнем я прикрываю отход разведывательной роты. А она, отходя, в свою очередь прикрывает меня пулеметным огнем. Согласованно действуя, мы создали огневой коридор, заставили противника замолчать, не позволили ему даже головы поднять.

Вслед за телефонистом вскоре ушел и я, чтобы задержаться на следующем рубеже. Так, от рубежа к рубежу и прошел весь путь отхода. На исходные позиции мы возвратились, выполнив задание командования. Укрепления противника разведаны и «раздеты»; рота вернулась из сложной разведки боем без единой потери. И всем нам, командирам и бойцам, было ясно, что успеху способствовало прежде всего умелое взаимодействие между пехотой и артиллерией.

Герой Советского Союза старший лейтенант
Г. Хараборкин

ТАНКИ НА ВЫСОТЕ 65,5

В штабе танковой бригады я был назначен командиром 3-й роты. Ее личный состав имел крайне смутное представление о методах борьбы в укрепленных районах. Вообще экипажи не обладали еще должной выучкой, что объяснялось главным образом молодостью командного состава. Предстояло в короткий срок сколотить экипажи, научить их действиям против укрепленного района, да и самому получше «подковаться».

Наметив программу занятий, я приступил к делу. Провел командирскую разведку переднего края укрепленного района, отработал упражнение по курсу огневой подготовки. Много времени было уделено вопросам взаимодействия с подразделениями стрелкового полка, которым командовал майор Рослый.

Командиры машин и водители ходили в разведку, изучали подходы к дотам, характер противотанковых препятствий. Взаимодействие на наших занятиях осуществлялось полностью. Вместе с пехотинцами, артиллеристами и саперами рота училась в тех условиях, в которых ей предстояло вести бой.

Танкисты стали часто бывать у пехотинцев. Вместе обсуждали, как на данной местности действовать, чем танкист может помочь пехотинцу, и наоборот.

Особое внимание было обращено на готовность пулеметов к стрельбе в условиях больших морозов. Мы вымыли оружие бензином, насухо вытерли, и оно работало безотказно.

10 февраля, в 9 часов утра, я был вызван в клуб стрелкового полка. Это была просторная, хорошо освещенная землянка, где можно было свободно развернуть карту.

Командир полка отдал приказ о прорыве укрепленного района на высоте 65,5. Батальону капитана Сороки, согласно приказу, предстояло наносить удар в лоб. Моя рота придавалась этому батальону, получившему, кроме того, роту легких танков.

При уточнении вопросов взаимодействия я предложил бойцам и командирам стрелкового батальона засучить правый рукав

белого халата: это необходимо было для того, чтобы танкисты могли отличать свою пехоту от вражеской. Помимо этого, я посоветовал обозначать синими флажками стрелковые подразделения, находящиеся ближе других к противнику. Флажок означал, что впереди уже нет нашей пехоты, можно открывать огонь.

Оба предложения были приняты.

С командиром батальона сразу же установился тесный контакт. Вместе обсудили все детали взаимодействия. Согласно боевому приказу, порядок наступления и прорыва был таков: впереди идут тяжелые танки моей роты, за ними—легкие танки совместно с пехотой.

Отдал роте устный приказ. Лично проверил, доведена ли задача до бойца. Все знали ее досконально.

После ужина легли спать, чтобы хорошо отдохнуть перед боем. Перед тем, как самому пойти на отдых, я заглянул в землянку 3-го взвода. Командир его лейтенант Комлев доложил:

— Товарищ старший лейтенант, разрешите взводу пару песен спеть. Что бы вы хотели послушать?

— «Махорочку»,—ответил я.

Эта песня мне всегда нравилась. Спели «Махорочку», и я приказал немедленно ложиться спать. Дважды проверив часовых, улегся и сам.

Проснулся в 5 часов утра. За час, оставшийся до подъема, многое передумал: о том, что вот настал день, когда я буду командовать ротой в бою, о долге своем перед Родиной, о людях, которых поведу на штурм.

Дежурный объявил подъем. Зазвенели котелки, начался завтрак. После завтрака я подал команду: «Заводи!» Загудели моторы. Командиры взводов доложили о готовности машин к бою.

В 8 часов прибыли на исходную позицию. В 9 часов 40 минут началась артиллерийская подготовка. Под гул ее приказал проверить бой пулеметов. Они работали отлично.

В 11 часов 20 минут поступил приказ—в атаку. Вывел на дорогу ротную колонну, и на второй скорости машины двинулись к высоте 65,5. До нее было 5 километров. В пути, возле высоты 54,4, я посмотрел на часы. В моем распоряжении имелось еще 15 минут, а до переднего края оставалось метров девятьсот, не больше. Остановил машину, подтянул роту, выслушал доклады командиров взводов. Все было в порядке. Открыл люк башни, в танк ворвался гул канонады. Это наша артиллерия продолжала вести огонь. Быстро ехать нельзя было, чтобы не попасть под снаряды своей артиллерии. Решил чуть выждать.

Наконец, пришла пора в бой. Скомандовал:

— На первой скорости и малом газу—вперед!

Пошли. Вскоре увидел надолбы и подал команду:

— Развернуться в линию взводных колонн.

До конца артиллерийской подготовки осталось полминуты. Водители прибавили газ. Стали подъезжать вплотную к первым надолбам. Здесь саперы сделали два прохода. Открыв люк башни,

высунул голову и огляделся. Пехота залегла у надолб. Синие флажки. Значит, дальше наших нет.

Через проходы подошли ко второй линии надолб. В ней уже не видно было следов работы наших саперов. Развернутым фронтом стали преодолевать препятствия. Моя машина качалась с боку на бок, словно лодка на волнах. Увидел траншеи и финнов с автоматами и пулеметами. Слева, впереди дотов, большой ров. Подал команду:

— Через ров вперед!

Первым преодолела ров машина командира 3-го взвода лейтенанта Комлева. Правее меня шел танк командира 1-го взвода лейтенанта Мухина. Свою машину я направил за Комлевым. В две колонны рота перебралась через ров, затем развернулась, и завязался ожесточенный бой. Финны открыли ураганный огонь. Мы отвечали. Позади не было ни легких танков, ни нашей пехоты. Ясно, что их продвижению мешал огонь из дотов. И мы всей силой своего огня обрушились на их амбразуры и двери. Моя машина оказалась сзади одного из дотов. Увидел двери. Приказал командиру орудия обстрелять их. Он сделал три выстрела бронебойным снарядом. Три отверстия зияли в дверях.

Огневой бой разгорался с каждой секундой. Стреляли из всех машин на кратчайших дистанциях. Финны несли большие потери. Стали и мы нести урон. Вот под одной машиной клубы черного дыма. «Взорвано днище. Управление не работает. Мотор не заводится». Отвечаю: «Ждите пехоту. Ведите огонь вдоль дороги». По радио младший лейтенант Кирейчиков сообщил, что убит радист и что слева замечено финское противотанковое орудие.

Немедленно скомандовал лейтенанту Коробко—уничтожить противотанковое орудие.

Вскоре получил от него радиограмму: «Орудие слева у дороги уничтожено». Проверил, действительно так.

Не остался в долгу у финнов и сам Кирейчиков. Его машина наехала на пулемет и пулеметчиков, развернулась и раздавила их.

Излишнюю нервозность стал проявлять лейтенант Комлев. Он часто запрашивал меня по радио и мешал управлять ротой. Приказал ему прекратить частые запросы, вести огонь из орудия и пулемета вдоль дороги, с которой могли появиться финские «бутылочники».

Вдруг под моей машиной раздается взрыв. С соседнего экипажа мне передали, что на моей машине оторваны фальш-борт и передняя каретка. Но это повреждение не помешало продолжать бой и управлять им. Я непрерывно следил за действиями экипажей. В 1-м взводе не досчитал одной машины. Как оказалось, финский снаряд угодил ей в моторное отделение. Позднее этот танк удалось вывести к своим частям.

Наша пехота в сопровождении легких танков перебралась через ров и пошла на штурм. Мы ликовали—значит неплохо помогаем пехоте...

Высота 65,5—один из самых укрепленных узлов—была взята!

Уже стало темнеть, когда, связавшись с командиром стрелкового

батальона, я получил от него дальнейшие указания. Рота участвовала в закреплении захваченного рубежа.

В этот день, 11 февраля, моя рота понесла следующие потери: в четырех машинах имелись повреждения материальной части, причем две из них были выведены из строя; погиб один радист.

Мы же нанесли финнам значительно больший урон, уничтожив несколько противотанковых орудий, поддерживавших доты и дзоты, немалое количество пулеметов с расчетами и т. п. Рота своим огнем способствовала уничтожению ряда долговременных огневых точек и всей живой силы врага на данном участке.

В ночь на 12 февраля поступил приказ выйти из боя, заправить машины, пополнить боеприпасы. А в 10 часов 30 минут утра снова начались действия роты. Снова встретился противотанковый ров огромных размеров. Его не удалось сразу преодолеть. Кстати сказать, этот ров сослужил нашей пехоте немалую службу. Под прикрытием огня из танков стрелковые подразделения накопились во рву, использовав его как укрытие и рубеж для дальнейших действий.

Этот день и утро следующего дня прошли в приготовлениях к окончательному очищению укрепленного района от противника. Рота на танках доставила ко рву саперов и тол. В 9 часов 30 минут 13 февраля, когда саперы срыли бруствер и наложили фашины в ров, машины в развернутом строю преодолели его и двинулись вперед. Рота прорвала четыре ряда проволочных заграждений и врезалась в траншеи, где было много финской пехоты с автоматами и пулеметами. Наша пехота поднялась и вслед за танками ворвалась в траншеи. Завязался рукопашный бой.

Преодолев траншеи, рота настигла одну группу финнов. Они подняли руки.

Командир 1-го взвода прицепил к машине финскую противотанковую пушку и повез ее за собой как трофей.

Сопротивление финнов было сломлено. Многие из них стали сдаваться в плен. Часть финнов в панике отступала.

Вечером этого дня получили приказ отойти на отдых. Нас сменило другое танковое подразделение.

Рота участвовала после этого еще в нескольких атаках. Экипажи всегда были полны решимости любой ценой достичь успеха. Танкисты не жалели ни сил своих, ни самой жизни. Каждый был готов погибнуть, но с честью выполнить боевой приказ.

Герой Советского Союза полковник

Н. Торопчин

ИСТРЕБИТЕЛИ

В декабре на Карельском перешейке дни совсем короткие: рассвет наступает около 10 часов, а в 15 часов 30 минут уже сумерки. Все же мы успевали производить по три-четыре вылета в день. Летали в любую погоду. Летали, не считаясь ни с чем.

Ни на секунду не терять из виду товарища и никогда не оставлять его в беде—это было нашей заповедью в полетах и боях.

Однажды наши истребители сопровождали бомбардировщиков. В этом полете два наших «чижика» (истребителя) отстали от своих, и на них накинулось 12 белофинских истребителей.

Старшие лейтенанты Казаченко и Соколов (ныне Герой Советского Союза), пилотировавшие самолеты, вступили в неравный воздушный бой. Отражая атаки противника, отважные летчики внимательно следили друг за другом. Все попытки белофиннов зайти в хвост какому-либо из наших самолетов окончились неудачей. Измотав врагов, друзья стали наносить им удар за ударом. Они сбили четыре «Фоккера» и вернулись на свой аэродром.

Чуть ли не каждый раз мы возвращались на аэродром с победой. 19 декабря звено капитана Костенко сбило в воздухе звено финских истребителей. 23 декабря звено капитана Журавлева уничтожило три финских истребителя и два разведчика. Звено капитана Суворова однажды заметило двух финских истребителей, сопровождавших «Дуглас». Атаковав их, наши летчики сбили все три самолета.

Истребители много раз специально направлялись в тыл противника, искали врага, навязывали ему бой. Бомбили аэродромы, мосты и другие военные объекты.

2 февраля был бой над станцией Иматра. Наших—12 самолетов, а финских—18. Бой продолжался 15—20 минут. Мы не потеряли ни одного летчика. Только после боя требовался ремонт для пяти машин. У одной даже шасси пробило, пришлось летчику садиться на «пузо». В этом бою мы сбили 12 финских самолетов.

На Карельском перешейке разведку большей частью вели истребители. Летчики у меня были молодые, не опытные еще в разведке. Ночью, после дневной боевой работы, я обучал их, как

определять вражеские подразделения и части по длине колонн, как ориентироваться по карте крупного масштаба и т. д.

В феврале, во время прорыва укрепленного района, наш полк нередко заставлял артиллерию противника прекращать огонь. Мы обстреливали белофинские батареи и пикировали, сбрасывая бомбы. Так летали с рассвета до наступления темноты.

Мы радовались, когда удавалось чем-либо помочь наземным войскам. Видели в этом проявление нерушимой боевой дружбы между различными родами войск, являющейся залогом успеха в бою.

В то время как наши войска готовились к прорыву линии Маннергейма, мы поддали белофиннам жару. Налеты советской авиации заставили противника совершенно прекратить дневное движение в радиусе 100 километров от фронта. Летаешь над территорией Финляндии, кругом мертво, пустынно. Но когда наши части, прорвав укрепленные районы, стали подходить к станции Кямяря, финны начали лихорадочно подбрасывать войска на Карельский перешеек. Теперь уже они везли солдат и днем и ночью—время не терпит.

Мы уничтожали белофинские воинские эшелоны.

Нелегко было летать над крупными населенными пунктами. Летишь, а вокруг тебя зеленые и красные ленты трассирующих и зажигательных пуль, рвутся снаряды малокалиберных зениток. Ощущение не из приятных.

Помню, 27 февраля погода стояла плохая. Шел снег. Прилетели на станцию Тали. Произвели две атаки. При выходе, после второй атаки я заметил колонну пехоты противника. Собрал звенья и хотел зайти для атаки в хвост колонны. Тут-то нас и заметили вражеские зенитчики. Чувствую взрыв. Оглушило меня. Потряс головой, открыл глаза. Нюхаю—не пахнет ли бензином? Нет. Значит, еще ничего. Но догадываюсь, что пробит масляный бак. Посмотрел на манометры—не работают...

В таких случаях единственное желание—поскорее добраться до линии своих войск. Садиться на территории противника никому не охота. Долетели домой. Подсчитали—32 пробоины.

Бывало разное. Прилетит летчик с задания, самолета не узнать—весь изрешечен. Спрашиваешь:

— На чем прилетели?

— На советском воздухе, товарищ командир.

Хороший, надо сказать, воздух. Легко на нем летать!

На Карельском перешейке мы сбили 52 самолета противника, а сами в воздушных боях не потеряли ни одного.

Советское правительство наградило наш полк орденом Красного Знамени.

Младший лейтенант

Леканов

НАША САПЕРНАЯ ГРУППА

В день прорыва линии Маннергейма командир саперного батальона старший лейтенант Грабовой назначил мою группу в резерв. На дот № 0011 были направлены две блокировочные группы под руководством младших лейтенантов Маркова и Емельянова.

Час спустя пришел посыльный с приказом: командир части ждал нас на наблюдательном пункте.

— Блокировочная группа товарища Маркова,—сказал он мне,—лежит справа от дота в надолбах, прижатая к земле сильным огнем противника. Танки ей помочь не могут, так как склон высоты слишком крут. Другая группа, товарища Емельянова, действующая тоже справа, попала под ураганный минометный и артиллерийский огонь врага. Емельянов ранен. Немедленно выступайте со своей группой на помощь товарищам и уничтожьте дот № 0011...

Мы вышли из леса к высоте и сразу попали под минометный огонь. Ползком, с тяжелыми ящиками взрывчатого вещества стали пробираться к траншеям. Я приказал бойцам снять маскировочные белые халаты, так как на черном фоне вспаханной снарядами земли они лишь демаскировали нас.

Был мороз, но все мы обливались потом. Наконец, добрались до ближайшей траншеи. Вместе с пехотинцами попытались осмотреть дот, но показавшийся в этот момент белофинн бросил в нас несколько гранат. Короткая очередь пулемета—и враг был уничтожен.

Белофинны заперлись в своей подземной крепости.

С ящиками взрывчатки мы пробрались на покрытие дота. Стали присматриваться, куда бы заложить заряд. Кругом земля. Дот пронизывал высоту, как тоннель.

Бойцы стали кидать гранаты в вентиляционные трубы дота, но это, видимо, не причиняло финнам особого вреда.

Тогда сапер Завьялов пробрался в траншею с тыльной сто-

роны и приблизился к самым дверям дота. Хотя в дверях была щель, но оттуда огня не вели. Завьялов, видя, что противник не отвечает на наш огонь, решил бросить гранату. Но только успел встать, как раздался выстрел, и отважный сапер упал.

Злость охватила нас.

Боец Мокров пробрался было сзади к Завьялову на помощь, но враг огнем заставил его лечь.

Надо было спасать товарищей.

Как это сделать, смекнул сапер Солин. Он предложил завалить камнями двери дота.

Заметив это, белофинны открыли минометный огонь, но поздно. Дверь завалили камнями, щель закрылась...

Дот был огромный. Я понял, что взятого нами взрывчатого вещества будет недостаточно. Но итти в тыл за добавочной порцией взрывчатки—значит выпустить белофиннов из дота.

Уложили имевшийся заряд над дверью и произвели взрыв. Двери согнулись: белофинны в наших руках—не выйдут.

Пехота быстро окружила дот и заняла тыльные траншеи.

Я доложил о своих действиях командиру стрелкового батальона и отошел с группой на исходный рубеж, где командир части приготовил для нас взрывчатое вещество.

Мы вошли в состав блокировочной группы лейтенанта Прудникова. Надо было перенести на дот несколько сот килограммов взрывчатки. Несмотря на усиленный обстрел со стороны белофиннов, саперы дружно пробирались к доту. Потом стали вытаскивать из траншей ящики с взрывчатым веществом и укладывать их на левом каземате.

За ночь на доте выросла целая гора из ящиков с взрывчаткой. Пехота отошла в траншеи. По моему сигналу поднесли огонь к запальным трубкам.

Потрясающий грохот. Громадное пламя ударило в небо. Все мы были засыпаны землей. В ушах долго звенело, кружилась голова.

Подошли к месту взрыва. На всю его глубину—воронка диаметром до 10 метров. Железная арматура разлетелась впрах. Кругом метров на пятьдесят все почернело.

Громадный дот вместе со своим гарнизоном кончил существование.

Это было в 5 часов утра 12 февраля 1940 года.

Старший лейтенант
И. Колосов

СВЯЗИСТЫ В БОЮ

В период подготовки штурма линии Маннергейма связисты стрелкового полка майора Рослого с большим успехом работали по организации связи штаба полка с батальонами.

Все линии связи, как к батальонам, так и во второй эшелон и к соседу, были исключительно двухпроводные. Каждая линия проводилась отдельно и подвешивалась на шестах и на деревьях не ниже 3,5—4 метров от земли, на расстоянии 50—60 метров от дорог. От узла связи линии расходились в разных направлениях, по канавам, вырытым в земле на протяжении 60—80 метров. Эти мероприятия исключали возможность одновременного повреждения нескольких линий от разрывов снарядов, мин или при движении танков.

Работа радиостанций была ограничена до минимума. Для дублирования применялись делегаты связи и пешие посыльные.

Несмотря на жестокие морозы, глубокий снег, а также сильный артиллерийский огонь противника, связь действовала без перерывов. Если и случались перебои в телефонной связи, главным образом от артиллерийского обстрела, то они быстро устранялись.

11 февраля, когда батальоны после артиллерийской подготовки стремительно двинулись на прорыв линии Маннергейма, отважные связисты ни на шаг не отставали от передовых подразделений.

Устанавливая связь с батальонами, телефонисты ползком, по глубокому снегу, под ураганным артиллерийским и пулеметным огнем противника тащили на себе и на лыжных установках катушки кабеля и телефонные аппараты.

12 февраля лейтенант Вашаткин, командир отделения Погодин и красноармеец Суволин в течение нескольких часов, под убийственным огнем исправляли многочисленные обрывы кабеля, пробираясь по глубокому снегу от одного повреждения к другому. Снаряды рвались в 10—15 шагах от отважных связистов.

Их засыпáло землей, воздухом отбрасывало катушки, рвало провода.

Выбитый из своих железобетонных гнезд, враг делал отчаянные усилия, чтобы удержаться на последнем рубеже обороны линии Маннергейма—в роще «Фигурная». Но отважные батальоны полка майора Рослого выбивали его и оттуда. Враг отлично понимал, какое значение имеет в бою связь, и старался выводить связистов из строя. Их подстерегали «кукушки».

Все три связиста, о которых сказано выше, были ранены. Делая друг другу перевязки, они не уходили с поля боя и отправились на медицинский пункт только тогда, когда белофинны были выбиты с занимаемых ими позиций.

Подразделения быстро продвигались вперед. Начальники направлений связи успевали только прокладывать линии за батальонами. Но надо было еще снимать остающийся кабель.

Чтобы своевременно обеспечить кабелем команды 1-го взвода, начальник связи полка младший лейтенант Епишин поручил командиру 2-го взвода лейтенанту Симагину собрать весь оставшийся на пути движения полка кабель, отремонтировать его и по мере надобности доставлять в 1-й взвод.

С этой ответственной задачей тов. Симагин справился отлично. Днем и ночью, в мороз и метель собирали связисты кабель. Порванный снарядами и минами, спутанный танками, казалось бы негодный, кабель быстро ремонтировали, перематывали на катушки и в срок доставляли его туда, где он был нужен. Немало собрали и трофейного финского кабеля, который также использовали на пополнение убыли.

Когда был ранен командир отделения Погодин, младший командир тов. Виноградов принял командование отделением, обеспечивавшим связь со 2-м батальоном. От высоты 65,5 до станции Тали и дальше вел Виноградов свое отделение, ни разу не теряя связи с полком.

13 февраля, под огнем засевшей на правом фланге группы белофиннов, это отделение установило связь с командиром батальона. Ночью связь была прервана. Ежеминутно рискуя жизнью, бойцы Егоров и Васильков быстро восстановили линию.

В бою в районе станции Кямяря, находясь под беспрерывным обстрелом из орудий, минометов и пулеметов, Виноградов со своим отделением поддерживал бесперебойную связь командира полка с батальоном. Снаряды противника один за другим рвали кабель, пули свистели над головой, но бойцы, руководимые отважным Виноградовым, продвигались—где ползком, где перебежками—от укрытия к укрытию, от одной воронки к другой. Они быстро находили и устраняли повреждения.

От сильного мороза микрофон отказывал в работе—мембрана обмерзала, угольный порошок отсыревал. Но и здесь находил выход командир отделения. Он дал указание надсмотрщикам—держать трубку телефонного аппарата за пазухой, чтобы порошок и мембрана просыхали, согреваемые теплотой тела.

Станция Тали, переправа через реку и весь путь, по которому была проложена линия к командиру 2-го батальона, непрерывно обстреливались белофиннами. Враг применил здесь против нас новую преграду—воду; он пытался затопить местность и остановить наше движение. Но большевики привыкли преодолевать любые преграды. Прошли стрелки, прошли и связисты.

Пробираясь через водные преграды, под огнем снайперов и разрывами снарядов, Виноградов со своим отделением в жестокую стужу проложил линию по кустам и деревьям, а в затопленном пространстве—на жердях, и снова связь была бесперебойной.

В трудные минуты всегда воодушевлял связистов заместитель политрука Пиксаев. Сильный, смелый и энергичный, он, продвигаясь ползком, тащил на себе 3—4 катушки кабеля. Когда требовалось срочно исправить повреждение под огнем противника,—заместитель политрука шел с надсмотрщиком на линию. Бойцы гордились им, заражались его кипучей энергией и творили чудеса отваги.

Все связисты отделения Виноградова награждены орденами и медалями. Сам тов. Виноградов удостоен высшей награды страны—звания Героя Советского Союза.

Полковой комиссар

П. Соловьев

КОМАНДИР И ЕГО БРИГАДА

Когда я вспоминаю боевой поход, совершенный нашей легкой танковой бригадой во время боев против белофиннов, в моей памяти всегда возникает образ неутомимого командира бригады товарища Лелюшенко.

Этот человек успевал бывать всюду. В один и тот же день его плотную фигуру могли видеть и в землянке, где помещался наш штаб, и в боевой машине у танкистов, и на передовой линии у пехотинцев, и на узкой дороге к позициям, где возникала очередная «пробка»... Бесстрашный в бою, простой и заботливый к бойцам и вместе с тем беспощадно требовательный, таким остался в памяти участников похода этот замечательный командир, ныне Герой Советского Союза генерал-майор Лелюшенко.

Стремление постоянно повышать боевую выучку людей—характерная черта тов. Лелюшенко. Еще до начала военных действий он нередко заставлял меня и других политработников посещать полигон, участвовать в учебной стрельбе или же усаживал вместе с собой и заставлял по винтику разбирать прицельные приспособления и затем снова собирать их, чтобы заучить наизусть. Случалось, что командир бригады неожиданно вызывал к себе танкистов или заходил к ним в землянку и учинял им настоящий экзамен.

— Ну-ка, товарищ младший лейтенант, отвечайте быстро: огонь из пулемета, дистанция 600 метров, на какое деление поставите прицел?

И если танкист медлил или сбивался, командир сурово заявлял:

— Слабо, слабо!.. Это вы должны знать до тонкостей. Я еще раз спрошу.

И танкист принимался изучать все «до тонкостей», зная, что этот второй раз может наступить в любой момент. Память у коман-

дира была поразительная, он никогда не забывал людей, с которыми встречался.

Так и сейчас, в напряженные дни, во фронтовой обстановке, среди важных и ответственных дел, тов. Лелюшенко находил время следить за учебой своей бригады, вникать во все мелочи боевой подготовки. Нередко случалось, что он сам «принимал зачеты» от будущих танкистов. И одним из первых пришел к нему в землянку портной хозяйственного подразделения тов. Налетов. В несколько дней он изучил пушку и пулемет, научился ловко и быстро заряжать их на ходу танка, уверенно пользоваться панорамой. Налетов ответил на все вопросы командира бригады и получил новую специальность башенного стрелка.

«Переподготовка» в Хатаккала дала прекрасные результаты. Все танки до одного были уведены с поля боя. Многие из них были отремонтированы. Люди, усвоившие боевой опыт, ждали первого приказа, чтобы итти в бой. Бригада стояла наготове, еще более мощная и грозная, чем она была до первых атак...

В начале февраля 1940 года наша бригада была переброшена на новый участок фронта для прорыва укрепленной полосы в центре Карельского перешейка.

Упорные атаки под местечками Кююреля, Ойнала, Кирка Муола неизменно кончались нашей победой. Враг отступал на север. И наряду с прославленными экипажами таких командиров, как Прошин, Серебряков, Максимов, Моисеев, Семенной и другие, в этих боях отличились и воспитанники нашей «походной академии», в том числе бывший портной Налетов.

Вначале танк тов. Налетова ходил только в разведку. Затем он выполнил небольшое боевое задание вместе со стрелковым подразделением. Во время боев за высоту Кирка Муола тов. Налетов был уже опытным танкистом и показал чудеса храбрости. Были дни, когда его танк несколько раз ходил в атаку. Так, однажды он совершил два боевых рейда на высоту Кирка Муола, где укрепились белофинны, и обнаружил на скате горы искусно замаскированный дот противника. Налетов попросил разрешения пойти в атаку в третий раз. Прорвавшись к укреплению на быстром ходу, он снаряд за снарядом выпускал по железной двери дота, пока противотанковая пушка не повредила машины. Осколками брони ранило экипаж. Налетов, с помощью других танкистов, отвел в тыл раненых товарищей, а сам, разгоряченный, взволнованный, пошел в свою часть. Встретив нас, он обратился к тов. Лелюшенко:

— Товарищ командир! Разрешите мне закончить дело. Мой танк подбит. Дайте мне другую машину. Ручаюсь, что дот будет уничтожен.

Налетов получил разрешение и немедленно отправился в четвертую атаку. На этот раз отважный танкист пробил отверстие в железной двери дота.

На помощь ему был прислан огнеметный танк. Струя огня хлынула в образовавшееся окошко, и дот был уничтожен.

В разгар жестоких боев в районе Муола—Ильвес я вместе с тов. Лелюшенко отправился на передовые позиции, находившиеся вблизи Кангаспелты. Когда мы возвращались к деревне Сювеноя, где была расположена наша бригада, навстречу попались запряженные лошадью сани, в которых ехало несколько командиров. Мы посторонились, чтобы дать им дорогу. Вдруг Лелюшенко воскликнул:

— Да это командующий фронтом товарищ Тимошенко!.. Поехали за ним!..

Следом шли вторые сани. Мы вскочили в них на ходу и поехали за первыми санями. Сзади нас сопровождал броневик. Спустя полчаса, мы были на командном пункте стрелковой дивизии, куда направился товарищ Тимошенко. Передовые позиции находились отсюда совсем близко. Слышалась артиллерийская канонада. Среди орудийных выстрелов можно было различить своеобразные гулкие хлопки минометов. Это финны вели огонь по захваченным нами дотам.

Товарищ Тимошенко несколько минут пробыл в избушке у командира и затем вышел оттуда на крыльцо. Ему доложили о нас.

— Ну, как дела, товарищи танкисты?—весело обратился он к нам.—Приходилось встречаться с дотами?

— Все в порядке, товарищ командующий,—ответил тов. Лелюшенко.—Не только встречались, но и брали доты.

— И сейчас тоже?

— И сейчас. Их у нас за Кангаспелтой оказалось препорядочно.

— Как они здесь устроены? Где находятся?

— Совсем недалеко, товарищ командующий. Пройти деревеньку, затем немного леском, и начнутся первые доты. Они уже нами захвачены...

Разговор шел так оживленно, что мы чуть было не пригласили товарища Тимошенко лично пойти посмотреть эти доты, но во-время спохватились, поняв, какому риску мы могли подвергнуть командующего фронтом.

Товарищ Тимошенко на несколько минут вернулся в избушку, где ему нужно было вести срочный разговор по телефону, а затем снова вышел на крыльцо. На этот раз его обращение к нам носило характер ответственного боевого задания.

— Мы стоим перед большим укрепленным районом,—сказал он.—Здесь у финнов главный узел сопротивления. Его надо во что бы то ни стало разрубить. Вам, танкистам, ставлю задачу: взять станцию Хейниоки, пересечь железную дорогу. Готовьтесь крепче. Тщательно проверьте материальную часть, чтобы ни одна машина не подвела вас в бою.

Обращаясь ко мне, командующий фронтом спросил:

— А как, товарищ комиссар, боевой дух у танкистов?

— Разрешите заверить,—ответил я,—люди горят желанием итти в бой. Они готовы выполнить любую задачу.

— Главное—не страшитесь железобетона. У нас уже есть опыт,

как обращаться с ним. Действуйте решительней вместе с пехотой. И как только противник дрогнет,—не давайте ему опомниться, расширяйте прорыв и двигайтесь в рейд на Хейниоки!

В тот же день, вернувшись в бригаду, мы рассказали бойцам и командирам о встрече с товарищем Тимошенко. Боевая задача, которую поставил перед нами командующий фронтом, вызвала новый прилив энергии. Тов. Лелюшенко проводил совещания с командирами о подготовке материальной части. И снова, как это уже было много раз, он сам появлялся всюду, залезал в танки, проверял надежность моторов, орудий, прицелов, испытывал знания экипажей...

В несколько дней укрепленный район под Ильвесом был прорван. В этих боях танкисты научились применяться не только к местности, но и к погоде. Особенно удачны были атаки ночью или в снегопад, когда видимость становилась плохой и противнику приходилось вести огонь наугад. Танки выходили в атаку после тщательной разведки, ведя машины по заранее примеченным ориентирам. Атака производилась на несколько соседних дотов одновременно, чтобы не давать им возможности поддерживать друг друга. Танки вплотную подбирались к дотам, надвигались корпусом на их амбразуры, лишая возможности вести огонь. На броне танков подвозили несколько сот килограммов тола. Подрывники сгружали его у стен дота и поджигали шнуры. Затем атакующие отходили на безопасное расстояние, и через несколько минут сильный взрыв извещал о том, что дот навсегда выведен из строя.

Прорвав Ильвесский узел укреплений, бригада устремилась в рейд и к 28 февраля подошла к станции Хейниоки. Танки были выстроены у опушки леса. Сам командир бригады, надев маскировочный халат, скрытыми подступами подобрался почти к самой станции и определил, откуда лучше и удобнее вести атаку.

Белофинны заградили путь к станции тремя линиями надолб. Это были самые крупные надолбы из встречавшихся на пути бригады. Первый ряд проходил в редком лесу около станции, второй и третий—перед самым железнодорожным полотном. Тов. Лелюшенко отдал приказ саперам танковой бригады немедленно устроить проход. Тола нехватало, и задача казалась невыполнимой. Но бойцы знали, что в такой обстановке тов. Лелюшенко не признавал никаких отговорок. Боевая находчивость помогла им выйти из затруднения. Красноармеец саперной роты тов. Ромадин предложил использовать против надолб финские мины. Он проворно собрал их на минном поле, которое было устроено финнами неподалеку от станции. Мины были подложены под гранитные глыбы и взорваны. Надолбы разлетелись на тысячи осколков. Путь танкам был открыт.

Первым двинулся в атаку на станцию командир роты лейтенант Дадажданов. Вплотную за его танком ринулись пехотинцы. Они выбили белофиннов из траншей перед станцией и заняли

траншеи. Но в это время открыли огонь финские станковые пулеметы и автоматы, укрывшиеся в самом здании станции. Немедленно против них были отправлены огнеметные танки. Они дали несколько огнеметных залпов, и дом, в котором засели белофинны, вспыхнул, как стог сена...

В ночь на 29 февраля станция Хейнноки была занята нашими частями. Боевой приказ товарища Тимошенко был выполнен.

Прорыв укрепленного узла и занятие станции Хейнноки означали крупное поражение белофиннов. Противник спешно отступал к северо-западу, все еще продолжая сопротивляться. Танковая бригада с прежней неутомимостью продолжала свой рейд.

И снова длинной колонной двинулись по дорогам танки и грузовики, артиллерийские повозки и орудия, кухни и обозы. И вместе с бригадой то в легковой машине, то в крытом грузовике продолжал свой путь тов. Лелюшенко. И не раз еще во время этого рейда танкисты слышали энергичный голос своего командира:

— Что там задержались? Опять завалы? Взорванный мост? А ну, дайте мне боевую машину, поеду погляжу сам.

Воентехник 2 ранга
В. Максимов

О БОЕВОЙ ВЫДУМКЕ И НАХОДЧИВОСТИ

Главное в боевых условиях—не унывать и не теряться ни при каких обстоятельствах. Мы, танкисты бригады, которой командовал тов. Лелюшенко, побеждали потому, что никогда не теряли бодрого духа и умели находить выход из любого положения. Что бы ни случилось с нашими бойцами и командирами, им никогда не изменяли боевая выдумка и находчивость. И чем труднее и опаснее была обстановка, тем более упорными становились танкисты, так как они только и ждали случая померяться силами с настоящими трудностями.

Особенно отличались танкисты роты Моисеева, во главе со своим командиром, который погиб впоследствии под Хейкуриллой, где белофинны устроили засаду. Всегда останется в памяти танкистов этот замечательный командир! Был он высокий, широкоплечий, едва в люк пролезал, и наверно тесно было ему в танке орудовать... По званию он был старшим лейтенантом, но танкисты прозвали его «страшным лейтенантом»... И действительно—страшен он был для врагов!.. Где пройдет танк Моисеева—не жить белофиннам. Но не было лучше и веселей товарища в своем родном кругу.

Бывало, в походе застопорится где-либо колонна, вылезет он из командирского люка и встанет на башне во весь свой рост:

— А ну, друзья, пошли помогать саперам!

И пойдет разбирать завалы. Как возьмется за бревно—нет бревна на дороге. Любил он браться за самую тяжелую работу...

И вот с таким же азартом он и его танкисты работали вместе с техниками и саперами над спасением подбитых машин.

Не все танки можно было одинаково легко привести в свою часть. Некоторые из них застряли далеко от наших позиций, иногда даже в тылу противника. Нужно было проявить немало отваги и ловкости, чтобы спасти такую машину. «Охотники» заранее, иногда по нескольку раз ходили в разведку, изучали каждый бугорок, иногда маскировали место, куда должен был подойти трактор,

насыпая там снежный завал... Саперы выравнивали землю под танком, чтобы он легко, без задержки сдвинулся с места. И в самое «тихое» время, часа в 2—3 ночи, осторожно, на малом газу подходил к этому месту трактор. Зато когда зацепляли танк тросом за серьгу, тут уж шумели во-всю и неслись по полю, прыгая по кочкам, под выстрелы и разрывы вражеских снарядов. Этот огонь велся врагами наугад и обычно безрезультатно.

Однажды произошел исключительный случай. Орудуя в тылу врага, танк из роты Моисеева попал на болото, покрытое сверху тонким льдом. Танк провалился и увяз до самой орудийной башни. Казалось, спасти его невозможно. Нельзя было подобраться к нему на тракторе—белофинны находились недалеко и вели огонь из пулеметов и автоматов. Моисеев даже награду назначил: кто вытащит танк—получит конфету. И пошло из-за этой конфеты целое соревнование...

На помощь прислали боевую машину, зацепили завязший танк тросом и попробовали тащить. Конечно, легко сказать—«зацепили тросом». А как это сделать, когда танк вмерз в болото и серьги у него в ледяной воде, а кругом—трескучий мороз и ветер, а финны все время постреливают, и мины рвутся неподалеку... И нашлись же такие люди, нашелся механик-водитель Мушанов, который вышел из танка, скинул гимнастерку, залез в воду и проделал эту операцию на морозе так просто, как будто всю жизнь занимался такими делами...

Но хотя и зацепили трос за серьги, а ничего не вышло. Боевой танк буксовал, изрыл гусеницами всю землю, но не мог вытащить своего увязшего в болоте «товарища».

Тогда придумали наши техники замечательную вещь. Взяли они танк, присланный на подмогу, привязали его накрепко к дереву, сняли одну гусеницу и прицепили трос за зубья ведущего колеса. Был танк боевой машиной, а стал—лебедкой!.. Теперь уже не забуксуешь!

И действительно, буксовать танк не смог, но случилась другая беда. Сначала трос стал наматываться на ведущее колесо, и уже дрогнул было завязший в болоте танк, но натянулся трос до предела и порвался. Казалось, делать больше нечего. Более длинного и прочного троса не было под руками. Но тут на помощь пришел танкист Вострохов, один из самых активных «охотников за танками». Он обладал изумительными способностями разведчика, все знал, все видел, везде у него появлялись дружки и приятели. Разузнал он, что у финнов в этих местах был раньше паром через Тайпален-йоки. А раз был паром, значит где-нибудь есть и трос. И вот поднял он на ноги всех своих дружков—артиллеристов и пехотинцев, которые расположились поблизости, а на утро сообщил:

— Есть! Нашел! Целый рулон троса оставлен белофиннами в лесу недалеко от реки! Боюсь только брать—вдруг минирован.

Трос, оставленный белофиннами, оказался действительно длинным и прочным. Но хоть не рвался он, а все же не выходила

машина из болота, потому что трос был направлен слишком полого, и танк не столько поднимался кверху, сколько упирался в берег болота, а дальше не шел. Но тут уж на помощь пришли саперы, которые приспособили небольшое устройство из деревянных брусьев, перекинули через него трос, и застрявший танк гладко и плавно поднялся на берег...

Велика была наша радость, когда танк, вытащенный из болота, был торжественно приведен. Но Моисеев так и не знал, кому же присудить конфету—слишком уж много участников проявили в этом деле свою ловкость и находчивость!..

Во время войны с белофиннами наши бойцы и командиры находили немало простых и остроумных приемов, которые получали потом всеобщее признание. Вот, например, танки идут в атаку по снежному полю. За каждым танком остаются две глубокие, хотя и узкие колеи—следы от гусениц. Пехотинцы и саперы с успехом пользовались этими дорожками, чтобы ползти в них на боку вслед за танком, укрываясь от пуль неприятеля. Этот прием был узаконен. Водители танков получили строгий наказ—не давать во время атаки обратного хода.

Иногда танкам приходится двигаться в лесу среди деревьев, густо покрытых снегом. Стряхиваясь с ветвей, снег засыпает панорамы и смотровые щели. Приходится постоянно вылезать наружу и очищать приборы. Но достаточно сговориться с артиллеристами—они дают по лесу шрапнельную очередь, и весь снег сразу стряхивается на землю так чисто, как будто по веткам прошлись метлой.

В нашей бригаде был случай, когда благодаря своей находчивости танкисты оказали артиллеристам подобную же дружескую услугу. Это было в районе Ильвеса. Из одного дота, расположенного в лесу, противник вел сильный огонь по пехоте. Артиллеристы навели на дот тяжелое орудие. Они предполагали тяжелыми снарядами разбить его стены, но лес мешал вести огонь. Тогда командир ближайшего танка в два захода проложил через лес такую просеку, что орудие смогло бить по доту прямой наводкой.

На всю бригаду прославился механик-водитель Никита Григорьевич Зюкин. Его отвага и находчивость помогли завладеть важным дотом в Ильвесском узле. Этот дот, стоявший в лесу, представлял собой мощное укрепление. Из дота белофинские автоматчики вели сильный огонь по нашей пехоте.

Два раза танки подходили и обстреливали железобетонную крепость из пулеметов и пушек, но дот продолжал жить. Ночью танк Зюкина снова пошел в атаку, но метров за пятьдесят от дота машина застряла и не могла сдвинуться с места. Тогда отважный водитель в темноте по снегу подобрался к доту с ящиком гранат, залез на него и сел верхом на башню. Услышав, что танк остановился, белофинны открыли амбразуру, но закрыть ее они уже не смогли. Зюкин, сидя на башне и перегнувшись сверху, одну за другой стал бросать в амбразуру ручные гранаты.

— Сюда, товарищи!—крикнул он пехотинцам и танкистам,—дот наш!..

Блокировочная группа беспрепятственно подошла к доту и взорвала его.

Никогда не унывали наши танкисты. Они умели изменять условия по-своему не только в боях, но и на отдыхе и в походе. А это было не менее важно. Надо представить себе обстановку: долгие зимние ночи, снег и морозы, почерневшие трубы деревень, сожженных шюцкоровцами, надо представить себе это, чтобы понять, как много значило в перерыве между жестокими боями найти место, где бы можно было помыться, согреться, поспать...

Как ни хорошо работали наши саперы, но далеко не всегда удавалось устроиться в землянках или в крытых утепленных машинах. Трудно было расположиться и внутри танка—там слишком холодно и тесно. Но танкисты сумели оборудовать себе целый «дом отдыха» на задней броне машины. Плиты этой брони образуют слегка наклонную плоскость, на которой может свободно улечься весь экипаж танка. Брезент, которым покрывают машину от непогоды, танкисты спускали с орудийной башни так, что он образовывал над броней целый навес. В этой палатке можно было укрыться от ветра и снега. Но как уберечься от холода? Правда, задняя броня нагревается от мотора, но этого недостаточно.

Танкисты нашли выход. У края броневой площадки устроен так называемый карман воздушного охлаждения. Особый металлический щиток отбрасывает горячий воздух, выходящий из мотора. Танкисты перевернули этот щиток так, что направили весь поток теплого воздуха внутрь брезентового навеса. На задней броне стало так тепло, что можно было и поспать, и высушить валенки, и даже согреть консервы, держа их над самым карманом. Надо было только следить, чтобы под брезент не проникал угарный газ из глушителя.

Танкисты ухитрились даже устроить в своем «доме отдыха» электрическое освещение, пропустив из башни через люк 12-вольтную лампочку.

Преследуя врага, боевые танковые батальоны иногда отрывались от своих баз, но это не мешало танкистам регулярно устраивать себе горячую баню.

Для этой цели применялись те же брезенты. Их раскидывали в виде палатки прямо на снегу или на льду озера. Из старых бензиновых бочек получались превосходные печи. В качестве теплого пола применяли солому или хвойные ветви с уложенными на них досками. Вместо шаек в дело шли цинковые ящики из-под патронов. В такой бане устраивали настоящую русскую парную—достаточно было плеснуть воду на раскаленные железные печи...

Годовщину Красной Армии—23 февраля 1940 года—танкисты нашей бригады встречали в местечке Сювеноя, неподалеку от Ильвеса, где был расположен мощный узел белофинских укреплений. Был самый разгар боев за прорыв главной укрепленной полосы противника. Накануне танковая рота в жестоком кровопролитном бою помогла захватить и взорвать пять вражеских дотов.

В самый день годовщины несколько танковых подразделений снова ушло в очередную атаку...

Те танкисты, которые в этот день оставались дома—в землянках или у своих машин, решили торжественно и организованно встретить праздник. За дело взялись горячо и быстро. Из тех же брезентовых полотнищ, растянутых на кольях, была устроена громадная палатка вместимостью человек на двести. В этом брезентовом «ресторане» вместо столов были расставлены ящики из-под снарядов, покрытые чистыми простынями или халатами. По углам были гирляндами развешаны 12-вольтные лампочки, работающие от танковых батарей.

Каждая часть имела в этом «ресторане» свой богато уставленный стол. Аккуратно разложили подарки, полученные от трудящихся: коробки с конфетами и печеньем, папиросы «Северная Пальмира», всевозможные консервы и шоколад.

На этом торжественном вечере были и доклады и выступления. Замечательно прошла художественная часть. Нашлись в бригаде свои певцы, рассказчики и музыканты. Достали гитару и баян... Хором спели любимую походную, на мотив песни кочегара:

Раскинулись ели широко,
В снегу, как в халатах, стоят...
Засел на опушке глубоко
В земле белофинский отряд...

А бой шел совсем неподалеку. Он продолжался всю ночь. В самый разгар вечера среди музыки и праздничного шума доносились разрывы снарядов, от которых дребезжали на столах кружки и консервные банки...

Когда танкисты расходились по своим землянкам и машинам в темную, холодную ночь, до них донесся сильный взрыв, от которого задрожала земля,—еще один вражеский дот кончил свое существование. И уже трещал белофинский укрепленный район. Он рвался под ударами красных бойцов—людей, которые не теряются ни при какой обстановке, которые умеют с песнями отдыхать и работать и с песнями побеждать.

Младший политрук

С. Тройнин

НЕПРЕДВИДЕННЫЙ СЛУЧАЙ

Я так и не помню, как мы попали на это проклятое озеро. В ту минуту я был увлечен боем. Красный деревянный домик с провалившейся крышей был еще цел, и оттуда—мне это хорошо было видно в панораму—били по нашей пехоте финские пулеметчики. Три снаряда я пустил по домику прямо с хода... Точно! Механик-водитель кричит:

— Дом загорелся.

Я уже сам знаю, что загорелся. Но тут гляжу в смотровую щель—слева, недалеко от танка, столбом поднялся снег с землей и дымом. По разрыву понял, что бьет миномет. Ладно, думаю, лишь бы не пушка. Надо все-таки найти, откуда он бьет. В оптический прицел я разглядел рядом с домом подозрительный бугорок и яму. Чую, что здесь и засел минометчик. Засек я его, пушку навел, кричу башенному:

— Сергеев, заряжай!

Дал осколочным. Показалось мало, надо еще. И вдруг—ничего больше в прицеле не вижу, как будто его снаружи накрыли белым халатом... Думаю, финны на танке!.. Когда же успели подобраться?.. Скорее люк на защелку!

И только подумал об этом,—из щелей люка полилось что-то холодное. Сначала мелькнула мысль: это бензин! Я знал, что финны пытались иногда поджигать наши танки, бросая в них бутылки с горючей жидкостью. Но растер, понюхал—бензином не пахнет. Вода!

И тут в один миг сразу все понял. Еще когда я вел огонь по красному домику, то видел, что сползает наш танк все ближе к берегу озера. Это меня немного встревожило. Правда, лед был уже крепкий, надежный, но накануне наша авиация здорово бомбила эти места, и на льду могли оказаться провалы. Хотел я предупредить механика, чтобы взял он в сторону, да не успел.

В первую минуту, уразумев, что танк тонет, признаться, я немного струхнул. Случай был совсем непредвиденный... Вдруг заглох мотор, и стало слышно, как со свистом бьет во все щели

вода. Мой механик-водитель Кирсанов, видно, еще и не понял, что случилось. Хороший был парень, на работе старательный, смелый. Не водитель—золото. Мотор заглох, а он крутит ручку, все хочет запустить магнето...

— Бросьте,—говорю,—Кирсанов, крутить. В воду попали. Айда за мной, будем вылезать...

А тут башенный стрелок Сергеев кричит мне сбоку:

— Готово, товарищ командир!..

— Что готово?

— Заряжено.

Мне даже смешно стало. Ну, думаю, команда моя боевая—на дне сидит, а все воюет...

— Какое там «заряжено», когда мы в воду попали. Тонем!

Он даже обиделся:—А я то при чем, товарищ командир?..

Спокойный парень. Первый раз шел в атаку, а в танке сидел, как дома на печи.

— Да не при чем, а вылезать надо. Снимайте валенки, легче будет!

Сам я тоже валенки скинул, наган захватил... Ведь наверху не к себе домой попадешь, а, может быть, прямо финнам навстречу... Взялся за ручку люка—страшно стало, не скрою, да деваться некуда!.. Вдохнул воздуху как можно больше, люк откинул—и вода хлынула в танк!..

Как меня водой обожгло—слов таких нет! Все помутилось в глазах. Помню только, оттолкнулся ногами от башни—и вверх! Как в детстве бывало во время купанья, нырнешь глубоко, тянешься кверху, и вот уж дыхание на исходе, а все над тобой вода. Больше всего я боялся, что меня присосет ко льду. Вот оно—так и есть, ткнулся головой об лед. Взмахнул рукою, выронил наган—не до него уж, и вдруг нащупал расщелину между льдинами. Собрал все силы, уперся. Льдина поддалась, и меня вытолкнуло в прорубь...

Вынырнув, я схватился руками за край льдины и прилег на нее грудью, чтобы перевести дыхание. Но едва приподнялся, чтобы вылезти из воды, как сразу пули засвистели над ухом, и мелкие льдинки, как звездочки, брызнули. Так и есть—ждали, проклятые враги, заранее пристреляли место, где провалился наш танк.

Одним броском я вылез из воды, подполз к берегу и спрятался в колею танка. Лег лицом к проруби и стал ждать товарищей.

Полминуты не прошло,—вылезает из воды мой башенный. Видно, здорово пробрало парня. На коленки стал, фыркает, отряхивается, как тюлень. Кричу ему:

— Ложиться надо! Подшибут!

Подполз он и лег со мною рядом.

Ну, а Кирсанов? Давай же, друг, вылезай!... Что же ты, Кирсанов?.. Прождали минут пять, десять... Нет никого. Уж весь танк, наверно, залило водой, уж и прорубь давно перестала пузыриться. Нет никого.

— Ну,—говорю,—Сергеев, простимся с товарищем. Поползем к своим. Только на колени нельзя подниматься—убьют...

А кругом бой, как всегда. Воют и рвутся снаряды, свистят пули... Мне этот концерт уже был хорошо знаком, только за Сергеевым слежу, он еще новичок, нет-нет да поднимет голову над снегом.

Где-то неподалеку пикируют наши истребители. Как соколы—упадут вниз, обстреляют противника и снова вверх.

— Здорово,—говорю,—наши «ястребки» исповедуют белофиннов!

— Товарищ командир,—отвечает Сергеев,—как бы они к нам не нагнулись. Еще по ошибке примут за чужих.

— Ну вот еще. Они своих по ухватке узнают. Давайте ползти скорее, по-боевому!

А сам едва дышу. Сначала в горячке о морозе даже не думал, а как стали ползти—пробрало до костей. Был ясный, солнечный день. Но мороз, что за мороз!.. Руки мои закостенели. Одежда проледенела насквозь. Одно хорошо—ноги в порядке. Я их еще чувствовал, пальцами шевелил. Живы, работают... Полз я в одних носках, но только носки эти не простые. Они были шерстяные, толстые, в две основы и попались мне в подарок от учительницы из Челябинска. Носки я всегда надевал. Они-то и спасли мои ноги.

Так мы ползем к своим, видим—подбираются к нам два пехотинца в халатах. Мы залегли в воронку, поджидаем их. Пехотинцы приблизились и говорят:

— Товарищи танкисты! Мы к вам по приказанию командира. У нас видели, как ваш танк потонул, вот мы и пришли спасать вас. Только пока мы ползли, у нас одного бойца в ногу ранило.

— Чего же нас спасать? Теперь уж его спасать надо, а мы и сами дойдем. Тащите раненого сюда в воронку, да перевяжите.

Раненого притащили. У него было прострелено бедро. Был он бледный, испугался сначала, но потом ободрился, повеселел. Бойцы вытащили медицинский пакет, забинтовали, перетянули рану потуже, чтобы кровь не шла, и унесли его обратно в траншею. До нее уже было недалеко.

Едва мы добрались до траншеи, бросились по ней, пригнувшись, чуть не бегом. Скорее! Скорее куда-нибудь, где можно спастись от мороза.

Неподалеку находился батальонный наблюдательный пункт и там—землянка, только в этот день брошенная финнами. Влезли мы туда чуть живые. Помню, рука моя ударилась об стол и загремела, как чужая. Я ее не чувствую, а она гремит... Меня хотели раздеть, но не могли—вся одежда замерзла, стояла колом. Ее разрезали ножом, и я вылез из нее, как из брони. Растерли нас спиртом с головы до ног, тут же нашли какое-то брошенное финнами барахло—маскировочный халат, полушубок, сапоги...

Хотелось выпить воды. Мне протянули флягу. Я взял ее, полфляги выпил, и понять не могу, что я пью. Только потом расчуял:

— Да это же водка!

— Ну, и ладно! Ложитесь и не разговаривайте!

Я лег на нарах. Накрыли меня, чем могли, и я заснул. И так заснул, как никогда еще в своей жизни. И не слышал я ни сна-

рядов, ни криков, и не было никакой боли—ничего не было, кроме здорового и крепкого сна.

Проснулся, когда была уже глубокая тьма. И первое, что услышал: наши части продвинулись дальше, финны сбиты с позиций, и уже горит перед нами деревня—верный признак того, что враг отступает. Командир пехотного батальона попрощался с нами. Командный пункт уходил дальше, вперед...

Мне и Сергееву надо было итти в обратную сторону—на исходные позиции, где стоял наш танковый батальон. Проводить нас взялся политрук-пехотинец, которого контузило во время боя. Так мы и пошли в темную ночь—два обмерзших танкиста в финской одежде и один контуженный пехотинец.

Без всяких приключений добрались до опушки леса, где находились исходные позиции. Рядом с танками, вернувшимися после боя, стояла крытая санитарная машина. В ней было тепло, горела железная печка, и на скамейке отдыхал командир нашего танкового батальона капитан Лихачев. Он не узнал меня, обмерзшего и распухшего, в финском шлеме и полушубке.

— Тройнин? Да нет... Тройнин! Вы ли это? Садитесь.

Я стал было докладывать обо всем, что случилось, но командир перебил меня:

— Это я и так знаю. Ну, потонула машина—вытащим. Кирсанова очень жалко. Но хорошо хоть вы-то двое спаслись. Ведь мы вас уже похоронили... Ну, а теперь—марш в госпиталь, подлечиться. Смотрите, как руки-то разнесло!..

И правда—руки у меня были обморожены крепко, но, к счастью, все обошлось удачно. Только на пять дней выбыл я из строя. Вскоре вытащили из озера машину, и даже наган мой водолазы нашли подо льдом. Только с Кирсановым расстались мы навсегда. Там его и похоронили под тремя деревьями, что росли возле озера и каким-то чудом уцелели от снарядов. Из медной снарядной гильзы вырезали мы звезду, натерли, чтобы блестела, как золото, и прибили к столбику над могилой боевого товарища.

А сами пошли в дальний путь преследовать уже крепко побитого, но все еще упорного врага.

И много еще было боев, много подвигов совершили наши бойцы, много рассказов ходило среди танкистов. Про случай со мной скоро забыли, и только временами товарищи нет-нет да и подшучивали надо мной, вспоминая, как я купал свой танк в озере.

Герой Советского Союза полковник

Д. Турбин

АРТИЛЛЕРИЯ ПРИ ПРОРЫВЕ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ ОБОРОНЫ В РАЙОНЕ ПУННУС-ЯРВИ

Январь 1940 года. Мы стоим у озера Суванто-ярви. В последнее время наступили относительно спокойные дни. Изредка то здесь, то там завязывается артиллерийская перестрелка, и потом опять тишина на всем фронте.

— Товарищ майор,—спрашивают меня бойцы,—скоро начнем наступление? Скучно сидеть без дела.

Действительно, скучно. Не меньше их я стремился к большому делу, и в один из последних дней января написал командованию докладную записку, в которой просил при производстве прорыва оборонительной полосы поставить мой гаубичный полк на главном направлении.

30 января я был вызван в штаб корпуса.

— Ваша просьба удовлетворена,—сказал мне командир корпуса.— Прорыв намечается в районе озера Пуннус-ярви.

По приказанию комбрига я в тот же день выехал на рекогносцировку. Пробираясь вдоль озера к месту будущих наблюдательных пунктов и огневых позиций, я имел возможность разглядеть, что творится на противоположном берегу, занятом противником. Несколько огневых точек, замеченных мной, были тогда же занесены на карту, но это еще не указывало, где фактически проходит передний край обороны белофиннов.

Мои расспросы у командиров, занимавших этот участок, тоже ни к чему не привели. Мне говорили о проволоке в шесть кольев, находившейся на противоположном берегу, о рогатках, расставленных на озере, но все это я видел сам. Самое же главное— огневая система белофиннов была им также неизвестна.

Вот почему, выбрав в указанном мне районе наблюдательные пункты для себя и командиров дивизионов, я решил одновременно установить добавочные наблюдательные пункты по другую сторону озера, в районе соседней дивизии у мыса Мюхкюрниеми и у сгоревшего хутора Мякели. Оттуда прекрасно просматривался передний край обороны белофиннов и часть его глубины.

Почти в сумерки я закончил рекогносцировку. На карту нанесены будущие наблюдательные пункты командиров дивизионов, мой наблюдательный пункт и все то, что я успел заметить у противника. К этому же времени я имел грубую наметку будущего расположения огневых позиций. Теперь мне предстояла чрезвычайно серьезная задача—перебросить весь полк с озера Суванто-ярви к озеру Пуннус-ярви. А расстояние это для гаубиц не малое—70 километров в большой мороз по сильно пересеченной местности вдоль фронта противника.

Марш в новое место расположения был совершен в течение следующей ночи. На подъемах бойцам приходилось буквально на себе вытягивать орудия. Несмотря на всю тяжесть перехода, он был совершен дисциплинированно и организованно. К утру 1 февраля мы уже находились на новых позициях.

Фронт есть фронт, здесь свои будничные заботы, здесь свой распорядок. Обязанность командира не только заботиться о выполнении поставленной ему задачи, но и о создании, я бы сказал, «жилищных условий» для своих бойцов. Приготовив в течение дня основные орудия к бою и закончив пристрелку, я одновременно позаботился о том, чтобы бойцы вырыли и замаскировали землянки, отогрелись перед боем.

Все, казалось, было уже у нас готово, когда прибыл приказ о том, что в силу сложившихся обстоятельств нам предстоит действовать на новом участке, там, где я еще раньше расположил добавочные наблюдательные пункты.

2 февраля, обойдя озеро Пуннус-ярви, полк вышел в район сожженных белофиннами селений Мякели, Химала и Ниемеля и в тот же день приступил к разведке противника.

Заняв указанный мне район, я с первого же дня связался с майором Ерохиным, чей полк мне приказано было поддерживать. Наши наблюдательные пункты находились в 50 метрах друг от друга, таким образом, мы постоянно были информированы о том, что каждый из нас заметил у противника.

Точно так же действовали командиры дивизионов и командиры батарей.

С первого же дня я так и поставил вопрос: куда движется командир роты, туда должен двигаться и командир батареи. Дальнейший ход событий показал, какое значение это имело для боевого успеха.

С первого взгляда в нашей жизни как-будто ничего не изменилось. Каждый день разведка сообщала о новых обнаруженных у белофиннов огневых точках, о поведении противника, о том, что его основные силы разместились в селениях Култала, Пуннус и других, что там у них прекрасно оборудованные теплые общежития.

Вот почему, готовясь к прорыву и ведя огонь по обнаруженным огневым точкам, я решил одновременно выкурить белофиннов из их общежитий, заставив их почувствовать мороз, чтобы в решительную минуту их моральное состояние было уже достаточно подорвано.

Мы стали бить осколочными гранатами по строениям, где засел враг. 30—40 гранат было достаточно для того, чтобы поджечь одно строение, а так как мы выбирали для стрельбы ветреную погоду, то огонь с одного строения перебрасывался на соседние, и белофинны убегали оттуда толпами в лес. Легкая батарея, специально выделенная для этой цели, сопровождала убегающих шрапнелью.

Так, в предвидении прорыва мы заранее выкуривали врага из его нор. С 1 по 10 февраля гаубичный артиллерийский полк вел огонь по отдельным обнаруженным минометным батареям, проделывал проходы в проволоке, разбил и поджег жилища, в которых отсиживался враг.

Конечно, и белофинны не дремали. Условия наблюдения были у них значительно лучше наших; они видели большую часть нашей глубины. Достаточно было, чтобы какой-нибудь наблюдательный пункт плохо замаскировался, как белофинны открывали по нему огонь. Если ночью по дороге проезжала машина с недостаточно затемненными фарами, то сейчас же и здесь возникали разрывы неприятельских гранат.

Все это делало нас с каждым днем осторожнее и, я бы сказал, мудрее. Противник нас многому научил.

Наконец, наступило 11 февраля—день прорыва. Накануне ночью я выдвинул по одной гаубице от каждой батареи на исходный для наступления пехоты рубеж. Гаубицы были вынесены сюда на руках, чтобы не привлечь внимания противника малейшим шумом. Их задача была сопровождать пехоту в момент атаки не только огнем, но и колесами, расстреливать прямой наводкой те огневые точки противника, которые оживут после артподготовки, когда мы перенесем огонь в глубь его обороны. Во главе этой группы гаубиц стоял опытный артиллерист капитан Шубодеров.

На остальные орудия возлагались артиллерийская подготовка и организация огневого вала во время атаки пехоты. Каждый артиллерийский командир знал ближайшую и последующую задачи поддерживаемого им подразделения. Он знал, что сначала пехота займет рощу «Дыня», потом будет наступать на рощу «Петух», что надо заранее подготовить огонь против предполагаемой контратаки противника. Накануне вечером я еще и еще раз проверил, как налажено взаимодействие артиллерии с пехотой и танками, начальник штаба полка капитан Парфенов проверил наличие таблиц огня.

— Помните,—в последний раз предупредил я своих подчиненных,—ни на шаг от пехотного командира. Командир батареи с командиром роты должны быть неразлучны.

Мы проверили время, все часы были поставлены по моим, и командиры разошлись по своим местам.

9 часов 11 февраля. Снимаю телефонную трубку, отдаю приказ начать артиллерийскую подготовку. 2 часа 20 минут длится огненный смерч. В течение первых и последних десяти минут артиллерийской подготовки огонь ведется с предельным темпом.

Трижды в процессе артподготовки мы делаем ложные переносы в глубину обороны противника, главным образом в район его минометных батарей, и таким образом дезориентируем его.

Во время артподготовки артиллерия противника несколько раз пыталась обрушиться на наступающую пехоту и наблюдательные пункты артиллерии поддержки пехоты, но группой артиллерии дальнего действия с помощью самолетов-корректировщиков была быстро обнаружена и подавлена.

С началом атаки противника мы организовали огневой вал, сопровождающий движение танков и пехоты. Однако одновременно с этим ожили и уцелевшие огневые точки белофиннов.

Запомнился мне такой эпизод. Два наших танка, подойдя к проволочным заграждениям, стали проделывать в них проходы. Особенно красиво действовал один из них, который сделал несколько рейсов вдоль и поперек проволочных заграждений, так что пехота сразу получила несколько проходов. Казалось, что он уже заканчивает свою работу, когда противотанковая пушка белофиннов открыла по нему огонь.

— Товарищ майор,—докладывает мне мой адъютант тов. Целовальников,—центр опушки «Дыня»—противотанковая пушка противника ведет огонь.

Вот она произвела еще один выстрел по маневрирующему танку. Мимо!

Я уже хочу снять телефонную трубку и передать приказ о подавлении орудия противника, как вижу, что оно разлетается вдребезги. Это капитан Шубодеров, во-время заметивший орудие белофиннов, прямой наводкой одной 152-миллиметровой гранатой вывел его из строя. Позже, заняв передний край обороны, мы обнаружили, что уничтоженное нами противотанковое орудие было установлено на специальном катке и подымалось из глубины.

Гаубицы, выделенные для непосредственного сопровождения пехоты и танков, с честью выполнили свою задачу.

Успех артиллерии в этом бою был достигнут тем, что артиллеристы ни на шаг не отставали от пехоты. Командира батареи лейтенанта Коломейцева, ныне Героя Советского Союза, знал буквально каждый боец поддерживаемой им роты. Достаточно было кому-либо из бойцов заметить огневую точку белофиннов, как он сейчас же передавал по цепи:

— Лейтенант Коломейцев, у отдельного дерева—пулемет противника.

Так же дружно работал с пехотой и лейтенант Маврин. Будучи ранен, он продолжал бой и шел вперед рядом с командиром поддерживаемой им роты.

Во время огневого вала были случаи, когда та или иная рота попадала под огонь фланкирующих пулеметов. Тогда командир батареи, сопровождающий ее, докладывал по телефону:

— Участвовать в огневом вале не могу. Перехожу к подавлению мешающих нашему продвижению пулеметов.

Как только он кончал с этим, командир дивизиона опять брал батарею в свои руки и включал ее огонь в огневой вал, движущийся впереди наступающей пехоты.

Таким образом, быстро перестраиваясь, мы добивались окончательного очищения всего района от отдельных оставшихся огневых точек противника. Одновременно этим же была достигнута значительная экономия снарядов.

Прорвав передний край обороны белофиннов, пехота стала со всех сторон обтекать рощу «Дыня». Минут через сорок роща полностью была в наших руках. Тотчас же сюда были переброшены все основные наблюдательные пункты командиров батарей. Сюда же выдвинулся командир 3-го дивизиона старший лейтенант Черкинский.

Наступление на рощу «Петух» происходило значительно быстрее. Этому особенно содействовала темнота. В темноте противнику труднее вести огонь по наступающему. Вражеская артиллерия, боясь себя обнаружить, умолкла, и наша пехота подверглась только незначительному воздействию минометов, стрелявших невпопад.

К этому же времени дивизионы полка были переподчинены командирам батальонов и действовали по их заявкам. Пехота залегла перед рощей «Петух», заняв траншеи отступившего противника. Для того чтобы отбить возможные контратаки врага, я организовал заградительный огонь по опушке рощи. Одновременно группа разведчиков с пулеметами под командой старшего лейтенанта тов. Черкинского также изготовилась против контратак противника.

К 21 часу боевой порядок гаубичного артполка был уже на подступах к роще «Петух».

Так был прорван передний край обороны белофиннов в районе Пуннус-ярви.

Старший лейтенант

И. Усиков

НА ЛЫЖАХ ПО ПЯТАМ ВРАГА

Командир полка тов. Младенцев (ныне Герой Советского Союза) поставил нашему батальону боевую задачу преследовать противника, отходящего к местечку Кангаспелта.

Батальону выделили 14 танков, на которые мы и рассадили бойцов. На танки мы поставили также все станковые и ручные пулеметы роты.

Вечером 16 февраля боевые машины вместе с пехотинцами двинулись по дороге вслед за отступавшими белофиннами.

4-я лыжная рота тов. Голубева получила приказ: прочесать лес в 500 метрах правее дороги, откуда противник вел огонь, и после этого следовать лесом параллельно дороге к местечку Кангаспелта.

Лес был частый. Мороз—49 градусов. Снег глубокий и рыхлый, на лыжах итти нелегко. То и дело на снегу попадались лыжни, проложенные противником. Иногда сквозь тишину прорывался треск автомата—это белофинны, засевшие на деревьях, пытались остановить роту. Бойцы 1-го взвода сняли четырех «кукушек». А бойцам 2-го взвода, идущим левее 1-го, на перекрестке дорог попался финский дозорный. Он пытался уйти на лыжах по проторенной лыжной тропе, но его окружили, и он был вынужден сдаться. Пленный оказался младшим сержантом. При допросе он подробно рассказал о дотах, находившихся сразу за Кангаспелтой.

Недалеко от местечка Кангаспелта белофинны устроили засаду. Свыше 100 лыжников-белофиннов залегли в лесу рядом с дорогой, по которой должны были ехать наши танки с пехотой.

Как только показались танки, раздались выстрелы. С треском и шипеньем разрывались мины. Танкам развернуться на дороге было невозможно. Бойцы-пехотинцы залегли и из-за танков начали вести огонь по противнику. Все были удивлены, когда увидели, что белофинны вдруг стали беспорядочно убегать. Вскоре мы услышали выстрелы в глубине леса. Оказалось, наша 4-я рота с другой стороны наткнулась на эту же засаду белофиннов.

Бойцы с трудом верили, что по глубокому снегу так быстро, почти не отставая от танков, прошли лыжники 4-й роты.

Таким образом, с помощью лыжников засада была снята. Более десяти белофиннов осталось на снегу.

4-я рота получает приказ обойти отходящего противника и ударить во фланг белофиннам, находящимся в Кангаспелте. 5-я рота наступает в лоб, а 6-я—идет во втором эшелоне.

Снова впереди рота тов. Голубева. Бойцы на лыжах достигают линий надолб и проволочного заграждения, расположенных перед Кангаспелтой.

Политрук 4-й роты тов. Кулалаев обнаруживает у крайнего дома огневую точку противника. Он берет с собой отделение и, под прикрытием кустарника, на лыжах продвигается вперед. На пути встретился финский часовой. Он охранял дорогу, поперек которой было поставлено проволочное заграждение. Кулалаев из пистолета расстреливает часового в упор. Проволочное заграждение распутано, и рогатки отнесены в стороны. Приказ: одному отделению продвинуться вперед и достичь дома, а другому—поддерживать движение огнем.

Через несколько минут дом занят. Находившиеся в нем четыре финна убиты. Бойцы захватили станковый пулемет.

Под прикрытием двух отделений к дому подошла и вся рота. Здесь бойцы, по приказанию тов. Голубева, вырыли окопы и поставили дозоры. Командир принимает решение—оставить по два пулеметчика у станковых и ручных пулеметов и одного стрелка от каждого отделения, остальных бойцов послать греться в дом.

Наконец, на рассвете, пришли и танки, но они действовать не могли, так как всюду были заложены мины. Кроме того, у финнов было не менее четырех противотанковых орудий, которые немедленно открыли огонь по нашим танкам. Но рота продолжала удерживать занятый рубеж. Политрук тов. Кулалаев залег между двумя коровами, убитыми белофиннами, и через оптику снайперской винтовки наблюдал за полем боя. Он заметил, что не менее десяти белофиннов вытягивают на гору противотанковую пушку. Политрук подал команду: «Пулеметы, прямо дом, левее 0-30, по группе противника огонь!» Два станковых пулемета открыли огонь. Пять белофиннов, срезанных пулями, упали в снег.

Один из белофиннов подкрался к берегу, залег и стал смотреть в нашу сторону. Но Кулалаев с одного выстрела уложил финского наблюдателя.

Три белофинна заползли в дом, достали веревку и пытались накинуть петлю на орудие, чтобы притянуть его к себе, но политрук Кулалаев зорко за ними следил. Вот он вывел из строя одного белофинна, другого, третьего.

Вскоре пришли 5 и 6-я роты. Кангаспелта была полностью очищена от белофиннов.

На следующий день 4-я рота на лыжах выбивала белофиннов из хуторов близ Кангаспелты.

☆

Вл. Ставский

КАК ДЕЛА? — НОРМАЛЬНО!

Это уже стало простой и веселой традицией в истребительном полку. Вы спрашиваете у любого летчика:

— Как дела?

В ответ задорно блеснут молодые глаза, лицо, потемневшее от зимних ветров и стужи, озарится победной улыбкой, и летчик коротко скажет:

— Нормально!

Лейтенант Виктор Григорьевич Масич произносит это слово удивительно спокойно и в то же время с какой-то лукавой, многозначительной усмешкой.

...Вот он ходит вразвалку около своего самолета, заставленного молодыми елками.

Синий снег скрипит под его тяжелым шагом. Он поглядывает на небо, на линию горизонта небольшими карими глазами.

Над озером сияет голубое утро. На лапах могучих елей, обступивших невысокий обрыв берега, сверкают ледяные сосульки. Дышится радостно и легко. Скоро—весна, 1 марта.

От командного пункта—в деревьях на берегу—бежит командир. Звучит команда:

— По самолетам!

Над аэродромом дымной дугой взлетает сигнальная ракета.

Механик и мотористы растаскивают маскировочные елочки.

Командир дает старт. Масич ответно поднимает руку в огромной, с раструбами перчатке. Его самолет трогается, и вот уже мчится по льду с нарастающим звенящим гулом. Позади вздымается серебряная снежная вьюга. Самолет взмывает в ковано-звонкую синеву неба. И это уже не машина: живую и страстную волю свою вдохнул в металл летчик-истребитель Масич!

Вслед за Масичем так же стремительно поднялись и пристроились к нему летчики Блинихин и Кульман.

Лейтенант Масич ведет звено истребителей в тыл белофиннов. На земле, внизу чернеют огромные лесные массивы. Изредка под

солнцем зеленеет сосновая грива на высоком бугре. На озерах кое-где безжизненно, мертво вспыхивают, сияют льды.

Уже позади—линия фронта, обозначенная гигантской цепью озер, бело-розовыми облачками снарядных разрывов. Над финской стороной стелются зловещие черные космы пожарищ: отходя, враг сжигает за собой все.

По накатанной дороге движутся от фронта легковые автомобили.

«Начальство белофинское»—злорадно думает Масич и, качнув самолет с крыла на крыло, переводит его в пике. Хорошо видно, как из автомобилей выпрыгивают фигурки, разбегаются. Масич нажимает гашетки своих пулеметов. Боевые друзья его—Блинихин и Кульман—тоже штурмуют врага. Фигурки падают, чернеют на снегу, над автомобилями—огонь и дым.

Звено истребителей продолжает грозный полет. Здесь уже глубокий тыл врага. На линии железной дороги летчики замечают воинский эшелон. Они опять пикируют, делают круг, другой, третий, пока расстрелянный паровоз не окутывается облаком пара, а над вагонами не взметнулось пламя.

Все это хорошо, но не главное. Надо найти и уничтожить самолеты врага. И Масич с жарким нетерпением ведет свою машину глубже, дальше в тыл врага, зорко разглядывая опушки рощ и перелесков—особенно на берегах озер. Вот и район Имола.

«Неужели перебазировались отсюда?»—негодует Масич. И вдруг сердце его стукнуло: у кромки леса над озером впереди выруливают два коротких, тупорылых «Бульдога».

Масич опять качнул самолет, глянув на друзей. Блинихин вслед за ним на полном газу ринулся на врага. Лейтенант Кульман летит выше, охраняя товарищей от неожиданностей.

Масичу отчетливо видно, как Блинихин подходит с хвоста к «Бульдогу»; вот вспыхнули голубые трассы пуль, и пламя охватило врага.

Масич нажимает гашетки. Впереди, совсем близко, переворачивается вражеский самолет, рушится вниз. Масич, проносясь вперед, смотрит, как яркое пламя вспыхивает над центропланом.

— Нормально!—радостно про себя говорит Масич. И, глянув вокруг и вверх, невольно пригибается над ручкой управления: всюду самолеты врага, небо—словно муравейник!

Навстречу мчится яростный «Бульдог».

— Врешь! Свернешь!—Масич бесстрашно идет в лобовую атаку.

— Только бы с хвоста не подобрались!—мелькает у него мысль. И голова его сейчас—словно на шарнире: надо видеть все вокруг. «Бульдог» издали открывает огонь. Красные трассы его пуль легли прямо к мотору Масича. И он с захолодевшим сердцем чувствует, как ударились пули. И сам бьет по врагу. Но тот отваливается в сторону. А мотор сильно дымит. Два цилиндра разбиты. Где же боевые друзья? Масич оглядывает небо. И видит: к хвосту его самолета уже вяжется «Фоккер», справа под углом 90 градусов

пристроился «Бульдог» и бьет прямо в кабину. Стучат пули, в лицо Масича бьют осколки стекла, щепки.

Масич выводит свою машину из-под удара сзади и тут же, схватив в прицел «Бульдог», кладет в него меткую очередь. И этот враг—сбитый—рухнул вниз.

Но тут—с обеих сторон его атакуют враги. И к хвосту снова вяжется «Фоккер».

А мотор дымит все сильнее.

Неравный бой! Товарищей нет—им самим, видно, трудно сейчас. Враг считает, что это уже верная добыча...

Масич видит, как слева возникает красная трасса пуль и движется к нему. Вот она уже идет по крылу, прямо к центру. Враг бьет в упор с хвоста. Еще мгновенье... Масич срывает самолет вправо, в пике. Трасса финских пуль где-то там. Как ослепительно сияет все вокруг. Еще повоюем.

Масич выхватывает самолет из пике у самых верхушек елей и ведет его к линии фронта, в нашу сторону. Он делает резкую змейку. Летит, едва не цепляясь за иззубренные вершины леса. Старательно избегает пролетать над снежными полянами, над открытыми местами—лес все же маскирует его от врага сверху.

Враги снова гонятся над ним. Заходят с хвоста. Набирают высоту и бросаются на него. Вокруг прямо снуют вражеские пули.

У Масича кончились патроны. Совсем вплотную добираются обнаглевшие белофинны. Вдруг подумалось, что если б так близко летели свои, он смог бы рассмотреть черты лица. Тотчас в лицо брызнули осколки, щепки. Масич—безоружный и яростный—кидает свой самолет боевым разворотом на врага, и тот трусливо отваливается в сторону.

— Боитесь?—Учтем!

Ни на секунду не теряясь, Масич маневрирует: то мечется в сторону змейкой, то кидается в ложные атаки.

Впереди уже видна линия фронта с ее дымками разрывов, но как далеко до нее! А мотор обрезает. Обернувшись, Масич видит в хвосте «Фоккер». Пули вспарывают фюзеляж.

На мгновенье Масичу кажется, что все уже кончено. Но—он уже вывел самолет из-под прицельного огня.

— Поддаться врагу?—Никогда!

Снова—змейка. Из патрубков хлещут длинные языки пламени. Сзади—густая дымная полоса. Вдруг исчезают вражеские самолеты. Внизу—знакомые места, линия фронта, и там—свои.

Блинихин и Кульман вернулись с десятками пробоин. Майор Зеленцов и комиссар Яковенко, возвратившийся с боевой работы, выслушивали их донесения около самолетов. Тут же собираются свободные летчики. Они расспрашивают, а в глазах бушует гневная отвага и ненависть к врагу. И все тяжело переживают:

— Масича нет! Неужели погиб?

По синему холодному небу проходят легкие белые облака. Ярко зеленеет хвоя. На снегу лежат короткие плотные тени—солнце в зените. И никто не отрывает глаз от горизонта—там, за берегом озера, за рощицами и буграми.

Майор Зеленцов совещается с комиссаром Яковенко. У обоих суровы лица: неужели Масич погиб?—Масич—добродушный и грозный, застенчивый и неустрашимый, с первого часа войны ни на один день не выбывавший из полка, вдохновенный участник всей боевой работы полка!

Полк разведывал глубокие тылы врага, прикрывал корректировщиков, разведчиков, бомбардировщиков, расстреливал обозы и эшелоны, бросался на батареи и разгонял артиллерийскую прислугу, штурмовал пехоту.

За озером Суванто-ярви батальон Героя Советского Союза старшего лейтенанта Куксова попал в трагически тяжелое положение. Ночью он прошел по льду и ворвался в расположение финнов. Те перешли в контрнаступление. Одну за другой отбивали наши герои злобные атаки врага. Патроны были на исходе. Тогда майор Зеленцов позвал на помощь своих истребителей. И Яковенко, и Масич, и Блинихин, и многие другие полетели на подмогу друзьям-пехотинцам. Истребители подоспели во-время: белофинны прижали батальон Куксова к самому обрыву, к озеру Суванто-ярви.

Лейтенант Сергеев ясно увидел, как один красноармеец отползал, спасая раненого товарища. Сердце его остро резанула тревога за тех, на снегу.

— Друзья мои, сейчас мы поможем!

Комиссар Яковенко спикировал прямо на группу белофиннов, затаившихся в траншее, и выжег ее каленым огнем своих пулеметов.

Истребители рьяно гонялись на бреющем полете за разбегавшимися финскими солдатами. Они пикировали на белофиннов и после того, как вышли патроны,—ревом моторов леденя подлые души врагов.

Батальон вышел из окружения. Полку была объявлена благодарность.

Через несколько дней звено лейтенанта Маева сбило над озером Муола-ярви четыре вражеских самолета. Летчик Эмиров был тяжело ранен в руку, в машине было перебито управление руля поворота, в плоскостях и фюзеляже—до сотни пробоин. Но Эмиров вернулся, лечится здесь, в полку, каждый день бывает на аэродроме.

— А Масич? Что с Масичем?

Зеленцов и Яковенко вызывают майора Якова Гиль и старшего лейтенанта Ефимова.

Майору Гиль, помощнику командира полка, ставится задача: с группой в двадцать три истребителя вылететь в район Имола, найти и уничтожить врага. Огромный широкоплечий майор Гиль нетерпеливо переминается. На круглом лице его—смуглый густой

румянец. Светлые, прозрачные глаза горят. Богатырь—ему ничего не стоит сделать за день шесть-семь вылетов.

— Вы возьмете двенадцать самолетов, а старший лейтенант Ефимов с одиннадцатью машинами будет прикрывать вас сверху!— говорит Зеленцов.

Командиры коротко советуются, предугадывая все возможности и случайности.

Вновь взлетает ракета. Ревут моторы. Снежный ураган бушует над озером, заламывает ветви деревьев на берегу.

Истребители пристраиваются на кругу, ложатся на курс и тают вдали.

Слева, над перелеском появляется, растет точка. Зеленцов, Яковенко и все оставшиеся не спускают с нее глаз.

Самолет с ходу идет на посадку, он уже бежит по льду. Навстречу с восторженными криками бегут товарищи.

И вот Масич грузно переваливается через борт кабины. Зеленцов с тревогой спрашивает:

— Ну, как дела?

Он уже успел рассмотреть десятки пробоин: когда их сосчитали, их оказалось 80!.. Виктор Масич добродушно улыбается:

— Получилось нормально!

☆

Майор Яков Гиль ведет свою группу прямо к району недавнего боя. Старший лейтенант Ефимов со своей группой летит выше метров на шестьсот.

Майор Гиль, оглядываясь, видит стремительную и стройную стаю своих истребителей. С ними, с боевыми друзьями, не раз уже был он в бою. Три дня тому назад с Плотниковым и Гонтаренко, не дожидаясь подхода своих, Гиль атаковал в воздухе восемнадцать самолетов противника. С первой же атаки зажгли три «Бульдога». А воздушный бой над Выборгом—это еще в декабре, тогда Гиль тоже запалил ведущего у белофиннов, подобрался с хвоста на 100 метров и ударил!

Внизу—леса, озера. «Поохотиться бы в этих краях!»—вдруг думает Гиль, страстный охотник.

Сияет лучезарный день. Самолеты уже в глубоком тылу врага. В стороне—Выборг, сплошная зловещая завеса дыма,—горит Выборг, горит! Летят самолеты, летят мгновенья. Бензина в баках остается лишь на короткий бой и на обратный путь.

Майор Гиль уже с досадой осматривает лесистый материк, воздушный океан. Где же враг? Внизу, впереди, из-за леса на озеро движутся пять точек. И еще показались пять самолетов врага на льду.

— Ну, получите—за Родину, за Масича, за всех!

Майор качнул самолет и ринулся в пике. В одно время с ним заметили врага и старший лейтенант Плотников и другие. Следом за майором и они пикируют, и по вражеским самолетам уже хлещет ливень огня.

Все это занимает неуловимые мгновенья. По и в эти мгновенья, с восторгом расстреливая врага,—словно ливень пуль мчался из глубины его пламенного сердца,—майор Яков Гиль холодным и сильным разумом своим охватывал и контролировал все, что происходило вокруг.

Еще не отняв пальцы с гашетки пулеметов, он оглядел и землю и небо и увидел с запада, на высоте 2 500 метров, десятка два самолетов противника.

В то же мгновенье, резко качнув самолет, майор Гиль вырывает его из пике и делает горку—навстречу врагу.

Летчики повторяют маневр командира. Майор Гиль видит справа и слева Охотникова и Гонтаренко—свое звено.

Самолеты противника мчатся прямо на звено Гиля. Это почти лобовая атака, но у врага неизмеримое преимущество—высота.

Майор Гиль, выбрав себе «Бульдога», видит, как тот стреляет, и трассы вражеских пуль, вздрагивая, бьют прямо по мотору Гиля.

Майор взвешивает молниеносно: стрелять по мотору, но летчик закрыт им, и он стреляет чуть ниже. И в этот же миг вырывает свой самолет вверх. Вражеская машина проносится под самолетом Гиля.

Крутнув головой, майор очень хорошо видит, как враг перешел в отвесное пике, и огромное пламя сразу обняло его.

Но в это же мгновенье в хвост самолета майора заходит другой «Бульдог». Он совсем близко. Сейчас по нему хлестнет вражеская очередь... «Бульдог» вдруг сваливается вправо, вслед за ним пикирует, гонится старший лейтенант Плотников. Он уже успел зажечь «Фоккер», направив в того под прямым углом горячую струю пуль, и с усмешкой подумал, что уж очень быстро воспламеняются эти «Фоккеры».

Тут он видит, что командиру грозит гибель, бросается на выручку, отбивает врага и строчит по нему из своих пулеметов, пока не видит охватившие его языки огня.

Выйдя из пике и набирая боевым разворотом высоту, Плотников видит у себя в хвосте «Бульдог», а в хвосте у того—наш самолет. И как Плотников спас майора Гиля, так и его спасает старший лейтенант Иванов.

— Друг! До самого гроба—брат и друг!—думает Плотников.— Вот она, наша сила—дружба в бою!..

Сделав вираж, Плотников видит: один наш истребитель идет в лобовую атаку, а в хвост к нему уже подбираются два «Фоккера».

Плотников бросается и отбивает их. Майор Гиль, после того как товарищ спас его от гибели, набирает высоту. От самой земли и до высоты в 4 тысячи метров—пронзительный рев моторов. Огненные мечи трасс и сухой треск пулеметов—молниеносная карусель воздушного боя—незаметно для летчиков переместились от озера на десяток километров.

Падают вниз, пачкая зловещим, черным дымом лазурь неба, объятые пламенем «Фоккеры» и «Бульдоги».

Победа! Буйная радость охватывает майора. Он ищет добычу и находит ее. Внизу лейтенант Полухин гонится за врагом, а к нему уже подходит «Бульдог». Майор бросает боевую машину туда, на врага, дает очередь, другую. От «Бульдога»—черный дым, и он исчезает.

В небе только наши! Майор Гиль настойчиво качает самолет с крыла на крыло.

Наконец, собрались, построились и, как хозяева, уходят истребители из глубокого вражеского тыла. Нехватает старшего лейтенанта Ефимова. Он никогда больше не вернется на родной аэродром. Там, над озером, когда группа майора Гиля завязала бой, Ефимов со своими летчиками атаковал нижние самолеты врага. Он сбил одного. Погнался за другим. Тот в пике, и Ефимов следом, пока не вогнал врага в лес, но и сам не успел выхватить самолет из пике. Лейтенант Терпугов видел, как погиб командир: самолет его срезал вершины елей, отскочили плоскости, потом в куски разлетелся фюзеляж.

☆

Победно ревут в небе моторы. Майор Зеленцов и комиссар Яковенко выбегают из землянки встречать группу майора Гиля. И Масич—с ними. Над самолетами его звена уже работают инженеры и техники.

Один за другим садятся летчики, вздымая серебряные бураны, и выруливают самолеты на места.

Зеленцов и Яковенко подходят к машине Якова Гиля.

— Ну, как дела?

Тот кладет на борт кабины могучую руку и, перегнувшись, кричит весело и лукаво:

— Нормально!

А сбито и уничтожено было в этом воздушном бою 20 самолетов врага.

Весь бой длился 8 минут.

Герой Советского Союза капитан

Д. Шевенок

РАЗРУШЕНИЕ ДОТОВ

Нет, совсем не такой в Финляндии лес, как на нашей Украине. Высокие сосны, в обхват, стоят на снегу, как нарисованные. Ветви вверху, а книзу голо, словно стоишь не в роще, а в какой-то пещере с колоннами. Звезды мигают, холодные, спокойные. Снег падает тихо, прямо в глаза. Выстрелы орудий звучат издалека протяжно, как трубы.

На огневой позиции ко мне подошел политрук.

— Ну, что?—спросил я его.

— Ничего,—говорит,—товарищ командир. Обстановка подходящая.

Вызов командиров тяжелых батарей последовал в эту же ночь. Приказ есть приказ. Не хотелось уходить от бойцов. Сидели они в только-что выкопанной землянке и пели украинские песни. Постоял я у входа, прислушался. В песнях—гай под горой, речка блестит, вишни цветут, месяц плывет над Днепром. Посмотрел вокруг—синие сосны, белый снег. Вошел в землянку.

— Спойте, товарищи, еще одну песню.

— Разрешите спросить, товарищ командир,—говорит радист Гаганенко,—вам какую? Веселую или грустную?

— Давайте,—говорю,—такую, чтоб холодно не было.

Спели они про белые гречаники. Вышел я из землянки, прошелся еще раз по батарее, проверил посты, оглядел гаубицы, потрогал их;—как-то будут работать? И ушел с капитаном Реутовым в лес.

Начальника артиллерии дивизии я встретил в овраге, в 300—400 метрах от фронта. Слева, судя по карте, было озеро, в него впадала небольшая речка. По рассказам товарищей я знал уже, что здесь, на линии Муола—Ильвес, кончалось белофинское предполье. Пехотные части и танки пробовали ворваться с хода в укрепленный район, но не смогли.

— Вот тут,—сказал начальник артиллерии,—где-то в углу, между озером и речкой, стоит дот. Ну, а где точно—узнайте сами.

Попытки пехоты продвинуться по реке и озеру успеха не имели. Чуть ли не десяток пулеметов на пространстве в 300×400 метров. Дот нужно подавить во что бы то ни стало...

Ушел начальник артиллерии. Остались мы одни. Передал приказ—выслать разведчиков и вести телефонную линию. Сел на пень,—было о чем подумать.

...Ночь близилась к концу. Сыпался с веток снег. Подошло к концу и мое раздумье.

Пока не явились мои бойцы, надо было узнать, где же он, этот проклятый дот, и решить, где быть наблюдательному пункту. Судя по сообщениям начальника артиллерии, амбразуры дота вели огонь во фланги наших наступающих частей и были видны только с фланга. Значит, надо ползти в лес, выйти к доту с направления его обстрела.

Из оврага, в котором я сидел, сначала вправо, а потом влево, шла в сторону дота узкая канавка—не то замерзший заливчик, не то высохшее русло речки. Канава эта, конечно, простреливалась из дота. Не такие уж дураки белофинны, чтобы оставить незащищенным этот подход. Но в то же время канава была единственным местом, по которому можно было пробраться в угол между речкой и озером. Подождать людей? Но к людям у меня было особое отношение. Зачем я их буду таскать с собой по канаве? Заметят белофинны—ни один из этой канавы не вылезет, а не заметят—и один все сумеет разведать.

— Товарищ боец,—сказал я радисту.—Придут остальные, пускай посидят—я вернусь. Ну, а если через два часа не вернусь,—вызовите с батареи политрука Костюка и передайте ему вот это...

На листке блокнота написал я Костюку распоряжение начальника артиллерии, нарисовал приблизительную схему района, где расположен дот, и пополз.

Шагов через двести канава круто сворачивала в сторону. Влево от меня под деревьями был какой-то большой бугор с тремя соснами. Не дот ли? Подполз к бугру. Тишина. Подобрался метров на пятьдесят. Опять тихо. Подполз на сорок. Снег, как снег, сосны, как сосны. На одной из них кора сбоку содрана пулями. На снегу видно, что содранная кора отлетела в нашу сторону. Стало быть, стреляли не отсюда. Я подполз вплотную к бугру, стал осматривать его и так и сяк, ощупывать и ногами и руками. Нет, не дот. Вернулся опять в канаву. И метров через двести впереди, на пригорке, зачернела еще одна группа деревьев. Справа—замерзшая речка. Дальше, за пригорком, уходила белая гладь запорошенного озерного льда. Что здесь за пригорок у горла реки? Чуть стало светать. Я заметил, что по бокам канавы исцарапанных пулями деревьев становится все больше и больше, а вскоре увидел серый металлический отсвет на пригорке и черную щель в снегу. Стало еще светлее. Щель обозначилась резче. Стало видно полосу стального купола, ее гнутый изгиб.

Обратно я полз уже целиной. Пересек полянку, оглянулся,

выбрал, где встать. Подходящее место нашел на лесной опушке. Отсюда до дота было метров девяносто—сто. Другого места для наблюдения не было. Так, сначала ползком, а потом уже во весь рост, когда очутился за деревьями, я вернулся к своим. В это время уже совсем рассвело.

Телефонист, узнав, где находится дот, установил аппарат и усиленно начал работать лопатой. Разведчики—тоже.

— Стараетесь, товарищи?—спросил я.

— Стараемся, товарищ командир,—ответили они.—Не знаем, как из этой самой доты, но своим снарядом убить определенно могут...

Я знал, что мы находимся в эллипсе рассеивания снарядов своей же батареи. Абсолютно точной стрельбы из орудий, да еще на расстояние в семь километров, не бывает. Снаряды покрывают определенный участок площади, густо собираясь к его центру. Безопасная зона находится не ближе чем в 200 метрах от основной массы разрывов на поражение.

И все-таки перенести наблюдательный пункт было некуда. В 130—150 метрах от дота в окопах, укрытых за лесом, лежала пехота.

Командир роты, узнав о наших приготовлениях, прислал мне пулеметный расчет со станковым пулеметом. Охрана наблюдательного пункта была необходима. Финские лыжники могли подойти к нам и с фланга и с тыла. Пулемет, ленты и одного пулеметчика я оставил, остальных отослал обратно. Своих тоже вернул—оставил одного разведчика и одного связиста. Вместе со мной на наблюдательном пункте осталось четверо.

Потом я пошел к командиру роты.

— Вот что,—сказал я ему.— Отползайте-ка со своими бойцами еще метров на сто. Эллипс рассеивания—неприятная штука!

Пехотный командир был понимающим человеком. Уже через несколько минут по одному, по два пехотинцы стали отходить на свою вторую линию.

— Все?—спросил я через некоторое время.

— Все,—ответили мне.

Я вернулся на пункт. Можно было начинать пристрелку, но оставалась невыполненной еще одна задача. На пункте, как я уже сказал, нас было четверо. Не очень крупное подразделение, но и его следовало рассредоточить.

Мы будем находиться не только под обстрелом финских снарядов и пулеметов, но и под своими снарядами. Если одного убьют, вести огонь должен другой. Стало быть, надо разместиться так, чтобы прямое попадание снаряда не могло вывести из строя сразу всех. Мы расположились на расстоянии 15 метров друг от друга. На самом удобном месте, с которого был виден пригорок, лег я сам, вправо от меня, ближе к пехоте, лег разведчик, слева—телефонист, еще дальше, на фланге—пулеметчик. Пункт был готов к открытию огня.

Первую команду я подал, зная заранее, что снаряд разорвется в 500—600 метрах за целью. Так оно и случилось. Медленно, от деления к делению, я приближал разрывы к пригорку.

— Левее 0-02,—говорил я... Прицел... Огонь!

— Выстрел!—отвечали мне с огневых позиций.

На сосновой ветке передо мной лежал секундомер. Около 20 секунд снаряд летел к цели. Было время нырнуть в окоп, вплотную прижаться к земле. И вот он пронесся над нами с глухим ворчанием, сметая с деревьев снег, и разорвался. Осколки свистели вокруг, и сосновые ветви падали в снег.

Я подвел разрывы вплотную к доту. Наводка была исключительно точной. Ни один из снарядов не разорвался ближе, чем в сорока метрах от нас.

Заботясь о людях и о самом себе, я проявил оплошность. Удалил от себя телефониста и был вынужден громко подавать ему команду. Нас слышали в доте. По крайней мере, до нас доходили крики финнов. Через несколько минут вражеские орудия начали нас обстреливать. Это было неприятно.

Тогда мы стали временно умолкать. Стреляли 5—10 минут и вдруг переставали вести огонь. Финны думали, что разгромили нас, и также прекращали стрельбу. Тогда мы открывали огонь снова. Так продолжалась эта дуэль наших тяжелых гаубиц с финскими пушками. Дот огня не вел. Как потом оказалось, он был фланкирующим и не имел амбразур в нашу сторону. Из соседнего дота не видели нас за деревьями.

Через 15—20 выстрелов первый снаряд попал в дот, рикошетировал, разорвался в стороне, но все же свалил одну из рослых на доте сосен. Еще через несколько минут снаряд сорвал «подушку» дота. Справа пошла пехота, но залегла. Дот открыл огонь. И вот, наконец, снаряд разорвался прямо на куполе. Из дота бегут финны. А мой пулеметчик за деревьями их не видит. Еще одна оплошность. Сразу же, только выбежав, финны снова проваливаются под землю. К доту, как выяснилось позже, был проведен глубокий ход сообщения. А ведь если бы мы предусмотрели это раньше, наш пулемет скосил бы врагов в самом начале их бегства.

Мы вернулись на батарею и улеглись спать.

☆

21 февраля началась артиллерийская подготовка. Через четыре часа она кончилась, пехота пошла. Но не пройдя и километра, легла снова. Сзади первой линии дотов у финнов была вторая, еще более сильная, еще лучше замаскированная.

Мощные долговременные огневые точки здесь были созданы по лучшим французским образцам. Огневая разведка их с дальнего расстояния не дала ощутительных результатов, да и не могла дать. Мы не знали, где они расположены. Надо было не только разрушать, но и находить эти чудовища. 24 или 25 февраля лейтенант Тарасов, ныне Герой Советского Союза,

первым вывез свое тяжелое орудие для стрельбы по доту прямой наводкой. 26 февраля такой же приказ получил я.

— По какому доту вести огонь? Куда вывозить орудие?—спросил я старшего командира.

Он ответил, что предоставляет батарее самую широкую инициативу.

— Стрелять хочется всем,—сказал он,—но стрелять по доту прямой наводкой будет тот, кто обнаружит его. Понятно, товарищ старший лейтенант?

Да, понятно. Я взял с собой младшего лейтенанта Мордасова, приказал трактористам приготовить два лучших трактора, проверить орудия и опять ушел в разведку.

Слово «ушел» никак не определяет способа нашего передвижения. Мы, собственно, не ползли, а извивались ужами где-то между снегом и землей. Так мы пролезли надолбы, «подошли» к проволоке, огляделись по сторонам—никаких признаков дота не было. Спокойные и одинаковые виднелись то тут, то там бугорки, камни, сугробы. Снег набивался за шиворот, а особенно в валенки. Потом я уже приспособился—сверх валенок надевал еще одни штаны. Проволока казалась бесконечной.

И вдруг, на наших глазах один из снежных сугробов, безобидных на вид, повернул свою верхушку, осыпая снег. Мы даже и не думали о том, что финны повертывают башню дота, может быть, разглядев наше приближение. Цель была найдена, вот в чем все дело!..

В 300 метрах от дота одно из моих орудий встало на открытую позицию. Мы вывезли его в ночь с 26 на 27 февраля. Саперы, по пояс в снегу, работали целый день и часть ночи, прокладывая дорогу тяжелым тракторам. К утру все было готово.

Опять приходилось итти к пехоте. Я уже не хотел выпустить на этот раз гарнизон дота.

Командир батальона встретил меня недоверчиво. Несколько дней подряд вели артиллерийские полки огневую подготовку атаки. Но каждый раз, когда пехота поднималась для броска, ей приходилось залегать под жестоким огнем. Все было вокруг изрыто воронками от наших снарядов, а доты жили.

Надо было как-то убедить товарищей в том, что никакая сталь, никакой бетон не выдержат наших снарядов. На огневую позицию я пригласил с собой начальника штаба батальона. Не помню сейчас фамилии этого лейтенанта. Мы пришли. Наводка была уже закончена.

— Огонь!

Первый же снаряд попал в левый край снежного сугроба, и, когда улеглись обратно на землю осколки камня и тучи песка, мы увидели, что сугроб почернел, под снегом появилась глянцевитая стальная стенка, рухнуло дерево, что росло на сугробе, и наружу вылез смотровой купол.

Финны даже не успели организовать огня по нашей открытой позиции. Второй снаряд пронесся мимо, в каких-нибудь двух

метрах, но третий ударил в основание купола, и мы увидели, что его огромная стальная толща развалилась, словно расколотая гигантским топором.

Я оглянулся на начальника штаба батальона. Он стоял, подавшись вперед, напряженный, словно окаменевший. Многое он видел, но вот этого не приходилось.

— Добре?—спросил я.

— Здорово,—сказал он.—Очень здорово. Хватит.

Но я уже имел опыт борьбы с этими коробками. Даже с виду уничтоженный, дот, разделенный на отсеки, может еще жить и вести успешную стрельбу по наступающей пехоте. Дот нужно было занять. Я предложил командиру батальона начать движение к доту с фланга. Пехота поднялась. Дот молчал. Но мы продолжали стрельбу. Вот отвалился железобетонный угол с правого края, лопнула напольная стенка.

— Хватит... Куда вы?.. Довольно!—говорил мне начальник штаба батальона.

Я продолжал вести огонь. Пехота залегла недалеко от дота, на расстоянии короткого, энергичного броска. Последний снаряд. Бросок. Дот занят. Казалось, что мы снесли его с лица земли. Но когда наши славные пехотинцы проникли в глубокие отсеки, они нашли там двух контуженных финнов и спаренную пулеметную установку.

Полковой комиссар
М. Погарский

ОРДЕНОНОСНАЯ ДИВИЗИЯ

Стрелковая дивизия, которой командовал тов. Черняк, вступила в бои позже других частей и соединений. Однако это не помешало ей в кратчайшие сроки воспринять боевой опыт, накопленный нашими войсками в первые дни войны на Карельском перешейке. Заняв в середине декабря отведенный ей участок на фронте, дивизия тут же приступила к учебе под руководством своего боевого командира тов. Черняка (ныне генерал-лейтенант, Герой Советского Союза). Успех предстоящих схваток с противником зависел от того, насколько быстро и глубоко изучат красноармейцы и командиры основные приемы финской тактики, научатся парировать коварные удары из-за угла и овладеют искусством ведения боя в лесисто-болотистой местности в условиях суровой зимы. Днем и ночью в тылу частей шли учебные занятия, сочетаясь с боевыми действиями на фронте.

— Если хорошо будем учиться,—говорил тов. Черняк бойцам и командирам,—легче одержим победу над врагом...

На учебных полях дивизии, которые находились невдалеке от линии фронта, были построены макеты дотов. Они в точности воспроизводили те сооружения, которые удалось разведать в укрепленном районе противника. Блокировочные группы, созданные тов. Черняком, ежедневно осваивали сложное искусство захвата железобетонных крепостей. Командир дивизии внимательно следил за действиями обучаемых, при малейшей неточности возвращал их к исходным рубежам, заставляя вновь повторять операцию. Здесь же, на учебных полях, отрабатывалось взаимодействие пехоты с танками и артиллерией.

Дивизия занимала ответственный участок фронта.

В январе в дивизию прибыл член Военного Совета корпусный комиссар (ныне начальник Главного управления политической пропаганды армейский комиссар 1 ранга) товарищ Запорожец. Он подробно ознакомился с состоянием подготовки к штурму линии Маннергейма и обратил внимание командира и комиссара диви-

зии на необходимость более тщательной отработки действий блокировочных групп.

— Вы должны ежеминутно помнить,—указал товарищ Запорожец,—что задача вашей дивизии чрезвычайно сложна и ответственна. Первый боевой экзамен, который вы держали 23 декабря, показал, что дивизия способна справиться с поставленной перед ней задачей. Мобилизуйте же весь личный состав на борьбу за новые успехи, за новые победы. Добейтесь, чтобы ваша дивизия стала орденоносной...

Товарищ Запорожец побывал во многих подразделениях дивизии. Он особенно интересовался, как готовятся к штурму низовые звенья—взвод, рота. Перед отъездом, собрав командование дивизии и частей, товарищ Запорожец сказал:

— Заметно, что вы провели большую работу по подготовке к наступлению. Обращайте еще большее внимание на взвод, роту. Именно от этих подразделений зависит общий успех, успех всего дела...

Приезд товарища Запорожца и его указания внесли новую струю воодушевления в ряды бойцов и командиров. Все поклялись друг другу: «Завоюем орден на боевое знамя для нашей дивизии!» Подготовка к штурму развернулась еще шире.

Тесня противника, дивизия все ближе подходила к главной оборонительной полосе его и, наконец, 17 февраля вплотную приблизилась к переднему краю укрепленного района Муола—Ильвес. Предстояли решающие бои.

Укрепленный район, который должна была прорвать дивизия, являлся одним из важнейших узлов сопротивления линии Маннергейма. Он прочно запирал перешеек между озерами Яюряпянярви и Муола-ярви. Передний край финской обороны на всем протяжении был оплетен четырьмя рядами проволочных заграждений, опоясан противотанковыми рвами и четырьмя ярусами массивных надолб. Между рядами надолб и проволочных заграждений находились минные поля.

Подход к оборонительным сооружениям противника усложнялся еще и тем, что местность перед передним краем была открытая, скрытых подступов не было. Вся местность простреливалась ружейным и пулеметным огнем в несколько слоев с господствующей высоты юго-западнее пункта Муторанта.

Штурм укрепленного района начался в двадцатых числах февраля.

Накануне артиллерия заняла огневые позиции для стрельбы прямой наводкой. Саперы проделали проходы в проволоке и надолбах. Каждая блокировочная группа была нацелена на определенную долговременную точку.

Выйдя после артиллерийской подготовки на линию надолб, пехота вынуждена была залечь, так как финны встретили ее ожесточенными шквалами огня из неразрушенных дотов. Противотанковые орудия противника мешали продвижению танков. Блокировочные группы были прижаты к земле.

Артиллерия усилила огонь по амбразурам дотов и дзотов, стараясь принудить их к молчанию. Пользуясь пургой и наступающими сумерками, блокировочные группы стали подползать к дотам.

Особенно мешала нашему продвижению мощная железобетонная точка, находившаяся на правом фланге противника. Она вела сильный фланкирующий огонь по подступам к укрепленному району. Справедливо считая этот дот основным в системе огня противника, командир дивизии приказал командиру полка тов. Тованцеву во что бы то ни стало захватить правофланговый дот. Эта задача была поручена 9-й роте под командой тов. Бекетова. Вечером группе Бекетова, преодолевшей громадные трудности, удалось оседлать дот и двумя взрывами вывести его из строя. Благодаря смелым действиям группы Бекетова (ныне Герой Советского Союза) в огневой системе противника образовалась брешь. Наступающие подразделения дивизии после этого проникли в глубь белофинской обороны и блокировали все доты первой линии укрепленного района. Дивизия захватила восемь крупных железобетонных сооружений и шесть сильно укрепленных дерево-земляных точек.

24 февраля в дивизию прибыл командующий фронтом командарм 1 ранга товарищ Тимошенко. Ознакомившись с действиями дивизии, товарищ Тимошенко указал, что необходимо еще большее массирование артиллерийского огня, еще более широкое применение артиллерии крупных калибров для стрельбы прямой наводкой.

— Бойцы и командный состав дивизии,—сказал командующий фронтом,—действовали очень хорошо. Через три дня вы должны мне доложить, что ваша дивизия окончательно разгромила укрепленный район.

— Есть, товарищ командующий,—ответил командир дивизии.— Приказ будет выполнен точно в срок.

После отъезда командующего фронтом в частях и подразделениях начались митинги. Командиры и политработники разъяснили бойцам задачу, поставленную командующим, и сообщили о том, что командующий одобрил действия дивизии.

Воодушевленные похвалой товарища Тимошенко, бойцы и командиры единодушно заявляли:

— 28 февраля от укрепленного района не останется камня на камне...

Готовясь нанести новый, решающий удар противнику, командиры устраняли все недостатки, мешавшие тесному взаимодействию родов войск на поле боя. Воинский дух подразделений был теперь крепок как никогда. Дивизия уже преодолела мощные препятствия на своем пути, и это укрепляло уверенность в окончательной победе. Все с нетерпением ждали часа, когда будет получен приказ о нанесении врагу решающего удара.

Осуществляя указания командующего, тов. Черняк широко применял тяжелую артиллерию для подавления и разрушения долговременных точек с открытых позиций. На основе имеющегося опыта

была выработана особая тактика. Огонь вели одновременно не менее, чем по трем дотам узла сопротивления. Заставляя молчать эти точки, артиллерия тем самым нарушала всю огневую систему противника и обеспечивала действия блокировочных групп.

Захватывая дот за дотом, дивизия продвигалась вперед, в глубину укрепленного района. Утром 28 февраля она заняла последний оплот противника на этом участке—Ильвес. Таким образом, один из мощных укрепленных узлов Карельского перешейка был разгромлен. В этом районе дивизия захватила и подорвала в общей сложности 27 железобетонных огневых точек и 20 каменных и дерево-земляных сооружений.

К концу дня 28 февраля тов. Черняк позвонил в штаб армии. К телефону подошел товарищ Запорожец.

— Товарищ член Военного Совета,—сказал командир дивизии,—доношу, что приказ командующего фронтом выполнен: укрепленный район Муола—Ильвес окончательно разгромлен и разрушен.

В ответ товарищ Запорожец заявил:

— Военный Совет армии поздравляет вас и весь личный состав дивизии с блестящей победой. Военный Совет армии представил дивизию к награждению орденом Ленина.

Вскоре орден Ленина—знак славных подвигов—украсил боевое знамя N-ской стрелковой дивизии.

Полковник

А. Тованцев

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО ВЫПОЛНЕН

Полк получил приказ: в 12 часов 20 февраля атаковать противника в направлении Ильвес и овладеть селениями Маттила и Ирьенахо.

Накануне дня атаки я произвел совместно с командирами батальонов, начальником артиллерийской группы и командиром гаубичного артиллерийского полка рекогносцировку местности и принял решение. Фронт атаки—500 метров. Полк наступает тремя эшелонами.

Ночью батальоны заняли исходные рубежи и окопались. Противник не заметил нашего выдвижения и вел лишь слабый минометный огонь.

В 9 часов началась артиллерийская подготовка. Полковые и батальонные пушки разрушали в это время надолбы и проволочные заграждения, которые находились в 200 метрах от нашего расположения.

Ровно в 12 часов 3-й батальон, действовавший в первом эшелоне, достиг первой линии надолб. Здесь он был встречен сильным пулеметным огнем из дотов и дзотов и артиллерийским огнем из района Ирьенахо.

За надолбами были новые препятствия и минное поле. При поддержке гаубичного полка бойцы, работая по пояс в снегу, уничтожали препятствия. Пулеметы, батальонные и полковые пушки вели огонь по амбразурам и заставили противника замолчать. К вечеру батальон атаковал финские укрепления и овладел двумя дзотами и дотом № 1, который был блокирован группой бойцов 9-й роты во главе с тов. Бекетовым (ныне Герой Советского Союза). Это был мощный дот, размером 35 × 12 метров, с тремя казематами, тремя пулеметными амбразурами и металлической башней, вооруженной пулеметом.

Противник несколько раз переходил в контратаку, но был отброшен.

Между тем саперы приступили к подрыву дота. Первый взрыв

разрушил две амбразуры, вторым была уничтожена металлическая башня, и только после третьего взрыва дот раскололся на две части.

Уничтожение дота обеспечило продвижение батальона к лесу, что южнее Муола. Здесь батальон был встречен пулеметным огнем со второй линии дзотов, а также дотов № 2, 3 и 4. Путь к этой линии преграждали ряды надолб, проволочные заграждения и минные поля.

3-й батальон приступил к разрушению препятствий перед дотами № 3 и 4. В это время из-за правого фланга был введен в бой 2-й батальон.

В течение двадцати двух часов подразделения полка разрушали препятствия, рубили в лесу просеки в направлении дотов, а артиллерия уничтожала дзоты. Ночью 22 февраля 3-й батальон был выведен во второй эшелон, а его место занял 1-й. В следующие два дня 1-й и 2-й батальоны закончили расчистку леса для обстрела, проделали проходы в препятствиях, разведали секторы обстрела дотов и обнаружили доты № 5, 6, 7, 8.

Теперь картина была ясна. Перед полком находится целая группа из восьми железобетонных дотов. Размер некоторых из них достигал 40×20 метров, а количество амбразур—шести—восьми. Над дотами имелись вращающиеся бронированные башни. Все железобетонные огневые точки, соединенные между собой ходами сообщений, были оплетены проволочными заграждениями в четыре-пять рядов. Перед проволочными заграждениями тянулись гранитные надолбы.

От дотов по лесу шли в разных направлениях замаскированные просеки для обстрела наступающих. Головной дот имел возможность обстреливать весь район расположения остальных огневых точек, прикрывая их от атак.

Я со штабом полка еще 21 февраля перешел в разрушенный дот № 1, откуда и руководил боем. 24 февраля меня вызвал к телефону командир дивизии тов. Черняк:

— С вами будет говорить командующий фронтом товарищ Тимошенко,—сказал он.

Звук от нажима клапана: трубка передана. Не дожидаясь вопроса, я говорю:

— У телефона майор Тованцев. Я вас слушаю.

Товарищ Тимошенко спрашивает:

— Где вы находитесь?

— В захваченном нами доте № 1, в трехстах метрах западнее Каяво.

— Можно к вам приехать?

— Нельзя, дот находится на совершенно открытом месте и сильно обстреливается противником.

— Что сейчас делает полк?

— Разрушает дзоты, уничтожает препятствия, разведывает секторы обстрела дотов.

— Сколько дотов перед вами?

— Целый узел сопротивления—восемь дотов и тридцать дзотов.
— Когда вы ими овладеете?
— Через два-три дня все они будут уничтожены.
— Как чувствуют себя бойцы и командиры?
— Отлично. Геройски дерутся, достойны похвалы...

Товарищ Тимошенко потребовал, чтобы через три дня я доложил ему об уничтожении всего узла сопротивления.

Отвечаю:

— Есть, ваш приказ будет выполнен в точности!

На этом разговор закончился.

Вызвав к телефону командиров батальона, я сообщил им о разговоре с командующим. Вскоре о приказе товарища Тимошенко узнали все бойцы, командиры и политработники. Весь полк загорелся желанием поскорее выполнить боевой приказ командующего.

Начались жестокие бои за овладение дотами.

Опыт захвата первого дота помог нам выработать стройную систему блокирования железобетонных сооружений.

Перед выходом блокировочной группы артиллерия большой мощности и полковая артиллерия начинали обстрел дота прямой наводкой, заставляя противника прекратить огонь и укрыться в казематах. Через полчаса блокировочная группа с запасом взрывчатых веществ под прикрытием артиллерии пробиралась к доту. Затем, придвинувшись к сооружению, она залегала в 75—100 метрах от него. Как только артиллерия переносила огонь вглубь, группа броском, чтобы не дать возможности противнику опомниться и открыть стрельбу по наступающим, «седлала» дот, закладывала взрывчатку в амбразуры и, отойдя, поджигала шнур.

Эта система блокировки оказалась правильной и помогла нам выполнить задачу.

25-го и 26-го были разбиты и захвачены дзоты, а 27 февраля разрушены все доты. От укрепленной линии района Ирьенахо, который, по единодушному мнению иностранных военных специалистов, был неприступен, остались одни лишь развалины.

У меня было вполне естественное желание лично доложить товарищу Тимошенко о выполнении приказа. Но связаться с ним я не мог. Поэтому, позвонив в штаб корпуса, я просил доложить командующему фронтом, что его приказ выполнен.

Техник-интендант 2 ранга

А. Савельев

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА М. БЕКЕТОВ

В ночь с 16 на 17 февраля стрелковый полк под командованием майора Тованцева с боем продвигался вперед.

К вечеру полк достиг Кангаспелты. Подтянув за два дня свои части, он в ночь на 20-е занял исходное положение в лесу перед укрепленной линией в районе Каяво—Ирьенахо, на берегу озера Муола-ярви. 20 февраля, в 12 часов, по приказанию командира дивизии 3-й батальон был брошен в атаку. Встреченный ураганным огнем противника, он продвигался вперед с громадными трудностями. Преодолев надолбы, батальон был вынужден залечь.

Особенно сильный огонь велся с холма, находившегося в 100—150 метрах. Одной своей стороной холм близко подходил к берегу Муола-ярви. Здесь была совершенно открытая местность. С левой стороны, примерно в полукилометре от холма, находилась небольшая рощица.

По силе и сосредоточенности огня было видно, что полк имеет перед собой не просто оборонительную линию, состоящую из траншей и дерево-земляных пулеметных гнезд, а целую систему укреплений, построенных по последнему слову современной техники.

Высланные к холму разведчики часа через полтора донесли, что это не что иное как дот, который, помимо амбразур, имеет стальную вращающуюся башню кругового обстрела.

Командованию полка стало ясно: дот является преддверием ко всей системе укреплений на данном участке и своим огнем охраняет подступы к укрепленной линии первого пояса.

Дот надо было взорвать. Эта ответственная и сложная задача была поручена командиру 9-й роты младшему лейтенанту Бекетову.

В 14 часов, получив от командира 3-го батальона старшего лейтенанта Смолькова приказание о блокировке и уничтожении дота, Бекетов созвал своих командиров. Он вывел их к опушке леса, откуда были видны дот и все простирающееся перед ним поле,

и сказал, обращаясь к командиру 2-го взвода младшему лейтенанту Козлову:

— Вы возьмете из своего взвода двенадцать человек, один станковый и два ручных пулемета и поведете наступление на правый угол дота со стороны рощи. Это нужно для того, чтобы отвлечь огонь противника в вашу сторону. Я же с десятью бойцами 1-го взвода и саперами и с другим станковым пулеметом постараюсь пробраться к доту с левой стороны. Понятно?

— Понятно, товарищ командир,—ответил Козлов.

— По местам!

Через 20 минут группа под командой Козлова стала пробираться к роще. Противник, заметив продвижение взвода, открыл по нему огонь. Сперва он вел стрельбу из нескольких пулеметов, но потом, по мере продвижения взвода вперед, сосредоточил на нем огонь всех своих средств.

— Хорошо!—воскликнул Бекетов, наблюдая за продвижением Козлова.—Люди готовы?—обратился он к командиру 1-го взвода младшему лейтенанту Белову.

— Готовы, товарищ командир.

— За мной!—скомандовал Бекетов и, пригибаясь, побежал вперед.

За ним кинулись командир взвода и бойцы.

Пробежав метров сто, Бекетов бросился на снег, дал группе минутную передышку и поднял людей для второго броска.

Противник, сосредоточив огонь на правом фланге, видимо, не замечал группы Бекетова.

«Хорошо»,—вслух подумал Бекетов и, подняв людей в третий раз, увлек их за собой к надолбам. Надолбы совсем уже близко, до них каких-нибудь 20 метров... Но тут противник, заметив ловкий маневр Бекетова, открыл по его группе сильную, но беспорядочную стрельбу.

— Ложись!—крикнул Бекетов и, броспвшись на снег, пополз к надолбам.

Рядом с ним ползли бойцы Бочин, Макарычев и Мпронов.

Вот один из них, на минуту задержавшись, извлек из снега мину и осторожно отложил ее в сторону. Вот другой вынул мину, третий...

— Черти! Везде понатыкали!—выругался Бекетов и быстро отдернул назад занесенную было руку. Перед ним в пяти сантиметрах торчал из снега минный капсюль.

Осторожно разгребая снег, он обнажил мину, вывернул капсюль и отбросил в сторону...

Гранитные надолбы, за которыми лежал Бекетов со своими бойцами, тянулись в три-четыре ряда от берега Муола-ярви по всему полю и уходили куда-то в глубь леса. А вслед за надолбами шли хитроумно сплетенные проволочные заграждения в четыре-пять рядов, каждый в четыре кола, с минными заграждениями между проволочными кольями, с завалами и фугасными ловушками.

До дота было не более 100 метров.

Сделав две-три бесполезные попытки пробраться к проволоке, Бекетов решил дождаться темноты.

Лежа за надолбами, он вспомнил, как совсем недавно при атаке он, выброшенный из финской траншеи противотанковой миной, с отказавшимися действовать ногами, трое суток пролежал за стальными щитками в непосредственной близости к противнику. Вспомнил, как он, еще плохо владеющий ногами, тайком ушел из госпиталя и какой переполох был из-за этого среди врачей. А вот теперь он лежит и не чувствует никакой боли. Как бы проверяя, что это действительно так, Бекетов приподнял согнутые в коленях ноги и постучал ими одна о другую. Тотчас же над головой засвистели пули...

— Вот дьяволы, нельзя ногу поднять...

Через час пошел снег, который, усиливаясь с каждой минутой, вскоре, словно белой занавесью, закрыл дот.

— Пора,—решил Бекетов и, подозвав к себе саперов Горнова, Яманова и Бувашкина, двинулся с ними к проволочным заграждениям.

Скрытые снеговой завесой, саперы, вооруженные ножницами, ползком подобрались к заграждениям и прорезали проход. Минут через двадцать бойцы один за другим переползли за линию проволочных заграждений.

Противник вел сильный, но беспорядочный огонь. Пули жужжали над головами, где-то поблизости рвались снаряды и мины. До дота оставалось метров шестьдесят.

— Товарищ командир,—останавливая Бекетова, произнес старшина Рубцов,—станковый пулемет снарядом разбило.

— А пулеметчик?

Рубцов опустил голову.

Бекетов на секунду задумался и твердо произнес:

— Возьмите командира отделения и ползите обратно в батальон за пулеметом. Возвращайтесь как можно быстрее.

— Есть возвращаться быстрее,—ответил старшина и пополз обратно.

Бекетов продолжал подбираться к доту. Обстрел усиливался.

Продвигаясь одним из первых, Бекетов заметил впереди ров. Спустившись в него, он с облегчением вздохнул. Пули свистели высоко над головой. Один за другим в ров спустились остальные бойцы и сразу повеселели.

Выглянув из рва, Бекетов увидел, что часть финского гарнизона вышла из дота и заходит ему во фланг со стороны озера. Позади дота тянулась глубокая траншея, служившая одновременно и защитой для тыльной части дота, где не было амбразур, и ходом сообщения к другим дотам.

Бекетов принял решение—отрезать траншею от дота, чтобы ни из траншеи в дот, ни обратно финны ходить не могли. Для выполнения своего плана он приказал установить пулемет между двух бугорков: оттуда можно было вести прицельный огонь по траншее. Первая же пулеметная очередь вызвала панику среди

финнов, находившихся в траншее. Но Бекетов ясно видел, что одного пулемета недостаточно.

Противник, желая вывести пулеметный расчет из строя, повел по нему огонь из автомата.

— Подавить огневую точку на левом углу дота,— приказал Бекетов.

Пулеметчики перенесли огонь, и через несколько минут автомат замолчал. В это время подползли старшина Рубцов и командир отделения, которые приволокли с собой станковый пулемет и четыре коробки патронов.

Из пулемета открыли огонь по группе противника, заходящей во фланг от озера. Бекетов же с саперами стал пробираться к доту с левой стороны.

Но когда подползли к доту, то увидели, что заложить взрывчатое вещество в амбразуру нельзя. Оттуда финны вели огонь из автомата. Группа вынуждена была залечь под стенами дота.

Наблюдая за амбразурой, Бекетов заметил, что финский автоматчик слишком увлекся стрельбой и выставил кончик ствола на несколько сантиметров наружу. Бекетов подтянул к себе чью-то винтовку, приподнялся на ноги и притаился за углом. Когда автоматчик на минуту прервал стрельбу, Бекетов изо всей силы ударил прикладом по высунувшемуся кончику ствола. В доте что-то упало, охнуло, раздался стон. Саперы, пользуясь моментом, сунули взрывчатые пакеты в амбразуру и подожгли фитиль. Раздался взрыв, послышались крики, но дот остался невредим.

В это время, пользуясь паникой в доте, командир взвода Белов со своей группой бросился в траншею и занял ее. Бекетов взобрался с саперами на перекрытие дота и пополз к башне. Из башни открыли огонь.

Укрывшись за громадным бугром снега, стали обсуждать, что делать. Саперы Бувашкин и Марусеев предложили ряд планов, и в конечном итоге было решено взорвать башню. Бувашкин и Марусеев ползком добрались до башни, заложили под ее основание ящики со взрывчатым веществом, отползли за бугор. Через несколько секунд раздался взрыв, и башня чуть накренилась вперед, потеряв способность вращаться.

Взрывчатки больше не было.

— Плохо дело,—сказал Бекетов, обращаясь к саперам.

— Ничего, товарищ командир,—успокаивающе ответил подползший к нему сапер Горнов,—если вы один час здесь продержитесь, мы успеем подтащить взрывчатое вещество.

— Хорошо,—сказал Бекетов,—постараемся продержаться, только поторапливайтесь.

Саперы под прикрытием ночи поползли обратно, а Бекетов, несмотря на сильный огонь противника, остался лежать на доте.

Огонь теперь вели уже из соседнего дота. Бекетов приподнялся, чтобы лучше разглядеть, откуда стреляют. Над его головой тот-

час же зажужжали пули. Он снова лег. Пули летели градом. Видимо, какой-то снайпер пытался сбить его с дота во что бы то ни стало.

Пролежав с час, Бекетов решил проведать Белова. Соскользнул с дота и стал пробираться вдоль левого угла дота. Только успел добраться до траншеи, которая служила ходом сообщения к первой двери, как открылась вторая дверь и оттуда раздались выстрелы. Бекетов быстро повернул кругом и начал отползать правее. Тут он наткнулся на группу Белова.

— Возьмите Бочина и ползите к двери с противоположной стороны,—приказал Бекетов Белову.—Как доберетесь, хватайте за скобу и не давайте закрывать, а мы с Мироновым отсюда подползем к двери и бросим гранаты.

Белов и Бочин двинулись в обход, а Бекетов и Миронов—прямо к двери.

Через несколько минут план был близок к выполнению. Бекетов, приподнявшись, крикнул:

— Бросай!

Две гранаты полетели в пасть двери. Одна разорвалась на пороге, другая—в глубине. Бочин схватился за ручку, но в этот момент открылась дальняя дверь, и автоматчик повел огонь по Бочину. Тот, выпустив ручку, залег за камни, а в следующее мгновенье выскочивший из дота финн захлопнул дверь.

Тем временем противник, выбитый из траншеи, оправился от паники и открыл сильный огонь. Группа залегла вдоль задней стенки дота. Тогда начался обстрел из двери справа. Пришлось отвести группу в ров и усилить пулеметный огонь. Саперов все не было, а время шло.

— Товарищ командир, удалось восстановить связь,—протягивая ему трубку, сказал связист.—Говорит командир полка.

— Что?.. Около самого дота. Как?.. Да нет, совсем рядом. Да какие там 40—50 метров. Я только-что слез с дота. Нам взрывчатые вещества нужны... Как можно больше...

— Что там?—спросил Белов.

— Командир полка говорит, что в течение двух часов не получал от нас сведений и беспокоится, что с нами.

— А саперы где?

— Вышли, говорит, полчаса назад.

Разговор оборвался. Прошло минут двадцать. Но вот, наконец, показались саперы, которые с трудом тянули за собой лыжные санки, доверху нагруженные ящиками.

— Белов с Ямановым и Мироновым пойдут за мной,—сказал Бекетов.—Начнем с левого угла. Пулеметчикам обеспечить прикрытие, не давать противнику перейти в контратаку.

Через минуту группа в пять человек двинулась к левому углу дота. Противник, заметив движение, открыл огонь из всех амбразур. Группа залегла.

— Гранаты к бою!—приказал Бекетов.—Огонь!

И пять гранат, описав дугу, разорвались у самого дота.

Огонь смолк, но не больше как на полминуты. Снова команда, и снова замолкает на полминуты огонь.

Бекетов прикидывает на-глаз расстояние, и для него ясно, что гранат нехватит, чтобы подойти к доту. Значит, напрасны все усилия! Отказаться от уничтожения дота?

— Набрать камней!—крикнул Бекетов.

Через несколько минут в карманах и за пазухой у каждого было по десятку увесистых гранитных осколков.

— По команде в один-два приема кидайте по два камня, а гранаты буду бросать только я,—распорядился Бекетов и, отобрав гранаты, рассовал их по карманам.

— По доту огонь!

Описав в воздухе дугу, около дота упали семь-восемь камней и гулко разорвалась одна граната.

Продвинулись на пять метров, и снова раздалась команда, снова полетели камни и разорвалась граната. После шестого броска добрались до левого угла. Быстро заложили в амбразуры два ящика со взрывчатыми веществами, зажгли шнур и отбежали в сторону. Взрывом вырвало левый угол.

Через несколько минут был взорван фугас под левой дверью, и группа поползла к башне.

Заложив ящики под башню, Бекетов отбежал с саперами метров на семьдесят. Чтобы лучше видеть, он поднялся на колени. Прошла секунда, другая, и вдруг темноту прорезала, как молния, яркая вспышка. Оглушительный взрыв потряс воздух.

— Товарищ командир, вас к телефону!

Снова говорил командир полка.

— Дот взорван, товарищ командир,—доложил Бекетов.

Герой Советского Союза лейтенант
Л. Тарасов

СТРАНИЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА

Свой взвод я принял накануне отъезда нашей 203-миллиметровой батареи на фронт. С людьми пришлось знакомиться в пути. Серые шинели, чуть взволнованные лица, пытливые глаза. Все вроде одинаковые.

— Красноармеец Лапин?

— Здесь, товарищ лейтенант.

— Красноармеец Рахимзянов?

— Здесь, товарищ лейтенант...

Через несколько дней все эти люди будут в бою. Как они будут вести себя?

Первая же читка газет в вагоне дала мне возможность понять настроение бойцов. Страна провожала нас в бой, кипящая негодованием против провокаторов войны. Это отражалось на страницах печати и глубоко западало в душу моим красноармейцам. Первые сводки с фронта, первые корреспонденции о боях они выслушивали, затаив дыхание.

Выгрузившись из эшелона, мы еще некоторое время стояли в резерве. Весь взвод жил в одной землянке, все люди вместе, работать с ними было легко. Один предгрозовой час больше сплачивал людей, чем месяцы мирной жизни.

Шли боевые дни...

К началу прорыва линии Маннергейма мой взвод уже был готов к выполнению любой боевой задачи командования. Появились во взводе свои отличники и герои. Красноармеец Лапин под огнем финских пулеметов доставлял боевые листки свежего выпуска бойцам. Боец Рахимзянов на себе вытаскивал раненых с поля боя. Здесь же, на фронте, они оба были приняты в партию.

☆

На участке дивизии, действовавшей в направлении Ойнала, до нашего прибытия не было удачных попыток стрельбы по дотам прямой наводкой. Один из командиров попробовал вывезти орудия

на открытую позицию, но попал под сосредоточенный огонь противника и вернулся.

В 3 часа ночи 25 февраля я получил приказ вывезти орудие и прямой наводкой уничтожить дот. Стрельбу прямой наводкой мой взвод начинал первым.

Обстоятельства складывались неудачно. Дот был закрыт высоким строевым лесом. Наша огневая позиция простреливалась фланкирующим огнем финской пехоты и снайперов. По саперам, пытавшимся расчистить для нас сектор обстрела, белофинны вели сильный огонь. Саперы, имея потери, отошли.

Но другой позиции не было. Нигде больше нельзя было подойти на такое близкое расстояние прямо к напольной стенке дота.

Мы приняли решение остановиться именно здесь. Орудие вывезли двумя тракторами и развернули его под огнем так, чтобы избежать нужды в последующих доворотах. Это дало нам возможность быстро и без особого труда вести стрельбу.

Командир орудия тов. Степкин, видя, что саперное подразделение отходит под огнем белофиннов, не расчистив в лесу сектора для обстрела, предложил:

— Один выход у нас—уничтожить лес снарядами.

Я согласился с ним.

Восемью гранатами мы расчистили дорогу бетонобойным снарядам. В лесу образовалась прогалина шириной до двух метров и длиной в 70 метров. Дот открылся. В этот день мы десятью снарядами успели наполовину разрушить его. На ночь отвезли орудие на километр назад и утром снова вернулись.

За трое суток стрельбы прямой наводкой по дотам, находясь под сильным пулеметным и минометным огнем противника, мы потеряли только одного человека.

Объясняется это просто. Неподалеку стояли наши танки. Командование разрешило мне использовать их для броневого укрытия огневой позиции. Загородившись танками сбоку от фланкирующего огня, укрыв бойцов в хорошо оборудованных окопах, мы чувствовали себя спокойно.

Но не всегда ведь рядом с артиллеристами будут стоять танковые части. В военно-исторической литературе недавно были опубликованы материалы о дискуссии, которая возникла еще во время русско-японской войны по поводу прикрепления к 76-миллиметровым пушкам броневых щитов, укрывающих расчет от пулеметного и ружейного фронтального огня. Тогда оспаривалась возможность вооружения орудия броневым щитом, говорили, что броневой щит утяжелит систему.

Но впоследствии щит был принят повсюду в артиллерии как необходимое дополнение к любому орудию. Сейчас, когда значительная часть орудийных систем переведена на механическую тягу и вопрос об утяжелении системы стоит по-иному, вполне можно улучшить конструкцию орудийных щитов. Опыт финской

войны показывает, что противотанковые, полковые и даже тяжелые пушки и гаубицы будут часто стрелять на минимальных дистанциях не только от первой полосы заграждений, но и от долговременных сооружений противника. Орудийные расчеты, находящиеся на открытых огневых позициях, будут часто попадать под фланкирующий огонь неприятельских снайперов и пулеметов.

Возникла необходимость вооружения артиллерии боковыми броневыми щитами. В тяжелых батареях они могут быть складными, на петлях, как ширмы. Доставлять их к огневой позиции можно теми же буксирующими тракторами. В противотанковой артиллерии нет необходимости отделять щиты один от другого; противотанковики говорят, что им будет достаточно одного вогнутого полукругом щита, который сумеет защитить от обстрела с флангов.

☆

28 февраля, утром, когда уже был прорван фронт и стремительно развивалось наступление, мы получили предметный урок от командующего фронтом товарища Тимошенко. По дорогам, входя в прорыв, двигались тяжелые батареи вместе с массами пехоты и легкой артиллерии и загораживали дорогу. Неожиданно на этот участок прибыл товарищ Тимошенко и подъехал к нам.

— Послушайте,—сказал он нам.—Разве вы сами не понимаете, что сейчас, когда развивается прорыв, пехоте в первую очередь нужны батареи групп поддержки, нужны пулеметы, противотанковые пушки, легкая артиллерия. Вы неплохо поработали, но дайте поработать другим.

Товарищ Тимошенко приказал нашим тяжелым гаубицам свернуть в сторону, открыть проход танкам и другим более подвижным и более необходимым резервам.

Приказание было выполнено. Буквально на наших глазах марш стал приобретать порядок и быстроту.

Прорыв развивался, части начинали штурм последних укреплений перед Выборгом.

Герой Советского Союза младший лейтенант
А. Сироткин

ВМЕСТЕ С ТАНКИСТАМИ

Нашему батальону было приказано овладеть селом Кюриоля. Когда мы стали подходить ближе к селу и вышли на открытую местность, белофинны с опушки леса открыли по нашей роте огонь из автоматов.

Командир пулеметного взвода Крутов быстро выдвинул станковые пулеметы, и они подавили вражеские огневые точки. Под прикрытием танков рота начала овладевать селом. Белофинны оказывали сильное сопротивление. Из домов, каменных сараев и садов они вели бешеный огонь.

Двигаться вперед было почти невозможно. Мы решили сделать обход во фланг. Танки в это время двигались по дороге. Белофинны, опасаясь окружения и потери путей отхода, подожгли село и отступили.

Преследуя их, мы достигли деревни Самолла, которая находилась на расстоянии 800 метров от деревни Муолаа. Десятки дерево-земляных и железобетонных укреплений стояли на нашем пути.

Получив сведения от полковой разведки, командир батальона Фролов поставил командиру роты Спневу задачу—овладеть окраинной деревни Муолаа и точно разведать местность. Моему взводу была поставлена задача продвинуться вперед, за надолбы, к красному домику, что находился в пятидесяти метрах правее одного из дотов. Оттуда я должен был разведать точное расположение дотов и выходы из них.

Мы двинулись вперед. Перед нами находились надолбы и проволочные заграждения. Я приказал отделению тов. Бугрова сделать проход в проволочном заграждении. Бойцы Першин и Ласков малыми саперными лопатами в несколько минут перерубили проволоку. По сигналу «проход готов» я повел взвод вперед, к домику. Продвигаться пришлось ползком. Под прикрытием темноты взвод расположился около домика. Каждый боец окопался. Мы вели бдительное наблюдение за противником.

Днем мы отчетливо увидели, что перед нами три дота, расположенных в шахматном порядке. Овладеть ими без предварительной артиллерийской подготовки было чрезвычайно трудно. Перед дотами проходили проволочные заграждения, минное поле и вражеские окопы.

Мы возвратились и передали командиру полка тов. Младенцеву (ныне Герой Советского Союза) добытые сведения. Он приказал артиллеристам открыть огонь по обнаруженным укреплениям. Артиллерия в течение всего дня била по ним, а ночью командир полка приказал нашей роте занять доты.

Со своим взводом я вышел на опушку леса, а затем, чтобы скорее продвинуться к дотам, мы пошли по шоссе. Вскоре достигли окраины деревни Муолаа. Здесь сосредоточилась вся рота. В это время к нам подошли танки. Подскакивая на кочках, они помчались вперед. Вслед за танками побежали и мы. С помощью танков мы без потерь и быстро проскочили большое открытое снежное поле, укрылись в овраге, что находился рядом с речкой, и ползком начали продвигаться к дотам, накапливаясь у надолб.

Ночь была темная. Огонь противника стал слабее, пошел снег. Я со своим взводом пробрался к тому месту, где утром стоял красный домик. Теперь он уже был разбит нашей артиллерией. Но место нам было хорошо известно, и даже в темноте я знал, где находятся огневые точки противника.

От этого разбитого домика я и начал вести наступление на дот. Впереди всех ползли бойцы отделения Бугрова. Я полз за ними, а сзади—весь взвод. Подползли к траншеям белофиннов. «Хозяев» там уже не было. В это время с левой стороны стали подползать бойцы 3-го взвода. Мы окружили дот. У выхода, перед стальной дверью, я поставил ручной пулемет. Подошедшими саперами дот был взорван.

Хорошо зная расположение двух остальных дотов благодаря предварительной разведке, я со своим взводом блокировал их. Саперы взорвали и эти два железобетонных укрепления.

На месте я узнал, что траншеи из этих дотов вели к опушке леса. По ним-то белофинны и удрали сначала в лес, а оттуда ко второй полосе своих укреплений—Ильвесу.

Мы продвинулись вперед почти на 200 метров, миновали небольшой смешанный лес, вышли на чистое поле и увидели домики, где час назад находились белофинны. Сжечь дома финны не успели. Здесь собрался весь батальон. Отсюда без остановок пошли вперед, преследуя противника. Мой взвод—на правом фланге. Принимая все меры предосторожности, он вел усиленную разведку местности.

Вдруг два бойца доложили мне, что впереди какой-то подозрительный снежный бугорок.

— Товарищ командир роты,—сказал я,—разрешите разведать бугорок и рядом стоящий с ним сарай!

Мне разрешили, и я пошел вперед со своим взводом. Мы

обнаружили траншею. Несколько бойцов пошли по траншее, остальные двигались расчлененным строем по открытому полю.

Траншея вывела под самый сарай, наполненный сеном, а бугорок оказался дотом. Я выставил ручные пулеметы и вместе с заместителем политрука тов. Ермаковым вошел в дот. Мы открыли тяжелую железную дверь, зажгли спичку и пошли по коридору вдоль стены. Затем нам попалась керосиновая лампа. Зажгли ее и осмотрели все помещения. Белофинны очень спешили: здесь осталось 15 ящиков патронов, 60 артиллерийских снарядов.

Командир роты разрешил нам три часа отдохнуть в доте (вторые сутки не спали). В нижнем этаже было помещение для жилья. Там на нарах и разместились все бойцы моего взвода. Вокруг дота и в траншее мы расставили дозоры и посты.

Как выяснила полковая разведка, впереди и метров на двести правее находился большой дот, из которого финны вели сильный огонь. Командир полка поручил лично мне захватить и этот дот. Мы начали продвигаться к нему ползком. Когда подползли шагов на пятьдесят, белофинны открыли убийственный огонь. Мы отошли. В это время появились наши танки, и за ними мы быстро пошли вперед. Неожиданно белофинны из окопов, прикрывавших дот и траншеи, начали бросать в танки десятки бутылок с воспламеняющейся жидкостью. Танкам стало невозможно подступить к доту. Тогда я приказал бойцам штыком и пулей уничтожать белофиннов, пытавшихся поджечь наши танки. Выполняя этот приказ, бойцы проявили исключительную отвагу.

Четыре танка подошли к доту и начали вести огонь в амбразуры. В это время наши бойцы расстреливали финнов, бежавших по траншеям.

Командир саперного взвода Воинов вместе со своими бойцами немедленно приступил к подрыву дота. Взрывчатые вещества положили в коридор, зажгли фитиль, закрыли дверь и дали сигнал — красную ракету. Бойцы и танки отошли назад. Прогремел взрыв, и стену толщиной в два метра отнесло метров на десять в сторону. Внутри дота рвались боеприпасы, горело финское военное снаряжение.

Боевая задача, поставленная командиром полка, была выполнена.

Младший командир

М. Булатов

КАК МЫ ВЗОРВАЛИ ДОТ С ПЯТНАДЦАТЬЮ ШЮЦКОРОВЦАМИ

В день Красной Армии, 23 февраля, мне с группой бойцов нашего саперного взвода было приказано взорвать дот. Взяв с собой пару сотен килограммов взрывчатого вещества, мы двинулись в путь. Обошли дот с тыла. Вдруг видим, к амбразуре подходит наш танк. Только он приблизился, белофинны закидали его из амбразуры бутылками с какой-то жидкостью. Одна из бутылок попала на заднюю часть танка, и машина загорелась. Мы начали подавать танкисту сигналы, показывая, чтобы он отъезжал в тыл. В это время бойцы Чупин, Захаров, Сухарев и Сазонов под огнем противника подобрались к горящему танку и стали кидать на него снег, стараясь погасить пламя. Вскоре это им удалось сделать.

Тем временем подошла еще одна боевая машина. Это приехал наш командир взвода младший лейтенант Гордюшов и привез нам еще взрывчатки.

Я доложил командиру взвода, что дот со стороны амбразуры взорвать трудно. Целесообразнее взорвать его сверху—начать с броневого купола, а потом в самый дот опустить ящик взрывчатого вещества с коротким шнуром и оглушить шюцкоровцев. Так и решили поступить. Под купол подложили 75 килограммов взрывчатки и подожгли шнур. Раздался взрыв. Он был силен, но купол дал только трещину.

Тогда мы решили подорвать дот по-другому. Приготовили взрывчатку, шнур и капсюли. Одного красноармейца посадили на огнеметный танк, чтобы он подавал танкисту знаки, когда жечь амбразуры и когда прекращать огонь.

Вот наш боец, поместившись за башней танка, командует:

— Дай огня!

Танкист дает огонь. Боясь быть сожженными, белофинны укрылись в глубине дота. Тогда я решил вылезть из танка и послушать, что делается в доте. Услышал разговор. Ах так! Влезаю на дот, кричу:

— Сдавайтесь, гады!

Но белобандиты молчат. Тогда я бросил в отверстие башни гранату. Она взорвалась, и в доте вспыхнуло пламя. Это загорелись бутылки с жидкостью, которые белофинны припасли для поджигания наших танков. Вскоре я услышал стоны и непонятный шум.

Танкисту тем временем подали сигнал, чтобы он дал огня по амбразурам и затем сразу прекратил его. Тот так и сделал. В один миг мы подскочили к амбразурам, заложили в каждую по два ящика взрывчатки и зажгли огнепроводные шнуры. Когда произошел взрыв, амбразуры разорвало. Вместо них зияли большие отверстия. Вот эти-то отверстия и начал танк беспрерывно поливать огнем. У дверей дота с пулеметом и гранатами стояли бойцы. Белофиннам был отрезан путь к отступлению.

Через некоторое время мы прекратили огонь из танка и бросили в дот четыре ящика взрывчатки. Танкистам предложили отвести танк. Внутри дота произошел сильный взрыв. Купол сбросило, дверь вылетела. В доте—ни звука. Тогда мы доложили командованию, что дот обезврежен.

Нам приказали вынести убитых из дота. Когда мы начали выносить трупы, к нам бросились белофинны из других дотов и начали обстреливать из автоматов. Бойцов-пехотинцев они оттеснили от дота, а мы остались в нем. Ну, думаем, будем сражаться, а из дота—ни шагу!

Правее, в двадцати метрах от дота, расположился наш станковый пулемет. Пулеметчик, видя, что на него движутся белофинны, не растерялся, подпустил их поближе и открыл по ним сильный огонь. Но все же белофиннам удалось бросить к нам в дот гранату, осколками которой ранило командира отделения Краснова.

Вдруг мы слышим, что наш пулемет ведет огонь одиночными выстрелами. Тогда выполз из дота отделенный командир Сазонов, подобрался к пулеметчику и подал ему новую ленту с патронами. Пулемет снова начал косить белофиннов. Враги не выдержали и убежали. Много их погибло от метких выстрелов пулеметчика.

В доте оказалось 15 убитых шюцкоровцев.

Лейтенант
Н. Лазарев

КАК БОЕЦ ЯКУШИН БИЛ ВРАГОВ МИНОМЕТНОЙ ПЛИТОЙ

В бою под деревней Ойнала, командуя минометным взводом, я решил занять более выгодную огневую позицию в непосредственной близости к противнику. Бойцы с разобранным минометом двинулись вперед.

Якушин нес на ремне минометную плиту. Весит она 18 килограммов, и нелегко тащить ее, продвигаясь по колено в снегу. Но Якушин—боец крепкий, не гнулся он под такой ношей.

Не успели мы сделать и нескольких шагов, как с фланга из-за укрытия на нас набросилась кучка белофиннов. Пошли они в атаку, в штыки.

Только-что Якушин хотел снять с ремня винтовку, как к нему подбежал белофинн. Тогда Якушин поднял минометную плиту и с размаху ударил ею врага по голове. И еще трех белофиннов убил он минометной плитой.

Бойцы, видевшие, как действовал Якушин в бою, с восторгом вспоминали впоследствии об этом случае.

Красноармеец

В. Ганин

ПОДВИГ

Утро выдалось холодное. Дул резкий, обжигающий ветер, бросая в лицо снежную пыль. Боец Железнов потер ладонью о ладонь и, согревая дыханием руки, посмотрел прямо перед собой. Небольшие клубы пара поднимались и таяли в морозном воздухе.

— Не дышите в открытую,—предупредил его политрук Корольков,—противник может заметить вас по пару!

Железнов стал наблюдать. Впереди лежала поляна, покрытая редким кустарником и глубокими воронками, вырытыми снарядами. В одной из воронок и лежали Железнов, еще трое бойцов и политрук. В таких воронках, скрываясь за кустарником, лежала вся рота, ожидая сигнала к атаке. В лесу стояли наготове танки. Над головой с воем и шипением проносились снаряды.

— Ай, да молодцы, артиллеристы,—не удержался Петр Железнов,—вот так земляки. Красота какая. А? Как бьют! Бьют-то как! Вы только посмотрите, товарищ политрук!

В это время высоко вспыхнула зеленая ракета и падающей звездой разрезала морозный воздух.

Это был сигнал к атаке.

Политрук привстал.

— Вперед!—крикнул он.

— Ура-а-а!—прокатился дружный красноармейский клич, и рота рванулась вперед.

Политрук бежал рядом с бойцами...

Впереди была небольшая высота с дотом. Железнов не спускал с нее глаз. Он бежал, что было силы, чувствуя возле себя горячее дыхание товарища.

Вдруг справа по наступающим застрочили пулеметы. Враг осыпал бойцов пулями.

Надо было подавить огневые точки противника. Один танк круто повернулся и полоснул из орудия по кустарникам, где скрывались белофинны.

— Эй, землячки,—крикнул Железнов, подбегая к танку и стуча по броне,—принимайте гостя!

И, не дожидаясь ответа, он взобрался на танк.

Машина рванулась вперед. Железнов припал к ручному пулемету. Он заметил у сосны белофинского пулеметчика и выпустил в него очередь. Танк то летел прямо, то круто поворачивался на месте, меняя направление, и Железнов, приноравливаясь к его колебаниям, беспощадно косил врагов из пулемета.

Финны, охваченные паникой, не выдержали натиска и начали отступать, оставляя убитых и раненых.

— Не отставай, землячки,—кричал Железнов и выпускал очередь за очередью по отступающему врагу.

Неожиданно боль обожгла плечо. На халате выступила кровь. Железнов неловко сполз с танка. Голова тяжелела, наливалась свинцом. Но, пересилив боль, он медленно двинулся вперед.

Пробежал политрук. Раненый боец старался не выпустить его из виду, старался не отстать.

Впереди высился дот, полуразрушенный нашим артиллерийским огнем.

Железнов на ходу оторвал окровавленный кусок халата и поднял его над головой. Он флажком затрепетал в его руках.

— Вперед!

Рота приближалась к доту.

Железнов первым вскочил на груду железа и бетона—все, что осталось от дота,—и поднял высоко над собой окровавленный лоскут. Это было знамя победы.

Герой Советского Союза младший лейтенант

Г. Айрепетьян

КОМАНДИР ШТУРМОВОЙ ГРУППЫ

Наша дивизия была расположена на одной цепи высот, финны—на другой. Между обеими цепями высот—овраг. Когда наша пехота обычными мелкими перебежками спускалась по склону для атаки, финны, имевшие возможность обстреливать склон прицельным огнем, наносили пехоте потери и принуждали ее возвращаться.

Ночными разведками нам удалось установить, что перед самыми финскими траншеями находится мертвое, непростреливаемое пространство. «Если бы,—подумал я,—нашей штурмовой группе удалось без потерь достигнуть этого мертвого пространства, мы могли бы ворваться и в траншеи».

11 февраля дивизия пошла в наступление. В 5 часов утра началась артиллерийская подготовка. Она продолжалась 4 часа без перерыва. Когда рассвело, я получил приказ—ворваться со своей штурмовой группой в неприятельские траншеи.

Группа заняла исходное положение на своем склоне. Я понимал, что если мы двинемся вниз по склону мелкими перебежками, то финны перестреляют нас прежде, чем мы добежим до дна оврага.

Оставалась одна возможность: бежать во весь дух и во весь рост, пока не достигнешь мертвого пространства.

Такое решение я и принял. Послал вперед одно отделение, причем пустил бойцов не кучей, а рассредоточенно, на расстоянии 5—6 метров друг от друга.

Смотрю—удалось. Под бешеным огнем все десять добежали до мертвого пространства и залегли вблизи финских траншей.

Тогда я выпустил второе отделение. Опять удача. Посылаю третье—и вот вся штурмовая группа, кроме меня, находится уже на месте.

Нужно перебираться и мне. Пускаюсь бегом вниз по склону. Но финны уже разгадали наш замысел и обрушились на меня огнем.

Чувствуя, что малейшее промедление—смерть, бегу во весь дух. Но огонь был так силен, что до мертвого пространства мне не удалось добежать.

На склоне когда-то стояла жилая постройка. Она сгорела, от нее осталась только полуразрушенная кирпичная печь. Я спрятался за трубой. Печку обстреливали так, что осколки кирпича дождем стучали по моей стальной каске. А только высунешь голову, по каске, словно спичка, черкнет пуля.

Минут двадцать держали меня финны за трубой. Наконец, успокоились. Видно, решили, что я убит. Тут я и выскочил. Добежал до своей группы.

Между нами и финнами—метров тридцать. Слышу их разговор, команды на непонятном мне языке. Разделяет нас длинный, узкий бугор.

Пулями им нас не взять. Они начали швырять ручные гранаты. Мы в ответ тоже кидаем ручные гранаты через бугор. Но вижу я, что долго не продержишься под гранатами, нужно итти в атаку. А как пойдешь? Ведь бугор перед траншеями наверняка минирован!

И вдруг финны, обманутые нашим криком «ура» и решившие, что мы бросились на их траншеи, взорвали свое минное поле. Нас завалило снегом и землей.

Однако отряхиваюсь и вижу, что вся моя группа цела.

Но тут новая беда. Бугор, защищавший нас от финских пуль, стал гораздо ниже. Теперь мы могли уже только лежать, не поднимая головы. Встать не было никакой возможности.

Гляжу—наш самолет. Истребитель. Летчик, видимо, понял наше положение. Самолет пикировал на финскую траншею, стреляя из всех пулеметов. Финны попрятались на дно. Этим моментом я и воспользовался.

Подбегаем к траншее и забрасываем ее гранатами. Белофинны—кто убит, кто ранен, кто бежит, побросав оружие. Врываемся в траншею.

Три дота, расположенных в системе траншей, не поддержали своих. Прекратили огонь. Из них тоже побежали финны. Я послал часть своих бойцов вправо по траншее, часть—влево, а сам, увидев ход сообщения, уходивший в глубь расположения противника, кинулся туда, чтобы закрыть дорогу возможной поддержке с тыла.

Прямо передо мной бежал финн. Я несколько раз стрелял в него, но не попал, потому что ход сообщения уходил вглубь зигзагами и повороты мешали мне целиться.

Вдруг я заметил, что финн нырнул в какую-то дыру слева. Я мгновенно сообразил: если не пойду за ним немедленно, он может оттуда встретить меня огнем.

И я, не останавливаясь, нырнул в дыру вслед за врагом.

Темный, подземный ход. И вдруг вбегаю в комнату, ярко освещенную электричеством. Никого. А пути дальше нет.

— Где же финн? Куда он девался?

Имея гранату и винтовку наготове, я оглядел комнату. Вдоль стен—широкие нары, в два этажа, как в вагоне. Выше, на стенах, толстые пучки проводов. Посреди комнаты стоит стол, на столе три примуса. На примусах—котелки, в котелках варится каша. Всюду грудами валяются винтовки, гранаты, револьверы и полевые сумки. Но ни одного человека. Где же финн, за которым я гнался?

Тут подоспели два моих бойца. Встали рядом со мной, держат винтовки наготове, разглядывают комнату.

В одном углу увидели мы целую кучу шинелей. Гляжу—из-под кучи торчит валенок. Сначала я не обратил на него внимания. Стал собирать офицерские сумки, вытряхивать из них документы, карты, схемы, чтобы отправить в штаб дивизии. И вдруг мне пришло в голову: почему этот валенок торчит вверх носком? Если бы он был пустой, непременно свалился бы набок.

Подошел я к куче шинелей. Держу револьвер в правой руке, а левой сгреб шинели и бросил их в сторону. Под шинелями лежит финн, которого я искал. Мертвый. Револьвер в руке. Застрелился.

Я отправил в штаб дивизии документы, найденные в офицерских сумках, а сам со своей группой расположился в занятой траншее. Стали собирать брошенное финнами оружие. Здесь были целые горы винтовок, автоматов, револьверов, ручных гранат, два станковых пулемета. Мы их сразу повернули стволами в сторону финнов. Возле них были ящики лент с тысячами патронов.

Между тем к нам стали подходить через овраг бойцы. Теперь под моей командой было уже человек шестьдесят. Я этому очень обрадовался, так как с минуты на минуту ожидал контратаки.

Но финны предприняли первую контратаку только вечером. Мы встретили их огнем из их же пулеметов. Лес за траншеей был превращен нашей артиллерией в поле, и им негде было прятаться. Не добежав до траншеи, они обратились в бегство.

Контратака отбита. Но я понимал, что неизбежна вторая и что они ее предпримут с гораздо большими силами. Кроме того, в задачу моей группы не входит удержание этой траншеи во что бы то ни стало. Внеся дезорганизацию в ряды противника во время боя, она свое дело сделала.

Однако не хотелось уходить, не причинив врагу возможно больше вреда. И мы остались ждать второй контратаки.

Она последовала глубокой ночью. Мороз, ветер, снег. Финны развили ураганный огонь и ударили на нас с трех сторон. Бойцы мои дрались, как львы. Мне приходилось поспевать и туда и сюда, чтобы объединять действия всей группы и сосредоточивать удар там, где он в данную минуту был наиболее необходим.

Вскоре я обнаружил, что финны основным направлением контратаки избрали зигзагообразный ход сообщения. Здесь было особенно жарко. Мои бойцы, отстреливаясь, начали отходить.

— Гранаты!—кричу.—Давайте мне сюда побольше гранат!..

Гранатой я умею работать, знаю и люблю это оружие. Еще до Красной Армии, в Азербайджане, я завоевывал на соревнованиях первые места по гранатометанию. Обычная хорошая дистанция для гранатометчика—45—50 метров. Мой рекорд—68 метров.

Мне подали связку гранат. Я занял в ходе сообщения позицию и стал швырять гранату в наступающих финнов, медленно пятясь и прикрывая отход своих бойцов. Когда гранаты кончались, я требовал новых, и бойцы подносили их мне.

А тем временем бойцы мои мало-помалу оставляют траншею. Требую еще гранат, но мне отвечают, что не осталось ни одной. Надо и мне уходить. С последней гранатой в руке стою один в траншее. И сразу передо мной появляются три финна с винтовками, направленными на меня.

Хотел швырнуть гранату, но вдруг почувствовал, что правая рука повисла, как плеть. Схватил в левую руку револьвер и выстрелил. Один финн опрокинулся, другие отпрянули и скрылись за изгибом траншеи.

Зная, что через секунду они вернутся, я стал выползать из траншеи к своим, не спуская глаз с противника.

За мной бросился финн с автоматом. Я уложил его из револьвера. Еще один сунулся за мной. И этот грохнулся, подбитый пулей.

Но чувствую—в глазах темнеет, дыхание становится частым и прерывистым. Тут только начал я понимать, что ранен не в руку, а в правую половину груди. Сколько ни заберу воздуха, он до легких почти не доходит, а вырывается наружу, и кровь булькает в ране.

Траншея позади меня имела пологий выход на склон горы. Я повернулся к финнам спиной—больше уже все равно не мог сопротивляться—и пополз.

Ползу. Финны ведут сильный огонь. Пули пролетают надо мной.

В сумраке вижу наших. Они мне кричат. Я теряю сознание.

Очнулся я 15 февраля в госпитале.

Н. Климин

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ИВАН СИВОЛАП

В армию он пришел трактористом и комсомольцем. Этого, конечно, немало для воспитания отличного танкиста, но Иван Сиволап превзошел все ожидания. Едва получив боевую машину, он, казалось, сразу сжился с ней и показывал чудеса вождения. Как-то его даже обвинили в лихачестве. На самом деле лихачество было совсем чуждо этому застенчивому и скромному парню. Уверенность и стремительность, с какой он водил машину, основывались на мастерском владении механизмами. До конца обучения оставалось еще четыре месяца, а Сиволап уже знал и делал все, что можно было потребовать от искусного механика-водителя. Притом он охотно помогал товарищам, делился с ними своим опытом.

Самой серьезной проверкой блестящих способностей молодого танкиста явилось его участие в войне с белофиннами. Иван Сиволап показал на фронте, что он не только водитель-виртуоз, но и бесстрашный, беззаветно преданный Родине патриот.

В начале декабря, когда пришлось столкнуться с минными полями, Сиволап стал преодолевать минированные участки на предельной скорости, рассчитывая, что при этом мина взорвется сзади танка. Это, конечно, очень рискованно, но бывали случаи, когда приходилось брать с хода минированные места.

Однажды мина взорвалась слишком скоро или, может быть, на пути был заложен усиленный фугас. Взрыв произошел под задней частью танка. Мотор вылетел, разрушена была задняя часть корпуса, но экипаж уцелел. Сиволап сидел за рычагом в уцелевшем отсеке танка, оглушенный, но совершенно невредимый.

Впервые Сиволап встретился с дотами в районе Вяйсянена. Шел жаркий бой. Машине, которую вел Сиволап, вместе с другими предстояло преодолеть линии каменных надолб. По донесению разведки всего было пять рядов надолб, расставленных в шахматном порядке.

Сиволап, отыскав место, где препятствия частично были повреждены нашими снарядами, ввел танк между надолбами. Осторожно и ловко маневрируя, он добрался уже до середины, когда ожил один из вражеских дотов.

Снаряд попал в башню машины и повредил ее. Открыли огонь и другие доты, искусно замаскированные под жилые строения. Гибель беззащитной и скованной в своих движениях машины казалась неизбежной.

— Жаль нам стало героического экипажа,—рассказывал после боя командир танковой роты тов. Рыбаков.—Положение его в ту минуту было явно безвыходным...

Но мастерство водителя, его исключительное хладнокровие сотворили чудо. Сиволап сумел повернуть машину почти на месте, двигаясь буквально на сантиметры то вперед, то назад. Однако, развернувшись, танк уперся в гранитные метровые надолбы, установленные так густо, что между ними нельзя было пройти.

Сиволап нащупал левой гусеницей одну из надолб, и машина поползла по ней. Правая гусеница на секунду поднялась в воздухе и по удивительно точному расчету водителя стала самым центром на другую надолбу. Танк рванулся—и так, двигаясь по каменным столбам, прошел всю линию препятствий поверху.

Машина была спасена и могла продолжать бой.

В другой раз, в бою за рощу «Редкая», Сиволап заметил противотанковую пушку противника и доложил об этом командиру танка лейтенанту Егорову. Тот одним снарядом уничтожил пушку.

Сразу заговорила вторая пушка. Снаряд пробил машину и пролетел над самой головой нагнувшегося зачем-то механика-водителя.

— Этак и без прически останешься,—пробормотал Сиволап, ощупывая голову.

Этим снарядом ранило башенного стрелка Смирнова. Раненого стрелка отвезли в тыл, заправились боеприпасами и бензином, и снова Сиволап повел машину в бой.

С 15 февраля меня назначили командиром машины, экипаж которой состоял из механика-водителя Ивана Сиволапа и башенного стрелка Шевченко. Я был очевидцем нового подвига героя-танкиста.

Бой происходил на берегу озера Муола-ярви. Танки дошли до глубокого, залитого водой рва, длина которого, по данным разведки, достигала трех километров. Дальше видны были многочисленные эскарпы, а на опушке леса—гранитные надолбы и несколько рядов проволочных заграждений. Глубокий—больше метра—снежный покров также затруднял движение машин.

Белофинны заметили наше появление у препятствий и открыли артиллерийский огонь. Не ожидая приказаний, Сиволап умело маневрировал, чтобы дать мне возможность наблюдать и в то же время не позволить врагу поразить нашу машину. К тому же он и сам вел отличное наблюдение за полем боя.

— Пушка справа!—доложил он.

Через несколько секунд вражеская пушка замолчала навсегда.

Но вскоре досталось и нам: вражеский снаряд угодил в шаровую установку пулемета и в маску пушки. Пулемет влетел в машину и ударил меня в грудь. Осколками брони я был ранен в голову. Удар снаряда оглушил весь экипаж. Очнувшись, Сиволап прежде всего развернул танк на 180 градусов в глубоком снегу и сделал прыжок на предельной скорости. Когда мы отошли на несколько метров, на только-что оставленном нами месте разорвались еще два снаряда.

Так машину и экипаж спасли сообразительность и инициатива Сиволапа.

Стрелок Шевченко доложил по радио командиру роты Юрасову: пулемет и пушка повреждены настолько, что вести огонь нельзя.

— Вывести танк в безопасное место,—приказал командир роты.

Вскоре Сиволап сдавал меня на медицинский пункт. Я слышал, как кто-то сказал ему:

— Ваш танк безоружен. Оставайтесь в тылу...

Кажется, он ничего не ответил, но по глазам его я понял: не усидит!

И верно, Сиволап нашел для себя дело. Вернувшись в бой, он увидел, что обстановка изменилась,—пехота шла в наступление по озеру. Из-за сильного лобового огня пехотинцы не могли продвинуться по открытой местности. Тогда Сиволап посадил в машину и на броню тринадцать пехотинцев и быстро повез их вперед. Башня надежно укрывала бойцов от пуль. Доставив своих «пассажиров» на занятый нами рубеж, Сиволап заметил пять раненых, ожидавших эвакуации. Он подобрал их, разместил на этот раз перед башней, чтобы она снова служила укрытием, и благополучно отвез в тыл.

Таких рейсов он сделал несколько. К концу боя пехотинцы, завидев его машину, уже встречали Сиволапа возгласами:

— А вот наш любезный санитар!

Белофинны отступили на 6 километров. Когда наши части догнали врага, Сиволап по приказу командира батальона стал доставлять боевым машинам горючее и боеприпасы, сокращая тем самым их поездки в тыл.

Так он работал, пока его машина не получила вооружения и нового командира.

Вплоть до заключения мира пробыл Иван Сиволап на фронте, в непрерывных боях. Он ни разу не был ранен, хотя из экипажа за это время выбыло четыре человека. За всю войну его машина не знала ни одной вынужденной остановки,—если не считать случаев с минами и снарядами. Всего сменил он одну машину, которая подорвалась на мине, на второй же, разбитой снарядами,

поставили новый мотор, отремонтировали продырявленный корпус. На ней Сиволап ездил до конца войны. Это и была известная в бригаде «шестерка», на которой неизменно развевалось переходящее красное знамя с надписью: «Лучшему экипажу».

9 апреля на марше мы встретили знакомого шофера. Он спросил:

— А где же Герой Советского Союза Сиволап?

— Как Герой?

— Ну да! Указ Президиума Верховного Совета есть. В батальоне был митинг. Вся бригада получила орден Красного Знамени, а Сиволап—звание Героя Советского Союза.

Сиволап искренне удивился:

— Я? Мне? Да за что? Не может быть!

И даже увидев газету со своей фамилией, не сразу поверил:

— «Иван Данилович Сиволап»,—читал он.—Да, это я... «Присвоить звание Героя»... Нет, это не мне!

И так раз пять перечитал. Потом поверил.

Капитан

Ф. Феденко

ИНЖЕНЕРНАЯ ВОЙНА

Штурм укрепленной линии начался 11 февраля одновременно на всех участках фронта. У нас прорыв был намечен на левом фланге—там, где было слабое место противника.

Миновав болото, саперы и стрелковые части под прикрытием огня артиллерии растаскивали руками голубые глыбы разбитого снарядами висячего льда. Прячась от пуль за льдины, бойцы заваливали реку бревнами, чтобы сделать проход танкам. Наконец, танки, подмяв под себя проволочные заграждения, ринулись вперед. В нескольких десятках метров от переднего края обороны они наскочили на минное поле.

Чтобы обеспечить проход танкам, я прибыл к минному полю с двумя взводами сапер. В двух десятках метров от меня танк, двигавшийся между кустов, подбросило взрывом, но он остался невредим. Вторым взрывом подбило танк слева, он неуклюже завертелся и стал.

Под пулеметным огнем мы вытаскивали из-под снега четырехметровые чугунные трубы, начиненные взрывчатым веществом.

По тонким, затесанным палочкам, расставленным финнами, чтобы самим не наткнуться на свои же мины, по проволочкам в снегу саперы определили границы минного поля. Наконец, проходы были расчищены и обозначены указателями с надписями.

В два часа ночи мы с командиром дивизии находились в землянке у командира полка, когда позвонил командир батальона Кучинский.

— Я говорю с высоты «Огурец»,—возбужденно кричал он. («Огурец»—так называли мы продолговатую лысую вершину на финской стороне, занятие ее решало исход боя.)—Сапер Антонов уже взорвал один дот вместе с гарнизоном. Давайте еще саперов!

У меня было наготове девять саперных команд. Антонов входил в «саперные щупальцы», которые двигались перед стрелковыми частями.

Через пять минут четыре саперные команды были уже на месте. Вместе со своим помощником Довгим я тоже прибыл на высоту «Огурец».

И вот в темноте поднялся столб пламени, глухо прозвучал взрыв. Через некоторое время—второй. Это наши саперные команды рапортовали об уничтожении двух дотов.

После взятия высоты «Огурец» наши части начали окружать высоту «Апельсин». На ней находились сильные долговременные укрепления. Здесь у нас были немалые потери, но высота была взята.

На вторые сутки пехотные и танковые части подходили к третьей укрепленной вершине «Фигурная».

Мы делали дороги в густом лесу. Стальной грудью упираясь в стволы деревьев, танки ломали их, помогая расчищать путь. Саперы жердями заваливали болота. По жердям шли танки. Орудия перетаскивали на руках.

Боясь окружения, финны отступали, бросая в пути все тяжелое.

На второй полосе вражеской обороны было меньше укреплений. Но зато здесь отступающий враг минировал все: дороги, землянки, кусты, завалы, даже болота.

Финны выдалбливали дыру в утоптанной дороге, закладывали в отверстие мину и маскировали сверху снегом.

Иногда дорога была перекрыта бревенчатым настилом. Стоило потревожить хотя бы одно из бревен, как все взлетало на воздух.

Потеряв голову при отступлении, финны сами натыкались на свои же мины. Заминировав на случай прорыва фронта широкую дорогу до станции Лейпясуо, финны предполагали отступать другой, северной дорогой. Но в это время соседняя с нами дивизия прорвала фронт противника и перерезала ему резервную дорогу для отступления. Отступающий враг был вынужден бежать по своей же минированной дороге. Это была дорога смерти. На протяжении четырех километров в заминированных местах попадались трупы белофиннов.

Две саперные роты в течение нескольких часов вынули по дорогам у Каттила-оя около 800 мин английского и шведского изготовления.

Командир Мирошниченко—в прошлом молодой инженер-строитель, улыбаясь, говорил:

— Мины надо искать внимательно, как грибы. От этого зависит и твоя жизнь и жизнь товарищей.

Однажды с группой очень молодых саперов Мирошниченко разобрал бревенчатый настил длиной в 400 метров и вынул из него 280 мин.

— Вот это называется «искать грибы!»

Если первая линия обороны характеризовалась укрепленными огневыми точками, вторая—минами и завалами, то третья отличалась обилием каменных противотанковых надолб.

Надолбы представляли собой каменные глыбы (высота—1—1,5 метра), врытые в землю и установленные на расстоянии полутора

метров одна от другой, в шахматном порядке. После станции Хейниоки мы ликвидировали на Выборгском шоссе пять рядов каменных надолб, защищаемых огнем автоматчиков. Затем через 500 метров—еще семь рядов, еще через 500 метров—снова пять рядов. Через 9 километров—та же картина. Как-то мы выворотили надолбу и хотели оттащить ее танком, но так и не смогли. Ряды надолб уходили от края и до края горизонта, иногда они перемежались с минными полями. Надолбы мы подрывали. 4—5 килограммов взрывчатого вещества раздробляли каменную глыбу в щебень.

Туманный рассвет 13 марта мы встретили недалеко от речки Вуоксп, севернее Выборга. В воздухе чувствовалась весна.

Не успев построить укрепления, финны залегли за надолбы, обстреливая наши пехотные и танковые части из автоматов, орудий и минометов. Движение войск приостановилось.

Я выбрался из-за камней и медленно пошел вперед.

Навстречу мне вышел младший командир Ивлев.

— Что не взрываете?—спросил я его.

Ивлев не успел ответить, как раздался взрыв. Его отделение подложило финские мины почти под весь ряд надолб. Теперь они взлетели на воздух. Путь был свободен.

Небо просветлело. Выплыло весеннее солнце, и мне показалось, что и солнце сияет от радости.

Вдруг канонада затихла. Я взглянул на часы—они показывали двенадцать. Наступил конец военных действий.

Младший командир
С. Тараскин

КАК Я СПАС РАНЕНОГО КОМАНДИРА

Когда началось наступление на линию Маннергейма, лейтенант Ткаченко был послан для связи со стрелковой ротой. Под командой Ткаченко были два разведчика и два связиста. И лейтенант и четверо красноармейцев, которые были с ним, все они — артиллеристы.

Получили они приказание и поползли в расположение стрелковой роты.

Доползли до проволочных заграждений перед дотами № 185 и 219, нашли стрелковую роту. Она залегла на краю поляны. Поляна эта раскинулась перед проволокой и хорошо простреливалась белофиннами.

Ткаченко и его красноармейцы поползли дальше, за проволоку. И тут были ранены один разведчик и один связист.

Тогда лейтенант Ткаченко приказал второму разведчику остаться с товарищами, которых ранило, а сам со связистом Емельяновым стал продвигаться вперед.

Ползут они. Наблюдают. Емельянов тянет за собой телефонную линию.

Но вот вблизи разорвалась мина. Лейтенант Ткаченко тяжело ранен в живот.

Емельянов оставил телефон и бросился к своему командиру, желая помочь ему. Но только что подполз Емельянов, как пуля белофинского снайпера пробила ему ногу.

Истекая кровью, превозмогая невыносимую боль в ноге, Емельянов дополз до телефонного аппарата и сообщил:

— Лейтенант Ткаченко тяжело ранен в живот... Мы с ним вдвоем... Я тоже ранен в ногу... Лейтенанта надо вынести к своим... А я доползу сам...

Когда было получено это известие, поблизости никого из разведчиков и связистов не было. Поэтому командир дивизиона приказал мне, вычислителю:

— Спасти лейтенанта любыми средствами!

Отдав это приказание, командир дивизиона тут же объяснил мне, как лучше действовать, и я отправился выполнять приказание.

Когда вышел из леса, то сразу сообразил, что полянку переползти не так-то просто. Вся она простреливалась «кукушками». Я взял в сторону, по опушке леса и отполз к проволочным заграждениям не прямо через полянку, а по краешку.

Продвигаюсь к проволочным заграждениям и вижу, что пролезть за проволоку невозможно. Здесь много раненых, а это верный признак, что место хорошо пристреляно.

Взял еще левее. Ползу и вижу—в снегу валяются ножницы. Подобрал их. «Пригодятся,—думаю,—резать проволоку».

Отполз влево и начал орудовать ножницами, делать проход. Меня заметили белофинны и открыли огонь. Я прилег. И не просто прилег, а прямо вдавил себя в снег. Лежу и думаю: «Надо взять еще левее». Подумал так и рванулся влево. Рванулся я влево и удивился: не могу сдвинуться с места—что-то держит меня. Ощупал я свой бок рукой и понял: шинель моя запуталась в проволоке. А белофинны не прекращают стрельбы.

Лежу так под пулями и быстро соображаю: «Жаль шинели, а долг велит оставить ее в виде мишени белофиннам». Подумал и выскакиваю из шинели.

Выскочил я и шмыг влево. А были уже сумерки. Белофинны не заметили моего маневра. Больше того: шинель моя слегка зашевелилась от ветерка, и они начали гвоздить по ней из пулемета, а до того вели лишь ружейный огонь.

Жаль мне шинели, привык я к ней. «Но ничего,—думаю,—и в фуфайке не замерзну». Сверху мелкий снежок порошит, обсыпает меня, маскирует зеленую фуфайку.

Переполз я таким манером еще влево и прорезал проволоку: тут меня белофинны не беспокоили.

Ползу вдоль дороги и вижу саночки. «Как раз,—думаю,—годятся раненого увезти». Прихватил саночки и тащу за собой.

Вскоре я нашел и лейтенанта Ткаченко. Он лежал вверх лицом и дышал тяжело и хрипло.

Я бережно уложил его и пополз, медленно волоча за собой санки с драгоценной ношей.

Доставил раненого командира до первого пункта медицинской помощи, являюсь на командный пункт и докладываю командиру дивизиона, что приказание выполнено.

Выслушал он меня, пожал руку и сказал:

— Вы назначаетесь командиром взвода управления. Возьмите в свое распоряжение двоих связистов и одного разведчика, найдите стрелковую роту, которую поддерживал лейтенант Ткаченко, свяжитесь с ней и действуйте. Только от роты не отрывайтесь...

Роту я нашел в ту же ночь. Связь была быстро восстановлена, и на утро наш дивизион огнем своих батарей поддержал наступление красных стрелков.

17 февраля доты № 185 и 219 были заняты нашей пехотой.

☆

Старший лейтенант

А. Шварц

БОЕВЫЕ УРОКИ

В финскую кампанию мне выпало счастье действовать в качестве командира саперной роты легкой танковой бригады (ныне ордена Ленина). Бойцы этой саперной роты были приучены к осторожности. Между тем в бригаде их всегда называли отважными. И в этом не было противоречия. Осторожность помогает преодолевать препятствия на пути к цели, чтобы в нужный момент проявить решительность и нанести удар.

Как правило, танки шли туда, где саперы уже побывали. Саперы шли всегда впереди, расчищая надолбы и завалы, откапывая мины и фугасы. Действуя с блокировочными группами, саперы ползком подбирались к самым дотам и подкладывали под их бетонные стены сотни килограммов взрывчатых веществ.

— Моя боевая рота!—так назвал нас командир танковой бригады тов. Лелюшенко. Это звучало для нас как самая высокая похвала.

Иногда бойцы и командиры других частей, которые рядом с нами расчищали завалы или взрывали ночью надолбы, спрашивали, почему белофинские пули к нам почти не залетают, в то время как у них все время жужжат над ушами.

— А подумайте сами,—отвечал я.—Вы после взрыва так сразу и идете расчищать?

— Так и идем.

— И покрикиваете, когда что-нибудь не ладится? И закурить иногда захочется?

— Бывает.

— Как же вы хотите, чтобы в вас не стреляли! Враг слышит взрыв, слышит после этого, как гремят лопаты, да еще крикнет кто-нибудь, да папироса невзначай мелькнет,—как же ему не угадать, где вы!..

Моя рота работала совсем иначе. Производя ночью взрывные работы, саперы закладывали тол в таких количествах, что взрывы были почти не слышны и только разрыхляли землю. И все-таки,

мы пережидали некоторое время, прежде чем итти на расчистку. Мы старались не греметь лопатами и перемежали работу длительными паузами, чтобы сбить с толку противника. И уж, конечно, ни разговоров, ни куренья в такой обстановке бойцы себе не разрешали.

Если нужно было работать на открытой местности, то мы предварительно ночью устраивали перед этим местом снежный завал и пользовались им, как ширмой. Отрывая окопы, мы забрасывали откинутую землю снегом. По открытой, обстреливаемой местности мои саперы передвигались только ползком. Лишь в тех случаях, когда требовалась срочность, они применяли перебежку, но и тогда не забывали об опасности. Упав после короткой перебежки в снег, они сначала отползали в сторону и только потом поднимались для нового броска. Это была далеко не лишняя предосторожность. Случалось, что финские снайперы успевали засечь то место, где падал красноармеец, и поражали его пулей как раз тогда, когда он поднимался.

Все это были самые простые и понятные вещи, но именно они часто оказывались решающими. Вот почему финские снайперы были не страшны нашим саперам, как будто саперы были покрыты невидимой броней. Этой броней была элементарная боевая грамотность и осторожность.

Саперы шли в первых рядах во время атаки, но иногда им приходилось рисковать и в такой обстановке, которая совсем не походила на боевую. По себе знаю, что это гораздо труднее, чем в пылу ожесточенного боя.

Во время войны с белофиннами, особенно в начале кампании, ходило много страшных рассказов о финских минах. Не раз нам приходилось отучать отдельных бойцов от излишнего страха перед ними. При достаточной внимательности мину легко обнаружить. Наши саперы во время одного лишь марша от Муолы до станции Хейниоки обнаружили 123 мины и 11 фугасов. Ни один человек от них не пострадал.

Белофинны обычно закладывали мины среди срубленных деревьев, которыми они заваливали дорогу. Расчищая эти завалы, саперы часто находили круглые английские мины (мы их называли «плевательницами»). Бойцы получили специальную письменную инструкцию о том, как надо разряжать эти мины, и хорошо знали их устройство.

Но вот однажды, разбирая завал, саперы откопали плоский деревянный ящик. Конечно, это была мина. В ней, судя по объему, было до семи килограммов тола—достаточно грозное количество даже для танка. Заряженную мину нельзя было оставить ни на дороге, ни в лесу: на нее везде могла натолкнуться пехота. К тому же было ясно, что такие ящики будут попадаться и дальше. Надо было изучить устройство этой мины. А как с ней обращаться—никто не знал. Саперы стояли и молча смотрели на меня. Я был их командиром.

Я оставил товарищам полевую сумку с картой, положил туда

же партбилет и орденскую книжку. Взял мину и отошел с ней в лес, далеко за деревья.

На какую-то долю минуты я задумался, прежде чем приступить к своей работе. Был тихий зимний день. Ели неподвижно застыли, доверху запушенные снегом. С дороги, где саперы расчищали завалы, доносился мирный звук пилы. Стояла непривычная тишина, можно было даже забыть, что ты на войне.

Ящик, который я держал в руках, походил на опрятную почтовую посылку. Его ребра были сшиты проволочными скобами. Видно было, что это не кустарное производство, а изделие специальной мастерской. В середине крышки была сделана на петлях узкая деревянная планка. Под ней наверно скрывался механизм мины. Эту планку и надо было снять.

Пусть никто не говорит, что не знает страха. Я уверен, что у каждого есть это чувство, но есть и другое, которое должно быть сильнее,—чувство долга перед Родиной, чувство ответственности за порученное дело.

Я снял петлю и стал осторожно поднимать планку. Под планкой я увидел железный желобок. Через отверстия, сделанные в его бортах, проходила тонкая чека из мягкого железа. Второй желобок входил в первый так, что при нажиме они, как ножницами, разрезали чеку. Устройство было несложное и, разглядев его, я быстро сообразил, где мне искать капсюль. Я не торопился и несколько раз проверил себя, прежде чем взяться разряжать мину. Вывернув капсюль, я бросил мину в снег. Теперь она была не страшна. Ее можно было бросать, давить гусеницами, рубить топором—тол не взорвется.

Мины в деревянных коробках стали часто попадаться на нашем пути, когда бригада, прорвав главную линию укреплений, двинулась в рейд на север. Однажды эти мины даже сослужили нам хорошую службу.

Перед станцией Хейниоки белофинны преградили нам путь тройным рядом надолб. Это были мощные гранитные глыбы в два-три обхвата. Видимо, они были устроены сравнительно недавно, может быть, уже во время войны. Камень еще не потускнел в разрезе и сверкал зернистыми гранями.

Саперная рота получила приказ сегодня же сделать проход через все три линии надолб. Задача была вдвойне тяжелой не только потому, что противник держал надолбы под сильным обстрелом: у нас нехватало тола, а ждать, пока его подвезут, не было времени.

Помогла наша боевая смекалка. Боец саперной роты Ромадин предложил пустить в дело против финских надолб финские же мины, которые мы незадолго до этого обнаружили и разряжали по пути. Я отправил бойцов подобрать эти мины, а сам пошел вперед к надолбам, где работали саперы стрелкового полка.

Минут двадцать я пролежал за бугром, наблюдая за работой красноармейцев и оценивая обстановку. Видно было, что у бойцов нет достаточного опыта. Они взрывали каждую глыбу в отдельности, подолгу возились над расчисткой, над закладкой тола. У них уже были убитые. Раненые отползали в сторону и прятались в придорожной канаве. По надолбам велся сильный огонь.

Вдруг я обратил внимание на странный характер обстрела. Очевидно, противник вел его с закрытых позиций, автоматически, проведя заранее тщательную пристрелку. Ураганный огонь длился минуты две, и затем наступала пауза. Я сверил по часам. Пауза каждый раз продолжалась 5 минут.

Пока я производил наблюдения, мои саперы собрали и принесли восемь мин в деревянных ящиках.

Мы сменили работавших бойцов и принялись за дело. Как только прекратился очередной шквал огня, я засек время по часам, и мы отправились к надолбам. Бойцы подложили ящики сразу под четыре надолбы и тут же бросились назад.

В запасе оставалась минута. И как только она кончилась, по линии надолб снова пронесся шквальный огонь.

Затем снова наступила передышка. Саперы опять подошли к надолбам и подожгли шнуры. Они уже знали по опыту, что всегда лучше взрывать несколько надолб одновременно, чем порознь,—«соседние» взрывы как бы помогают один другому. Поэтому саперы заранее разрезали шнуры на равные части и поджигали их по сигналу. Так было и на этот раз. Едва кончилась вторая пауза, как снова началась стрельба, и тут же раздался мощный взрыв. Надолбы взлетели на воздух так удачно, что когда, дождавшись третьей передышки, мы подползли к ним, то увидели, что не нужно никакой расчистки.

Так же быстро мы справились и с третьей линией надолб. Мои саперы не получили при этом ни одной царапины.

Покончив с этим делом, я разрешил себе небольшую передышку. Правда, спать не было времени. В эту же ночь мы должны были расчистить дорогу к станции и восстановить взорванный мост. Но на несколько минут я прилег у костра, укутавшись в полушубок и спрятавшись от ветра под брезентовым навесом. Неподалеку расположилась группа бойцов. Прислушавшись к разговору, я понял, что речь идет о нас.

— Понимаешь,—рассказывал один боец,—мы рвали, рвали целый день. А тут пришли какие-то четыре человека с финскими минами. Как рванут—и ничего не осталось. Чистая работа!

Я невольно улыбнулся. Наша работа принесла двойную пользу. Мы не только взорвали надолбы, но и показали другим, как выглядит одно и то же дело, когда его выполняют неряшливо и суетливо и когда за него принимаются обдуманно, со спокойным расчетом.

Враг явно ослабевал. После небольшой задержки под Хейкурилой и Хейниоки танкисты продолжали рейд почти без препятствий. Враги отступали, наспех заваливая дорогу деревьями,

уже не срубая, а подрывая их шашками. Все чаще попадались на пути брошенные финнами винтовки, вещевые мешки, ранцы... Белофинны уже не успевали убирать трупы своих солдат, которые раньше они или сжигали, или увозили в тыл, чтобы создать у нас впечатление своей неуязвимости.

Вечером 12 марта меня вызвали к начальнику штаба и объявили, что на утро назначается атака. Саперной роте предстояло взорвать проходы в гранитной стенке—это было последнее препятствие, которое воздвигли белофинны перед нашими войсками.

Поздно ночью я вернулся к себе. В крытой грузовой машине помещалась наша походная канцелярия. Горела железная печка, несколько командиров спало на скамейках. Было уже 3 часа ночи. Я решил прилечь, чтобы утром подняться, по крайней мере за час до атаки. Вдруг неожиданно, в неурочный час, заговорил репродуктор, и я услышал сообщение о заключении мирного договора. Сначала мне показалось, что я сплю, но в 4 часа сообщение повторилось. Заснуть уже было невозможно. Буря чувств, мыслей, переживаний охватила меня. Решительная политика советского правительства одержала еще одну победу. Финское правительство капитулировало, да и что оно могло еще сделать, когда Красная Армия доказала свое умение преодолевать любые препятствия...

Позади были жестокие бои под Тайпален-йоки; бетонные стены дотов под Ильвесом, разбитые нашими бойцами; мины и завалы под Хейкурилой; надолбы под Хейниоки—весь боевой путь, который прошла рота, не потеряв ни одного человека убитым!..

Младший лейтенант

Н. Кондратьев

ПЛЕННЫЕ

Вечером 17 февраля, после занятия станции Кямяря, наш полк свернул влево по дороге, ведущей к Выборгскому шоссе.

Прошли километра три. Ночь стояла тихая, звездная. Позади в небе виднелись отсветы горящей станции, где-то слышалась отдаленная стрельба. 2-й батальон, шедший головным, неожиданно наткнулся на дорогу, не обозначенную на карте. Из лесу дорога спускалась в низину, а оттуда вела к крутому лесистому косогору. На косогоре—тщательно замаскированные, просторные финские землянки. Их было много, должно быть, тут стояла в резерве одна из финских частей, брошенная теперь на выручку разгромленной линии Маннергейма.

Разместились в первой линии землянок. Спим. Просыпаемся утром, узнаем от дозоров: в соседних с нами землянках—финны.

— Откуда же финны?—спрашиваем.

— Пришли и залегли,—отвечают дозорные.

— А чего же вы не подняли тревогу?

— Зачем? Только вспугнули бы их. Драться они с нами все равно не стали бы: едва на ногах стоят. Должно быть, с линии.

Окружаем землянки. Действительно—финны. Приказываем сложить оружие. Бросают на землю винтовки, автоматы, пистолеты, ножи, патроны. Угрюмые, понурые лица. Цвет кожи землистый. У многих—седые волосы. Почти у всех пляшут руки и чувствуем, не от испуга перед пленом, а, должно быть, от пережитого в дотах ужаса.

Финны молчат. Их много, и все пришибленные, потерянные. Молчим и мы. Вдруг откуда-то сверху косогора раздается тонкий, с восторженно-истерическими нотками, голос:

— Я швед!.. Я швед!.. Я швед!..

Оборачиваемся: от верхней землянки спускается к нам по косогору молодой человек, лет двадцати пяти, в легком пальто, в шляпе, в ботиночках с острыми лакированными носками. Идет, приплясывая от холода, руки подняты вверх, а сам заискивающе улыбается и все повторяет:

— Я швед!.. Я швед!.. Я швед!..

Подошел, оглядывается, кому бы сдаться в плен. Красноармейцы с ненавистью смотрят на этого хлыща в лакированных ботиночках. Из добровольцев, должно быть. Добровольцем против нас, советских людей, пошел... Бродяга!

Увидев, что ни сочувствия, ни одобрения не встречает, швед некоторое время сконфуженно топчется на месте под суровыми взглядами людей, потом, желая, видимо, тронуть наши сердца, опять произносит:

— Я швед...

— Замолчи!—обрывает его красноармеец.—Не швед ты, а дерьмо. Всю свою нацию опозорил...

Финны улыбаются. Должно быть, и они не особенно в ладах с этими молодчиками, завербованными за границей.

По косогору разносится запах кухонь. Красноармейцы подходят к кухням с котелками и возвращаются к землянкам в клубах дымящегося борща, с буханками только-что выпеченного вкусного армейского хлеба.

В группе пленных—движение. Лица финнов вытягиваются, глаза с жадностью смотрят на хлеб, борщ. Многие протягивают руки, просят сдавленным голосом:

— Хлеба, товарищ...

Командиры распорядились накормить пленных. Им дали по котелку борща, дали хлеба, шпику, чаю, сахару.

Как они ели! Руки пляшут, глаза воровато снуют. Им словно не верится, что в руках у них хлеб—настоящий хлеб!

И тут вдруг прибывает к нам командир 3-го батальона капитан Кравченко. С ним красноармейцы, у них тюки финских листовок и прокламаций. 3-й батальон, оказывается, заночевал в даче какого-то русского эмигранта. В подвалах дачи красноармейцы обнаружили финскую военную типографию, печатавшую «обращения к красноармейцам», листовки, прокламации.

А «обращения» эти и листовки вот какие. На одной напечатано жирным шрифтом:

«Красноармейцы! Поворачивайте штыки в землю, сдавайтесь в плен. Мы вас будем кормить маслом, сыром, шоколадом... Пленные красноармейцы получат по стакану вина в день...»

Смотрим на листовки, на пленных финнов, поедающих наш борщ и хлеб. Думаем: этакая ирония судьбы! Нам предлагают масло, сыр, шоколад, вино, а сами рады кусочку нашего хлеба. Тьфу!

Финны позавтракали, просят закурить. Вспоминаем про листовки, становится противно. Но, думаем, не эти люди печатали листовки. Эти—обманутые, они поддались на гнусную шовинистическую пропаганду своих поработителей, не знали, что делают. Вытаскиваем папиросы, угощаем:

— Курите... Да вперед умнее будьте. Не против нас воевать вам надо, а против своих господ, против тех, кто обманывал вас, кто ожесточил вашу душу!

☆

БОРЬБА ЗА ОСТРОВА

Герой Советского Союза генерал-полковник
М. Кирпонос

70-я ОРДЕНА ЛЕНИНА СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ

Одиннадцатого февраля 1940 года 123-я ордена Ленина стрелковая дивизия прорвала линию Маннергейма, положив начало всеобщему разгрому белофиннов.

В развитие успеха героической дивизии части Красной Армии, громя белофиннов, отбивая их контратаки, подошли к Выборгу и штурмовали эту цитадель Карельского перешейка.

Одновременно 70-я стрелковая дивизия, сбивая и преследуя врага, прорвалась к берегам Выборгского залива, захватив укрепленные острова. Затем под огнем противника она совершила беспримерный поход по льду, вышла на северный берег Финского залива и перерезала важнейшую артерию—стратегическое шоссе Выборг—Хельсинки, по которому происходило снабжение Выборгского узла сопротивления противника.

Это в значительной мере определило исход войны—полную победу над врагом.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1940 года сказано:

«За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом доблесть и мужество *наградить*

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

70-ю стрелковую дивизию».

В чем именно выразились образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество? Ответ на этот вопрос дает весь боевой путь 70-й стрелковой дивизии с момента первого удара по врагу, при переходе границы, до последнего часа боевых действий. Беспримерные подвиги совершены ее бойцами, командирами и политработниками за 105 дней боев.

Последняя операция дивизии—овладение островами, выход на северный берег Финского залива и захват отрезка шоссе Хельсинки—Выборг—с полным основанием называется ледовым походом.

В истории русского оружия было лишь два подобных похода. Первый поход русских войск под водительством Петра I, тоже по льду Выборгского залива, как известно, закончился захватом Выборга.

Второй поход был совершен под командованием Багратиона в 1809 году по льду Ботнического залива, когда русские овладели Аландскими островами.

Советские войска совершили третий ледовый поход и тоже нанесли противнику неотразимый удар.

Успешное решение боевых заданий командования частями 70-й стрелковой дивизии стало возможным в результате огромной работы всего личного состава дивизии как во время боевых действий, так и в дни мирной учебы. Особенно упорно ковалась победа в дни перед штурмом линии Маннергейма. Дивизия не покладая рук овладевала опытом боев против белофиннов, училась штурмовать укрепленные узлы обороны врага, блокировать доты и дзоты.

К этому времени у дивизии был немалый опыт боев в предполье.

30 ноября 1939 года, вслед за грандиозной артиллерийской подготовкой, батальоны дивизии лихим броском перешли реку Сестру. Сбивая противника, пытавшегося в ряде пунктов оказать сопротивление, они начали стремительное продвижение вперед.

Бойцы, командиры и политработники горели единым желанием—разбить наголову врага, обеспечить безопасность северо-западных границ могучего Советского Союза, безопасность города Ленина.

Со священными словами «За Родину! За Сталина!» устремлялись вперед славные патриоты нашей страны, подлинные герои.

Коварный и злобный враг заготовил в предполье немало хитрых ловушек. Тотчас же за рекой Сестрой части встретились с минными полями, с заминированными завалами на дорогах и лесных тропах. Вскоре затрещали очереди автоматов с вековых сосен и елей: состоялось первое знакомство с белофинскими «кукушками».

В предполье части и подразделения дивизии столкнулись со своеобразной тактикой врага. Противник действовал мелкими группами, тщательно маскируясь, стремясь к внезапным ударам с флангов и с тыла. Массированный огонь автоматов и пулеметов, которыми противник был обильно вооружен, производил впечатление, что действует многочисленная живая сила врага.

Личный состав дивизии действовал с беззаветной отвагой, но у многих нехватало опыта, конкретных знаний тактики врага. Опыт и знания накапливались в боях, иногда ценой потерь, которые при более глубокой боевой подготовке могли быть гораздо меньшими.

В первые же дни боев проявились воинские таланты коман-

диров, политработников и бойцов. Не только отважно, но и искусно действовали командиры батальонов Угрюмов, Краснов, Москвин, Маричев и другие. Они правильно схватывали и оценивали обстановку, принимали смелые, находчивые решения.

Так, батальон капитана Угрюмова (ныне полковник, Герой Советского Союза) к исходу дня 30 ноября уже занял восточную окраину города Териоки. Батальон умело применял маневр—обходы справа и слева засад противника. В дальнейшем боевая практика неоднократно подтверждала, что белофинны, всегда стремясь к применению флангового обхода и окружения, в то же время сами приходят в панику при обходах и охватах их флангов и быстро оставляют место боя.

По пути до Териоки батальон капитана Угрюмова преодолел несколько минных полей, 16 эскарпов с проволокой и в ночь на 1 декабря, заняв круговую оборону на восточной окраине Териоки, отбил четыре контратаки врага.

В декабре батальон, которым командовал лейтенант А. Краснов (ныне капитан, Герой Советского Союза), подвергся яростной контратаке белофиннов, просочившихся в стык с соседним батальоном. Умело сочетая огонь приданной ему артиллерии и танков, Краснов отрезал противнику пути отхода, бросил на него пехоту с танками и уничтожил всю живую силу врага. В этом бою геройски действовал пулеметчик Кузьма Высоцкий. Он вскочил со своим станковым пулеметом на танк старшего лейтенанта Преображенского и, указывая танкистам на скопления белофиннов, сам вел губительный огонь по врагу. За этот подвиг Кузьме Высоцкому было присвоено звание Героя Советского Союза.

К половине декабря дивизия прошла предполье и заняла участок в районе озера Куолема-ярви перед Кархульским узлом линии Маннергейма, западнее Суммы. Дивизия готовилась к решающему штурму главной оборонительной полосы противника и одновременно изматывала его непрерывными поисками разведчиков и постоянным беспокоящим артиллерийским огнем.

☆

За время боев в предполье накопился боевой опыт и выявились также недостатки, особенно в области организационной.

Считаю нужным особо подчеркнуть: опыт боев в предполье и перед укрепленным районом еще и еще раз подтвердил, что, несмотря на огромное насыщение техникой нашей армии, основным и решающим родом оружия оставалась и остается пехота, действующая и достигающая успеха во взаимодействии с другими родами оружия. На пехоту возлагались большие задачи.

Для командного состава всех родов оружия были проведены показательные занятия по взаимодействию пехоты, артиллерии и танков при взятии долговременных огневых точек, по прорыву оборонительной полосы противника. Для этих занятий мы использовали финские дзоты, захваченные в районе Мелола.

Одновременно личный состав дивизии усиленно обучался хож-

дению и боевым действиям на лыжах с использованием лыжных установок для пулеметов.

Меня волновала мысль: каковы будут темпы продвижения в сложных условиях белофинского укрепленного района, который находился перед нами?

Учения показали медленность продвижения пехоты. Мешала зимняя одежда, тормозил движение маскировочный халат. Я приказал: халаты перешить на комбинезоны, для атаки снимать шинели, оставаясь в ватных телогрейках. Эти мероприятия вдвое ускорили продвижение пехоты.

Изучая финский театр войны, я продумывал вопросы «окаймления огнем», артиллерийской обработки переднего края обороны противника. Белофинны прятались от огня в убежищах на обратных скатах, а как только артиллерийская подготовка заканчивалась, они выбегали из убежищ и открывали стрельбу по нашей наступающей пехоте.

Огневой вал артиллерии не давал возможности оживать вражеским огневым точкам и позволял нашей пехоте успешно продвигаться по оборонительной полосе противника.

При подготовке к решающему штурму мы особое внимание обратили на достижение полного взаимодействия пехоты с артиллерией.

Ни один день не проходил понапрасну. Части и подразделения упорно учились.

Сталинское указание о контроле, без которого и хорошие люди портятся, осуществлялось в дивизии со всей настойчивостью. Мы проверили, как отрываются окопы. Проверка показала, что в ряде подразделений окопы лишь «обозначались».

Эти недостатки были устранены.

Должен сказать, что белофинны были хорошо подготовлены к ведению оборонительного боя. Они искусно использовали местность, хорошо маскировались. Система их огня была продуманной, взаимоувязанной. Артиллерии у белофиннов было немного, и поэтому они часто применяли ее по принципу «кочующих орудий».

Немало стараний приложили мы к организации разведки.

Разведчики стали проникать за проволочные заграждения противника, смело и отважно продвигаясь в глубь его территории, и приносили оттуда весьма ценные сведения.

Так изо дня в день мы накапливали данные о противнике. Много важных сведений дал нам финский солдат-перебежчик. В частности он рассказал, что на каждых двух финских солдат-резервистов приходится один оголтелый шюцкоровец.

Наведение порядка в дивизии, ее подготовка к решающему штурму—все было осуществлено в короткие сроки.

В этом мы строго руководствовались указаниями командующего фронтом товарища Тимошенко.

К моменту штурма у меня была полная уверенность в том, что дивизия готова к выполнению боевых заданий высшего командования.

☆

Когда наступил исторический день—11 февраля,—дивизия имела основное задание—сковать силы противника на своем участке в районе озера Куолема-ярви. Для этого ей предстояло атаковать и занять высоту 34,8 с выходом в укрепленный узел Кархула.

Началась артиллерийская подготовка. Раздались первые залпы, тотчас же слившиеся в могучий и непрерывный гул. В расположении белофиннов бушевал стальной смерч. Взлетали столетние деревья, крошились камни, впрах разлетались логовища врага.

Воодушевленные горячими чувствами патриотизма, преданности Родине, вождю народов товарищу Сталину, пехотинцы пошли на врага, прижимаясь к разрывам снарядов своей артиллерии.

В этот же день высота 34,8 была в наших руках. На другой день части дивизии, сбивая и уничтожая врага, снова продвинулись вперед.

Линия Маннергейма была прорвана. Враг в бессильной злобе и панике откатывался на вторую линию укреплений.

Перед нашими войсками встала задача: развить успех, громить врага до полного его поражения.

Имея в авангарде отдельный разведывательный батальон, дивизия стремительным маршем продвинулась из района Кархулы на побережье Выборгского залива. Это продвижение происходило в боях с озверевшим противником, в чрезвычайно сложных условиях почти полного бездорожья, среди свирепых февральских метелей и заносов.

По пути к Финскому заливу мы овладели несколькими десятками дотов и дзотов.

Зная тактику врага, я особое внимание обращал на фланги, а также на охрану тылов. И как здесь, так и до конца боевых действий все попытки врага обойти нас или напасть из засады ликвидировались немедленно. Успешной была борьба и с финскими «кукушками».

Героически действовала инженерная служба дивизии во главе с капитаном Аксеновым, прокладывая дороги, борясь с завалами, фугасами и минами врага. Связисты, руководимые капитаном Литке, обеспечивали дивизии бесперебойную связь на всем ее пути.

17 февраля части дивизии овладели побережьем, захватив железобетонные доты. Здесь мы попали под огонь тяжелой артиллерии врага с северной части полуострова Койвисто и с островов. Крепость Бьерке и город Койвисто, а также часть полуострова были заняты нашим соседом слева. Перед дивизией стояла задача—очистить северную часть полуострова Койвисто, овладеть островами и выйти через Выборгский залив на северное побережье Финского залива.

Это задание было исключительно ответственным и сложным. Мы понимали, что выходом на материк и овладением шоссе Выборг—Хельсинки дивизия не только обеспечивает основную группировку N-ской армии, наступавшую на Выборг, от угрозы флан-

гового удара со стороны белофиннов, но одновременно и разрывает важнейшую коммуникацию врага, угрожая Выборгу с запада.

Перед дивизией были скалистые острова, поросшие лесом, усеянные валунами. Каждый остров был природной крепостью. Подходы к островам открытые—лед. На островах и на противоположном берегу залива у белофиннов была сеть огневых точек.

Наконец, перед нами был противник, отчаянно сопротивлявшийся, понимавший, что наш успех здесь, на правом фланге, быстро приближает общее его поражение. На участке 70-й стрелковой дивизии было сконцентрировано шесть батальонов противника.

В довершение всего противник пустил в дело тяжелую артиллерию, неоднократно обстреливавшую наши части, когда они продвигались по дорогам, только-что проложенным на льду героями-саперами.

Одному из полков предстояло действовать в первую очередь по овладению островом Ревон-саари. Обстановка была исключительно сложная и трудная. Личный состав полка показал, на что способны верные сыны Родины, советские патриоты. Прямо по-суворовски—каждый боец знал и применил свой маневр. Подразделения очень широко расчленились на льду и быстро охватили остров. Артиллерия врага не смогла остановить это широко расчлененное движение опытных и бесстрашных бойцов. Тактическая смелость не замедлила принести победу. Остров был занят. Белофинны не успели даже сжечь постройки и дома.

Полуостров Койвисто был очищен от врагов двумя стрелковыми полками в упорных боях. Белофинны потеряли 350 человек убитыми и еще больше ранеными. Мы захватили богатые трофеи.

N-скому стрелковому полку была поставлена дальнейшая задача—взять северную часть острова Пии-саари. Там были доты, откуда била артиллерия. Здесь решающую роль в успешном осуществлении задачи сыграло сосредоточение всей артиллерии дивизии на этом, относительно небольшом, участке. Движение пехоты было широко расчленено, как при захвате острова Ревон-саари, и организовано во взаимодействии с артиллерией.

Задача была успешно выполнена. На острове Пии-саари мы разрушили четыре дота, захватили пять орудий, 2 тысячи снарядов, 2 миллиона патронов, вещевой склад и пр.

Тем временем стрелковый полк, приданный соседнему соединению, овладел тремя небольшими островами против Уран-саари.

Наша дивизия продолжала очищать острова, готовясь одновременно к выходу на материк через Выборгский залив.

Надо отметить, что дивизия достигла успехов в результате умелых и уверенных действий ночью. Ночью был разбит противник на полуострове Койвисто. Ночью захватили острова. Ночью два стрелковых полка ворвались на материк и перерезали шоссе.

Ночные действия на льду были единственно правильными и обеспечивали наше продвижение без излишних жертв по ровному, как стол, ледяному пространству.

Успехи дивизии в значительной мере определялись также правильным и четким взаимодействием родов оружия, полным использованием всех огневых средств—от ручных гранат, пулеметов и минометов до артиллерии.

Начальник артиллерии дивизии тов. Нефедов, командиры-артиллеристы Бриченок, Иванов и другие отлично справлялись с любыми боевыми заданиями, проявляя исключительную оперативность и быстро перебрасывая свои огневые средства в зависимости от задачи и обстановки.

Командиры пехотных батальонов крепко сработались с артиллеристами. Они решали боевые задачи совместно. Искусно взаимодействуя, батальоны вслед за огневым валом артиллерии, частью на танках и вслед за танками, ворвались на материк. Один полк, овладев мысом и деревней Виланиеми, продвигался безостановочно в глубину. Полк «оседлал» шоссе Хельсинки—Выборг и, продолжая наступление, овладел мысом Нисалахти и Хейнлахти. Правее ворвался на материк другой полк.

Полк, действовавший отдельно на правом фланге, неотразимым штурмом овладел берегом и высотой 19,6 и захватил деревню Нископохья.

Отдельный разведывательный батальон надежно прикрывал правый фланг дивизии.

Шоссе Хельсинки—Выборг было перерезано на весьма большом протяжении. Оно было в наших руках.

Белофинны расценили наш успех как серьезный и очень опасный удар, как реальную угрозу выхода в тыл Выборгской группировки. Они обрушились яростными контратаками, стали перебрасывать сюда новые части. И здесь они узнали всю силу советской обороны. Мы били, расстреливали в упор оголтелых врагов. Белофинны оставили до тысячи трупов около Нисалахти и Хейнлахти.

На материке 70-я дивизия захватила шестнадцать орудий: четыре 76-миллиметровых, остальные—122-миллиметровые и 152-миллиметровые. Кроме того, пять орудий были разбиты нашим артиллерийским огнем. Пулеметы и автоматы, захваченные нами, исчислялись сотнями.

В дальнейшем дивизия, продвигаясь в сторону Выборга, обеспечила плацдарм для сосредоточения мощной группировки советских войск по сути в тылу у врага. При этом были захвачены еще орудия и трофеи.

Задание командования дивизия выполнила с честью.

А. Андриянов, Н. Белов

ПО ПРИКАЗУ КОМАНДУЮЩЕГО ФРОНТОМ ТОВАРИЩА ТИМОШЕНКО

Прорвав линию Маннергейма, части Красной Армии упорно продвигались вперед, окружая Выборг. Противник терял один за другим укрепленные пункты и узлы сопротивления, откатывался на запад и после сдерживающих боев перешел к обороне на линии пролива Салми-сунд, опираясь на сильно укрепленный Койвисто-Бьеркский район.

Этот район состоял из города-крепости Койвисто и многочисленной группы укрепленных островов на Финском и Выборгском заливах. Среди них главными были острова Койвисто, Пии-саари, Тиурин-саари.

Утром 22 февраля командующий Северо-Западным фронтом товарищ Тимошенко по телеграфу передал приказ: «Во что бы то ни стало к исходу дня взять Пии-саари».

К 9 часам утра наш стрелковый полк занял исходное положение для наступления на Пии-саари. Впереди простиралась четырехкилометровая гладь пролива Салми-сунд. Белое снежное поле или открытое пространство льда представляло единственный путь к сближению с противником. Здесь каждая пядь простреливалась перекрестным пулеметным огнем из дотов. Наше движение на этой ледяной скатерти хорошо просматривалось с наблюдательных пунктов острова. Предстояла исключительно трудная операция штурма морской крепости силами пехоты.

Не только командиры, но и все бойцы понимали всю важность боевого приказа товарища Тимошенко. Этот приказ был воспринят нами с огромным воодушевлением как выражение воли народа—воли Родины.

— Завтра XXII годовщина Красной Армии...—взволнованно говорил красноармеец Подоляк, выражая общее настроение.—Сделаем подарок Родине... Этими руками (он поднял вверх сжатые кулаки) я первый водружу знамя над дотом...

В 9 часов 30 минут подразделения оторвались от материка и расчлененными строями двинулись по заливу. Природа как

бы сочувствовала нам. Ветер крутил в воздухе снежную пелену. Залив был окутан молочнобелым туманом.

Вблизи материка снег доходил до пояса. Но люди упорно продвигались вперед, таща за собою пулеметы, минометы, боеприпасы. Связисты тянули телефонную линию. На сосредоточенных лицах бойцов отражались упорство и воля к победе.

Туман рассеялся, блеснуло солнце.

Раздался глухой орудийный выстрел. Тяжелый снаряд с воем пролетел над нами. Упав на ледовую броню залива, он пробил ее и взметнул столб воды.

Это береговая батарея белофиннов открыла огонь.

В ответ с материка грянул залп наших батарей. За ним — второй, третий...

Выстрелы слились в канонаду.

На берегу Пии-саари взлетали к небу столбы черного дыма. Стоявшие там столетние деревья валились, как подкошенные стебли камыша.

Туда, к берегам острова, были обращены все взгляды.

То там, то здесь разрывались вражеские снаряды, поднимая фонтаны снизой воды. Лед с треском лопался под ударами снарядов. Огромные льдины то погружались в пучину, то громоздились одна на другую. Осколки снарядов с пронзительным визгом проносились над скользкой ледяной поверхностью.

Но люди попрежнему стремились к острову. Стремились изо всех сил.

Вот, захлебываясь, застрочили станковые пулеметы. Это вступила в перестрелку 4-я стрелковая рота, во главе ее — младший политрук Никоненок. Развивая успех, все быстрее шла к острову и 5-я рота. На помощь им обеим спешила полковая артиллерия под командой младшего лейтенанта Колбасьева. Артиллеристы Колбасьева, по пояс в снегу, под яростным пулеметным обстрелом тащили на себе 76-миллиметровые пушки. И прямо на льду, метрах в восьмистах от острова, они заняли позицию и открыли огонь.

К 17 часам противнику все же удалось задержать наше продвижение. Люди залегли на льду.

Командир полка майор Гноевой отдает приказ: «Взять остров штурмом, при поддержке артиллерии».

И когда с материка наша артиллерия обрушилась на островные укрепления врага новой лавиной стали, роты дружно поднялись и устремились к острову.

Впереди бежали коммунисты и комсомольцы. Бежали со штыками наперевес политрук Бандура и младший политрук Никоненок, младший лейтенант Мартьянов, заместитель политрука Зотчик, красноармеец Подоляк...

Первым достиг острова Подоляк. Он с подоспевшей группой бойцов заклинил амбразуры дота, взорвал его и на развалинах водрузил красное знамя.

К 19 часам 3-й батальон ворвался на юго-восточную оконеч-

ность острова. Озлобленный противник не хотел примириться с потерей своего логова и неоднократно переходил в контратаки то на одном, то на другом фланге. После многих контратак, потерпев неудачу, белофинны обратились в паническое бегство.

Противник бросал убитых и раненых, артиллерийские батареи, склады, автомашины, боеприпасы. Он отступал, разбитый и наполовину уничтоженный.

Заняв Пии-саари, мы продолжали преследовать финнов по пятам.

Приказ товарища Тимошенко был выполнен: Пии-саари взят, пути отхода противнику с острова Койвисто отрезаны.

Герой Советского Союза старший лейтенант

В. Москвин

МЫСЛИ О ВОЙНЕ

Где выбрать место для расположения части?

Этот вопрос всегда волнует командира.

Хорошо замаскироваться—таково первое и главное условие. Но маскируясь, надо обязательно учитывать психологию противника. Он будет прощупывать нас огнем, и его надо обмануть.

Когда финны отошли от местечка Мелола, они сожгли все постройки. Мы заняли эту местность. Там есть овраг, хорошо замаскированный. Вода близко. Казалось бы, лучшего места для расположения части не найти.

Но мы там не расположились. Почему? Да потому, что правильно учли психологию противника.

И действительно, снаряды финской артиллерии ложились впоследствии... по оврагу: противник решил, что мы соблазнимся хорошим укрытием. А мы находились куда левее—в местности, сожженной финнами, и никакого урона не несли.

Батарею нашу противнику также не удалось «нащупать». Мы ее выдвинули вперед, под маской кустов, а противник искал ее позади нас, да так и не нашел.

Был в этом районе домик. Крыша сгорела, а стены и высокая труба остались. Труба хорошо видна противнику, а дом скрывают густые сосны.

Так вот труба эта долгое время служила ориентиром для артиллерии противника. Ориентируясь по трубе, финны вели систематический обстрел местности, в которой не было ни одного красноармейца.

А мы жили в домике и прозвали его «хитрым домиком».

Такие места на войне занимать иной раз куда более выгодно, чем «самые скрытные».

Что же значит правильно выбрать место для расположения?

Это значит выбрать место, которое не привлекает «артиллерийского» внимания противника.

☆

Иной раз можно самым простым способом ошеломить противника.

Перед выходом на материк батальону надо было овладеть последним островом. Остров узкий, но длинный. У финнов там были станковые пулеметы, живая сила. Оборонялись они цепко. Стрелковый полк лежал перед островом, а взять его не мог.

Я решил: лежать перед островом нельзя, финны нас хорошо видят и будут просто расстреливать.

Надо брать остров с помощью танков.

Очень хорошо. Но танки на остров с ходу не заползут. Да и надо учесть, что финны, вероятно, приготовились «встретить» наши танки.

Надо обмануть противника.

С рассветом пускаю на остров танки, а позади—пехоту.

По всем признакам, финны, как мы правильно поняли, готовы отбить танковую атаку.

Но я отдаю приказ: танкам остановиться, выстроиться перед островом и открыть бешеный заградительный огонь. Пользуясь этим огнем, пехота бросается вперед, и перед противником неожиданно вырастают наши красноармейцы.

Бросок был настолько сильным и неожиданным, что финны растерялись, оставили пулеметы и бежали в панике.

Мы заняли остров. Теперь наши танки спокойно «вползали» на него...

☆

Финны считают себя очень здоровыми, ловкими и хитрыми. И когда они убеждаются, что мы здоровее, ловче и хитрее их,—теряются, впадают в панику. Своеобразная психология!

У меня были замечательные связные. Товарищи Васильев, Петров и Шевелев. Закаленные, отважные, хитрые бойцы.

Мои связные, куда бы я их ни послал, идут быстро, и страху—ни в одном глазу. Они замечают каждую кочку, каждое деревцо, когда идут в подразделения, и, возвращаясь, никогда не заблудятся.

Финны говорили: «Мы эти места наизусть знаем».

А мои связные говорили: «Мы эти места знаем не хуже, чем финны».

Бывало не раз: финский солдат, заметив Петрова, берет винтовку, хочет стрелять, но связной всегда стреляет первым, укрывшись за дерево либо за камень.

Я однажды слышал, как связной Васильев разговаривал с другим связным.

— Дошел до 2-й роты?

— Не дошел. Не мог пробраться. Белофинны.

— Друг ты мой, на то это и противник. На то и война. По Невскому легче, конечно, итти. А ты бы вон той тропочкой прополз, дальше можно в рост итти, а потом опять ползком. Никто тебя не увидит. Огонь их не прицельный.

☆

Лейтенант
М. Онипко

РЕЙД В ГЛУБОКИЙ ТЫЛ ПРОТИВНИКА

Одним из самых сложных и удачных боев нашей дивизии был бой по занятию острова Уран-саари и города Тронгсунд. При этом бойцы моей роты совершили ночной рейд на остров Уран-саари, зайдя в глубокий тыл противника и перерезав его коммуникации.

Нас было только 80 человек, а финнов, оборонявших остров, в несколько раз больше, и все-таки победили мы.

Дело было так. К исходу 2 марта 9-я рота достигла острова Питкя-саари (первый из лежащих вблизи материка островов).

Обстановка на фронте к этому времени складывалась следующим образом: обороняющийся противник занимал сильно укрепленный остров Уран-саари. Система его обороны распространялась почти на все протяжение прибрежной линии. Особо прочно оборонялись станция Монола (по железной дороге, соединяющей город Тронгсунд с материком) и Тронгсунд.

Моей роте приказано с приданными ей подразделениями составить отряд и с наступлением темноты проникнуть в тыл противника по направлению к станции Уурас, лежащей на полпути от станции Монола до станции Тронгсунд. Цель операции—создать панику в тылу неприятеля. Достигнув этой цели, отряд должен был занять оборону и продержаться в тылу финнов, пока не подойдут наши наступающие части.

Перед началом похода, обращаясь к бойцам, я разъяснил им трудность задачи и сказал:

— Кто больной—пусть выходит из строя!

За всех бойцов ответил украинец Саенко:

— Хворі, товарищ командір, осталысь у госпіталі. Тут хворых немае.

И ни один боец из строя не вышел.

За день до этого мы, находясь на острове Питкя-саари, числились в резерве, и никто из нас не предполагал, что сегодня придется итти на трудное дело.

Кто-то из бойцов сказал:

— Вот и хорошо, что сегодня идем в бой. Вчера для этого в бане вымылись...

Шутка бойца пришлась всем по вкусу. Действительно, осматривая занятый остров Питкя-саари, мы наткнулись на баню, которую впопыхах финны не успели сжечь. Я приказал саперам проверить, не минирована ли баня. Саперы ответили, что ничего подозрительного не нашли.

Приказал затопить печь. Первыми мыться пошли саперы. Все сошло благополучно. В течение дня вся рота побывала в бане. Поистине это был праздник для нас. Хорошенько отдохнув, помывшись в бане, бойцы выглядели отлично. Я еще раз с удовольствием оглядел их бодрые, помолодевшие лица и отдал приказ готовиться к выступлению.

Сначала я послал разведку на соседний остров Пукин-саари и дальше, в направлении станции Уурас. А с наступлением темноты, оставив на острове охранение, рота в расчлененном строю стала двигаться вслед за ушедшим вперед разведывательным отделением.

Ночь выдалась наредкость морозная и темная.

До острова Пукин-саари дошли без приключений. Отсюда мы слышали гром близкой канонады. Это наша доблестная артиллерия громила белофинские гнезда, обстреливая побережье острова в районе станции Монола.

На острове Пукин-саари—ни одного финна. Враги покинули его.

С волнением вступили мы на битый лед пролива, разделявший Пукин-саари и Ураи-саари. Пулеметы и патроны везли за собой на лыжах.

Стараясь ни одним звуком не выдать своего присутствия, осторожно ползли мы вперед по разбитому снарядами льду. Каждый из бойцов полз по льду, ощупывая перед собой путь шестом. Если бы мы не догадались взять шесты, многие могли бы утонуть.

Продолжая энергично работать локтями, мы подползали все ближе к берегу острова. Наконец, смутная полоса финского берега предстала перед нами.

Достигнув района на один километр севернее станции Монола, разведывательное отделение и наша рота натолкнулись на новое препятствие: финны устроили искусственное заболачивание некоторой части берега. Пришлось кое-кому выкупаться!

Командир разведывательного отделения Шумаков, преодолев водную преграду, обнаружил густую сеть проволочных заграждений.

Прошли через эти заграждения и снова в расчлененном строю поползли дальше. Обеспокоенный подозрительным стуком, неприятель обстрелял весь окружающий район из пулеметов и минометов.

Я приказал ответного огня не открывать, чтобы не выдать нашего присутствия. Через короткий промежуток времени финны замолчали.

Вернувшийся из разведки Шумаков донес, что, наблюдая за огнем противника, он обнаружил стык между двумя частями

белофиннов на один километр севернее станции Уурас. Я решил проникнуть в тыл противника именно через этот стык.

В 5 часов утра 3 марта наш отряд, не замеченный неприятелем, проник в стык и, достигнув безымянной высоты на пересечении проселочной и шоссейной дорог, занял круговую оборону.

Здесь был расположен мой командный пункт. Отсюда были хорошо видны обе дороги—и шоссейная и проселочная. Расставив часовых и устроив в камнях и ельнике засады с пулеметчиками, я стал поджидать донесений от взводов, ушедших по моему приказанию в разведку.

Через некоторое время прибыл связной 1-го взвода красноармеец Саенко и доложил:

— Товарищ командир роты, по шоссейной дороге в направлении города Тронгсунд двигаются три подводы и группа финнов.

Я взглянул на дорогу. По шоссе медленно двигались три тяжело нагруженные подводы. Несколько финских солдат шагали вразвалку за медленно бредущими лошадьми.

Когда раздался первый выстрел из нашей засады, они оглянулись по сторонам. Но было уже поздно. Огонь советских пулеметов скосил их прежде, чем они успели что-либо предпринять. Вся группа финнов была уничтожена. Только три офицера, ехавшие на подводе, были взяты в плен. Офицеры имели легкие ранения и могли дать показания. Их привели ко мне.

Я приказал убрать с дороги трупы и засыпать снегом кровь, чтобы другие обозы финнов ничего не смогли заметить и не обнаружили нас.

Разгрузив подводы, мы нашли под рогожей три финских пулемета с запасом патронов и большое количество взрывчатых веществ. Я немедленно распорядился вооружить пулеметчиков, залегших в засадах на стыке дорог, финскими пулеметами. Звук финского пулемета слабее и глуше, чем у нашего. Ведя огонь из такого пулемета, я мог ввести в заблуждение финнов.

Пленные финские офицеры держали себя не так замкнуто, как мы ожидали. На допросе один из них рассказал, что направлялись они в Тронгсунд, чтобы взрывать там склады и поджигать дома, так как финское командование намеревалось отводить войска.

Финский офицер сказал правду. Под действием сильного артиллерийского огня финны начали неорганизованно, мелкими группами отступать в направлении Тронгсунда. Здесь, на стыке дорог, мы ловили их в огневой мешок и уничтожали отряд за отрядом.

Слыша звук своих пулеметов, финны кричали нам:

— Не стреляйте! Это свои!

Но «свои» продолжали стрелять.

За этот день мы уничтожили много белофиннов, пробиравшихся к Тронгсунду.

Через несколько часов запас финских патронов иссяк. Пришлось пустить в ход советские пулеметы,—белофинны поняли, наконец, что в тылу у них противник. Они пытались атаковать нашу

высоту. Но круговая оборона, которую заняли мы, была почти неуязвима.

25 часов мы находились в бою, без сна, без отдыха, в обледеневших полушубках и шинелях, без горячей пищи и воды... Положение наше становилось все труднее. Связь с дивизией была потеряна. Связь с нашей базой на Питкя-саари также отсутствовала. Патроны на исходе, пища—также.

...Наконец-то мы получили подкрепление. Прорвали белофинское окружение и ровно в 12 часов ночи с 3 на 4 марта вступили на окраину Тронгсунда. Но здесь финнов уже не оказалось. На улицах Тронгсунда состоялась волнующая встреча. Мы встретились с капитаном Звягинцевым—командиром 2-го батальона, которому было поручено занять крепость.

Звягинцев сообщил нам, что в дивизии весь наш отряд считался уже погибшим. Тот же Звягинцев сказал мне, что благодаря действиям нашего отряда город Тронгсунд был спасен от сожжения. Враг не успел разрушить портовые сооружения, богатейшие лесные склады и склады боеприпасов.

Красная Армия получила в Тронгсунде громадные военные трофеи. Стали подсчитывать и мы свои трофеи. Нами были захвачены 13 пленных и следующее боевое снаряжение: три станковых пулемета, семь ручных пулеметов, три подводы с взрывчатыми веществами и 4 тысячи пулеметных патронов.

Наш отряд потерял двух убитыми, одного бойца ранило.

Капитан Звягинцев предложил моим бойцам обогреться и отдохнуть. Оставленный мной на острове Питкя-саари 1-й взвод догнал меня здесь, в Тронгсунде.

Делегация поваров нашего батальона преподнесла моим замерзшим бойцам по горячей белой булке. Эти булки были только что выпечены полевым хлебозаводом.

Эту ночь, впервые после долгого перерыва, мы провели в домах Тронгсунда. Заснули, правда, поздно, в 3 часа ночи... Но сон наш был недолог. В семь утра я получил приказ: выступить по следам отступающего противника в направлении острова Равансаари.

Капитан

П. Семьин

НА ЛЬДУ

Ледовый поход нашей дивизии начался с боев под Койвисто. Пуля, снаряд, мина—вот что грозит бойцу в наземном бою. Это опасность привычная. На твердой земле есть средства защиты от нее. Камень, холм, ствол дерева, не говоря уже об искусственных укрытиях, могут защитить бойца. А надежно защищенный боец активен. Он не чувствует себя мишенью. Наоборот, он сам ищет мишень.

Ледовый поход совершался в иных условиях.

Все опасности, с какими боец встречается на твердой земле, встретились и на льду. Но встретились в гораздо более грозном виде.

Ослепительно белая гладь Финского и Выборгского заливов не могла укрыть от ожесточенного огня противника. Здесь природа была совсем безжалостна. На земле всегда можно как-то бороться и с сорокаградусным морозом и с леденящим ветром. Труднее было на льду. Боец лежал в снегу и часами не мог шелохнуться из-за бешеного огня противника. А вдобавок его иногда поливал фонтан морской воды из воронки, вдруг пробитой по соседству снарядом.

И нужно быть бойцом Красной Армии, который твердо знает, за что он сражается, чтобы после долгого лежания на льду все же сохранить в себе первоначальный наступательный порыв и по приказу командира устремиться на штурм береговых укреплений противника.

К обычным опасностям, какие встречались на твердой земле, прибавилась еще и необычная: опасность утонуть. Это была не только психологическая опасность, отражавшаяся на самочувствии бойца, но и вполне реальная. Ведь кроме того, что лед был разрушен снарядами—и нашими и белофинскими,—местами он был тонок (из-за сильных междуостровных течений) и умышленно разрушался белофиннами, причем места разрушений они искусно маскировали.

И, наконец, полное отсутствие дорог. К началу ледового похода лед в иных местах был покрыт почти метровым пластом снега. Можно представить себе, как много человеческих сил затрачивалось на одну только ходьбу!

Если боец все-таки мог как-то преодолеть бездорожье на льду, то артиллерии и танкам приходилось хуже. Еще хуже приходилось тыловым подразделениям, которые должны были продвигаться за бойцами, снабжать их боеприпасами, продовольствием, оказывать медицинскую помощь, эвакуировать раненых и убитых.

Здесь могла помочь только инженерная служба. И она помогла. Коварная ледяная равнина, покрытая метровым слоем снега, предстала перед славными саперами дивизии как новый противник.

☆

Под стремительным натиском наших частей пал Тронгсунд.

Натиск был так неудержим, что белофинны не успели, против обыкновения, сжечь город. Не успели они вывезти и боевое имущество. Нам достались богатые трофеи.

Потеряв Тронгсунд, белофинны отчаянно уцепились за острова, и особенно за маленький островок Раван-саари. Здесь были сильные укрепления. Наши наступавшие части встретили у Раван-саари упорное сопротивление, понесли потери, но решающего успеха все же не могли добиться.

Помощь пехоте должны были оказать танки. Но боевые машины встретили непреодолимое препятствие: лед перед Раван-саари был совершенно не проходим для них. Местами он был тонок, ненадежен, а местами разрушен. И разрушен не только снарядами. Белофинны, например, пропиливали лед квадратами и маскировали эти квадраты. Кое-где прибегли они и к помощи ледокола.

Настойчиво разыскивали разведчики-саперы прямую ледовую дорогу для танков к Раван-саари. И не могли найти. А танки были нужны. Создавшаяся здесь обстановка повелительно требовала их.

Мне и лейтенанту Хоруженко пришло в голову разведать лед не по прямому направлению—от Тронгсунда на Раван-саари, а с востока, по огромной, в несколько километров дуге. Мы наметили начать разведку от самой Тронгсундской крепости.

В этом случае танки, выйдя из крепости, должны были бы забирать по льду вправо на километр с лишним и только потом повернуть налево—на Раван-саари. При этом удар танков по огневым точкам противника, по его окопам и прочим укреплениям, приходился не в лоб, а с тыла.

Но этот удлиненный путь на Раван-саари имел один недостаток: он лежал перед противником, как на ладони, на всем своем протяжении. Однако другого выхода не было.

Начальником разведки был назначен тов. Коршаков, лучший помощник командира взвода. В помощь ему дали шесть человек. В зимних маскировочных халатах, вооруженные топорами, пешнями, которые отличались от полярных только более короткой дере-

вянной ручкой, примитивными измерителями толщи льда (они были сделаны самими саперами из проволоки) и, конечно, неразлучными винтовками,—собрались семеро героев на берегу, скрытые от глаз наблюдателя противника стеной Тронгсундской крепости.

Самый выход на лед в этих условиях был похож на цирковой трюк. Белофинны обстреливали все живое, появлявшееся со стороны советского берега на ослепительно белой глади залива.

Коршаков выходил первым. Неожиданным броском он выскочил из-за каменной стены и ринулся на лед. Он бежал изо всех сил по глубокому снегу, пока не началась стрельба белофиннов. А стрельба вспыхнула через минуту.

Шестеро остальных саперов, я и лейтенант Хоруженко стоим на берегу и смотрим... молчим и смотрим на бегущего по снегу Коршакова. На лицах саперов—нетерпение, когда они смотрят на своего начальника, и ненависть, когда они коротко взглядывают в сторону Раван-саари. А мы с лейтенантом Хоруженко едва скрываем волнение.

Пули свистят вокруг Коршакова... Вот он упал. Он лежит на снегу без всякого движения. Обстрел стихает. Я и Хоруженко разрешаем мучительную загадку: убит или не убит?..

Нет, он жив! Мы отчетливо видим, как Коршаков, лежа на снегу, начинает интенсивно работать пешней. Он врезывается в лед, пробивает в нем лунку, чтобы измерить его толщину. До белофиннов слишком большое расстояние, чтобы они могли заметить движения человека в белом халате, лежащего на снегу.

Тогда шестеро остальных тоже выскакивают из-за стены и стремглав бегут на лед, обгоняя один другого. Опять вспыхивает стрельба. Белофинны убеждены, что люди бегут, чтобы подобрать «убитого». Пусть так думают как можно дольше...

Обстрел усиливается. Саперы падают один за другим. Подобно Коршакову, они некоторое время лежат «убитыми». Затем, когда огонь прекращается, они начинают работать. Вдруг Коршаков вскакивает и бежит дальше. Немедленно вспыхивает беспорядочный огонь. Должно быть, белофинны очень удивлены, что «убитый» ожил и помчался куда-то вдаль от советского берега.

Но вот Коршаков опять «убит».

И снова обстрел стихает.

Но «оживает» второй, третий, четвертый сапер... И каждый бежит, и как только оказывается впереди других,—падает.

Больше часа длилась эта «игра» со смертью и белофиннами. И только тогда финны раскусили, в чем тут дело.

И какой яростный огонь они вдруг открыли! Сколько бы теперь ни лежали саперы, огонь не прекращался. Угрожала опасность, что храбрецы будут постепенно перебиты, несмотря на большое расстояние, отделявшее их от противника. Пришлось отдать приказ о прекращении разведки.

Но лед в этом направлении оказался вполне надежным, и разведку было необходимо как-то продолжить. Продолжение ее назначили

на самые темные часы ночи. Вместе с разведчиками вышли на лед две боевые танкетки. Они могли быть использованы как надежное укрытие во время обстрела и как средство эвакуации раненых и убитых.

На этот раз разведчики успели промерить лед почти по всему намеченному маршруту. Трудно сказать, когда их обнаружил противник. Разведчикам оставалось не более 100 метров до берегов Раван-саари, и только тогда белофинны открыли бешеный огонь из пулеметов и автоматов. Можно думать, что саперы были замечены гораздо раньше, но финны умышленно подпустили их поближе к своему берегу, с тем чтобы уже никто не вернулся на советскую сторону. Бронированные танкетки выручили героев: они послужили надежным прикрытием при «отступлении». Никто из саперов не был убит и лишь один был ранен.

Ледовый путь для танков к Раван-саари был найден.

☆

На следующий день танки должны были сделать пробный налет на Раван-саари.

Командиру танковой роты дан был наказ: «Ни в коем случае не уходить от проторенной полосы влево... Если лед затрещит,— не останавливаясь, делать поворот вправо и полным ходом итти обратно... Подойдя к белофинскому берегу, тщательно просмотреть еще не разведанную саперами стометровую полосу льда... Наметить выход на берег, удобный для всей массы танков, когда они пойдут на штурм». И много еще других указаний получил командир танковой роты.

И танки пошли. Громыхая, вступил на лед первый... второй... третий... четвертый... последний.

Саперы стояли на берегу и волновались. Но танки уверенно идут вперед. Лица бойцов светлеют. Саперы мысленно идут впереди танков.

Начался орудийный обстрел. Сначала снаряды падают очень неточно. Но постепенно ложатся все ближе. Вот один танк остановился.

Подбивается второй танк. Третий, хотя попадания в него не было, тоже почему-то стоит на месте.

Но зато остальные идут. Идут смело. Значит, лед вполне надежен. Значит, он выдержит и всю массу танков, которая пойдет на штурм вместе с пехотой.

Вот головной танк резко надбавил скорость, вплотную подлетел к берегу и понесся вдоль него. Он просматривает удобный выход на берег. Просматривает и одновременно ведет ожесточенную дуэль с белофинскими батареями. Другие экипажи поддерживают его усиленным огнем...

По пятам за пехотой идет трактор. На нем сидят младший командир Белоцерковцев и тракторист Суслик. Они оледенели на пронизывающем ветру.

Трактор снабжен спереди большим металлическим клином. При

продвижении трактора вперед этот треугольник отбрасывает в обе стороны толстые пласты снега. Позади трактора остается гладкая и достаточной ширины «полковая» дорога.

А с материка по только-что созданному пути уже несутся полковые орудия, на рысях мчатся повозки, с грохотом катят танки. Так прокладывались дороги на льду.

В очень короткий срок была создана дорога для стрелкового полка. Она прошла от материка до острова Пии-саари, на расстоянии четырех километров, а затем была продолжена до самого дальнего из островов—Тиурин-саари.

Для другого стрелкового полка была построена двухколейная трехкилометровая дорога—от городской кирки в городе Койвисто до бухты, врезавшейся в остров Койвисто с запада. Дорога прочная и надежная. По ней легко прошли все полковые обозы, полковая артиллерия. Не раз по ней громыхали танки, катились автомашины. После того как белофинские острова были переданы их новым хозяевам—морякам Краснознаменного Балтийского флота, по этой дороге прошли отряды краснофлотцев с их мощной боевой техникой.

Все дороги строились под огнем противника.

Многие строители гибли. Их заменяли другие. Они так же отважно продолжали дело первых.

Саперы нашей дивизии чтят память погибших товарищей и гордятся храбрейшими из своей среды, которых правительство отметило высокой наградой.

Майор
К. Джахуа

ЗАХВАТ ЧЕТЫРЕХ ОСТРОВОВ

На территории Финляндии, гористой, покрытой лесами и озерами, самостоятельные действия мелких подразделений и каждого бойца в отдельности играли огромную роль. Особенно важно было хорошо организовать разведку и наблюдение. Опыт показал, что разведку в условиях этого театра военных действий лучше всего вести отдельными группами (по 8—10 человек) и в разных направлениях.

Замечательны боевые дела разведчиков младшего командира Мухина. Ведя разведку, они расходились по разным направлениям. Через 2—3 часа вся группа собиралась в условленном месте. Мухин суммировал сведения и посылал донесение командиру полка. Характерно, что из 22 разведчиков Мухина только двое были ранены, хотя все воевали вплоть до перемирия.

Когда наш полк вышел к Финскому заливу, Мухину была поставлена задача—разведать силы противника на четырех островах, в том числе на острове Питкя-саари. Разведчикам удалось установить, что противник, занимая эти островки днем, на ночь уходил,— очевидно, опасался окружения. Мухин пробрался на острова и послал соответствующее донесение. В эту же ночь на острова пришла пехота. Утром белофиннов встретил ружейный и пулеметный огонь. Оставив 15 человек убитыми, противник отступил. Захват Питкя-саари дал нам возможность занять находящийся по соседству укрепленный остров Ласи-саари.

Во время разведки Мухин установил, что пирамидальные надолбы белофиннов являются хорошим укрытием для наступающих. Однажды отряд Мухина целую ночь провел в надолбах, ведя разведку боем и выявляя огневые точки противника.

Отступающие белофинны оставляли на деревьях снайперов— «кукушек». Пропустив наши передовые части и оказавшись в тылу, эти «кукушки» стремились вывести из строя наших командиров. Тогда мы применили разведку цепью. Продвигаясь скачками, разведчики осматривали вершины деревьев, камни. Вооружены они

были автоматами и станковым пулеметом. Захватив рубеж, разведчики ставили пулемет в центре и заходили вперед с боков, оставляя пулеметчику сектор для обстрела. Таким путем были обнаружены пять снайперов противника.

При захвате острова Ласи-саари наша пехота шла за огневым валом. Мы разграфили карту. Расстояние между графами—200—250 метров. По этим рубежам батареи вели огонь. Пехота продвигалась от одного рубежа к другому вслед за боевым снарядом.

На острове Туркин-саари, который предстояло занять нашему полку, белофинны имели четырнадцать огневых точек. Из них семь дерево-земляных и пять железобетонных. Деревянные постройки белофинны сожгли, а в каменных фундаментах оборудовали пулеметные гнезда. Находившееся на острове бомбохранилище белофиннов имело перекрытие толщиной в два метра, сверху лежали рельсы. Впоследствии, когда в этом «хранилище» находился командный пункт нашего полка, самолет противника сбросил на него бомбу и не причинил ему никакого вреда. На льду вдоль всего острова тянулись проволочные заграждения. Берега высокие и обрывистые. Танки могли подняться только в одном месте, по дороге.

Группа бойцов, которую возглавлял младший политрук Жолоб, получила задание: зафиксировать, где расположены огневые точки противника. Проделав лопатами проход в проволочном заграждении, бойцы прорвались к пристани острова и организовали здесь оборону. Перед пристанью, примерно на 60 метров, образовалось мертвое пространство. Жолоб вел огонь по флангам, двое бойцов непрерывно наблюдали за пристанью, готовые разить врага гранатами, если он там появится. Белофинны боялись подойти к горстке героев. Огнем с двух соседних островов они отсекли группу Жолоба от основных сил и выставили наблюдателя, который следил за тем, чтобы никто из группы не попытался пробраться к своим.

Враги рассчитывали взять доблестных бойцов измором. Группа Жолоба трое суток, без сна и пищи, отважно вела бой. Патронов у них осталось только по четыре на винтовку и 150—для станкового пулемета. Тогда красноармеец Сенн сказал младшему политруку:

— Разрешите мне выйти к своим. Я принесу патроны и продовольствие.

Перебраться по открытому месту к нашим частям было трудно. На соседнем острове противник зажег постройки, и пламя всю ночь освещало залив. В довершение всего белофинны взорвали лед, и разлившаяся вода стала для бойцов, обутых в валенки, серьезным препятствием.

Но героизм красноармейца не знает предела! Ночью боец Сенн явился ко мне. Его шинель, валенки, портянки промокли и замерзли. Он трое суток не спал и все же рвался назад, к товарищам, сражавшимся у пристани. С ним вместе вызвался итти телефонист Юхин. Они набили вещевые мешки патронами, в карманы положили сахару, взяли четыре буханки хлеба и направились к пристани.

Бойцов я снабдил ракетами и условился о сигналах. Путем сигналов приказал группе Жолоба поодиночке отойти обратно, а на смену ей решил перебросить батальон, с тем чтобы он вклинился в расположение врага, зацепился за сушу и дал возможность нанести поражение противнику.

Вся артиллерия дивизии открыла стрельбу по островам, подавляя огонь противника. Героическая группа Жолоба вышла, а на смену ей были посланы две роты. Одна рота сумела захватить около 100 квадратных метров площади острова и, укрываясь за камнями, повела бой. Мухин, командовавший другой ротой, как только рассвело, тоже ворвался на остров с двенадцатью бойцами и станковым пулеметом. Окруженный врагами, он вел бой на фланге противника. Его ранило в ногу и руку. Бойцы бросились было его вытаскивать.

— Оставьте меня,—сказал Мухин.—Чтобы вытащить меня, надо двух человек. Они нужнее здесь. Оставайтесь. Держитесь до последнего, а я уж как-нибудь доберусь сам...

Истекая кровью, Мухин сумел перейти залив и пришел в расположение части.

Противник попытался послать на остров два лыжных отряда, но наша авиаразведка своевременно обнаружила передвижение этих отрядов, и артиллерия отсекла остров от материка. Она же разбила на острове все укрепления, за исключением бомбоубежища.

На помощь бойцам, сражавшимся на острове, пошла рота Реброва. Он, зайдя с фланга, к 12 часам занял остров. Одновременно командир батальона Никифоров, заметив успех Реброва, повел наступление с фронта. Роты стали преследовать отходящего противника, не давая ему закрепиться на других рубежах. Никифоров с четырьмя саперами вышел к мосту, соединявшему остров с материком. Увидев, что шесть белофиннов готовятся подорвать мост, он двумя гранатами уничтожил врагов, продолжая развивать наступление.

Взятие острова Туркин-саари имело большое тактическое значение. Он прикрывал дорогу, по которой доставлялись боеприпасы на соседний укрепленный остров. Заняв Туркин-саари, наши бойцы и командиры перерезали важную коммуникацию противника. Исход боя был решен мужеством и отвагой красноармейцев, искусными действиями мелких подразделений, которые сумели вклиниться в расположение врага, нарушить его огневую систему и обеспечить тем самым успех всему полку.

Лейтенант
Д. Федоренко

МИНОМЕТЫ НА ОГНЕВЫХ ПОЗИЦИЯХ

Мы прибыли 6 марта на небольшой остров. Здесь было лишь два домика, и те стояли на виду у противника. Весь остров покрыт лесом. Ширина его—150—200 метров, длина—800.

В 15 часов меня вызвал командир батальона на свой наблюдательный пункт, расположенный за небольшим камнем.

Предстояла нелегкая задача—выбить противника с высоты 19,6.

Я командовал минометным взводом. Комбат приказал:

— Минометному взводу занять огневые позиции за домами. Поддержать наступление батальона. Огонь вести по переднему краю обороны, а с подходом танков к берегу перенести его на фланги.

До начала наступления оставалось не более часа.

Ездовой Машковский под огнем белофиннов рысью по глубокому снегу выезжает на огневую позицию.

Работа закипела. Наводчики Лазовой и Большаков со своими расчетами расчищают снег, рубят елки, маскируют минометы, оборудуют пути подхода, готовят мины.

Жарко. Красноармеец Скрипник сбрасывает с себя шинель.

Белофинны выпустили несколько снарядов, которые разорвались совсем близко, но работа продолжалась с еще большей энергией.

Я подошел к артиллерийскому наблюдателю и из-за дерева стал смотреть в стереотрубу. На материке показался белофинн, невдалеке—другой с пулеметом. Откуда-то стреляло 37-миллиметровое орудие.

Скомандовал:

— По белофиннам, заряд 3, угломер 27-60, наводить в точку наводки, прицел 7-20. Первому, один снаряд, огонь!

Первая мина упала у самого берега.

— Прицел 7-60, огонь!

Вторая мина упала у цели.

— Взводом четыре мины, беглый огонь!

Мины вылетали одна за другой. Цели были уничтожены...

Батальон сел на танки, их повел в бой капитан Краснов (ныне Герой Советского Союза).

Наводчик Лазовой, не отрывая глаз от прицела, одной рукой вращал поворотный механизм, а другой—подъемный. Стреляющий красноармеец Скрипник непрерывно опускал мины.

Ствол накалился, на нем уже обгорела краска. Отделенный командир Хаяров докладывает:

— Товарищ лейтенант! Стрелять больше нельзя.

Подаю команду:

— Огонь не прекращать, ствол миномета обсыпать снегом.

Танки вместе с сидящими на них бойцами пошли в наступление. Артиллерия открыла огонь по материку. Шрапнели рвались между деревьями, у самых верхушек сосен и над ними. Снаряды выворачивали с корнями вековые сосны. Когда тяжелый снаряд попадал в логовище белофиннов, все летело кверху.

Танки подходят к материку. Переношу огонь одного миномета вправо, другого—влево. Лишаю белофиннов возможности бить с флангов по атакующему батальону.

И вот из башен танков вырвался шквал пулеметного и артиллерийского огня. Батальон перешел в атаку.

Один белофинн встает, поднимает винтовку и целится в комбата Краснова. Одно мгновенье отделяет командира от смерти. У комбата в руке пистолет. Раздается выстрел, финн падает с простреленной головой. Красноармейцы с боем продвигаются вперед, расстреливая убегающих белофиннов...

Высота 19,6 взята. Подаю команду:

— Приготовиться к смене огневой позиции!

Расчеты двинулись на материк, туда, где минуту назад шел жестокий бой. На льду кое-где лежали убитые. Танки возвращались за боеприпасами. Помогли нескольким раненым взобраться на танк. Но вот очередь из автомата. Просвистели пули, одна из них пробила мне шинель. Расчеты залегли. Я осторожно приподнял голову, посмотрел в сторону, откуда стреляли. Там—небольшой островок, на нем несколько деревьев и много камней. У самого большого камня заметил вспышки.

Послали туда две короткие очереди, и противник затих.

Поднявшись, расчеты продолжали путь к материку. Подходим к берегу на 20 метров. Здесь вода выступает на лед. Беру лыжу, ощупываю ею лед, покрытый водой. Лед крепкий. Двигаемся дальше. Вступаем на материк. Приказываю подготовить новые огневые позиции под огромной гранитной скалой

Лейтенант
П. Крючков

КАК ТРАКТОРЫ СТАЛИ «ТАНКАМИ»

Противник отступал. Части Красной Армии шли по его следам, оттесняя белофиннов к островам залива. Наш взвод вместе со стрелковым батальоном неудержимо продвигался вперед, преследуя остервенелого врага.

В первых числах марта мы вступили на юго-восточную часть острова Уран-саари. Двигаться по острову было очень трудно. Дороги покрывал метровый слой снега. Сорокаградусные морозы уплотнили его, но все же не настолько, чтобы он выдержал тяжесть человека, не говоря уже о машинах. Из-за гранитных скал и из густых лесов нас то и дело обстреливал противник, хорошо знавший местность.

Но, несмотря на это, взвод вместе с батальоном успешно продвигался вперед. За несколько месяцев войны бойцы закалились. Их уже ничто не могло устрашить. Привычными стали ночевки на сорокаградусном морозе, пули, мины, «кукушки», засады, утомительные переходы.

Суровая школа боев и походов сплотила людей в единый, дружный, волевой коллектив. Война обогатила опыт командиров, воспитала из молодых бойцов зрелых и бесстрашных воинов, приучив их к твердой дисциплине.

4 марта, достигнув мыса Тронгсунд, являющегося северной частью острова Уран-саари, мы отдыхали целые сутки. Взятие Тронгсунда, паническое отступление белофиннов, захват огромного количества боевых трофеев—все это показывало, что в рядах финских войск уже началось моральное разложение. Этот момент нужно было использовать и, не теряя ни минуты, гнать и гнать дрогнувшего врага прочь с острова.

Утром 6 марта меня вызвал к себе в штаб капитан Марченко. Когда я пришел, все командиры были уже в сборе, поэтому Марченко прямо обратился ко мне:

— Пришел приказ наступать,—сказал он.—Ваша задача—расста-

вить пушки на южной оконечности мыса Тронгсунд и поддержать огнем наступление пехоты. Ясно?

— Ясно, товарищ капитан!—ответил я и, повторив задачу, отправился к своему взводу.

Через несколько минут орудия уже стояли на огневых позициях, а в 9 часов Марченко передал приказание открыть огонь. В ту же минуту прогрохотал первый залп моего взвода, второй, третий. После артиллерийской подготовки батальон пошел в наступление.

Сразу же яростно затявкали вражеские пулеметы и автоматы. Но еще яростнее загрохотали орудия младших командиров Головко и Кустова и другая артиллерия, поддерживающая батальон.

Бой продолжался до вечера. Белофинны, укрепившись на берегу острова Суонион-саари, могли обстреливать любую точку пролива, разделявшего наши позиции, а фигуры бойцов были хорошо заметны на снегу.

Однако бойцы бесстрашно ползли по льду, пытаясь захватить остров. Только к 5 часам вечера одна из рот батальона сумела занять юго-восточную часть острова Суонион-саари и залечь за прикрытием в ожидании подкреплений...

Незаметно наступила ночь. Морозная, темная.

Наши залпы не могли подавить всех огневых точек противника. Белофинны вели неослабевающий огонь даже в темноте, преграждая путь батальону.

Лежавшие на льду бойцы начали мерзнуть. Положение становилось все тяжелее. Подразделения несли большие потери. Нужно было что-то немедленно предпринять.

В это время я с командиром саперного взвода Ковальским был в ледовой разведке. Разведка ничего утешительного не дала. Быстрое течение в проливе подточило лед, а широкие разводья и трещины от разрывов снарядов еще более затрудняли переправу. Лед оказался настолько слабым, что проваливался под тяжестью тракторов.

Доложив капитану Марченко результаты разведки, я ждал его решения. Нужно искать иной выход.

— Дела неважные,—угрюмо согласился он.

Постояв так несколько минут, Марченко вынул из полевой сумки карту и при свете электрического фонаря показал ее мне.

— Снимайте взвод с огневых позиций,—сказал он.—Обходным путем через Рюевялиниеми достигните к 6 часам 7 марта южной части мыса острова Суонион-саари. Задача ответственная. Понятно?

— Есть,—коротко повторил я приказание, поняв, что батальон, наверное, уже ворвался на остров.

Собрав взвод, подробно разъяснил новую задачу.

Всю ночь, по возможности скрытно, мы двигались к Рюевялиниеми. Шли медленно, преодолевая многочисленные препятствия. Дорога была узкая, каменистая, извилистая, тракторы буксовали в глубоком снегу. Приходилось то и дело браться за лопаты и

подкапывать снег под клиренсом. Коченели руки и ноги, мороз своим ледяным дыханием обжигал лица, но все бойцы и командиры настойчиво и терпеливо вытаскивали тракторы из сугробов, подталкивали их, чтобы к назначенному сроку добраться до места назначения.

Наконец, наши тракторы вступили гусеницами на лед. В этот момент мы все почувствовали огромное облегчение. Да как не радоваться! Приказ выполнен, до батальона оставалось всего каких-нибудь 500—600 метров.

По ровному льду тракторы пошли значительно быстрее, чем по каменистым дорогам. В этом месте пролива лед хотя и был достаточно крепкий, но все-таки большой уверенности не внушал.

— Только бы не искупаться в Финском заливе,—шутил замковый Горшков,—а финну мы всыпем по первое число...

Подъехав вплотную к берегу острова, я прежде всего побежал искать командира батальона Марченко. Пройдя метров сто, вдруг слышу, что меня окликают:

— Крючков?! Ко мне!

Сразу же узнал знакомый голос. Не успел поздороваться с командиром батальона, как получил приказание:

— Нужно разведать передний край противника... Разведать немедленно. О результатах доложите...

— Отцепляй орудия! Товарищ Туровцев, садитесь на трактор с ручным пулеметом,—крикнул я на ходу, подбегая к машине водителя Макшакова.

Вскочив на трактор, я объяснил бойцам задачу, которую нам предстояло разрешить. Узнав в чем дело, они заулыбались...

Макшаков дал полный газ. С грохотом и ревом пошел трактор вперед.

— Чем не танк!—заметил Туровцев, подпрыгивая на выбоинах и ухабах.

Пройдя метров пятьдесят за передовую линию, я слез с машины и лег за дерево. Дальше разведчики пошли одни. Грохот гусениц их трактора действительно походил на шум быстро идущего танка.

Ожидание всегда томительно, а тут, в боевой обстановке—особенно. Прошло несколько минут. Вдруг слышу короткие пулеметные очереди, даваемые Туровцевым. И чем дальше удалялась машина, тем ожесточеннее строчил его пулемет. Потом короткая пауза.

«Неужели подбиты?»—мелькнула мысль.

Но через мгновенье мотор зарокотал как ни в чем не бывало, и я по его нарастающему шуму понял, что разведчики повернули обратно. Значит, машина цела. Я приподнял голову и вскочил на ноги. Со стороны белофиннов ни одного выстрела. Видимо, появление на острове советского «танка» здорово их напугало. В это время из-за лесной опушки показался и трактор. Но почему же они вернулись?

Из подошедшего «танка» выскочил Макшаков и торопливо доложил:

— Товарищ лейтенант! Разведка произведена, противник отступает.

Он устало отер вспотевший лоб рукавицей.

— Молодцы!—похвалил экипаж мнимого танка и побежал к командиру батальона, чтобы передать ему эту приятную новость.

Батальон в эту минуту готовился итти в решающую атаку. Узнав в чем дело, Марченко приказал мне немедленно приготовить тракторы для преследования отступающих.

«Раз один трактор сошел за танк, так почему не сойдут и остальные,—решил я.—У страха ведь глаза велики!» Мой взвод отцепил от тракторов пушки и зарядные ящики. Водители сели за машины. В каждой—пулемет с пулеметчиком.

Через несколько минут три наших «танка» уже шли в голове наступающего батальона, сотрясая лес грохотом гусениц.

На отдельных подступах противник ожесточенно отстреливался, но «танки» делали свое дело. Белофинны так и не поняли, как это большевики умудрились перетащить «танки» через зыбкий и непрочный лед пролива...

С удалым русским «ура» развернутым строем шел батальон по острову, выбивая врагов из траншей и землянок, изо всех щелей и нор.

Наши трактористы и пулеметчики настолько вошли в роль «танкистов», что по всем правилам военной науки шли буквально по пятам бегущих финнов, расстреливая их в упор из пулеметов. Они так увлеклись погоней, что не заметили, как опередили батальон чуть ли не на полкилометра. Увидав это, я хотел дать команду выключить скорости, как вдруг слева, в 150 метрах от головной машины, застрекотал вражеский пулемет. Огнем руководил финский офицер, у пулемета лежало двое солдат. Водитель машины Кравченко, заметив противника, раньше меня направил свой трактор прямо на них.

Белофинны, увидев идущий на них «танк», кинулись в сторону, оставив нам пулемет (по счету уже третий). Добежав до каменной гряды, они было установили новый пулемет, но не успел офицер скомандовать «огонь», как Кравченко метким выстрелом уложил его на месте. Финские солдаты бросились бежать со всех ног.

Остановив тракторы, мы стали поджидать авангард батальона—7-ю роту, которая вскоре и появилась из-за поворота лесной дороги.

К исходу дня нам удалось очистить от противника значительную часть острова и захватить четыре станковых пулемета, больше десятка винтовок, несколько тысяч патронов. Марченко тепло благодарил нас за то, что наши «танки» помогли батальону очистить от врага половину острова Суонион-саари малой кровью.

Наступила ночь, и Марченко решил прекратить преследование противника. Батальон занял круговую оборону. Я расставил машины на флангах батальона и решил тут же, на снегу немного заснуть. Однако спать почти не пришлось.

Проснулся от толчка. Вскакиваю. Начал прыгать и скакать на снегу, чтобы согреть окоченевшее тело. Слышу, по колонне передают:

— Командир противотанкового взвода—к комбату!

Встречаю Марченко по дороге в штаб.

— Вот что, Крючков,—сказал он,—вчера ваши «танкисты» славно поработали... Где они сейчас?

— Вон, стоят возле машин,—указал я рукой.

— Скажите им, пусть продолжают в том же духе. Итак, в голову колонны. Вперед!..

«Танкисты» быстро завели тракторы и снова вышли на дорогу, грохоча впереди доблестного батальона...

На этот раз работы у тракторов было побольше. Шли, открывали огонь, останавливались, снова расстреливали врага, снимали «кукушек», растаскивали завалы. Наконец, подошли к 2-му батальону, который зашел во фланг белофиннам, но залег на снегу, так как перекрестный огонь финнов простреливал лощину.

Задача была ясна—«танкисты» должны немедленно подавить огневые точки врага. Машины ринулись вниз по дороге прямо к сараю, откуда враги вели огонь.

Наше появление подбодрило пехоту. Бойцы поднялись и под прикрытием тракторов кинулись было вперед, но тут «танки» начали буксовать и застревать в глубоком снегу.

Снова задержка. Оглядевшись по сторонам, замечаю, что слева от дороги финны, спрятавшись за каменный завал на опушке, обстреливают нас из автоматов.

Груды камней служили для них надежным укрытием. Несмотря на глубокий снег, я все же решил попытаться подойти к ним поближе. Вздымая фонтаны снега, тракторы двинулись цепной. До белофиннов оставалось 75—100 метров. Мы ясно уже видели их.

Вражеские пули не могли пробить стенки тракторов. Это еще более бесило финнов. В бессильной ярости они попытались вывести из строя водителей и пулеметчиков.

Я бегал от трактора к трактору, приказывая пулеметчикам направлять огонь туда, где появлялись новые цели. Другого способа управлять огнем в создавшейся обстановке у меня не было.

Замечаю, что наш огонь начал стихать. Нехватало патронов в пулеметных дисках. Вскоре они иссякли совсем. Пришлось отводить тракторы обратно. При отходе случилась неприятность. Наши «танки», завязнув в глубоком снегу, забуксовали и встали, как говорится, под носом у противника. Я зарылся в снег и приказал водителям и пулеметчикам прятаться за передней частью трактора.

Положение создалось препаршивое. Патроны кончились. Машины стоят. Оставалось только надеяться на личное оружие.

При выходе из кабины трактора боец Горшков был ранен в ногу, а затем и в плечо. Чтобы сдвинуть машины с места, нужно было очистить снег вокруг них, но огонь финнов не позволял нам пошевелиться. Спасти нас могла только помощь своих. Но как известить их?

К счастью, нас выручили довольно скоро. Начальник артиллерии стрелкового полка капитан Колосов, видевший наш бой с белофиннами, выкатил 76-миллиметровое орудие и прямой наводкой начал обстреливать каменную гряду у опушки леса, где засели белофинны.

Огонь Колосова отвлек внимание врага от тракторов, и мы успели окопать снег вокруг них. Снова радостно зарокотали моторы, и наши «танки» поползли к своим частям.

К исходу дня 8 марта остров Суонион-саари целиком стал советским.

Так скромные тягачи обеспечили победу пехоте и еще раз доказали, что в бою полезен всякий вид оружия, когда его умело применяют.

Герой Советского Союза капитан

В. Маричев

УДАР НА МАТЕРИК

123-я дивизия закрепила свой славный успех, и на нашем направлении белофинны, боясь окружения, стали отступать. Многое сохранилось у меня в памяти о тех славных днях, когда части Красной Армии шли вперед: и бои за полуостров Койвисто, и захват островов, и ледовый поход. Сейчас я хочу рассказать только о нашем успешном ударе на материк.

Все преимущества были на стороне белофиннов. Они сидели на материке в дотах, дзотах, замаскированных в лесу, а наши бойцы шли по голому льду, не имея возможности замаскироваться.

Я запомнил слова командира дивизии тов. Кирпоноса:

— Ни в коем случае не ложиться на лед. Залечь на льду — значит обречь себя на расстрел. Во что бы то ни стало выбираться на материк и бить врага на материке!

Этот боевой приказ был доведен до каждого бойца батальона.

В 4 часа утра батальон вступил в бой. Справа горел Выборг. Огромное пламя пожаров освещало Финский залив.

Первым эшелоном пошла на материк рота старшего лейтенанта Путевца. Путевец бежал впереди, отсчитывая метр за метром. Под пулеметным огнем бойцы кричали друг другу:

— Бегом вперед, не ложись, они расстреляют на льду!

И вот уже совсем близко берег. Еще один рывок, и Путевец первым врывается на материк. Белофинские окопы всего в 20—30 метрах от берега. Стали разрываться ручные гранаты, застрочили наши пулеметы.

Связисты самоотверженно тянули линию за 7-й ротой.

— Путевец?—спросил я, узнав донесшийся по проводу голос.

— Зацепился за берег,—ответил Путевец.—Передние бойцы только-что отбили у белофиннов пулемет...

Я сразу бросил вперед 8-ю роту.

Так был начат удар на материк, завершивший окружение Выборга.

☆

Герой Советского Союза

А. Мамонов

ПОСЫЛЬНЫЙ

Родился я в 1911 году, в Приозерском районе Архангельской области, в бедной крестьянской семье. Работал на лесозаготовках, гонял бревна: и молевым сплавом и на больших плотах. На коне хорошо ездил и на лыжах километров по пятьдесят ходил, на лодке и на бревнах проплывал по самой быстрине. Да и стрелять научился на охоте.

В Красной Армии я прослужил два года, потом демобилизовался. Снова пришел в воинскую часть незадолго до войны с белофиннами.

Попал я в батальон старшего лейтенанта Маричева связным.

В боях приходилось мне не раз под огнем противника пробираться к сражающимся подразделениям, чтобы передать им то или иное приказание командира. Часто белофинны охотились специально за мной, и меня спасало только умение быстро и скрытно ползать по снегу.

Когда мы подошли к линии Маннергейма, начались особенно сильные бои. Запомнилась мне одна, особенно яростная наша атака под Сеппяля.

Было это рано утром. Лейтенант Овсянников со своей ротой пробился под проволоку. Связь с ними была потеряна, и мы не знали, двигаются ли они вперед или стоят на месте. Командир батальона приказал мне установить связь с ротой Овсянникова.

Я знал, что ползти надо как можно быстрей. Чтобы одежда не стесняла движений, снял полушубок и, несмотря на жестокий мороз, пополз в одной гимнастерке. Расстояние-то было всего метров восемьдесят—сто, но роты не видно, потому что она вышла вперед, за кустарники и камни. Ползти было очень трудно и опасно. По каждой замеченной фигуре белофинны открывали пулеметный огонь. Я все-таки добрался до Овсянникова и передал ему приказ командира батальона: во что бы то ни стало двигаться вперед, а если нельзя двигаться, то сообщить, какие причины задерживают наступление.

Вскоре я уже возвращался обратно тем же путем и доложил командиру батальона, что у роты нет связи и два станковых пулемета выбыли из строя.

В этом бою лейтенант Овсянников был тяжело ранен. Я решил его спасти и снова пополз в расположение роты. Я нашел его уже перевязанным. Теперь следовало как можно быстрее отправить его в тыл. Мы с санитаром ползком вынесли из боя лейтенанта Овсянникова, положив его на носилки, сделанные из лыж. Это спасло ему жизнь...

Все вперед и вперед продвигались наши части. Батальон старшего лейтенанта Маричева неизменно шел первым.

Никогда не забуду дней, когда после труднейшего ледового похода мы перерезали шоссе, соединяющее Выборг с Хельсинки, и завершили окружение Выборга.

В Нисалахти белофинны пытались отрезать наши роты от штаба. В эту ночь командир отправил меня с пленным в штаб полка. До штаба было километров семь. Я сдал пленного и вернулся рано утром в батальон, когда люди находились на отдыхе. Лег спать, но сон был тревожным, и вскоре я проснулся. Смотрю—в штабе нет никого, кроме телефониста и нескольких красноармейцев.

— Где комбат?—спрашиваю.

— Ушел,—говорят.

Я забеспокоился, ведь всегда старался, чтобы всюду сопровождать его. Вышел из штаба, смотрю—он! Бежит что есть духу ко мне и кричит:

— Маминов, белофинны идут!

Вид у него возбужденный, он только-что подвергся нападению и убил нескольких врагов.

— Окружить нас пытаются, вот что!..

Я вернулся обратно в штаб, собрал гранаты, патроны. Вдвоем с комбатом побежали мы вперед и увидели большую группу белофиннов. Подпустили их ближе метров на двадцать пять—тридцать и открыли огонь из автоматов. Вдвоем рассеяли прорвавшуюся в тыл группу. Человек двенадцать было убито наповал, несколько ранено, остальные—кто бежал в занятый нами лес, кто удрал обратно.

У нас вышли все патроны, и мы возвратились в штаб. Комбат связался по телефону с ротами и, собрав всех находившихся в штабе, снова вернулся к месту боя.

Из-за леса нас сразу обстреляли минами. Мины начали падать возле нашего танка, который разворачивался на поляне. Здесь, у танка, меня ранило в ногу. Но я никому ничего не сказал, хотя крови потерял очень много: боялся в эти трудные часы оставить своего комбата без помощи и снова пошел с ним вперед.

И должно же было случиться так, что в тот же день он был тоже ранен. Под огнем вынес я из боя любимого комбата старшего лейтенанта Маричева, спас жизнь командира, как велит устав Красной Армии.

Когда узнали о моем ранении, хотели отправить в полковой госпиталь, но я, перевязав рану, остался в строю и находился в батальоне до последних дней войны.

Во время одного сильного боя стали иссякать запасы патронов у наших рот. А белофинны сплошной огневой завесой перерезали единственную дорогу из штаба к ротам.

Я пришел к командиру батальона и спросил:

— Можно мне подвезти патроны?

Он разрешил. Правда, страшновато было—никто не решался даже ходить по этой дороге, и вдруг я еду по ней на санях. И проехал благополучно. Правда, сани были прострелены в нескольких местах.

С дороги свернул в лес, лошадь укрыл, лег на живот, стал разгружать повозку. Сделал несколько «рейсов» к ротам ползком. Потом осмелел—встал в полный рост и начал бегать взад и вперед, не обращая внимания на пули.

Бойцы стали помогать мне разгружать боеприпасы.

Все пулеметы были обеспечены патронами.

В последние дни войны, еще не вполне оправившись после ранения, я попросился в разведку. Мне удалось забраться на чердак одного дома, находившегося поблизости от белофинских позиций, и оттуда наблюдать в бинокль. Я обнаружил финский штаб, заметил, где сидели «кукушки». С одной такой «кукушкой» я завязал перестрелку и заставил ее замолчать.

Весь день я находился на своем наблюдательном пункте. Уже под вечер увидел, что к этому же дому пробираются пять белофиннов. Не знали, видимо, что место-то уж занято. Открыл огонь, и все пятеро полегли на снегу.

Вернувшись в батальон, я доложил обо всем командиру. К месту, где был финский штаб, я пошел вместе с танками. Там были взяты боеприпасы, два легких орудия и противотанковая пушка.

НА ВЫБОРГ!

Капитан
А. Макаров

РАЗГРОМ ФИНСКОЙ ТАНКОВОЙ ГРУППЫ

Доты противника на высоте 65,5 взяты,—и вот уже четырнадцать дней наш стрелковый полк гонит отступающих белофиннов. Четырнадцать дней неимоверного напряжения, ожесточенных боев и схваток. Полк вырвался далеко вперед, перерезал коммуникации противника.

По дороге, пробитой нами сквозь толщу вражеской обороны, двигались наши дивизии, нанося сокрушительные удары вправо и влево. Фланги врага оказались под угрозой.

Белофинны применяли все средства, чтобы смять и раздавить наш полк или хотя бы на время сдержать его движение вперед. На нашем пути возникали различные препятствия: минные и фугасные поля, засады, проволока под током высокого напряжения, надолбы.

На подступах к станции Кямяря нас встретили финские самолеты: два бомбардировщика. Но они успели сбросить всего лишь по бомбе и упали, подбитые советскими «ястребками». На самой станции нас поджидали танки.

Утром 25 февраля, на четырнадцатый день после прорыва, мы остановились в небольшой деревушке Няюкки, близ полустанка Хонканиеми. Командир дивизии приказал нам привести в порядок свои подразделения. Стали мы проверять наши боевые ряды. Нужны пополнение, отдых. Приглядываюсь к бойцам: лица светятся задором, решимостью продолжать наступление, твердым желанием посчитаться с врагами за смерть своих боевых товарищей.

— Устали, товарищи? Отдохнуть хотите?..

— Придет время,—отдохнем, товарищ капитан. Зверя надо бить по горячему следу. Не то опять в норы заползет.

— Значит, будем драться?

— До полного разгрома белофиннов, товарищ капитан!

С начальником штаба батальона лейтенантом Пестриковым обхожу все подразделения. Настроение бойцов всюду одно и то же: продолжать наступление. Всюду бойцы делятся воспоминаниями о пережитом, чистят винтовки, пулеметы. Другие моются, переодеваются, кипятят чай, разогревают консервы. От кухни идет запах

обеда. Солнце мирное, золотое стоит высоко в небе. Только отблески пожаров да отдаленный гул орудий напоминают о войне.

Вскоре меня вызвали в штаб полка. Там уже собрались командиры подразделений. Майор Рослый внимательно приглядывается к каждому, на столе перед ним карта. Ясно,—будем продолжать наступление! В груди сразу становится теплее.

— Выборг, товарищи, близко,—говорит майор Рослый.—В полукилометре перед нами полустанок Хонканиеми, в четырех километрах за Хонканиеми—станция Сяйние, а там и Выборг рукой подать...

Майор с минуту молчит. Большие острые глаза его загораются:

— На нас смотрит Москва, товарищи. Были первыми—останемся первыми. Что скажете на это?

— Ответ один, товарищ командир полка: наступать!

Все мы доложили о готовности подразделений продолжать наступление.

Майор Рослый пригласил нас к карте. Боевая задача: занять полустанок и поселок Хонканиеми. 1-й батальон наступает вдоль линии железной дороги и овладевает северо-западной окраиной поселка, затем выходит на поляну по ту сторону поселка. 2-й батальон овладевает юго-западной окраиной. 3-й наступает за 2-м. К выполнению боевой задачи приступить немедленно...

Началась артиллерийская подготовка. Под прикрытием артиллерийского огня батальоны заняли исходное положение. Снаряды рвутся совсем близко—в 200—300 метрах, вздымая столбы земли и огня. Трещат, рушатся передние домишки.

Сзади что-то ухнуло—один раз, второй, третий. Это метрах в четырехстах от нас рвутся вражеские снаряды. Но вот в воздухе слышится шум моторов. С каждым мгновением он становится все сильнее и сильнее—идут наши бомбардировщики. Шум моторов слышен и на земле: на помощь нам двигаются танки. Сотрясающие землю разрывы авиабомб—и артиллерия противника смолкает. Наши батареи переносят огонь в глубину обороны, а с командного пункта полка подается сигнал: «Вперед!»

2-й батальон вслед за танками врывается на юго-западную окраину поселка. Перед 1-м батальоном открытая поляна. Она простреливается губительным пулеметным и минометным огнем. Предлагаю артиллеристам подавить огневые точки врага.

Командир дивизиона, старший лейтенант Крючков направляется в передовую роту, откуда он управляет огнем. Снаряды со свистом обрушиваются на бетонные фундаменты домов, на небольшие блиндажи из мешков с песком.

— Путь свободен,—докладывает тов. Крючков через короткое время.

Батальон броском преодолевает поляну. Бой завязывается на улицах поселка. Пехоте помогают танки. Финны бегут.

Убегая, враг поджигает поселок. Однако ему не удается подорвать склад с боевым имуществом. Это наши трофеи.

Вышли на поляну северо-западнее поселка: боевая задача выполнена...

Короток зимний день. Дрались, кажется, недолго, а на землю уже ложатся темные тени сумерек. В поселке горят дома. Впереди, за поляной—лес. Когда совсем стемнеет, в отблесках пожара мы будем удобной мишенью для врага.

Подходит командир танковой бригады тов. Баранов. Спрашивает:

— Что думаете, комбат, делать дальше?

— Думаю занять лес. Здесь оставаться нельзя.

— Сажайте людей на танки, перевезу.

Решение принято. Двигаемся в лес. Впереди работают саперы, вылавливая мины и подрывая фугасы. За ними идут танки, на танках—пехота. Лес молчит, но все насторожены. Враг не таков, чтобы оставить без боя лес.

И, словно подтверждая наши предположения, в гул моторов вплетаются пулеметные очереди. Финские пулеметы бьют справа и слева. Бойцы мгновенно соскакивают с танков, развертываются, открывают огонь. Бьют по противнику и танкисты. Враг умолкает.

Прощупываем лес. Он невелик. За лесом глубокий овраг и поляна, справа железнодорожное полотно, слева болотистая низина. Организую круговую оборону: первая рота—на опушке леса перед оврагом, вторая—по линии железной дороги, третья—слева, на скате в низину. Приданная мне танковая рота капитана Архипова располагается у оставленной финнами землянки. Невдалеке устанавливаю батарею противотанковой артиллерии. Командный пункт—в землянке. Близ нее в крохотной бане разместились связисты. Они уже восстанавливают связь с полком и соседями.

В расположении батальона встречаю командира полка. Докладываю об обстановке, о принятых мерах. Осматриваем оборону, проверяем посты.

Ужинаю в землянке вместе с капитаном Архиповым. Командир танкистов—мой давний знакомый. Ворчим на белофиннов, на их волчьи уловки, западни, надолбы и мины.

— Знаете что,—говорит вдруг капитан Архипов.—А вам не кажется подозрительным, что финны что-то больно поспешно оставили Хонканиеми?

— Ваших гостинцев, должно быть, отведать не захотели,—шучу я.

— Да нет, вы без шуток,—настаивает на своем Архипов.—Поселок они почти без боя отдали. Смотрите-ка, не с умыслом ли? По-дружески сказать: жди пакости...

Ночь прошла спокойно. Уже разливался между стволами сосняка холодный рассвет. Батальон поднялся, люди наскоро умываются.

У командного пункта встречаю Архипова. Он просит разрешения отправить танки для заправки к штабу полка.

— Что ж, надо вам попоить своих лошадок. Да возвращайтесь поживее, а то, может быть, ваша помощь и в самом деле понадобится.

Некоторое время слышится грохот отъезжающих танков. Вот он

смолкает. Полная тишина. По вершинам деревьев скользят первые солнечные лучи.

Захожу в землянку. Там шумно: писаря, посыльные. Сажусь завтракать. И вдруг передо мной вырастает запыхавшийся боец:

— Товарищ капитан, финские танки подходят к нашим подразделениям. Два танка прорвали правый фланг, один движется сюда, к командному пункту.

Вот оно что! Финские танки, а за танками, значит, и пехота. Белофинны решили контратаковать.

Немедленно выясняю обстановку. Семь танков. Движутся веером, в обхват батальона. По лесу уже отдаются очереди пулеметов. Батальон принимает бой. Звоню командиру полка. В землянке только я, начальник штаба батальона Пестриков да посыльные. Все другие—в боевом охранении командного пункта.

Бой начался так. Первый из двух вражеских танков, прорвавшихся в глубь нашей обороны, сначала обстрелял домики за поляной, затем, резко развернувшись, ударил двумя очередями по станковому пулемету Овсянникова, укрывавшегося за камнем. Другой танк направился к командному пункту. Пулеметчик Овсянников остался жив, но пулемет был выведен из строя: погнулась крышка короба. А вблизи перед ротой, на искрящейся пелене снега за полотном дороги, уже мелькали белые халаты финнов. Их много. Рота, две...

— Выручал, «Максим», до этого, выручай и сейчас,—шепчет Овсянников и ловкими ударами камня кое-как исправляет крышку короба.

Пулемет заговорил. С десяток белофиннов, неуклюже вскинув руки, роняя автоматы и винтовки, упало навзничь. Другие залегли. Началась перестрелка.

Стрельба особенно разгорелась на левом фланге роты—там, где не было пулемета. Овсянников рывком туда. И как раз во-время: финны бросились в атаку.

— А ну, «Максим», ну, милый...—шепчет Овсянников, и жестокий свинцовый ливень хлещет по врагам в упор. Финны падают, стонут, кричат.

На 1-ю и 3-ю роты наседают пять танков. Из леса за оврагом начинает бить белофинская артиллерия. Тоже хотят, должно быть, устроить огневой вал. Жидковато—нечем похвастать.

Позади в это время раздается оглушительный взрыв. Подбитый нашими артиллеристами, один из прорвавшихся танков остановился. К нему подскочили с гранатами бойцы 3-й роты. Финские танкисты, пытаясь ориентироваться, открывают верхний люк. Тут-то их и настигают гранаты.

Так было покончено с первым из вражеских танков.

Второй танк пробрался к командному пункту батальона. Метрах в десяти он вдруг закачался, будто приподнятый с земли могучей рукой. Туда-сюда—ни вперед, ни назад. Оказалось, наскочил на пень, не может съехать с места. Но башня у него ворочается, сидящим в землянке грозит гибель...

Выручает непредвиденное обстоятельство. Пущенный ловко нашими артиллеристами снаряд валит стоявшую возле танка толстую сосну. Сосна, падая, ударяет о ствол пушки, направленный на землянку, и отводит его в сторону. Сосна так и осталась на башне, и, сколько танкист ни старался сбросить ее, ничего у него не получилось.

Один из финнов, находившихся в танке, открывает люк и стреляет из автомата. Его подсекает из винтовки командир взвода лейтенант Шабанов. Двое других финнов-танкистов стремятся выскочить. Но возле танка уже бойцы-минометчики из подразделения тов. Рубенко. Финны пытаются защищаться. Один падает, сраженный пулей, другого бойцы вежливенько волокут за шиворот к командному пункту.

Так было покончено со вторым вражеским танком.

Другие пять финских танков, взвихривая снег, ринулись на нас. Но на помощь стрелкам подоспел Архипов со своими боевыми друзьями Старковым и Калабуховым. Грозный, тяжелый танк Архипова, вырвавшись из леса, миновал ров, выскочил на поляну и стремительно бросился на врага. Против него было три вражеских танка. Старков и Калабухов ударили на фланговые машины.

В это время в воздухе появились советские «ястребки». По звеньям, они с бреющего полета окатили финскую пехоту свинцовым градом. Белые халаты закувыркались на искрящемся снегу. Самолеты, развернувшись и набрав высоту, вновь полоснули белофиннов свинцом.

С победным «ура» устремилась на врагов наша пехота. Финны удирали. Не все—половина. Другая половина осталась неподвижно лежать в снегу.

А их танки? Танки тоже пустились было наутек, но одного метким выстрелом подшиб Калабухов, другого—Старков, а отважный экипаж капитана Архипова справился с тремя вражескими танками. Так были уничтожены все атаковавшие нас финские танки.

В тот же день полк вошел в Сяйние.

Герой Советского Союза капитан
С. Николенко

РАЗГРОМ БЕЛОФИНСКОГО ПОЛКА

После упорных боев части 123-й стрелковой дивизии заняли фронт Пиенперо—высота 48—Селянмяки. Ближайшая задача дивизии заключалась в том, чтобы сбить противника с его позиции у Хепонотка—Юккола—Хонканиеми и перейти затем в наступление на Выборг.

Наша танковая бригада поддерживала действия дивизии.

Утром 26 февраля меня, как начальника штаба батальона, вызвали вместе с командиром батальона в штаб бригады и приказали отправиться на высоку 48 к командиру стрелкового полка. Мы срочно выехали туда на танке.

Командир стрелкового полка поставил задачу: выделить роту танков для наступления с пехотой и захвата деревни Юккола.

Сведения о противнике были весьма скудные. Предполагалось, что финны, численностью около полка, занимают станцию Хонканиеми, а около полка пехоты с артиллерией расположилось в районе Хепонотка. Нам надлежало выйти в стык этих двух финских полков и угрожать их флангам. Руководить этой операцией приказали мне.

Обстановка была неясная. Легче всего, казалось, наступать южнее высоты 48, вдоль железной дороги Пиенмяки—Хонканиеми. Но, поразмыслив, мы избрали прямой путь—по густому хвойному лесу с глубоким снегом, т. е. такой, на котором враг меньше всего мог ожидать нас.

Это был действительно сложный и трудный путь, но зато и самый надежный, потому что в густом лесу мы были гарантированы от мин, фугасов и противотанковых орудий.

В голове отряда шел наш лучший танк. Рота пехоты старшего лейтенанта Кушеля двигалась непосредственно за танками и около танков. Несмотря на глубокий снег, густой лес и валуны, наши прекрасные машины своими огромными гусеницами подминали под себя деревья, как бурьян, уверенно прокладывая путь себе и пехоте.

Едва мы прошли с полкилометра, как враг начал нас обстреливать из автоматов. Пехотинцы стали жаться к танкам, укрываясь за их стальными корпусами.

Враг пытался задержать нас ружейным и пулеметным огнем. Финская артиллерия не стреляла—ей было трудно угадывать местонахождение танков, которых в лесу не было видно. И мы тоже не видели врага. Всматриваясь, откуда ведется огонь по нашей пехоте, передние танки поворачивались туда и обрушивали на врага пулеметный шквал.

Так мы прошли еще километр. Лес поредел, появились небольшие полянки. Но снег стал еще глубже. Показались колючая проволока, окопы белофиннов. Противник усилил огонь.

Танки развернулись на поляне в боевой порядок, а пехотинцы залегли в глубокие колеи, проделанные гусеницами в снегу. Танкисты продвигались вперед, наблюдая за действиями пехоты.

Помню такой момент. В перископ я заметил, что метрах в ста пятидесяти от меня финн в белом халате мечется из стороны в сторону. То упадет, то перебежит. Не успел я предупредить своего пулеметчика, как финн, точно белка, полез на густую ель. Только снег с верхушки дерева посыпался. Я уже не упускаю финна из виду. С перепугу, думаю, прячется на дереве. Но смотрю—финн начал стрелять из автомата.

Я приказал водителю двигаться прямо на это дерево. Машина пошла на полном газу и лобовой частью ударила в ель, на которой сидел враг. От сильного удара дерево разломилось на три части: слетела верхушка, потом середина дерева, нижняя часть ели была выворочена с корнем. Белофинн попал под гусеницы танка...

Глядя на карту, я подсчитал, что до Юкколы оставалось всего 700—800 метров. Но перед деревней должна была проходить дорога, а ее не видно. Может быть, танки сбились в лесу с пути?..

Вот показались проволочные заграждения. Танки остановились и с места открыли сильный пулеметный и орудийный огонь. Из-за шума моторов трудно было разобрать, стреляет противник или нет.

Передаю по радио: «Огонь прекратить». А сам открываю верхний люк танка и прислушиваюсь. Далеко-далеко слышались редкие выстрелы. Надо было точнее выяснить обстановку.

Быстро выскочив из танка, я позвал к себе нескольких бойцов, младших командиров и командира пехотной группы старшего лейтенанта Кушеля. Танки остановились, заглушив моторы. Пехотинцы лежали в снегу, за валунами.

Ни одного выстрела. В лесу—полная тишина.

Мы осмотрелись: местность слегка повышалась, впереди лес становился реже. Ничего подозрительного.

Тут от головного танка прибежал командир и сообщил, что метров на восемьдесят—сто впереди стоит в лесу домик. Может быть, это окраина Юкколы? Вряд ли. За 500—600 метров от Юкколы мы должны были пересечь дорогу, но не нашли ее.

Что было делать? Наступавший вечер сулил мало приятного. Темнота опасна всевозможными неожиданностями, особенно здесь,

в лесу. К тому же бензин у нас был на исходе, да и снарядов оставалось немного—от шести до десяти штук на танк.

Рассчитывая, что вблизи должна все же проходить дорога, я приказал нескольким танкам со взводом пехотинцев быстро проскочить вперед метров на триста, закрепиться, остановившись левее домика, и разведать местность.

Лишь только танки тронулись с места, как мы увидели шесть финнов, поспешно удиравших вправо. Наши головные танки уничтожили бегущих пулеметным огнем, а сами устремились по указанному им курсу. Но пройдя 300 метров, они остановились: слева показались какие-то подозрительные бугорки, густо занесенные снегом. Пехота перебежками двинулась к ним. Я тоже выскочил из танка и пошел за пехотинцами, держа наган в руке. Вскоре перед нами открылись финские траншеи и окопы. Мы увидели брошенные вещевые мешки, рассыпанные по снегу патроны, несколько винтовок.

Подозрительные бугорки оказались землянками-блиндажами. Мы осторожно зашли в один блиндаж и обнаружили двух тяжело раненных белофиннов. В другой землянке стояла пара откормленных офицерских лошадей...

Ко мне подбежал боец-пехотинец.

— Товарищ командир,—доложил он,—видите, там бугорок снежный? Это землянка. Я к ней подошел, вижу—дымок идет из трубы. Подслушал—там разговаривают внутри...

Я тоже подошел ближе и увидел несколько таких бугорков-землянок. Теперь я понял, почему ни один из финнов не стрелял, когда минут тридцать назад мы совещались, находясь в 200 метрах от их расположения. Замаскировавшись в блиндажах, покрытых снегом, они задумали обмануть нас: оставили пустыми свои передние землянки и траншеи и решили пропустить нас вперед, а потом, используя ночную темноту, окружить и уничтожить. Но это им не удалось!

Я взял взвод пехоты и двинулся к землянкам. У одной землянки прислушался—кто-то там двигается. Я приказываю пехотинцам развернуться попарно и заблокировать выходы из блиндажа, а станковые пулеметы держать на флангах, чтобы отразить возможную контратаку.

Танки развернули башни в сторону фронта и флангов, чтобы при первом появлении финнов открыть уничтожающий огонь.

Белофинны притаились в блиндажах. Видимо, они недоумевали, почему мы не продвигаемся дальше.

Мы же в это время действовали. Пехотинцы ударили бревном в двери первого блиндажа—дверь раскрылась. Я бросил в блиндаж гранату. Взрывом ее часть финнов была убита, остальные—человек одиннадцать—вышли с поднятыми руками. Бойцы окружили их и обезоружили.

Мы направились ко второй землянке. Не успели, однако, подойти к ней, как невидимая финская батарея откуда-то с северо-востока ударила по нашему району.

Целый день не было артиллерийского огня, а тут вдруг—внезапный дальний огонь и прямо по району блиндажей!

Я глянул на землю. Ноги путались в каких-то проводах. Они шли от блиндажей в сторону фронта. Вот она—связь! Я стал рвать провода. После этого артиллерийский огонь вскоре прекратился.

Я скомандовал:

— Из землянок никого не выпускать!

Из крайней землянки попытались выскочить. Находясь рядом с ней, я открыл огонь из пистолета. Один финн упал в снег. Я подошел ближе. Он казался убитым, но в руке его я заметил нож и вновь выстрелил. Финн перевернулся и замахал ножом в предсмертных судорогах.

Мы побежали к другим землянкам. Они были блокированы нашими бойцами. Бойцы бросали гранаты в печные трубы, а при попытке финнов выскочить из блиндажей бросали гранаты в двери, стреляли из винтовок. Так мы уничтожили еще шесть землянок, а в седьмой взяли в плен семерых финнов.

Покончив с землянками, мы организовали круговое охранение: в отрыве от своих надо было соблюдать особую осторожность.

Я написал короткое донесение в штаб:

«Достиг юго-восточной окраины с. Юккола. На пути встретил финскую группировку пехоты. Разгромил ее, закрепился, выставил охранение. Прошу выслать подкрепление, боеприпасы и горючее». Все это я написал условным кодом.

Донесение было доставлено в штаб во-время. Утром к нам подошла свежая рота танков и батальон пехоты для дальнейшего наступления.

Пленных доставили в штаб, допрос их дал ценные сведения. Как выяснилось, в эту ночь (на 27 февраля) нами были разгромлены остатки пехотного полка белофиннов. Искусно замаскированный в глухом лесу, уже потрепанный в предыдущих боях, этот полк имел задание—пропустить вперед наши части, наступавшие на Хепонотка—Юккола—Хонканиеми, и затем внезапным налетом ударить в тыл.

Утром мы увидели результаты ночного боя. У землянок валялось около полусотни замерзших трупов. Шесть землянок было разгромлено, в каждой из них лежало по 40—50 финнов. Всего было уничтожено 350—400 человек.

Нам досталось много трофеев: десятки автоматов и пулеметов, десятки тысяч патронов, сотни винтовок, разное имущество. Были найдены документы штаба и полковая печать.

Наши потери были ничтожны: всего один раненый. Таким образом, разгром вражеского гнезда совершили одна рота красноармейцев и пять танков.

Мы шли к подступам Выборга.

☆

Батальонный комиссар
Ф. Зыков

КРАСНОАРМЕЕЦ ВЕСЕЛОВ

Прорвав укрепленный район, наши части теснили противника, отступавшего по направлению к Выборгу. Нашему полку было приказано захватить станцию Сяйние. Первый эшелон полка, вступив на рассвете в бой, отбросил белофиннов за реку. Командир принял решение для развития успеха ввести в бой 2-й эшелон. Расположившись неподалеку от дороги с группой командиров и политработников 3-го батальона, действовавшего во втором эшелоне, я объяснял им обстановку.

От реки доносились выстрелы. Бой разгорался.

Командиры, ознакомившись с задачей, ушли в свои подразделения. В это время из-за поворота дороги показался красноармеец. Своим видом он обращал на себя внимание. Был он без шапки, на плече нес легкий пулемет, поддерживая его рукой за ремень. По мере его приближения можно было заметить, что с головы, перевязанной бинтом, сочится кровь. Из неперевязанной раны на шее также струилась кровь, стекая по воротнику шинели, покрытому снегом.

Боец был мал ростом и с виду не так уж силен, но, несмотря на ранения, шел бодро.

Когда раненый поравнялся со мной, я показал ему, где находится батальонный пункт медицинской помощи.

— Поторопитесь, вам надо поскорее сделать перевязку.

Красноармеец посмотрел на меня живыми, веселыми глазами. По его разгоряченному лицу пробежала спокойная улыбка.

— А у меня, товарищ батальонный комиссар, ничего серьезного, так только, поцарапали...

Медицинский пункт еще не успел развернуться на новом месте. Раненому оказывали помощь под открытым небом. Когда сняли с него гимнастерку, то заметили третью рану—сквозную, в плечо.

Несколько позже я отправился в батальон. Каково же было мое удивление, когда я увидел этого трижды раненного бойца, направлявшегося обратно, в бой.

— Товарищ красноармеец, остановитесь!

Боец обернулся.

— Вы куда?

— В роту,—отвечал он, и все та же улыбка осветила его лицо.

— Как ваша фамилия?

— Красноармеец 6-й роты Веселов Александр.

— Отправляйтесь немедленно на полковой пункт медицинской помощи, товарищ Веселов. У вас три ранения, и в бою вам делать больше нечего.

Веселов опечалился.

— Товарищ батальонный комиссар,—стал просить он,—разрешите мне еще немного повоевать. Силы у меня хватит. Моя рота...

— Рота выполнит задачу и без вас. Вы же свое дело сделали. Отправляйтесь на медпункт.

Видя, что просьбы не помогут, Веселов пустился на хитрость.

— Разрешите мне хоть пулемет снести в роту. А то там будут его искать, товарищ батальонный комиссар.—И прочтя в моих глазах недоверие, Веселов добавил:—Я сейчас же вернусь...

Я приказал передать пулемет командиру конного взвода младшему лейтенанту Атаманенко, который был со мной. Тут же Веселову подали верховую лошадь. Мы помогли ему взобраться на нее, и в сопровождении коновода он отправился в тыл.

Вернувшись, коновод доложил:

— Раненого бойца доставил на медпункт,—и, качнув головой, рассмеялся.—Ну, и бедовый, все просил отпустить...

Упорство Веселова меня заинтересовало. Решив подробно разузнать о нем, я связался по телефону с командиром 6-й роты младшим лейтенантом Ивановым.

— Красноармеец Веселов,—ответил командир роты,—явился ко мне сегодня в ночь перед началом наступления. До этого он служил в понтонном полку, но так как этот полк в боях не участвовал, Веселов попросился в пехоту. Его направили в полк, который находился во втором эшелоне нашей дивизии. А Веселов стремился поскорее в бой. Тогда его направили к нам, в мою роту. Придя ко мне, Веселов попросил дать ему легкий пулемет и пять-шесть бойцов. Он произвел на меня хорошее впечатление. Я удовлетворил его просьбу и не ошибся: он вел себя все время молодцом.

Красноармеец Веселов действовал в разведывательной группе. С самого начала наступления он был впереди. Из отдельно стоящего домика его обстреляли белофинны. Бойцы залегли. Он решил окружить домик и приказал бойцам рассредоточиться. Переползая по снегу, небольшая группа красноармейцев отрезала противнику путь отхода из домика. В это время Веселов был ранен в голову. Наскоро сделав перевязку, он пополз дальше. Подоспели пехотные подразделения. Белофинны стали поспешно отступать, прикрываясь огромными камнями, которыми была усеяна местность. Ведя меткий огонь из пулемета, Веселов со своими бойцами упорно продвигался вперед.

Веселов за один-два часа успел завоевать уважение среди красноармейцев. Они видели его впервые, но храбрость и смекалка его возымели на них свое действие. Бойцы доверились ему и смело шли на любое опасное дело.

Когда сопротивление белофиннов было сломлено, наши танки бросились преследовать их. Получив разрешение у командира, Веселов вскочил на танк. Он поставил пулемет сошками на башню танка и расстреливал отступающих. Танки шли по лесной дороге. Веселову с танка хорошо были видны цели. Точным огнем он уничтожал белофиннов, укрывавшихся за деревьями и кустами.

Его ранили в шею. Но пуля, к счастью, горло не задела, а пробила только насквозь кожу. Он даже не сделал себе перевязки: было не до этого.

Преследуя противника, танки прорвались к реке. Подходы к ней были заминированы, а мост взорван. Танки не могли продвигаться дальше. Противник открыл по ним огонь из противотанковых пушек. На ремонт моста были брошены саперы. Они работали под ураганным огнем. Красноармеец Веселов, замаскировавшись в снегу, прикрывал их огнем своего пулемета. Наблюдая за противником, он обнаружил пулемет, который мешал работать саперам. Он стал вести методический огонь по пулеметной точке противника и в конце концов заставил его замолчать. Но тут Веселов получил третью рану—в плечо. Командир роты приказал ему итти в тыл. Пришлось подчиниться...

Вот что я узнал в этот день о Веселове.

Потом мне стала известна его дальнейшая история. На полковом пункте медицинской помощи, после того как были сделаны перевязки, Веселов заявил врачу:

— Мне надо вернуться на передовые, у меня там срочное дело.

Врач поинтересовался какое.

— Нам поручено станцию занять, товарищ врач... Сами понимаете, дело неотложное!

Несмотря на «неотложное дело», Веселова отправили в госпиталь, однако он ухитрился вернуться оттуда в часть.

Комиссар полка тов. Гольд рассказал мне:

— В полночь приходит к нам на командный пункт боец с забинтованной головой. Рапортует: «Разрешите доложить, товарищ комиссар, красноармеец Веселов отомстил гадам за мать и отца». Оказывается, у него интервенты расстреляли родителей в годы гражданской войны. Поговорили мы с ним. Все рассказал, как было в бою. А когда зашла речь о госпитале, вижу: человек что-то путает. Ну, я его припер к стенке. Признался, что сбежал из госпиталя. Пришлось обратно отправить...

...Вскоре правительство присвоило красноармейцу Веселову звание Героя Советского Союза.

☆

Герой Советского Союза

И. Аляев

НА СТАНЦИИ СЯЙНИЕ

Когда началась война с белофиннами, я только-что окончил нефтяной техникум, и мои военные знания сводились лишь к умению стрелять из винтовки.

Фронт. Ночи пошли одна холодней другой—безлунные, морозные и тревожные. Лес, где мы стояли, оглашался гулом снарядов, взрывами мин.

После прорыва линии Маннергейма наши части двинулись вперед. Артиллерия сравнивала с землей финские укрепления. 7 марта наш полк находился примерно в 11 километрах к юго-востоку от Выборга. В нашу задачу входило обойти Выборг справа. Финны оказывали ожесточенное сопротивление.

Наша рота, командиром которой был младший лейтенант Чертков, подошла лесом к большой поляне. Мы увидели маленькую железнодорожную станцию Сяйние. Ее прикрывали доты. Командир взвода получил задачу—зайти в тыл укреплениям противника.

Нас было 35 человек—все в белых халатах, вооруженные автоматами, гранатами, двумя ручными пулеметами. Поползли. Наш командир приподнялся, чтобы сказать что-то бойцам, но упал, сраженный вражеской пулей. Как быть? Неужели повернуть в лес, не выполнив задания? Ни за что! Я крикнул бойцам:

— Беру командование взводом на себя.

И мы двинулись дальше по глубокому рыхлому снегу. Один боец ползет впереди, упираясь ногами и раздвигая снег головой, другие—за ним. Когда передний утомится, его сменяет следующий—и так по очереди. Тут уже мы позабыли о морозе, от напряжения стало даже жарко!

Время от времени я указывал, куда двигаться. В один из таких моментов, когда я чуть приподнялся, мне обожгло правое плечо—финская пуля прошла насквозь, раздробила лопатку, рука повисла. Пришлось автомат взять в левую руку. Спустя короткое время меня ранило вторично, уже в грудь.

Теперь нам грозили не столько доты (мы добрались до их

мертвого пространства), сколько автоматчики, засевшие на станции. Там было несколько полуразрушенных строений и один уцелевший дом, откуда по нас строчили во-всю. Я приказал бойцам расползтись в разные стороны, и мы стали полукругом приближаться к дому. Удачные броски гранат—и домик разрушен!

Белофинны почувствовали, что у них в тылу появились советские бойцы, и решили любой ценой выбить нас со станции. Они окружили нас, а мы расположились в двух полуразрушенных домах и стали отстреливаться. Все дали клятву, что живыми не сдадимся!

Налеты врага следовали один за другим. Финские лыжники обстреливали нас с хода из автоматов, подползали к нам в белых халатах. Мы наладили круговую оборону, и по мере надобности я усиливал огонь, переводя часть бойцов на наиболее угрожаемую сторону.

Нельзя не помянуть добрым словом автоматы системы Дегтярева—это легкое и безотказное оружие. Оно нас здорово выручило. Автоматическим огнем и гранатами мы отбивали все налеты белофиннов.

Так прошло три дня. На четвертый день явилась выручка. При помощи артиллерии полк захватил станцию. Меня и других раненых отправили в госпиталь. Здоровые бойцы взвода отказались от отдыха и пошли со своей ротой дальше.

А. Твардовский

ЭКИПАЖ ГЕРОЕВ

Машина Данилы Диденко сама по себе ничем не отличалась от многих таких же точно танков в бригаде. Только экипаж этого танка отличался от всех других экипажей, когда он выстраивался у своей машины.

Сам Диденко был среднего роста. Механик-водитель Арсений Крысюк—чуть пониже. Но башенный стрелок, двадцатидвухлетний Евгений Кривой, был еще меньше водителя. От этого все трое выглядели особенно малорослыми.

Но не рост, не фигура бойцов важны, когда танк идет в бой. С первых же дней войны бойцы доказали это.

Экипаж получил боевое задание. Нужно было подойти с саперами к надолбам, прикрыть саперов своим огнем и помочь им взорвать надолбы, устроить в них «проходные ворота».

Противник без единого выстрела подпустил машину почти вплотную к надолбам. Уже можно было подробно рассмотреть эти неровные глыбы колотого гранита, загородившие дорогу. На полметра—не меньше—они утопали в снегу, наполовину, должно быть, были врыты в землю, а все же выглядели внушительно. Требовалась добрая порция взрывчатки под каждую из этих тумб. Саперы шли вслед за машиной.

Почему же противник не открывает огня?

Арсений Крысюк понимал, в чем дело.

— Он ждет, когда я ему бок подставлю.—И водитель направлял машину так, чтобы не повернуться боком к фронту: опаснее всего получить удар в бок машины.

— Нет, бок я тебе не стану подносить...

Вдруг башенный заметил вспышку огня справа, в мелком ельничке вдалеке от леса. По цвету огня башенный успел распознать противотанковую пушку. Это был первый и последний выстрел пушки. Водитель тотчас развернулся, убрав бок машины, а Диденко ударил из своей пушки по тому месту, где мелькнул огонь. И вдруг повалились елочки, укрывавшие финское орудие. При-

гнувшись, побежали солдаты в коротких тужурках и шапках с козырьками. С третьего или четвертого выстрела Диденко уничтожил пушку. Елочки в беспорядке лежали на снегу.

— Насадили сад,— усмехнулся Диденко.

Елочки были попросту натыканы для маскировки.

Саперы пошли впереди, осторожно прощупывая снег длинными железными прутьями. Они вскоре извлекли из-под снега несколько мин, искусно заложенных противником. Кто-то предложил этими же минами подорвать финские надолбы. Так и было сделано. Когда дым от взрыва немного рассеялся, в надолбах уже чернел проход, усыпанный землей и осколками битого камня.

На другой день через «проходные ворота» машина Диденко вышла за надолбы, чтобы порвать колючую проволоку, открыть дорогу пехоте. Проволока была на деревянном колу. Разметать ее гусеницами не составляло большого труда. Механик-водитель Крысюк, как и накануне, первым заметил опасность. Несколько фигур в белых комбинезонах подползло из-за валунов, на которых круглыми белыми шапками лежал нетронутый снег. Издали финнов различить было трудно. Они и сейчас, видимо, считали, что их не заметили из танка. Ползут, подбираются—один, другой, третий. В руках—будто гранаты. Но это были не гранаты, а бутылки с зажигательной жидкостью. Белофинны спешили к одинокой низкорослой сосенке, стоявшей почти у самой дороги. Оттуда они уже могли попытаться разбить свои бутылки о броню танка. Танкисты подпустили их поближе, но как только первая фигура, достигнув сосенки, чуть-чуть приподнялась, башня повернулась в ту сторону, и грянул выстрел из пушки.

Диденко словно срубил снарядом сосенку и накрыл ею первого из подползавших, убитого наповал. Остальные бросились бежать, укрываясь за валунами.

Дорога в проволочных заграждениях была расчищена до новой линии надолб. Пробить проход в этих новых надолбах надо было бронебойными снарядами. Чтобы выполнить эту задачу, танкисты выехали на другой день по знакомой уже дороге.

Впереди танка Диденко шла машина Дерюгина. И тут произошло вот что. Водитель Крысюк, все время следивший за машиной Дерюгина, увидел, как она вдруг содрогнулась и, как-то перекосившись, загородила впереди дорогу. Когда рядом с ней разорвался снаряд, стало понятно, что это уже второй, а первый, как видно, попал в люк механика-водителя. Машина была подбита.

Первым выпрыгнул стрелок. Сделав шаг—другой, он взмахнул руками и упал на снег возле танка. Его сразила пуля финского снайпера. Прошло несколько секунд. Из машины медленно вылез Дерюгин. Одна нога была в валенке, другая—не понять в чем—точно обмотанная красными тряпками—большая, тяжелая. Он кое-как перетащил ее через борт башни. Стоять он не мог и сразу упал грудью на снег. Его немного укрывала грядка снега, сбитого к краю дороги, но пули уже бороздили эту грядку. Все это было

в 10—12 метрах от машины Диденко и длилось полторы-две минуты.

Огонь своих пушек противник теперь направлял на машину Диденко, но ни командир, ни водитель, ни башенный просто не успели подумать об угрожавшей им опасности. Нужно было спасти товарища. Решение пришло сразу. Арсений Крысюк по приказу своего командира повел машину прямо на Дерюгина. Крысюк, сжав зубы и весь подавшись к смотровой щели, смотрел вперед, стараясь с точностью до сантиметра угадать, где пройдут гусеницы танка.

Дерюгин лежал неловко, немного поперек дороги. Нужно было заходить к его голове слева. Диденко и его друзья боялись только одного: Дерюгин мог не понять, в чем дело, мог потерять сознание, видя, как танк надвигается прямо на него, лежащего, истекающего кровью...

Но Дерюгин понял товарищей. Он выровнял, сколько мог, свое тело на дороге, вытянулся, подобрал руки...

Громоздкие, тяжелые гусеницы завизжали у самой его головы, и машина накрыла его своим грузным корпусом. Пули, бороздившие вокруг него снег, застучали о броню танка.

Открыв нижний люк, экипаж Диденко втащил Дерюгина в машину. Крысюк задним ходом стал уводить машину из-под огня.

В части, где они служили, немало было случаев геройства, немало было людей, показавших редкую отвагу, бесстрашие. Имя самого командира части, Героя Советского Союза В. Н. Кашубы гремело по фронту с первых дней войны с белофиннами.

Нелегко было там обратить на себя внимание, выделиться в ряду уже известных своей храбростью бойцов и командиров. Но трое друзей об этом не думали. Они знали, что воюют не хуже других, а это—главное дело. Так они жили, воевали, берегли свою добрую дружбу—все трое: недавний тракторист Диденко, колхозник Крысюк и житомирский рабочий Кривой...

Фронт лежал уже далеко за линией финских укреплений.

Машина Диденко вышла разведать подступы к одной железнодорожной станции под Выборгом.

День был мглистый и серый. Липкий мартовский снег наматывался на гусеницы. Дорога была трудная. На полпути к станции машина, шедшая следом за танком Диденко, была подбита и зажжена противником. Экипажу удалось выскочить и отползти. Диденко не имел права продвигаться вперед без второй машины. Отойти он также не мог—горящий танк загородил дорогу. Взрывались снаряды, находившиеся в танке. Свернуть с дороги, чтобы обойти этот страшный костер, было нельзя: слишком глубок был снег, а в канавах—мины и фугасы, еще не убранные нашими саперами.

Когда стемнело, белофинны стали подбираться к машине Диденко. Они ползли слева, из-за кустов, перебираясь от одной надолбы к другой, и пропадали из глаз в нескольких шагах от дороги.

— Окружают...

Тогда командир машины тихо сказал башенному:

— Приготовить гранаты...

От ближайшей надолбы приподнялась фигура в белом, за ней другая. Диденко, высунувшись из башни, бросил гранату, за взрывом первой—вторую, третью... Одного убил—это было ясно: фигура в белом осталась на месте. Другие не то отползли, не то притаились где-то за надолбами.

— Живьем они нас не возьмут. Гранат хватит.

Они видели, что настает, может быть, последний час их жизни. Но они знали, что ведут себя в этот тяжелый час хорошо, не хуже других. Только томительно было ждать: когда же финны снова пойдут в атаку? На ожидание уходило сил больше, чем понадобилось бы для самой схватки. Каждая минута требовала полной готовности. В напряжении, в холоде, который постепенно пронизывал их, трудно было удержаться от изнурительной и досадной дрожи, охватывающей все тело.

Они сидели час, два. Похоже было, что ночь сморила белофиннов.

Черный остов сгоревшего танка торчал на обтаявшей от огня дороге.

Крысюк потихоньку вылез из люка, зацепил остывшую металлическую клетку своим тросом.

В четвертом часу ночи они прибыли в свою роту. Машина была в исправности. Экипаж готов, как говорится, выполнить любое новое задание.

— Нет, вы уж закусите да потом поспите хорошенько,—сказал командир роты, прерывая Диденко.

Этот экипаж—ныне экипаж Героев Советского Союза.

Лейтенант

П. Мозговой

РАБОТА САПЕРНОГО БАТАЛЬОНА

Приказ командующего Северо-Западным фронтом С. К. Тимошенко о всеобщем переходе в наступление застал наш саперный батальон в 50 километрах от линии фронта.

Всю ночь батальон готовился к выходу. Посадка людей и погрузка имущества на машины совершались почти бесшумно, при тусклом свете ламп и свечей.

Чувствовалось, что бойцы взволнованы. Командир отделения украинец Кашка, коренастый, среднего роста, обычно шумный и веселый, на этот раз все делал молча. Но в глазах его, когда он докладывал о готовности отделения, ярче обычного вспыхивали огоньки.

Машины тронулись. По дороге нескончаемым потоком двигались грузовики, танки, артиллерия и пехота. До утра еще было далеко, но уже высоко в небе слышался шум моторов. Это патрулировали наши самолеты, охраняя движение войск к линии фронта.

Вот предрассветную тишину нарушили первые разрывы снарядов. По всему фронту началась артиллерийская подготовка. Стало сразу светло, как днем. Сплошной гул канонады длился до пяти часов вечера и сопровождал нас всю дорогу.

Когда мы подошли к бывшему финскому военному лагерю, расположенному в помещениях дачного поселка, то узнали, что славная 123-я стрелковая дивизия прорвала линию Маннергейма. По дороге нам встретились первые пленные, первые трофеи...

Началась обычная боевая работа саперов. Тут я впервые увидел, что между нашей учебой в мирной обстановке, с ее условностями, и фронтом, где нет ничего условного и надуманного,—«дистанция огромного размера». В саперном деле я не был новичком. Военно-инженерное училище, оконченное в 1937 году, дало мне немало практических знаний по специальности. И все же в боевой обстановке пришлось если не переучиваться, то во всяком случае быстро освоить много нового.

На долю нашего батальона выпала задача—разминировать первые прорванные участки линии Маннергейма. Кругом обломки

железобетонных конструкций, остатки проволочных заграждений, взорванные танки, уныло торчащие огромные пни вековых сосен, осколки снарядов. Среди всего этого скрывались многочисленные ловушки, расставленные белофиннами. Полезет сапер осматривать взорванный дот, начнет отваливать в сторону камень, который мешает проложить телефонную линию, или просто сдвинет с дороги какой-нибудь обломок—вдруг взрыв... Мина!

К каким только уловкам ни прибегал враг!

Мне лично не раз приходилось самому разминировать ловушки, в которых приманкой служили такие вещи, как велосипеды, стенные часы, новая одежда. Хитер-то, хитер враг, да неизвестно, чего было больше у него: хитрости или наивности. Он не учел, что среди советских бойцов нет мародеров и их не поймаешь на ту удочку, где приманкой служит патефон или диагоналевые штаны.

Операция по разминированию участков вокруг дотов была нами проведена в срок и без потерь. На иных участках мы «снимали» и разряжали до 800 мин. Потом эти запасы взрывчатых материалов были использованы против финнов же: для подрыва надолб, завалов, огневых точек.

Бойцы других родов войск обучались у саперов обращению с минами. При этом случалось немало смешного.

Не имея зачастую времени выстроить себе землянку, саперы наскоро выбирали какую-нибудь пустующую лачужку, ушедшую в землю по самую крышу, и, чтобы ее не заняли другие, вешали объявление, написанное крупными черными буквами на газетном листе:

«Не входить: мины!»

Саперы были уверены, что никто не подойдет к их «крепости». Но не тут-то было! Какой-нибудь предприимчивый пехотинец, которого саперы же обучили в свое время обращению с минами, невзирая на грозную надпись на дверях, обойдет землянку кругом, обшарит все подозрительные места и потом уведомляет своих товарищей:

— От набрехали ци саперы. Ничого такого тут нема—ниякіх мин. Найшли кого лякать!..

Саперы, возвращаясь вечером с работы, издали уже видели тянувшийся из трубы мирный дымок, и им приходилось слезно молить «захватчиков» потесниться...

Всеми операциями, связанными с минами, у нас занималась 1-я рота. 2-я в это время расчищала от снежных заносов и ремонтировала участки основной дороги, прокладывала колонные пути по снегу. Но и 2-й роте пришлось выловить немало мин.

Прокладка колонного пути параллельно основной дороге потребовала напряженнейшей работы. Нам были приданы два понтонных батальона. Работы производились в две смены непрерывно, день и ночь. Специальные дорожные машины—грейдеры—остались далеко позади, и работать пришлось только с помощью лопат. Большую помощь оказали нам специальные дорожные деревянные лопаты, захваченные у белофиннов.

Трудность работы объяснялась не столько короткими сроками, отведенными на прокладку колонного пути, сколько очень

тяжелыми природными условиями. Приходилось ходить в разведку сквозь болота и лесную чащу, чтобы найти участок, более или менее удобный для прокладки пути.

Успех работы решала умелая ее организация. Основные расчеты—потребное количество людей, их сменяемость, нужные для работы материалы, оборудование, инструменты—были подготовлены еще перед выходом на исходные позиции. На местности эти расчеты потребовали, конечно, известных поправок.

За четверо суток путь протяжением в 12 километров был проложен. Казалось бы, это не так уж много, но надо учесть, что мы работали на болотистой, хотя и сильно подмерзшей почве при снежном покрове в полтора метра толщиной и жестоких морозах. К тому же не раз приходилось снова начинать уже выполненную работу, поскольку артиллерия противника непрерывно обстреливала дорогу. В общем саперы неплохо потрудились за эти четверо суток!

Наши передовые части заняли в это время финскую станцию Кямяря. Отступившие финны, как водится, взорвали платформу. Нетронутыми остались только захудалые станционные строения, в которых разместились штаб дивизии и госпиталь.

Сдав станцию Кямяря, противник перешел на следующую линию обороны. По данным разведки было известно, что перед фронтом дивизии находились свежие, отборные шюцкоровские части, вновь прибывшие из Выборга на смену сильно потрепанным частям. Им была поставлена задача—во что бы то ни стало удержать станцию Перо, что в 12 километрах от станции Кямяря.

После захвата станции Кямяря мы продолжали продвигаться с боями вперед. Правый фланг дивизии был задержан укреплениями перед местечком Кямяря. Левый фланг выдвинулся вперед и занял высоту «Длинная», вклинившись в расположение противника на 3—4 километра. Успешное наступление на станцию Перо было невозможно без подтягивания правого фланга, для чего надо было взять местечко.

По дороге от высоты «Длинная» к местечку Кямяря находилось местечко Пиенперо, разделенное небольшой речкой Перон-йоки. Через речку на шоссе выходил мост на железных прогонах длиной метров двадцать семь—двадцать восемь, который был предусмотрительно взорван финнами.

Решено было не восстанавливать мост, а построить рядом временный. Без этого нельзя было и думать о переправе танков для захода с левого фланга на местечко Кямяря в тыл противнику. На переправу танков в другом месте не приходилось рассчитывать: берега у речки были слишком круты...

Мы знали, что за 600 метров от нас, в близлежащем лесу располагаются финские минометы. Но другого выхода не было: временный мост следовало построить не позднее 10 часов утра, т. е. к началу танковой атаки. А шел уже пятый час...

Начали работать. Вот уже сделали прогоны, поставили коротыши в качестве свай, заготовили доски для настила.

Вдруг белофинны начали интенсивный обстрел работающих на

мосту. Появились потери. Финны, конечно, понимали, что время у нас ограничено. Они не мешали нам развертывать строительство временного моста, чтобы затем, в самый разгар работы, уничтожить минометным огнем и результаты ее и самих работающих.

Через связиста я известил командование, что необходимо уничтожить мешавший нам вражеский миномет. Работу мы продолжали, несмотря на непрекращающийся обстрел.

Прошло некоторое время, и к самому мосту подвезли пушку. Несколько выстрелов прямой наводкой—и миномет врага умолк.

Мы спешим, дорога каждая минута.

Вдруг на нас посыпались пули. Выстрелы были одиночные. Ясно, что где-то спрятался снайпер, который и бил из автомата.

Работы на мосту не прерывались. Четко и оперативно руководил бойцами командир взвода младший лейтенант Ростовцев. Саперы работали, низко пригнувшись к настилу моста. Пилили, рубили, строгали, прилаживали доски, буквально распластавшись. Под этим неприятным снайперским огнем (кажется, что все время находишься под прицелом, да так оно и было) исключительную выдержку и спокойствие показали младшие командиры Романенко, Ищенко, а особенно Кашка. Пуля прострелила у него пилу—на самой середине. Кашка поморщился, а потом засмеялся и не то с удивлением, не то с жалостью в голосе сказал:

— Эх, яка добра пилка була! Нещасна пуля як ii покарябала, цiлий кусок одiрвала...

Через минуту он уже распевал свою любимую песенку: «Нам не страшен серый волк...»

Кашка потом признавался, что ему было здорово не по себе от этой пули. «Но раз я командир,—говорил он,—то обязан бойцам пример показывать».

Кашка в числе других командиров и бойцов-саперов был впоследствии награжден медалью «За отвагу»...

Белофинский снайпер попрежнему не давал нам покоя.

Когда по мосту стали проходить первые танки, а за ними пехота, белофинн все не унимался. Поиски усилились, и, наконец, он был обнаружен.

Кто-то из наших заприметил, что из трубы небольшого, уцелевшего дома, находившегося на нашей стороне, как будто идет дымок. А мы хорошо знали, что дом этот пустует. Подошли ближе к дому—выстрелы прекратились, и дымка уже нет. Вражеский снайпер спрятался в трубе. Когда приблизились наши бойцы, он уполз по трубе вниз. С ним мы долго не церемонились, тем более, что он отказался выйти наружу. Граната, брошенная в трубу, прикончила белофинна.

Мост был закончен во-время, и танки прошли по направлению к местечку, разгромили там врага и двинулись дальше на станцию Перо. Батальон пехоты, посаженный на танки, захватил эту станцию неожиданно для финнов. Нашими частями был захвачен крупный обоз, много трофеев.

Враг отходил так поспешно, что даже не успел разрушить

крупный гвоздильный завод и плотину на реке Перон-йоки. На территории завода мы нашли свыше двух тысяч килограммов взрывчатых материалов.

Наши бойцы с большим интересом осматривали цехи завода. Особое внимание привлекли жилые помещения для семьи хозяина, управленческого аппарата и рабочих. Дом владельца завода и дома крупных служащих отличались своими размерами, обилием комнат, внутренней отделкой: огромные зеркала, роскошная мебель из карельской березы, масса безделушек из кости и дерева.

Зато внешний вид и обстановка рабочих жилищ нас поразили своей нищетой и убогостью. Мы диву дались, когда узнали, что для рабочих имеется только нечто вроде землянок, выдолбленных под горой. Таких землянок я насчитал до тридцати. Вначале мы подумали, что это складские помещения, но потом узнали, что это казармы для рабочих: сырость и гниль, грубые нары, из досок сколоченные столы, тумбочки... Знакомство со всем этим явилось для нас отличной школой политграмоты. Временами казалось, что это экспонаты, иллюстрирующие первую главу «Краткого курса истории ВКП(б)»...

Как раз в это время нам доставили подарки от ленинградских рабочих, служащих и колхозников. Сколько радости было у бойцов! Мы на фронте ни в чем не нуждались, но эти подарки были нам дороги, как свидетельство нерасторжимой связи народа со своей армией.

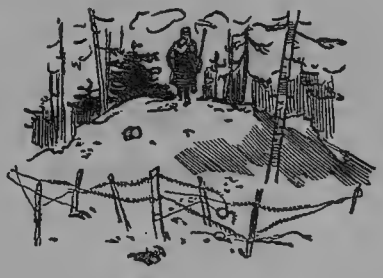
В одной из присланных нам варежек домашней работы были найдены положенные туда три рубля и записка: «Передайте варежки и деньги бойцу Коле от Наташи,—в память о моем старшем брате Коле, погибшем в 1922 году в Карелии от руки финских белобандитов...»

Мы были растроганы содержанием записки, но долго ломали голову, какому же Николаю (в батальоне их было немало) отдать эти варежки.

Среди подарков был еще вязаный шерстяной шарф с приколотым к нему письмецом. В нем было написано, что вязала этот шарф 70-летняя старуха-колхозница Авдотья Егоровна, она желает нам победы над «басурманами» и шлет свое материнское благословение. Это послание от старухи-колхозницы глубоко взволновало нас.

Вечером провели митинг. Он прошел с огромным подъемом. Бойцы с особым воодушевлением пели «Интернационал».

Враг был отогнан уже далеко.



Герой Советского Союза младший командир

П. Олейников

БЕРЕЗА

Это случилось во время мартовских боев. Рано утром, только занялась заря, батальон повел наступление на деревню Вуокса. Наш взвод шел впереди роты по заросшему кустарником узкому перешейку между двумя маленькими озерами. Я с группой бойцов вырвался вперед, решив занять лежащую перед нами высотку. Мы миновали овраг и вышли на площадку, заваленную валунами.

Неожиданно услышали стрельбу и крики финнов. Залегли.

Стрельба, наконец, утихла, и я осмотрелся: рядом со мной — только один человек — отделенный командир Прошин. Я приказал ему немедленно отойти назад, хоронясь за камнями, и по оврагу добраться до наших. Как только Прошин исчез в кустарнике, показались белофинны. Я бросился в снег и подполз к большой березе. Спрятал голову за ствол дерева. Лежу, наблюдаю. Вдруг вижу: слева на меня ползет белофинн в белом халате. Я выстрелил. Он ткнулся лицом в снег.

Прошло несколько секунд. Внимательно смотрю по сторонам и вперед. Слышу шорох и вижу, что из-за пригорка медленно поднимается штык. Прицелился и, как только показалась голова белофинна, выстрелил. И этот враг рухнул в снег.

Теперь белофинны появились и справа от меня. Переместить винтовку на другую сторону березы я не мог: обнаружил бы себя. Решил действовать иначе: одного финна застрелил из пистолета.

В эти минуты я благословлял цвет своего халата: он сливался с корой березы. Недаром говорят: халат теплее шубы!..

Поднялось приветливое мартовское солнце, стало теплее... Я снял перчатки. Вынул из-за борта и карманов шинели гранаты, положил их у корня березы. Патронов оказалось около 200 штук. Смотрю на свои боеприпасы и думаю: «Теперь повоюем! Только дотемна хватило бы...»

Тут я снова увидел, что прямо на меня во весь рост идет белофинн. И его снял.

Продолжаю вести наблюдение. Теперь уже не с пригорка, а справа, из-за камней, и слева, из-за кустарника, ползут белофинны. «Пусть подползут поближе»,—решил я. Они меня, конечно, не видят, переговариваются между собой и показывают в ту сторону, где находятся наши позиции. В этот момент ударила наша артиллерия. Снаряды рвались совсем недалеко от меня. Не очень-то приятно находиться под разрывами своих снарядов, но и они как-то ободрили меня.

Наши перенесли огонь, и белофинны снова полезли с высоты. Опять в воздухе вырастает штык, а затем над пригорком появляется финский солдат. Вот показались двое сразу: одного убиваю, а второй заметил меня и начал целиться. Я мгновенно опустил голову вниз. Пуля обожгла мне шею, прошла под шинелью, разорвала ремень и ушла куда-то в снег.

Белофинны ползли ко мне справа и сзади. Огонь усилился. Пулей на мне пробило шапку и срезало прядь волос.

С правой стороны появилось сразу четверо белофиннов, я бросил в них гранату. Но убил только одного. Остальных прикончил из винтовки.

Пули жужжали над головой. Оборвали всю кору у березы. Чтобы в винтовке был все время полный заряд, я после каждого выстрела закладывал один патрон. Снег подо мною подтаял, и теперь я лежал в глубоком окопчике. Патронов осталось 15 штук.

Между тем солнце зашло. Начинало темнеть. Финны больше не появлялись, и тогда я покинул свою березу. Ползком, прячась в кустах, от камня к камню я продвигался назад. Наконец, смог итти в рост, не пригибаясь, и быстро достиг наших передовых линий. Меня обстреляли наши часовые, думая, что перед ними белофинн. Я выругался с досады, и товарищи узнали меня по голосу.

Одежда моя обледенела и не сгибалась. Командир батальона немедленно отправил меня в тыл, к артиллеристам. Там в сарае я обогрелся, хорошо выспался в соломе, а на следующий день снова пошел к себе в батальон.

Рано утром белофинны отступили. Я со своим командиром роты ходил смотреть место у березы, где провел вчера весь день. Береза—моя спасительница—была источена пулями: выделялось то место, где я лежал—здесь снег оттаял до самой земли. Во многих местах на снегу темнели кровавые пятна. Белофинны не оставили ни одного трупа, но снег хорошо сохранил следы вчерашнего боя.

Полковой комиссар

С. Ковтуненко

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЛЕЙТЕНАНТ С. ЯЧНИК

Под Выборгом—жесточайший бой. Красные войска штурмуют белофинские укрепления, идут навстречу смерти, побеждают смерть, борются за счастье и мирный труд советского народа.

Озверелый враг упорно сопротивляется. Он рассчитывает на поддержку со стороны своей северной группировки. Но наши части, разгромив крупный белофинский штаб и продовольственную базу на высоте 30,6, захватили Выборгское шоссе. Сейчас они сосредоточиваются для нового удара по врагу.

Пехотная разведка донесла:

— Впереди озеро и болото. Долина залита водой. Мост через реку по краям взорван. Обходов нет. За озером высота окаймлена проволокой, гранитными надолбами, скрывающимися далеко в лесу. Единственный проход—по шоссе.

Выдвинувшийся к озеру пехотный батальон был встречен ожесточенным пулеметным и минометным огнем. Двигаться пехоте невозможно. Вперед должны прорваться танки. «Перерезать железную дорогу во что бы то ни стало!»—так решил командир дивизии.

Ночь стала еще темнее. Зашумел сердитый ветер. Замело, закрутило, ни зги не видно. Только слышалось повизгивание пилы да стук топоров.

Саперы не спят уже вторую ночь. О сне никто не думает. К утру сделать переправу для танков! Враг осыпает снарядами, минами. Трижды подползают к мосту белофинны, но всякий раз их уничтожают отважные саперы.

Еще не рассвело, а командир саперного взвода доложил:

— Переправа готова!

В штаб танкового батальона вызвали командира взвода лейтенанта Ячника. Командир батальона сказал:

— Идете со взводом в разведку!

Наклонились над картой...

— Обстановка ясна!—проговорил Ячник и вышел из землянки.

Танкисты собрались у танка командира. Лейтенант сказал:

— Идем в разведку. Боем прощупать подступы к станции Тали. Открыть путь для наступления пехоты. На нас надеются. Выполним, товарищи, задачу с честью!

— Есть!—ответили танкисты.

Бушевавшая ночью буря начала стихать.

Ячник взглянул на часы.

— По машинам!..

— Заводи!..

Захлопнулись люки. Со скрежетом врезались стальные гусеницы в мерзлый снег. Позади остался столб снежной пыли...

Переправа. Враг обрушился на танки артиллерийским и минометным огнем. Била тяжелая артиллерия из Выборга. Но танки шли навстречу огненному урагану.

Вот первый танк зашумел, плавно закачался на свежем настиле, выскочил на мост и пошел дальше.

Вдруг вздыбились бревна, зияющий провал у моста преградил танкам путь: вражеский снаряд угодил в цель.

— Медлить нельзя. Надо вести в разведку хотя бы один танк!—решил Ячник и выпрыгнул на землю.

— Башенные за мной, танки в укрытие!—скомандовал Ячник и пополз по льду к переправившемуся танку.

Старший политрук Брагин, наблюдавший за переправой взвода, разгадал замысел Ячника. Он связался с пехотным командиром, отобрал десять смельчаков-пехотинцев и вместе с ними пополз за лейтенантом. План быстро созрел. Один танк и пятнадцать пеших ушли в разведку.

С новой силой враг обрушился на разведчиков. По башне танка глухо ударило.

— Снаряд? Какого калибра?—крикнул кто-то в танке.

— Потом разберемся,—отозвался командир машины Лукин.—Быстрей вперед!

Снова ударило. Сорвало глушитель.

— Слева противотанковая пушка!..

Повернулась центральная башня. Один снаряд—и орудие вместе с прислугой уничтожено.

Ползущих за танком разведчиков осыпал град пуль. Залегли.

На высоте 13,7, что находилась в километре от переправы, засели шюцкоровцы. Танкисты послали туда снаряды, и вражеские пулеметы замолчали. Разведчики двинулись дальше.

До высоты оставалось не более 100 метров. Враг притаился. Из-за огромного камня показалась противотанковая пушка. Белофинн наклонился, чтобы взять снаряд. Но его опередили. Двумя снарядами орудие было разбито.

Снова затрещали пулеметы. Начали рваться тяжелые снаряды. Снежное поле покрылось землей. Зияли воронки. Медлить нельзя. Танк пошел на надолбы. По днищу заскребло. Танк стал.

Белофинны поползли к танку, в их руках блестели бутылки с бензином. Вот они уже близко.

С высоты крики по-русски:

— Поджигай!..

Лейтенант Ячник выхватил у одного из разведчиков ручной пулемет, застрочил по врагу.

Враги побежали. Но тут же валились подкошенными.

Ячник пополз под танк. Разгребая замерзший снег руками, осмотрел днище севшей на камни машины. Никакой опасности!

Сказал Лукину:

— Тихо назад!

Машина поползла, повернулась и—снова вперед. Гранитные камни повалились. Танк проделал себе проход. Давя проволочные заграждения, поднялся в гору.

Шюцкоровцы осыпали машину градом пуль, бросали в нее бутылки с бензином, гранаты, но танк нельзя было остановить. Уничтожая пулеметные гнезда, он прорвался к дотам.

А тем временем пятнадцать разведчиков с винтовками наперевес взбирались за танком на высоту:

— За Родину! За Сталина!..

Завязалась рукопашная схватка.

Лейтенант Ячник—танкист, он никогда даже чучело не колол. А здесь, как из-под земли, перед ним появился белофинский офицер, второпях выхватил маузер, выстрелил. Ячнику пробило полушубок. Острый штык Ячника тут же сделал свое дело.

На штык больше не лезут. Стреляют. Снова пробило рукав. Пистолет Ячника уложил уже троих. Разведчики умело работали штыками. Высота была очищена.

Два раза белофинны бросались в контратаку, но каждый раз отступали с потерями.

По радио лейтенант Ячник донес в батальон:

— Высота 13,7 с двумя дотами занята. Уничтожено 50 белофиннов, захвачено 8 пленных, 105 автоматических винтовок, 5 станковых и 12 легких пулеметов. Потерь нет, один боец ранен. Батальону путь свободен.

— Благодарю и поздравляю с победой,—ответил командир батальона.

Танковый батальон мчался по лесу, уничтожая врага. Двинулась, пошла пехота.

Через два часа была занята станция Тали.

Когда лейтенанту Ячнику вручали орден Ленина, Золотую Звезду и грамоту Героя Советского Союза, он сказал:

— Я сражался за Родину, как все наши бойцы и командиры. Благодарю за высокую награду. В бою с врагом не пощажу жизни...

Майор
С. Гудзюк

БАТАЛЬОН ЛЫЖНИКОВ

Под Выборг, на передовые линии прибыл лыжный батальон. В штаб явился командир батальона капитан Власов с рапортом.

Пожимая ему руку, командир части сказал:

— Тут есть тов. Гудзюк из вашей академии. Знаете его?

Я подошел к Власову.

— Нет, как-то не приходилось встречаться,—сказал он, внимательно рассматривая меня и улыбаясь.—Слушателей-то ведь у нас в академии много.

Мы познакомились.

На меня капитан Власов произвел хорошее впечатление. Чувствовалось лишь в нем какое-то ненужное ухарство, и эта черта в его характере вызывала беспокойство.

— Ребята у меня, как на подбор,—сказал он,—в один момент наложим финнам.

— Я в этом не сомневаюсь,—ответил я.—Надо только не забывать одного правила: тем полнее победа, чем меньше потерь.

Мы вышли из штаба, чтобы осмотреть его лыжный батальон. Он был сформирован из добровольцев: ленинградских рабочих и студентов-спортсменов. Народ все это был молодой, задорный, крепкий и развитой. Вооружены они были тоже превосходно: винтовками-полуавтоматами, ручными гранатами, легкими и станковыми пулеметами; на бойцах были белые брезентовые брюки, курточки и шлемы, обшитые белой материей.

— С такими людьми можно многое сделать,—сказал мне секретарь партбюро батальона Назаров,—конечно, если руководить ими умело.

К моменту прибытия батальона на фронт основная полоса укреплений в районе Кархулы была прорвана, и наши части вели бои на промежуточном оборонительном финском рубеже в районе станции Сомме, в 10—12 километрах от Выборга. Лыжный

батальон получил задание: прорваться через острова на Выборг и этим оказать содействие нашим частям, наступавшим вдоль оси Приморского шоссе.

Капитан Власов выступил с батальоном в указанном направлении, и больше я его не видел. Первой нашей встрече суждено было оказаться и последней. О боевых делах лыжного батальона нам уже потом рассказали его бойцы. 21 февраля батальон прорвался сквозь фронт финнов и занял острова Питкя-саари и Ласи-саари. Это был замечательный маневр, который ставил под угрозу: справа укрепленный мыс, слева город Тронгсунд и остров Равансаари. Опасность для врага была настолько велика, что финское командование бросило против отважных советских лыжников намного превосходящие силы. Лыжники проявили большую смелость и выдержку. Они наносили большой урон врагу. Но силы были неравны. Капитан Власов человек был храбрый, он заставлял бойцов заниматься спортом, прыжками на лыжах, учил их лазить по деревьям, как это делали финские «кукушки». К сожалению, Власову недоставало осторожности, так необходимой на войне: батальон его мало применялся к местности, бойцы ходили в рост— все это приводило к ненужным жертвам. И одной из первых жертв пал сам капитан Власов. 23 февраля он отправился в разведку,— чего, как командир, не имел права делать, и был убит. Бойцы похоронили своего командира с подобающей честью. Командование батальоном принял секретарь партбюро тов. Назаров (комиссар тов. Рябцев был ранен).

Бойцы продолжали отбивать атаки наседавших со всех сторон шюцкоровцев, проявляя поистине образцы храбрости. Боец Живолуп, спускаясь с горы на лыжах, влетел в строй двух десятков финских солдат. Сделал это Живолуп нечаянно, но не растерялся. В правой руке у него был автомат-пистолет. Не дав врагам даже разобраться в чем дело, Живолуп сразу очутился за офицером, шедшим впереди солдат, наставил ему в затылок оружие и негромко приказал:

— Бегом вперед и не оглядываться, иначе влеплю пулю.

На виду у целого взвода финнов Живолуп погнал в плен их офицера, бывшего при полном вооружении. Когда солдаты опомнились, то все же не рискнули стрелять по Живолупу, очевидно, опасаясь попасть в своего начальника; не стали они и преследовать его на лыжах из опасения попасть в руки красноармейцев. А может быть, и не было у них большой охоты выручать своего офицера.

На озере Ласи-саари группа из трех наших лыжников отбилась от своей роты, заблудившись среди незнакомых кустарников. Отстреливаясь, она израсходовала все патроны. Финны подошли вплотную.

Тогда один из лыжников взорвал ручной гранатой и себя и нескольких финнов.

Подошедшие на выручку красноармейцы спасли одного из уцелевших там бойцов.

Батальон сумел пробиться к своим. 26 февраля он вышел из окружения.

Когда лыжники возвратились из своей экспедиции, меня вызвал к себе командир части.

— Капитан, вы умеете ходить на лыжах?—спросил он меня.

Мне как раз тогда нездоровилось, но я не подал и вида, заявив, что на лыжах ходить умею.

— Отлично,—сказал он.—Как вам известно, наши части продвигаются на Выборг. Город вскоре должен быть взят.

— Я готов служить Родине. Что прикажете делать?

— Примите командование над лыжным батальоном. Ваша задача—прорваться в город в районе «Маслобаки»,—командир части показал по карте.—Я дам вашему батальону пополнение из добровольцев и танки. Главное, капитан, не забывайте в походе о разведке и охранении. Храбрость хороша тогда, когда она осмотрительна, и лучший командир тот, у которого все рассчитано,— в этом успех.

28 февраля, в 16 часов я собрал добровольцев и направился с ними в Алясоми. Здесь я объявил лыжникам, что я назначен командиром их батальона, а тов. Назаров—комиссаром. Тут же к нам присоединилось и 15 танков.

На рассвете 29 февраля мы выступили к исходному положению. К этому времени наши части, прорвав промежуточный оборонительный рубеж финнов, вышли в район Нуора—в 5 километрах от Выборга. Прибыв на передовую позицию к Приморскому шоссе, я выслал разведку, которая установила, что финны обороняются на северном берегу реки Карпелан-йоки и на станции Нуора. Справа от Приморского шоссе лежало болото, покрытое озерцами и густо заросшее высоким тростником; слева, примерно на три четверти километра, тянулась полоска суши, хвойный лес, а за ним—лед залива.

На рассвете, когда дымкой стоял морозный туман, служивший нам хорошим прикрытием, самая сильная наша рота под командой тов. Коврижкина, ленинградского рабочего с завода имени Кирова, усиленная двумя взводами пулеметной роты, прорвалась вдоль залива и стала охватывать фланг финнов. Этот удачный маневр дал возможность продвинуться стрелковому полку. Перед нами находился выборгский мощный укрепленный район, оборудованный по последнему слову техники. Все Приморское шоссе было заминировано, мост через Карпелан-йоки разрушен, так что использовать танки не представлялось возможным; пустить же их без дороги лесом не позволяли условия местности. За рядами железобетонных надолб виднелась вторая полоса мощных надолб, расположенных кольцом и упиравшихся одним концом во льды залива, а другим—в болото. За ними—проволочные заграждения в 3—4 кола, система замаскированных дотов и дзотов, а дальше, как узнали мы после, были устроены ловушки. Финны из своих укреплений открыли ураганный минометный и артиллерийский огонь, стремясь остановить наше наступление.

И все же, несмотря на эти железные капканы, мы уверенно пошли в атаку. Во фланг финским надолбам шла рота Коврижкина, под прикрытием артиллерийского и пулеметного огня. Перед лыжниками лежала открытая местность, вся заваленная камнями. Я приказал бойцам итти вперебежку, укрываясь за камнями: они представляли собой отличные щиты.

Враг усилил ответный огонь.

Медленно, шаг за шагом, бойцы батальона совместно с частями полка вышли на рубеж высоты 30, что в 500 метрах южнее Пелтола, захватив четыре полосы надолб. Саперы снимали финские мины и ими же взрывали надолбы. После этого по расчищенному пути продвигались танки, отрезая финнам возможность окружить нас. Таким образом, мы врезались к Выборгу клином глубиною до трех с половиной километров, содействуя тем самым частям, наступавшим в направлении Кангасранты. До города теперь оставалось 1,5—2 километра. Он уже был совсем ясно виден. Но здесь надо было подыскать направление для наступления, чтобы сократить число потерь до минимума.

Я выслал разведку. Разведка установила связь с соседом справа; теперь нам не угрожал обход врага с фланга. Другая же партия разведчиков в составе 10 смельчаков-лыжников, одетых в белые комбинезоны, отправилась узнать, как поживают другие наши «соседи»—финны и на каких островах они еще существуют. С берега мы предусмотрительно организовали поддержку этой десятке огнем: пулеметами и орудиями.

— Поползли наши молодцы,—сказал Назаров, глядя в бинокль.

Все мы стали следить за разведчиками, готовые оказать им немедленную помощь. День был морозный, солнечный. Мы без особого напряжения различали, как пробиралась наша десятка разведчиков среди рыжих, высохших тростников и через зеленоватый лед от островка к островку.

Комиссар Назаров засмеялся:

— Видно, скучно финнам стало жить на ближних к нам островах, они и покинули их. Вон наши ребята добрались уже до третьего. Видите, машут шлемами: никого, мол, нету.

И как раз в это время заговорили пулеметы. Видно было, как взлетает тростник и комья земли, взорванные минами. Наша разведка завернула и начала отходить. Тогда, выручая их из беды, рявкнули наши орудия.

Мы стали всматриваться.

Только восемь разведчиков добрались до ближнего к нам островка. А где же остальные? Но вот один из разведчиков пополз обратно, видно, выручать товарищей. Молодец! Наконец, мы свободно вздохнули: ползут все трое. Огонь вражеских минометов и пушек еще более усилился, но уже было поздно: все десять разведчиков вернулись в батальон. На основании собранных ими сведений, командир полка ночью выслал отряд в 80 штыков из лыжников разведывательного взвода, и они овладели группой островов, захватив несколько сильных вражеских сооружений.

Здесь с утра стали действовать наши мощные батареи, а лыжный батальон перебросили в район поста Тирхьян. До окраины Выборга оставалось не более 800—1 000 метров, и мы, не отдыхая, пошли в бой. Город горел, подожженный финнами. Трудно было среди почерневших труб предместья различить здание школы, на которую теперь был нацелен батальон. В течение всего дня Выборг отвечал нам ливнем снарядов, мин и пуль. В разгар сражения ко мне прибежал боец Трофименко, весь в снегу.

— Товарищ капитан,—отрапортовал он.—Убит наш геройский командир взвода тов. Шишов. Он только и успел сказать: «Возьмите мое оружие, чтобы не досталось врагу». В захваченном дзоте нас осталось всего 12 человек, слева находятся еще два финских дзота и вокруг никого наших. Дайте нам подмогу.

— Сейчас вышло,—ответил я,—возвращайтесь обратно, назначаю вас командиром взвода.

Я тут же приказал направить вслед ему группу лыжников и один станковый пулемет.

К вечеру, после упорного боя, батальон и другие части прорвались к линии железной дороги. До города оставалось всего 200—250 метров. Отвоевывая пядь за пядью, медленно, но упорно двигались мы вперед: падение Выборга было неизбежно.

Наступила ночь.

Небо нависло черное, беззвездное, но в лесу, где расположился наш батальон, было светло, как днем. Впереди и слева пылал Выборг. При ярком багровом зареве можно было свободно читать карту. А в городе вспыхивали все новые языки пламени. От запаха гари и дыма начинало мутить.

Из штаба я получил новый приказ, собрал на полянке под мохнатой елью, прямо на снегу командиров и зачитал его им.

— Итак, товарищи, запомните: завтра мы должны будем внезапно ворваться в Выборг. Нашему батальону дано задание овладеть кварталом «Школа». Необходимо взять с собою ручные гранаты для уличного боя и забрасывать ими все дома, откуда противник будет стрелять. Действовать группами в 3—5 человек. Каждый боец должен иметь за поясом хвойную ветку, по которой мы будем опознавать своих. Все понятно?

— Прямо как суворовцы,—вставил один из командиров.—Когда брали Измаил, русские солдаты тоже имели отличительные знаки: белые повязки на рукаве.

Началась подготовка штурма. К часу ночи, бесшумно скользя на лыжах, прибыли все бойцы. Они расположились за гребешком. У всех за поясом зеленели хвойные ветки. Они чистили оружие, проверяли гранаты. Оставалось взять небольшое пространство, но самое трудное: впереди лежало заминированное поле, а за ним—забаррикадированный вход в улицы Выборга.

Все были готовы, когда в 6 часов поступило новое распоряжение командования: сдать участок прибывшим частям, а батальону сосредоточиться в Алясоми.

— Как же так?—говорили лыжники,—подошли к предместью, а теперь отводят?

— Значит, мы нужнее на другом участке,—отвечали более дальновидные.

Позже нам стало известно, что окружение Выборга с запада через Финский залив ставило задачи нового оперативного значения. Наш батальон перебросили в район Вахваниеми с задачей зайти на 10—12 километров в тыл финнам и перерезать железнодорожную линию, идущую на Хельсинки. Прорывая фронт врага, батальон помог некоторым частям, застрявшим во льдах залива, выбраться на материк.

Здесь 13 марта, в 12 часов, нас и застало заключение мира.

Сразу смолкли орудия, минометы, танки, автоматы и наступила странная, непривычная тишина. Из окопов повылезали и наши красноармейцы и финские солдаты. К группе недавних врагов подошел комиссар батальона Назаров. Солдаты с жадностью ожидали, что им скажет большевик. Но тут к ним прытко подбежал офицер и стал загонять обратно в окопы: наших правдивых слов они боятся не меньше, чем пуль.

— Вы один километр туда,—сказал офицер по-русски, показывая нашим бойцам рукой назад,—а мы один километр туда.

Но тут один из наших лыжников ответил ему:

— Нет, уж лучше вы 25 километров туда,—ткнул он в сторону Хельсинки,—а мы тут останемся.

Бойцы засмеялись. Они знали, что теперь уже никогда вражеская нога не коснется территории, занятой доблестными красными полками.

Г. Демидов

ПОЕДИНОК СНАЙПЕРОВ

Это произошло невдалеке от высоты, названной «Кирка-яйцо». После ночевки в землянке, утром 11 марта, 2-я рота лыжного батальона, в которой был и я, получила приказ войти в непосредственное соприкосновение с противником и оттеснить его. Белофинны, удерживая две высоты, обстреливали третью, уже занятую нашими частями. Выбить их с этих высот должна была наша рота.

Перед выходом бойцы тщательно проверили обмундирование, количество боеприпасов, осмотрели оружие. У меня был автомат очень точного боя. Кроме того, я пользовался, как бинокль, оптическим прицелом.

Получив приказ, рота встала на лыжи. Пройдя несколько километров, надели на короткой стоянке маскировочные халаты, белые шапки и развернутым строем пошли по полю. С левого фланга чернел густой лес. Часть деревьев была повалена, верхушки отдельных сосен сбиты.

Когда мы подошли к ближайшим соснам метров на сто пятьдесят—двести, неожиданно по роте был открыт ружейный и пулеметный огонь. Пришлось окопаться в снегу. Но финны вели настолько сильный огонь, что мы вынуждены были пролежать неподвижно до наступления темноты.

Перед тем как двинуться снова в путь, командир роты выслал вперед разведку. Финны пошли на хитрость. Они пропустили разведку в ложбину без единого выстрела, рассчитывая затем обстрелять всю роту с более короткого расстояния.

Пользуясь темнотой, мы также начали переползать в ложбину, где отрывали себе укрытия понадежнее, так как догадывались о финской хитрости. Тихо установили ручные пулеметы. Никто не курил.

Наконец, низкое ночное небо порозовело с краев. Я никогда не забуду этот медленный мартовский рассвет.

Мы не ошиблись. С рассветом финны повели бешеный огонь

с флангов. Финны обстреливали также дорогу, по которой бойцы отвозили на медицинский пункт раненых.

В двенадцатом часу дня командир роты приказал мне взять под наблюдение правый фланг, где работал финский снайпер. Надо было обнаружить его и уничтожить.

Выполняя приказ, я забрался в воронку от артиллерийского снаряда, хорошенько замаскировался и начал наблюдать за высотой, с которой финны вели огонь по роте и обстреливали дорогу. Винтовка, обмотанная бинтом, на снегу была почти не заметна. Белые костюм и шапка хорошо маскировали. Устроив снежный бугор, я прокопал в нем окно с большим сектором для наблюдения и обстреливал время от времени казавшиеся мне подозрительными места. Обстрел дороги не прекращался. Снова вглядывался я в расстилавшуюся белую мглу, и все напрасно. Я не находил финского снайпера, но понимал, что он где-то здесь, видел результат его работы—дорога обстреливалась. И вдруг, как это часто бывает, почти случайно вспомнил старинный прием отыскивания снайпера, известный еще со времен первой империалистической войны.

Правда, у меня не было манекена, но это в конце-концов и не так важно. Найдя поблизости палку и надев на нее шапку, я чуть выставил ее из своего укрытия. Выстрел не заставил себя долго ждать. Финн был, очевидно, неплохим стрелком. По сквозным пробоинам в шапке мне теперь легко было уточнить направление, с которого велся огонь.

Впившись взглядом в предполагаемое место, я повторил опыт. Вспышка на высоте дала мне знать, что я не ошибся.

Еще раз проверяю расстояние, прицел, терпеливо жду.

Повидимому, решив, что я убит—шапку я больше не высовывал,—финн осмелел настолько, что счел нужным покинуть свою берлогу. Неожиданно на фоне неба появилась его фигура в белом халате, подпоясанная белым ремешком. Подползает и нагибается над убитым красноармейцем.

Когда еще только появилась голова снайпера, я выстрелил, но... раздалось сухое щелканье. Быстро отвожу затвор назад, опять выстрел, и снова тот же результат. Со злостью кидаю приклад под руку и убеждаюсь, что магазин пуст, патронов нет.

Как и следовало ожидать, пока я менял магазин, финский снайпер успел скрыться.

Еще зорче я стал наблюдать и неожиданно для себя разглядел на высоте амбразуру, замаскированную кустами и снегом.

Опять проверил дистанцию, поставил точный прицел. Надо сказать, что мне очень мешал боковой ветер. Затем снова на палке чуть приподнял шапку.

В момент, когда шапка была простреляна, я разрядил во вражескую амбразуру весь магазин.

Финский снайпер больше не стрелял. По освобожденной от его губительного огня дороге можно было безопасно переправлять раненых в госпиталь.

Вернулся в роту около часа дня и настолько доволен, что выполнил задачу,—даже усталости не чувствую! Между прочим, узнаю, что командир роты послал трех бойцов—одного за другим—для уничтожения финских снайперов на высотке слева. Но ни один из них не возвратился—подвели плохая маскировка и неудачное использование местности.

Когда получили приказ итти в атаку, обстрел с левого фланга продолжал задерживать бойцов, финские снайперы мешали роте выбраться из ложбины. Я попросил разрешения у командира роты снять этих снайперов. Он разрешил.

Ползу по-пластунски, отклонившись от направления, по которому следовали предыдущие бойцы. Использую каждый кустик, камень, выемку в снегу. Продвигаясь вперед от одного сугроба к другому, стараюсь не задеть за кусты. Здесь пригодился мне опыт, полученный еще в мирной обстановке. Недаром я много тренировался в умении ползать и маскироваться.

Трудно сказать, сколько я полз. Но вот раздвигаю осторожно густые хвойные заросли и неожиданно обнаруживаю в пятнадцати метрах от себя двух залегших финских снайперов. Стараюсь стать еще менее заметным, прячу автомат среди кустов, глубже вминаюсь в снег.

Финны лежали за бревнами, покрытыми нетронутым снегом. В просвет между бревнами они и стреляли. Но в это время из-за тучи выглянул луч солнца. На кинжале, примкнутом к автомату, заиграл «зайчик», и это выдало меня.

Скосил глаза вправо, хотел взглянуть, что там делается. Прямо на меня было направлено темное пятнышко канала ствола. Финн зажмуривал глаз.

Мелькнула мысль отползти в сторону, замаскироваться и открыть огонь с нового места. Но финн опередил. Его пуля ранила меня в левое плечо.

Скорее гранату! Здоровой правой рукой швыряю во врагов две гранаты одну за другой. Белофинские снайперы уничтожены. Рота пошла в атаку. А я по дороге, освобожденной от обстрела, вскоре сам направился в госпиталь.

Батальонный комиссар

И. Горянский

ТАНКИ У ВЫБОРГСКОГО ВОКЗАЛА

Это был первый бой, в котором мы участвовали. Он оказался и последним. Прибыв на фронт, наш танковый батальон в ночь с 12 на 13 марта получил приказ—выйти на северную окраину Выборга и овладеть вокзалом.

13 марта, в 7 часов утра, по направлению к Выборгу выступили две танковые роты под командованием капитана Приходько. От города нас отделяло метров пятьсот—шестьсот. Возле городского кладбища мы прошли две линии надолб, в которых саперы заблаговременно сделали проходы. За надолбами начинались окраины города. Только мы миновали первые домики, как по танкам был открыт огонь из автоматов. Пули, точно град, стучали по броне, но, конечно, не могли принести нам ни малейшего вреда. Видно, противник был озлоблен до крайности и позабыл, что простая пуля не пробивает броню.

Перед нами был вокзал. На станции стояло несколько составов. Над паровозами клубились облака пара. Платформы были пустынны. Мы вышли на железнодорожные пути. Раздался взрыв: передовой танк наскочил на мину. Остальные танки стали развертываться. Со всех сторон на нас обрушился огонь. Стреляли автоматические ружья, пулеметы, противотанковые пушки.

Развертывание рот поддерживал огнем танк младшего командира взвода Антонца. Финский снаряд попал в башню, но Антонец продолжал вести огонь. Только после того, как второй снаряд развернул башню, танк замолчал. Но к этому времени мы уже развернулись и громили гнезда противника на привокзальных домах, за железнодорожными составами.

В этом первом бою танкисты нашего батальона вели себя с достоинством.

Когда на повороте, зацепившись за рельс, слетела гусеница с танка механика-водителя Викторука, тот без промедления вышел из машины и под огнем стал исправлять поломку. Пока он

надевал гусеницу, экипаж защищал его огнем своей пушки и пулеметов.

Крупнокалиберный пулемет противника пробил башню одного из танков. Башенный стрелок Соколов был ранен в руку. Но он попрежнему продолжал работать у пушки, стреляя по огневым точкам финнов.

С разных мест вели огонь по танкам пять финских противотанковых пушек. Особенно беспокоила нас огневая точка, находившаяся на многоэтажном доме у вокзала. Сосредоточенным огнем мы заставили ее замолчать. Так же были уничтожены нами и остальные артиллерийские точки. Теперь нас обстреливали только пулеметы.

Наконец, подошла пехота. Саперы произвели разминирование железнодорожного пути и площади перед вокзалом.

Путь для нас был свободен. Мы снова развернулись, проскочили площадь и двинулись дальше по городу. Город был очищен от белофиннов.

Здесь, на улицах Выборга, нас и застал приказ о прекращении боевых действий.

Военинженер 1 ранга
Н. Герасимов

ШТРИХИ

Получив назначение, я поехал в Райволу и здесь засел за работу. Она заключалась в своевременном обеспечении наших частей топографическими картами.

Работа топографа в боевой обстановке—интереснейшая работа. Топограф связан с оперативной частью и любыми видами разведки.

Однажды у убитого белофинского офицера красноармейцы нашли прозрачную восковую бумагу. На ней были зашифрованы различные знаки. Как тут быть? Разбирали всевозможными способами эти знаки,—ничего не выходит. Наконец, положили восковку на топографическую карту и видим, что некоторые наши укрепления на восковке отмечены знаками. Тогда мы сделали обратный ход по карте в сторону финнов и обнаружили доты, блиндажи, которые раньше нам были неизвестны. В общем нам удалось ориентировать восковку по карте и получить весьма ценные сведения.

По заключении мира мы, топографы, поехали в Выборг. Приезжаем на бывшую главную квартиру штаба корпуса белофиннов. Входим в большой просторный зал. Прямо перед нами во всю стену висит план Выборга. Смотрим, весь этот план густо утыкан булавками, причем головки булавок различные по цвету. В чем дело? Рассматриваем план и ничего понять не можем. Что за булавки? Почему цветные головки?

Присмотревшись, увидели на полях карты надпись примерно такую:

«Разрешаю с 6 марта не отмечать попаданий снарядов противника, так как их сыплется такое количество, что отмечать бесцельно».

Вдоволь посмеялись мы над этой резолюцией, представив себе, как офицер, отмечавший попадания наших снарядов, метался вдоль стены с булавками в зубах, когда работала наша артиллерия!

☆

Герой Советского Союза лейтенант
Ф. Бабаченко

ЧЕРЕЗ ВСЕ ПРЕГРАДЫ

Батальон капитана Кравченко занял селение Селямяки со всеми его укреплениями. Жестокий мороз, но бой так разогрел всех нас, что никто не чувствует холода.

Кравченко ходит по селению, указывая, как надо укрепиться на ночь. Выдвигается сторожевое охранение, пулеметы искусно маскируются в снегу. Потом Кравченко проверяет посты, подсаживается к пулеметчикам, тихо разговаривает с ними. Только поздно ночью ложится спать.

На другую ночь получаем приказ захватить Кусисто и Ахолу.

Пристроились в лощинке на срубленных ветвях, прижались друг к другу. Связист Калмыков, сладко затягиваясь махоркой и пряча огонек в сложенной ладони, мечтательно говорит:

— Тянем мы наш провод, товарищ командир, все дальше и дальше. Интересно бы знать, сколько его надо тянуть еще до Выборга?

А кто-то из темноты отвечает:

— Вот назавтра его до Кусисто протянешь, а там уже близко.

И верно, на следующий день Калмыков протянул провод до Кусисто.

Только не сразу удалось нам это. У самого Кусисто финны встретили нас ураганным огнем. Кравченко сердито кричит мне:

— Давайте артиллерию! Скорей!

Калмыков уже устроил в снегу гнездышко, аппарат чернеет на подостланной шинели. Шрапнель завизжала над нашими головами— перелет, недолет, и после обычной вилки я перешел на поражение. Кравченко с довольным видом помахал мне рукой и повел батальон в атаку.

Через час мы были в Кусисто. Противник отошел к Хепонотке. Здесь дело было серьезнее. Вокруг Хепонотки у финнов было множество дерево-земляных точек. А кроме того, за многочисленными крупными надолбами, искусно прячась в ямках, сидели их снайперы с автоматами. Наша пехота залегла.

Я пополз вперед и в сторону, отыскивая лучшее и близкое к противнику место для наблюдения. Облюбовал большой камень и устроился за ним. Пули щелкают о камень, но нас со связистом не достигают. Только мелкие осколки камня летят в стороны. Связался с дивизионом, батареи открыли огонь. Вижу, что снаряды ложатся хорошо, вскакиваю с трубкой у уха, чтобы проследить, вся ли площадь, занятая неприятелем, покрывается нашим огнем. Везде видны разрывы.

Хепонотка была взята без потерь с нашей стороны. У нас был только один раненый. Повсюду валялись убитые белофинны...

Скоро ночь, крепче мороз, и мы ищем, где бы нам расположиться на отдых. После разведки решили ночевать в имении Ахола, оставленном финнами. Осторожно пробрались в темные помещения, стали устраиваться там, кто как мог. И вдруг грохот разрывов, вой снарядов.

Очевидно, мы попали в ловушку, и враг обрушил огонь по заранее вычисленным целям. Бойцы стали выскакивать на двор, открыли беспорядочный огонь. Кое-кто заметался, ища выхода из окружения. Кравченко стал собирать людей, и тут его ранило в обе ноги.

Положение трудное. Ночь, мы окружены, и неизвестно, какие силы у противника. Но связь у меня с дивизионом не нарушена. Обхожу кругом двор и стараюсь выяснить по звукам выстрелов примерное расположение противника. Включаюсь в связь, сообщаю данные, и наши батареи создают перед имением завесу заградительного огня. Под защитой огня командир батальона начал выводить людей из имения.

Я лежу в воронке, сверху снег, а внизу вода. Командир говорит мне, что оставляет нам два пулемета и что мы должны не прекращать огня, пока батальон полностью не выйдет из окружения. Молча киваю ему головой—отвечать нет времени. Корректирую огонь до тех пор, пока мне доносят, что батальон уже занял новый рубеж.

Теперь надо уходить и нам. Командую бойцам об отходе, хочу подняться и не могу. Шинель моя так крепко примерзла к снегу, что лишь с большим трудом удалось ее отодрать. Валенки насквозь промокли, коленок не чувствую—отмерзли. Ковыляю кое-как, пули густо ложатся возле. Калмыков сердится:

— Все ушли, товарищ командир, одни мы...

— Идите и вы,—говорю ему,—я догоню потом.

Он с глубоким удивлением смотрит на меня и отрицательно качает головой.

Приходим в батальон. Все в полном порядке. Ранены только Кравченко и еще два бойца.

Утром выяснили обстановку, открыли артиллерийский огонь и сильным броском заняли имение. В воронке нашел свою шапку, которую там оставил ночью.

Через два дня я был у станции Тали, когда наши части форси-

ровали водную преграду. Финны открыли шлюзы, но нам все же удалось под прикрытием артиллерийского огня организовать переправу.

Это был один из последних боев, наши части уже охватывали Выборг и начали штурм города-крепости в нескольких пунктах. Мне посчастливилось одним из первых войти в Выборг. Я был назначен тогда командиром батареи и участвовал в штурме. И вот наши орудия катятся по улицам Выборга. Бойцы радостно и с гордостью смотрят вокруг: был неприступный укрепленный район— бесчисленные доты, дерево-земляные огневые точки, траншеи, надолбы, проволочные заграждения, скалы, водные преграды, противотанковые рвы, минированные селения,—и все это взято и разгромлено силой советского оружия, храбростью и мужеством советских патриотов.

Это были лучшие часы моей боевой жизни!

Прошло несколько дней. Как-то на рассвете, когда я спал, в комнату шумно ворвались товарищи. Вскакиваю, думая, что это боевая тревога. А они подносят к моим глазам «Ленинградскую правду». В списке новых Героев Советского Союза я нашел и свое имя.

Герой Советского Союза политрук

Н. Лысенко

ШТУРМОВЫЕ ДНИ

Никогда не забуду, как мы прорвались к шоссейной дороге, ведущей на Выборг. Это было в первых числах марта. Дорогу прикрывала хорошо укрепленная высота «Подошва». Три больших дота и несколько траншей, колючая проволока и широкая полоса воды, выпущенной финнами из шлюзов, защищали эту позицию. За ней лежала станция Тали.

Весь день прошел в бою. Ночь не прекратила боя. Очень мешала нам вода, не дававшая возможности подобраться к противнику. Глубина ее достигала двух с половиной метров, она была ледяная и обжигала, как огнем, тех, кто пытался войти в нее.

Командир батальона выбыл из строя, я заменил его. Получил приказ—во что бы то ни стало взять высоту «Подошва». Обошел бойцов, побеседовал с ними, объяснил задачу.

Огонь противника был так силен, что связь с полком временно прервалась. Пришлось действовать по собственной инициативе. Ночью, под незатихающим огнем финнов, мы начали строить плоты-мостики и по ним перебирались на ту сторону. Те, которые перебрались первыми, в ожидании товарищей залегали под надолбами и камнями.

Наступило утро. Финны заметили нас, стали поливать свинцом из автоматов. До вечера лежали мы на снегу, медленно замерзая и не имея возможности пошевелиться. Я приказал выставить станковый пулемет, чтобы он своим огнем прикрыл нашу атаку. Пулемет был уничтожен. Тогда командир 6-й роты тов. Кацубинский взял другой пулемет и бросился на то же место. Как только пулемет заработал, я вскочил и кинулся в атаку, увлекая за собой бойцов.

Сейчас не расскажешь, что было тогда. Финны били по нас из автоматов, пулеметов и орудий. У меня были наган и две ручные гранаты. Со мной продвигались помощник начальника штаба тов. Рыбин, впоследствии награжденный орденом Ленина, младший лейтенант Юрченко, боец Сидавский и другие. Противник был

хорошо замаскирован, его не было видно, только огонь хлестал сквозь амбразуры.

Я добежал до колючей проволоки в четыре кола, а рубить ее нечем. Тут наш комсорг сзади бросает мне лопату. Хватаю лопату и рублю изо всех сил проволоку. На секунду останавливаюсь и бросаю в противника гранаты,—думаю хоть на мгновение ослабить его огонь.

Подбежал Сидавский и тоже стал рубить лопатой проволоку. Через проходы в проволоке пробегают бойцы и с громкими криками забрасывают амбразуры ручными гранатами. Воодушевление так велико, что уж никакая сила не может нас остановить.

Вскакиваем на купол дота, и вдруг огонь гремит нам навстречу. Оказывается, что за первым дотом расположен второй, который до тех пор не обнаруживал себя. Я скомандовал: «В атаку!»— и побежал ко второму доту.

Навстречу мне выскакивает офицер с винтовкой, стреляет мимо, потом повертывает винтовку и заносит приклад над моей головой. А у меня как на грех наган в кобуре и уже нет времени его достать. Под ногами толстый сук, хватаю его и колочу офицера. Он падает. Финны, выскочившие из дота, толпой набегают на меня. Но тут Юрченко, Сидавский и другие бойцы опрокидывают финнов, и мы по их пятам врываемся во второй дот. Внутри дота завязывается рукопашный бой. Одни финны дерутся, другие подымают руки. Не успели мы взять их, как кто-то кричит снаружи:

— Тут еще один дот!

Вскакиваю, быстро собираю бойцов. Третий дот был пушечный, орудия бьют по нас прямой наводкой, чуть не в упор. Вдруг чувствую, что на меня падает что-то страшно тяжелое, и теряю сознание...

Очнулся по дороге на перевязочный пункт. Меня несут на носилках, в голове острая боль. Проходит полчаса, вносят меня в большую палатку. Тут же, на носилках, врач делает мне перевязку.

— Пустяки,—весело говорит он,—легкая рана осколком. Через недельку починим вас.

Хорошо ему говорить—через недельку, а ведь у меня дело, бой у меня не закончен...

Полежал часа три, и стало мне легче. Оглянулся—никто на меня не смотрит. Я тихо выбрался из палатки, пошел обратно на фронт. Шел долго. На месте дотов никого уже не было—бой ушел дальше. Решил двигаться на станцию Тали. По дороге в лесу встречаю двух наших командиров товарищей Кацубинского и Краснокуцкого и с ними семь бойцов. В бою они оторвались от полка, имели стычку с финнами, отбросили их и теперь обсуждали, куда двигаться. Я предложил итти к станции Тали, на выстрелы, что доносились оттуда. Подсчитали наши силы. Нас десять человек, да к тому же станковый пулемет.

— Целая часть,—шутя, говорит Кацубинский,—большие дела можно сделать.

Идем по лесу, наблюдаем, и вот показались строения, вьются рельсы: станция Тали. Выслали разведку. Оказалось, что станция

занята финнами. Их много, не меньше полуроты. Посоветовались и решили атаковать. Силы распределили так: Краснокутский, хороший пулеметчик, действует с правого фланга, я с автоматом — с левого, а лейтенант Кацубинский с «главными силами» при нашей поддержке атакует. Со станции в лес вилась дорожка. Мы ее взяли под обстрел. Зашли со всех сторон, открыли огонь и начали так громко кричать «ура», точно штурмовал станцию по крайней мере батальон.

Получилось превосходно. Финны в панике бросились в лес, Краснокутский и я косили их, не переставая кричать, а «главные силы» под командой Кацубинского бросились в атаку. Паника у финнов поднялась такая, что они бросили обоз, поезд, стадо рогатого скота, очистили маленький офицерский блиндаж.

Мы торжествуем, подсчитываем трофеи, как вдруг с финской стороны ударил снаряд, потом второй, третий... Не успели мы подумать, что делать, как стали падать снаряды и с нашей стороны. Финны знали, что мы на станции, а наши думали, что станция занята финнами. Все мы кинулись в блиндаж. Волной воздуха от разорвавшегося снаряда меня швырнуло на землю, и товарищи втащили меня внутрь блиндажа.

Финны, пришедшие в себя после паники, стали наступать на станцию, а мы били по ним из их же оружия. Блиндаж был прекрасно оборудован, имел круговой обстрел, и патронов было достаточно. Шесть часов мы дрались с финнами, до тех пор пока на станцию не пришел наш полк.

Коротким, энергичным ударом финны были отброшены. Тем временем подошла и танковая часть. Командиры с удивлением спрашивали нас, как мы взяли и удержали станцию против таких сил противника. Не верили, что нас было только десять человек. Шутя, называли нас «отдельным полком, решившим самостоятельную тактическую задачу».

...Утром 13 марта наш полк находился северо-восточнее Выборга. Бой шел горячий. Поддержанные соседними частями, мы, несмотря на сильный огонь противника, двигались вперед на северо-запад, охватывая Выборг. Форты и доты, окружавшие город, были под сплошным огнем нашей артиллерии. Взлетали на воздух тела орудий, обломки укреплений, колы, обмотанные колючей проволокой. Мощные танки прорывали укрепленную полосу, разгромленную и разрушенную артиллерией, и за танками шла пехота. Город был уже в наших руках, как вдруг ровно в полдень по всему фронту прекратилась стрельба. После ужасного, непрекращавшегося грохота странной показалась нам наступившая тишина.

21 марта я узнал, что указом правительства мне присвоено звание Героя Советского Союза. Это был самый волнующий день в моей жизни. С гордостью я вспомнил весь свой путь от голодного, босого батрачонка до большевика, члена партии Ленина—Сталина, политработника Красной Армии.

☆

Лейтенант

А. Ждан-Пушкин

С БОЕМ ЧЕРЕЗ ВОДНЫЕ ПРЕГРАДЫ

Дорога вьется по скатам холмов. Влево—широкая лощина. На карте она обозначена, как мокрый луг, по середине которого вырисовываются голубоватые извилины маленькой речушки.

Но это только на карте. Сейчас эта широкая равнина покрыта метровым снеговым покровом. Кое-где грязные пятна с желтоватыми краями—следы разрывов снарядов.

Недалеко от того места, где по карте должно быть болото, распластался громадный самолет с подломанным крылом. Лучи заходящего солнца окрашивают стекла кабины в багряный цвет. Это—подбитый нашими славными летчиками вражеский бомбардировщик.

К самолету протоптана дорожка. Черным, желтеющим по краям штрихом пролегла она по девственной белизне снега. Но люди, пробирающиеся к самолету, почему-то предпочитают целину. Высоко поднимая ноги, проваливаясь по пояс в снег, они идут туда, делая смешные движения неловкого пловца, собирающегося плыть, и... не дойдя, поворачивают обратно, к дороге.

Начало марта, мороз, а под снегом—вода, которая пропитывает и съедает его толщу. Сверху—безбрежная снеговая поверхность, а внизу—жидкая желтоватая каша. Снег не держит, и люди проваливаются по пояс в ледяную воду. Только дорога, идущая по окраине ската, еще суха.

Финны открыли шлюзы Саймаанского канала, чтобы широким водным поясом охватить Выборг и этим остановить безудержный порыв бойцов Красной Армии.

Части героической 123-й дивизии сосредоточиваются для перехода в наступление. После короткого отдыха на станции Сяйние дивизия получила новый боевой приказ: обойти Выборг с правого фланга, перерезать все железнодорожные магистрали, связывающие Выборг с Кексгольмом, Антреа, Сердоболем, пересечь Саймаанский канал, прижать остервенелого врага к Финскому заливу. Задача ответственная, нелегкая, но воодушевление бойцов

и командиров было исключительным. Прорыв укрепленного района, близость Выборга, уверенность в близком полном разгроме финской армии толкали людей на новые отважные дела. Движение происходило быстро и планомерно. Далеко позади остались станции Сяйние, Сурперо, еще переход—и дивизия прорвется к Тали—большой железнодорожной станции, связывавшей центральную Финляндию с ее северо-восточным фронтом. И вот—вода...

Ночь. В небольшом домике на скате холма расположился штаб полка. Тщательно завешаны окна. У стола, при свете двух фонарей, склонился над картой майор Рослый—командир полка.

Двадцать дней непрерывного движения вперед! Двадцать дней напряженнейших боев, когда, казалось, вот-вот захлебнется наступление. Белофинны прилагали все усилия, чтобы остановить полк, вырвавшийся клином вперед, смять его. В один из этих дней они бросили против полка свои отборные части с танками в яростные контратаки. Но все вражеские попытки задержать продвижение полка разбились о стойкость его славных воинов. Полк с честью несет свое знамя вперед. Неужели силы природы заставят полк остановиться? Неужели вода остановит наступление, даст время белофиннам укрепиться на новых рубежах?

Этого не может быть! Приказ выйти к Саймаанскому каналу должен быть выполнен во что бы то ни стало.

Тов. Рослый внимательно изучает карту. Первый помощник начальника штаба докладывает ему обстановку.

Впереди, у станции Тали—межозерное дефиле. Река. Два моста—железнодорожный и на шоссе. Финны, по всей вероятности, их взорвали или взорвут. Лед на озерах взорван. Справа соседняя дивизия, натолкнувшись на сильное сопротивление, не может продвинуться. Слева соседний полк задержался перед широкой лощиной, залитой водой. Впереди высота «Подошва», ее штурмует с правого фланга полк нашей дивизии. Полк тоже задержался. Водное поле. Командир дивизии приказал нам утром форсировать переправу...

Непрестанно стучат телефоны:

— Вода подходит к укрытиям танков...

— Вода подходит к полковой артиллерии...

— Дорога в низинах перед 3-м батальоном заливается водой.

Вода прибывает...

Тов. Рослый хмурится, приказывает собрать комбатов. Развернуты карты. Лица у командиров суровы, брови сдвинуты. Рослый объясняет боевую задачу: 3-му батальону с утра выйти на высоту «Подошва», 1-му развернуться влево и занять исходное положение западнее школы, близ станции. 2-й батальон пойдет во втором эшелоне за 3-м. Начальнику инженерной службы произвести разведку дороги. Выставить посты наблюдения за прибывающей водой.

— В этой низине и здесь,—карандаш Рослого отчеркивает на карте участки дороги,—устроить из ельника гати. Взять для этого два взвода приданной саперной роты...

Командиры поднимаются.

— И самое важное, товарищи командиры,—заключает Рослый,—обогреть бойцов. Использовать для этого сараи и дома, а если надо,—построить шалаши из ельника. В домах у печей просушить валенки, портянки...

Забота о бойцах не дает Рослому спать. Через час он идет проверять размещение батальонов. Разместились в общем удачно.

Огни тщательно замаскированы. Красноармейцы сушатся. От шинелей, ватников, валенок идет густой пар. Обсушившийся уступает место товарищу. Несколько красноармейцев, должно быть, из архангельских, спустились к водному полю, окунули в воду валенки. На валенках тотчас образовывается ледяная корка. Над архангельскими смеются:

— Вы бы, браточки-зимогоры, и носы заодно ледком подковали.

— Так-то лучше! Вода через корку не пойдет! Всем советуем!..— отвечают деловито архангельские.

Заметив командира полка, красноармейцы приглашают его к огню. Рослый говорит:

— Новая преграда, товарищи. Вода.

Красноармейцы перебивают:

— Сквозь огонь, товарищ майор, прошли, а воду-то уж как-нибудь одолеем... Этим, подлюга, не возьмет...

— Весенняя вода—не осенняя... Старая пословица,—настороженно замечает кто-то.

— Пословица-то старая,—отвечают ему,—да не про нас она... Кровь разгорячена. А разгорячи ты у человека кровь—ничто ему нипочем...

Многие из бойцов уже спят.

Потолковав с людьми во всех батальонах, командир полка подходит к наблюдательным постам. Ночь ясная, морозная; над полем клубятся испарения. Хорошо бы наступать сейчас, когда уровень воды еще не так высок, но это невозможно. Подробности обороны противника не выявлены. Высота «Подошва», хотя и вовсе рядом, но кто знает, как укрепился там коварный враг. В дымке испарений темнеют высокие гранитные скалы, расселины между ними, лес. И тут, конечно, не без надолб и проволоки. Действует разведка—к утру все станет ясно...

Утро. Положение действительно прояснилось: «Подошва» оплетена несколькими рядами колючей проволоки, опоясана надолбами; в расселинах между гранитными скалами—артиллерия, минометы, пулеметы; за отдельными камнями и на деревьях—«кукушки»-автоматчики. Не суйся, как говорят, в воду, не узнав броду.

Отлично. Значит, разговор будет несколько иной... Вал смертоносного огня. На каждую клетку высоты «Подошва»—снаряд, мина, авиабомба.

А белофинны кричат в рупоры:

— Москали! Не суйтесь! Перетопим!

— Спета ваша песенка,—спокойно замечают красноармейцы.

Вчера еще белый искрившийся снег превратился за ночь в кашицу, местами вода выступила высоко поверх дороги; саперы подвезли гати, начали крепить переправу.

Одна за другой открывают огонь финские пушки. Сыплют очередями минометы. Разрывы снарядов и мин высоко взметывают пропитанный водой снег.

Вот дружно заговорили и наши батареи. Мины летят на высоту «Подошва», в расселину. Высота обволакивается черным дымом. Глыбы гранита откалываются, оползают в воду; падают деревья, срезанные минами и снарядами. По воде гулко разносится скрежет металла, взрывы потрясают окрестность. Огонь с нашей стороны так силен, что заметно, как у «Подошвы» покачивается волнами снежная кашица.

А молодцы-саперы все гатят и гатят дорогу. Враг уже не решается беспокоить их. Вот саперы у надолб. Артиллерийский огонь прекращается, над высотой «Подошва» хозяйничают «ястребки». Они расстреливают уцелевших на высоте белофиннов.

Проходит еще полчаса. Саперы дают сигнал: переправа готова. Первыми переправляются танки, за ними—цепочкой бойцы. Артиллеристы, обеспечивая переправу, снова бьют по высотке. Все дальше и дальше углубляются танки, бойцы, минометчики. Проходит еще полчаса, и «Подошва»—наша! Слева ее охватил один полк, а справа—другой.

Первая водная преграда преодолена с честью.

☆

В штаб дивизии сообщили, что с наступлением темноты 6 марта занята станция Тали. Перед полком майора Рослого командование дивизии поставило в эту ночь такую задачу: наступать на Портинхойкка—Юливеси, что в 8—10 километрах от станции Тали. Исходное положение—железнодорожное полотно станции.

Рассвет. Батальоны вытягиваются из леса на дорогу. Саперы за ночь отлично поработали: две длинные гати обеспечивают проход. Впереди 3-й батальон. Его ведет капитан Кельманзон.

Полагаясь на сообщение, полученное в штабе дивизии относительно занятия одной из наших частей станции Тали[1], Кельманзон уверенно ведет свой батальон через поляну, в проход между надолбами, мимо танков.

Танков что-то много. Почему они здесь, а не на станции Тали? Но, видя хлопочущих около машин механиков, Кельманзон решает, что танки, видимо, вышли на заправку...

Батальон по узкой тропинке между проволокой взбирается на крутой скат поросшей лесом высоты. Высокая каменная гряда.

---

[1] Станция Тали действительно была занята. См. статью Героя Советского Союза политрука Н. Лысенко «Штурмовые дни».

Скат её покрыт валунами. Батальон берет вправо. Слева развертывается 1-й батальон. У каменистой гряды—штаб, связисты. Немного впереди лежат окопавшиеся в снегу бойцы.

— Какого полка?

Бойцы ответили.

— Как? А станция Тали?—недоуменно спрашивает Рослый.

В это время совсем близко с воем разорвалась минометная очередь противника, вторая—ближе, третья—еще ближе...

Противник прощупывает лес. Он бьет по высоте, где скопилось уже пять батальонов. И откуда бьет? Со станции? Да, со станции! Как громадным гребнем, водит он разрывами снарядов своих двух батарей по высоте «Подошва».

Вот тебе и занята станция Тали!

Вот тебе и исходное положение!

Его, оказывается, приходится брать с бою.

Рослый быстро перестраивает батальон в боевой порядок, приказывает артиллеристам открыть по станции ураганный огонь.

А вода между тем поднималась с каждой минутой. Она вышла из канав, перехлестнула шоссе, подошла совсем вплотную к полотну дороги. Переходить по гати было уже трудно. Но и возводить новую гать было некогда.

Выбивая белофиннов из-за камней, 3-й батальон стал продвигаться вперед по пояс в воде. Справа впереди—8-я рота, командует ею старший лейтенант Скрябин. Дерзко действуя, рота вышла почти к самой опушке леса, вплотную подходившего к станции. Впереди—полукругом поляна, в центре этой поляны—вокзал, железнодорожные службы.

Противник выследил Скрябина и открыл по опушке леса яростный артиллерийский огонь. Скрябин не растерялся. Мужественный, испытанный командир крикнул: «Рота-а, за мно-о-ой!»

Он выбрасывается вперед и увлекает за собой всех бойцов. Одним броском преодолевает рота узкую часть поляны, и вот уже она у полотна железной дороги, в штабелях шпал и дров. Противник бежит от станционных домиков. Тяжелый взрыв содрогает землю. Летят вверх обломки взорванных мостов.

— Собаки. Успели-таки взорвать...—ворчит Скрябин, разглядывая из-за штабеля обломки двух мостов через стремительную, ревущую речку.

Наступают сумерки. Противник неотступно бьет из орудий по станции Тали и переправе через реку, где уже неутомимо работают саперы, заготовляя строительный материал для возводимого вновь моста.

Прибывает батальон танков. Командир батальона старший лейтенант Макаров является к Рослому.

Помещение командного пункта—бетонный погреб, в левой его половине—узел связи, за перегородкой направо—штаб. Наступил

решительный момент. Белофинны бьют как раз по мосту. А с высоток за мостом воздух прошивают пулеметы. Пули, визжа, то отлетают от камня, то поднимают фонтанчики серой ледяной воды. Иногда вскрикнет сапер, роняя топор в воду, и отползает раненный.

Командир саперной роты Шитов подбодряет людей, но падает и он, раненый в голову.

Разрывы двух снарядов начисто сносят уже положенные прогоны—начинай снова. Вода, точно в остервенении бьет по обломкам мостов, разрушает их.

Противник сосредоточил весь огонь на этом узком участке строительства переправы, а нашей артиллерии нет—она где-то застряла, направляясь в обход.

— Сколько у вас танков?—обращается вдруг Рослый к Макарову.

— Двадцать семь,—отвечает тот.

— Двадцать семь? Да это же силища!—восклицает вдруг взволнованно Рослый.—Двадцать семь танков—значит двадцать семь пушек! Вот вам и артиллерия! А ну-ка, выводите танки к холмам перед переправой и открывайте огонь из всех пушек по противоположному берегу. Расстрелять пулеметы противника! Понятно?

— Понятно,—отвечает Макаров и добавляет с улыбкой:—Если еще и 54 моих пулемета поработают, то это будет совсем как раз...

Через пару минут мощные танки, урча, разворачиваются и уходят в сумерки.

Они остановились полукругом у переправы. Вращаются башни, нащупывая противника. Проходит еще немного времени, и на противоположном берегу—фейерверк разрывов.

Несмолкаемая трескотня 54 пулеметов.

Под несущимся в воздухе потоком свинца и стали перебираются по скользким обломкам моста бойцы 3-го батальона. Срываясь, кое-как перебираются они по обледеневшим бревнам на противоположный берег, устремляются по круче и яростно гонят врага.

За 3-м батальоном перекатывается 1-й.

К утру противоположный берег прочно занят.

Противник продолжает громить переправу. Но уже работает наша артиллерия, принуждая замолчать батареи финнов.

Майор Тимофеев—начальник инженерной службы дивизии—кинул на строительство моста весь свой саперный батальон. Мост должен быть готов как можно скорее, нужно перебросить танки, артиллерию.

Дальше за рекой—небольшой лесок и широкая снежная равнина. Вправо—озеро. Лед его сверху залит водой. Дорога идет вдоль озера, изредка ныряя между холмами и прорезая небольшой лесок.

По этой дороге, держась ее узенького полотна,—только одной повозке проехать,—ползут связисты. Впереди—мостик через канаву.

Мостик взорван, а канава—это бурлящий трехметровый поток воды.

С дороги не сойти. Пули изредка взвизгивают справа и слева и даже откуда-то сзади. Это противник, сдержав наступление соседней дивизии, бьет по прорвавшемуся вперед нашему полку.

Связисты выбились из сил. Четвертый раз наводят они линию, иногда по пояс в воде—по дороге линию вести нельзя. И только начальник связи Епишин начинает докладывать Рослому: «Связь с батальонами налаж...» как—рррах, рррах, рах, и Епишин, не окончив доклада, устремляется на узел связи.

Через минуту оттуда несется брань.

— Опять, черти, порвали...

— Ты, Епишин, лучше уж не докладывай,—шутит первый помощник начальника штаба.—Пока не хвастаешь, связь кое-как работает, а как только похвастал,—раз, и порвали...

Епишин в отчаянии опускается на нары, затем вскакивает и, проклиная воду, лед, белофиннов, бежит на линию. Этот беззаветно отважный человек не спит уже третьи сутки.

Батальоны продвигаются все вперед и вперед. Станция Тали далеко позади. Позади форсированные вброд канавы, речки, поляны. Нужна быстрая остановка и обязательно в лесу: обсушиться, обогреться.

Ни артиллерии, ни танков нет, они застряли на станции из-за строительства моста; здесь на выручку пришли минометы. Они движутся вслед за пехотой. Они удобны, нетребовательны: небольшое укрытие, и огневая позиция минометов готова. Не раз они выручали героические батальоны.

Небольшая высота к северо-западу от станции. Из-за уцелевших цементных фундаментов сгоревшей деревушки финны открыли по батальонам губительный огонь. Бойцы залегли вдоль дороги. Вода засасывает. Надо немедленно ликвидировать огневые точки противника, заставить его отойти.

Разведка выявила огневые позиции минометов противника. Расположение пулеметов опытный командир минометного взвода Кондратьев определял «на слух». Подготовка данных проста. В воздухе свистнула первая мина, за ней вторая, третья. Минометчики засыпали «гостинцами» позиции врага.

Дальнейшее движение батальонов было обеспечено.

Вечер. Солнце бьет по зеленой гряде высокого сосняка, к которому вьется топкая дорога. Кругом вода. Мокрые, озябшие бойцы устали. Лес—это отдых. Костры, чаек, ужин... Но в лесу белофинны. Очереди из автоматов поднимают всплески воды. Надежды на теплый ночлег мало.

— Танки!—вдруг крикнул кто-то.—Наши танки!

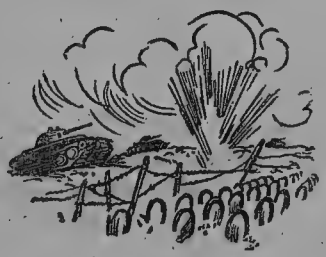
Да, это действительно были наши танки. Поднимая гусеницами вихри воды, они быстро мчались на выручку пехоте. Тяжелые,

грозные, они проходили, как мощные ледоколы,—такой необычной была для них дорога.

— Архипов, не иначе,—оживились бойцы.—Ишь, как лупит. Знает, когда подоспеть.

Не доехав до сосняка, Архипов сворачивает с дороги и катит в лес целиной, обдавая бойцов каскадами брызг,—прямо туда, откуда особенно крепко бил из автоматов и пулеметов враг. За ним устремилась и вся его танковая рота. С победным криком рванулись в лес за танками батальоны. И вот он, желанный отдых: костры в оставленных финнами укрытиях, белый клубящийся пар от просыхающих ватников, шинелей, валенок, белья, веселые шутки, смех. Кого знобит—заставляют плясать. Пляшет. Закон войны: и не умеешь—да пляши! Не взял, собака-белофинн, минами, фугасами, надолбами, водой не возьмешь! Ничем не возьмешь!

Еще два с половиной дня, вплоть до 12 часов 13 марта, шла вперед через водные преграды победоносная 123-я дивизия. Враг заминировал дорогу. Не помогло! Враг устраивал засады—выбивали! Враг оставлял на пути «кукушек»—дело уже привычное: снимали. Застревали в пути пушки—их заменяли танки. Застревали танки—выручали минометы. Все преодолели воины Красной Армии,—решительные, отважные, готовые во имя Родины на любой подвиг.



Батальонный комиссар

П. Белоусов

«ВЫБОРГ ОБЪЯВЛЯЮ СОВЕТСКИМ»

Наш славный полк одним из первых вступил в город Выборг, на улицах которого рвались снаряды и мины и с грохотом рушились стены горящих зданий. Вот он Выборг—узкие окраинные улицы, освещенные пламенем многочисленных пожаров. От домов пышет жаром. Снег растопило, и с пригорка бегут ручьи.

Нам передали, что послана телеграмма товарищу Сталину о том, что части Красной Армии вступили в Выборг.

Весть о посылке телеграммы вождю народов, с именем которого мы шли в бой, быстро распространилась среди красноармейцев, дравшихся на улицах Выборга.

Трудно передать воодушевление, царившее в частях. Вместе со стрелками пошли в бой с оружием в руках музыканты, возглавляемые капельмейстером Соловьевым.

В одной из рот были большие потери. Некому было вести огонь из пулеметов. Тогда к оружию бросились бойцы тыловых подразделений.

Мужественно дрались бойцы бронепоезда майора Панкратьева. Трижды раненный, тов. Панкратьев управлял боем до тех пор, пока санитары не унесли его на медпункт.

Артиллеристы, преодолевая минированные участки, несли орудия буквально на руках, чтобы как можно скорей доставить их по глубокому снегу в город и громить огневые точки противника.

Стрелки и разведчики указывали артиллеристам цели—куда бить прямой наводкой. 56 красноармейцев артиллерийского полка вооружились винтовками и гранатами и приняли участие в уличном бою, отвоевывая каждый метр земли, каждое здание.

13 марта, утром, все главные здания, электростанция, водопровод, фабрики и центр города были в наших руках.

В разгар боя в полку вспомнили о флаге, который был заготовлен во время освобождения Западной Украины. Этот флаг должен был переходить в лучшие батальоны и роты, отличившиеся в боях. Тогда не пришлось нам воспользоваться флагом. Мы вспомнили о нем в ночь выборгского штурма.

Бойцу Семенову поручили разыскать флаг на подводах в тылу. Семенов быстро выполнил задание. Он доставил флаг на подводе вместе с боеприпасами. Нужно было во время боя водрузить флаг на самом высоком и видном месте. Два бойца добрались до ближайшей фабричной трубы и полезли наверх. Они вывесили флаг, но оказалось, что полотнище недостаточно хорошо видно. Тогда раздобыли высокую палку и снова перевесили флаг. Не успели его вторично закрепить, как белофинны обрушились огнем на фабричную трубу. Они хотели во что бы то ни стало сбить красный флаг. Но все их попытки были тщетны. Флаг Краснознаменного полка—первый красный флаг, водруженный в советском Выборге,—гордо реял над городом.

В 12 часов 13 марта мы по приказу командования прекратили огонь. Воцарилась необычайная тишина. Эта тишина запомнилась на всю жизнь. В первые минуты мы не доверяли ей.

Бойцы радовались новой победе нашего государства. Едва прекратился огонь, на Центральной площади, среди орудий и пулеметов бойцы, еще разгоряченные азартом недавнего боя, пустились в пляс. Музыканты снова взялись за инструменты, заиграл духовой оркестр. У бревен, среди горящих домов, у неразобранных еще баррикад начались митинги.

Бойцы принялись за новую работу—очищали улицы, собирали по свежим следам ценные документы, искали мины.

Из укрытий, как из берлог, выходили финны. У них был жалкий вид. Они заискивающе улыбались, как бы извиняясь. Некоторые нерешительно протягивали нам руки, но многие из наших бойцов не могли пересилить своего отвращения и отворачивались, настолько сильна была ненависть к изуверам-шюцкоровцам.

Итак, финская белогвардейщина получила суровый урок.

Радиоволны разнесли всему миру весть о новой победе мудрой сталинской политики, о победе Красной Армии.

На первом митинге в Выборге красноармеец Корниенко сказал:

— Товарищи бойцы, командиры и представители ленинградских рабочих! Разрешите от вашего имени заявить всему советскому народу, правительству, партии и лично товарищу Сталину о том, что северо-западные границы нашей социалистической Родины и колыбель трех революций—город, носящий имя бессмертного Ленина, теперь в полной безопасности. Задание партии, правительства и лично товарища Сталина с честью выполнено нашей Красной Армией. Город Выборг объявляю советским.

Лейтенант

К. Снегирев

ВСТРЕЧА ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Кто видел город Ленина в те солнечные мартовские дни, навсегда сохранит в своем сердце праздничное ощущение единства Красной Армии и советского народа. Человек в военной шинели с пятиконечной звездой на шапке был предметом всеобщей любви и благодарности. Незнакомые люди останавливали его на улицах, пожимали горячо руку, поздравляли с победой. С восхищением и любовью смотрели на него сотни глаз. Ведь это он—верный сын Родины—в снегах Финляндии грудью своей защитил Ленинград. Это он в морозы и метели под убийственным огнем прошел по лесным дебрям, незамерзающим болотам и морским льдам к железобетонным гнездам врага, захватил и разрушил их. Это он сокрушительным ударом прорубил линию Маннергейма и добыл победу родной стране.

Слава тебе, воин Красной Армии, мужественный защитник Родины! Эти слова были у всех на устах, когда радио разносило по стране весть о победном окончании войны. Газеты еще не вышли, а эта весть переходила из уст в уста, спозаранок подняла на ноги город, обошла все улицы, площади, дома, учреждения, заводы и фабрики великого города. Всюду возникли митинги.

— Советский Союз достиг того, чего хотел!

Эта гордая мысль сквозила во всех речах.

В резолюции рабочие Кировского завода записали:

«Советский Союз достиг своей цели. Благодаря мудрой сталинской политике ликвидирован опаснейший очаг войны на северо-западных границах, обеспечена безопасность нашего родного города Ленина. Мы, кировцы, особенно горды тем, что самоотверженным трудом над выполнением оборонных заказов помогли Красной Армии обеспечить победы, нашедшие свое закрепление в договоре».

Кировцы, как и рабочие коллективы других заводов и фабрик, особенно гордились тем, что и они внесли долю своего труда в победу над врагом, что при защите Родины они стояли в одной шеренге с советскими бойцами, что они были неотде-

лимы от Красной Армии. В этом была наша сила, в этом—залог будущих наших побед.

К Красной Армии были обращены мысли ленинградцев, мысли всего советского народа.

Рабочие ленинградского завода имени Сталина писали бойцам:

«...Празднуя завоеванную вами победу, торжествуя по поводу прочного мира, установленного на наших границах, мы горячо поздравляем вас, наших сынов, замечательно выполнивших свой долг перед Родиной. Мы навсегда сохраним память о вас, славных бойцах, не жалевших ни сил, ни жизни в борьбе за родную отчизну».

Привет и благодарность города Ленина были лучшей наградой бойцам и командирам за перенесенные ими трудности, лишения и опасности войны. С радостным волнением возвращались воины Красной Армии в Ленинград с фронта. И здесь, при встрече с ленинградцами они пережили самые яркие минуты своей жизни. По-отечески тепло и любовно принял город в свои объятия славных победителей.

Первыми прибыли в город бойцы-лыжники, земляки ленинградцев. Когда они, загорелые, обветренные, возмужавшие, вышли из вагонов, точно буря пронеслась по многотысячной толпе встречающих. Букеты живых цветов осыпали героев. Их подхватили на руки, понесли на площадь Финляндского вокзала, полную народа, украшенную знаменами и цветами. Сотни рук потянулись к доблестным бойцам, чтобы благодарно пожать их огрубелые, крепкие руки, искусно разившие врагов.

В безмолвной тишине выслушала площадь речь бойца-лыжника Н. Власова, студента Педагогического института имени Герцена.

— Наши дорогие матери, отцы, братья, сестры,—сказал он.— С нетерпением ждали мы этого счастливого дня, когда с гордостью сможем рапортовать трудящимся Ленинграда и всей стране о выполнении боевого задания.

Теплая встреча, которую вы оказали нам, лучше всяких слов говорит о том, как любит народ свою доблестную Красную Армию.

В глубоких снегах Карельского перешейка, в походе, на отдыхе мы, читая ваши письма, получая ваши подарки, чувствовали, что с нами весь многомиллионный советский народ, с нами трудящиеся города Ленина.

Мы рады, что наш отряд оправдал ваше доверие, что лыжники города Ленина высоко держали знамя нашей Родины в боях за безопасность ее границ, за безопасность колыбели пролетарской революции. Ни морозы, ни снега, ни леса, ни железобетонные укрепления—ничто не могло помешать нам выполнить свой долг.

Мы порох держим сухим, и, если снова раздастся боевой клич, если позовет партия и правительство,—мы все, как один, встанем под боевые знамена—за Родину, за Сталина!

Бойцы-лыжники разъезжались по домам, а праздничные толпы ленинградцев следовали за ними, приветствуя героев.

Взволнованные встречей, оказанной им в родном городе, сильные и мужественные, уверенно чеканя шаг, шли они по улицам.

Еще издали узнавали их друзья, знакомые.

— Голощапов! Федя!—радостно вскрикнул кто-то на тротуаре.—

— Воробьев...

Трудно сдержать налетевшие вихрем чувства. Но отряд идет строем, и нужно ограничиться только улыбкой или едва заметным кивком головы в сторону друга.

Но вот отряд останавливается. Его обступают со всех сторон, окружают плотной стеной сотни ленинградцев. Нескончаемые объятия. Горячие товарищеские приветствия. Поздравления. Пожатия рук. Вопросы, вопросы без конца...

Возникают беседы о боевых делах отряда, о подвигах бойцов-лыжников.

Вот в группе женщин стоит командир отделения тов. Ушаков—один из лучших лыжников отряда. Он работал на заводе имени Орджоникидзе планировщиком. Полюбил лыжный спорт и овладел лыжами в совершенстве. Это ему здорово пригодилось в боях. Выполняя боевое задание, он прошел на лыжах 160 километров и, несмотря на трудности перехода, блестяще справился с порученным ему ответственным делом.

Федору Кондратьеву, токарю 1-й Ленинградской ГЭС, тоже есть чем гордиться. Придя в отряд рядовым бойцом, он вскоре стал командиром взвода. Однажды он обнаружил группу противника, пытавшуюся пробраться к нам в тыл. Благодаря его бдительности маневр врага не удался.

Рабочий табачной фабрики имени Урицкого Стуковенко, вынесший с поля боя раненого командира, смелые разведчики Алексей Воробьев и Федор Голощапов, герой боев Хоменко—все они честно выполнили свой долг перед Родиной, перед родным городом.

Затаив дыхание, слушают ленинградцы рассказы лыжников о боевых делах, и перед их взором предстают суровые утесы островов; полыньи на льду, пробитые снарядами; торосы, нагроможденные у берегов, и идущий в атаку лыжный отряд. У юношей горят глаза,—как завидуют они героям!

Через несколько дней, в солнечное весеннее утро Ленинград встречал части Красной Армии, возвращавшиеся с фронта. Улицы и проспекты города Ленина праздично оделись в кумач и шелк. Зазвенела медь оркестров. Колонны трудящихся потянулись по Сестрорецкому шоссе. На знаменах—слова братского привета героям-победителям!

«Да здравствует героическая Красная Армия, обеспечившая безопасность города Ленина!»

Когда диктор сообщил по радио: «Части Красной Армии вступают в город», воздух потрясли рукоплескания и приветственные возгласы. Из-за поворота дороги показались первые машины с бойцами, командирами и политработниками дивизии, награжденной орденом Красного Знамени за образцовое выполнение заданий командования на финском фронте.

Сотни букетов мелькнули в воздухе, цветы, первые цветы счастливой весны, посыпались на машины.

— Ура товарищу Сталину! Слава героям-победителям! Да здравствует Красная Армия—наша защитница!

На трибуне—старший лейтенант. Когда встречающие узнают, что это Герой Советского Союза тов. Пузанов, рукоплескания и восторженные возгласы гремят с новой силой, точно морской прибой.

— Партия и правительство,—говорит тов. Пузанов,—поручили Красной Армии обеспечить безопасность знаменитого города Ленина, ликвидировать плацдарм войны у северо-западных рубежей нашей Родины. Сегодня мы с радостью рапортуем вам, что эту почетную задачу бойцы, командиры и политработники Красной Армии выполнили с честью.

Перед лицом трудящихся Ленинграда мы заявляем, что и впредь Красная Армия готова сокрушить любого врага. На Карельском перешейке враг испытал сокрушающую мощь советского оружия, а если надо будет, мы удесятерим силу своего удара.

И, отвечая тов. Пузанову, стахановец судоверфи тов. Жиганов заявляет:

— Родные товарищи, вы подлинные, неустрашимые богатыри советской земли. Ваш подвиг будет вечно жить в памяти народа. Ваш подвиг вдохновляет советский народ на героический труд. Честь и слава героям-победителям!

Промелькнул еще один день, и Ленинград снова выходит на шоссе. На этот раз он встречает доблестных танкистов.

По Выборгскому шоссе двигаются боевые машины. Они идут сюда от самого Выборга, от города-крепости, который они всего несколько дней назад штурмовали. Их броня еще сохраняет следы пуль и осколков снарядов. Блестит сталь их гусениц—немало километров пройдено по лесам и болотам, через рвы, надолбы, проволочные заграждения!.. Из открытых люков машин глядят мужественные лица, лица героев.

Обращаясь к танкистам, мастер завода имени Карла Маркса тов. Константинов говорит:

— Когда вы на фронте били и сокрушали финскую белогвардейщину, мы на предприятиях, в цехах показывали образцы трудового героизма.

И все чувствуют, какой глубокий смысл заложен в этих простых словах старого производственника!..

Кто был в городе Ленина в солнечные мартовские дни 1940 года, тот навсегда сохранит в своем сердце праздничное ощущение нерушимого единства великого советского народа и его Красной Армии.

БОЕВЫЕ ПОДРУГИ

А. Антонова

«СЕСТРА ПРИШЛА!»

Памятная ноябрьская ночь. По всей стране, по всему миру звучит голос товарища Молотова. В этот момент каждый гражданин нашей социалистической Родины думал: чем он может быть полезен своей родной Красной Армии? Думала об этом и я. Моя подготовка—вторая ступень санитарной обороны. Кроме того, я—женорганизатор 3-го артиллерийского училища. Неужели я не смогу быть полезной там, на фронте?

Подыскала себе заместительницу, получила назначение в дивизию. И вот наступил день, когда я с двумя подругами выехала на автобусе к фронту.

До поздней ночи, жестоко страдая от мороза, искали мы дивизию, но так и не нашли. Заночевали в госпитале. Не успели заснуть, слышим знакомый голос за дверью:

— Антонова не здесь ночует?

Я выбежала. Оказывается, женорганизатор округа тов. Логинова привезла в четырех машинах подарки для бойцов. Решили ехать вместе. В госпитале нас уговаривали:

— Оставайтесь работать здесь. Ваша дивизия—на линии огня!

Но мы решили обязательно найти свою дивизию и работать там, ближе к фронту.

И вот мы попали в новую, еще более суровую обстановку. Линия фронта—в нескольких километрах. Устроились в землянке, только-что вырытой, совсем не оборудованной. От усталости я заснула мертвым сном, а утром—хочу встать и не могу. Оказалось, стены землянки подсохли от тепла нашей печурки и обсыпались понемногу, так что я очутилась под песком. Где-то рядом рвутся снаряды. Страшно. Тов. Логинова поглядела на нас и спрашивает:

— Ну, что, девушки, может, обратно поедем, в госпитале поработаете?

Мы, конечно, категорически отказались.

Первые шесть дней работали при штабе дивизии. Наладили командирскую столовую: оборудовали землянку, сами готовили обеды, заботились о том, чтобы командиры всегда имели горячую пищу.

Ни от какой работы не отказывались. Когда в красноармейской столовой заболел повар, пошли туда, стряпали. Наконец, началось наступление, и нас перебросили в санитарный батальон в качестве медицинских сестер.

Я попала в сортировочную палатку. Сюда привозили раненых прямо с поля боя, иногда даже без первичной перевязки. Каждого из них надо обогреть, напоить, накормить, выяснить, какая требуется помощь, и в зависимости от ранения отправить в хирургическую палатку или в малую перевязочную.

Условия в палатке—походные. У нас нет ни коек, ни других удобств,—ведь раненые здесь долго не задерживаются. Людей привозят с мороза, все просят пить, стремятся к теплу. А палатка раскинута прямо на ледяной земле. Мы вышли из положения—набросали побольше веток на пол, а сверху постелили брезент. Печки топили все время, очень заботились о том, чтобы всегда имелись дрова. Особенно трудно было с водой—были случаи, когда белофинны отравляли колодцы. Иногда приходилось ездить за водой за несколько километров. Можно растапливать снег, но это очень невыгодно: наложишь полный котел, а растает снег—и воды-то всего четверть бака! Все же мы всегда держали наготове крепкий чай.

В первый же день я поняла, что нужно крепко держать себя в руках, вложить всю душу в то, что делаешь. Условия трудные, работа спешная, в твоих руках—жизнь людей, защитников Родины. Каждому надо быстро и умело помочь, каждого приободрить, утешить, а тут сама расплакаться готова. Помню, когда я впервые вступила на дежурство, привезли очень тяжело раненного. Он попал на мину, был весь опален, трудно разобрать—где раны, где ожоги. Я стала раздевать его, а сама еле на ногах держусь, руки трясутся, слезы застилают глаза... Врач посмотрел на меня и сказал:

— Выйдите из палатки!

Я вышла, бросилась прямо на снег и разрыдалась. Потом опомнилась: что же это я делаю? Взяла себя в руки, умылась снегом, пришла обратно. Больше такой слабости уже не допускала и постепенно выработала в себе выдержку, силу воли, решительность.

Медицинская сестра в боевой обстановке должна быть умелой, спокойной, ласковой, внимательной. Надо не только облегчить страдания, но и всегда найти нужное слово, чтобы успокоить и обласкать человека.

Однажды привезли старшего лейтенанта. Он был в тяжелом состоянии. Только я уложила его, он кричит:

— Сестра, подите сюда!

Я подхожу.

— Ну что, родной?

— Вышку взяли?

Я, не моргнув, ответила:

— Взяли!

— Не обманываешь?

— Честное слово,—говорю,—взяли полчаса назад. И твой заместитель—это прекрасный командир. Он первым взошел на вышку...

У раненого на лице мелькнула такая блаженная улыбка, что я никогда в жизни ее не забуду.

— Я в нем и не сомневался,—сказал он и руку мне пожал с благодарностью.

Потом он потерял сознание. Бредил. И в бреду командовал ротой.

Вспоминается и другой случай. Привезли тяжело раненного бойца. Он в бессознательном состоянии. Слышу—зовет:

— Катюша! Катюша!

Подошла, положила руку на его лоб и говорю:

— Я здесь, милый, я здесь.

— Ты меня любишь, Катюша?—спрашивает.

— Конечно, люблю!

— Поедем домой, Катюша?..

— Поедем... Поспи немного, отдохни и поедем...

Обложила его грелками, села рядом, глажу его волосы, тихо разговариваю, будто его Катюша рядом с ним. Согретый лаской, улыбаясь, он заснул...

Огромным уважением, доверием и любовью отвечали нам раненые на нашу заботу о них. Однажды прибыл раненый с раздробленными ногами. Надо было наложить шины на обе ноги. Раненый кричит от страшной боли. Я прошу его:

— Потерпи, милый, минутку потерпи, а то я не смогу сделать так хорошо, как надо.

Он и говорит мне:

— Постараюсь... только для вас постараюсь... потерплю...

Все губы себе искусал, бедный, потом покрылся, но дал мне сделать все, что было нужно.

Позже я письмо от него получила—поправился человек, кости срослись хорошо. Он никогда не забудет сестру, которая помогла ему в первые трудные часы. Да и каждая из нас получала много писем от раненых бойцов. Они находили для нас искренние слова благодарности, ласки, дружбы!

После сортировочной палатки я работала в хирургической. Надо сказать, что в первые дни мы не знали, как лучше организовать дело. Сперва перевязки делали тут же, в сортировочной. Одна сестра и обрабатывала рану и готовила стерильный материал. Потом мы организовали перевязочную отдельно, а труд между сестрами разделили. Это очень облегчило и ускорило работу.

Вначале плохо было у нас с дисциплиной. Бывало, слышишь такие разговоры врача с сестрой:

— Ниночка, не сделаешь ли ты...

— Некогда мне!

Потом партийная организация провела среди нас большую воспитательную работу. Стало законом: кто бы ты ни был—военнослужащий ли, доброволец, или жена командира,—раз ты на фронте, подчиняйся воинской дисциплине! Без этого в боевой обстановке работать нельзя...

После прорыва линии Маннергейма наша часть быстро шла

вперед и продвинулась уже севернее Выборга. Мы двигались вслед за частью. На дорогах—«пробки», наш медико-санитарный батальон не может пробиться со своими машинами, а впереди—раненые ждут нашей помощи. Тогда мы решили организовать передовые бригады и пойти пешком. Ночь, мороз, шагаем по пояс в снегу. На мне походная сумка, индивидуальный запас, противогаз, в руке чайник с супом, чтобы на месте сразу накормить раненых. Хирургический ящик, большой и тяжелый, сперва несли за ручки два санитара. Потом где-то раздобыли финские санки и повезли на них. Все были нагружены до предела.

Пришли в первый пункт, сразу принялись за работу. Раненые встретили нас с восторгом. Мы их осмотрели, сделали перевязки, накормили, оставили около них дежурных и в ту же ночь, не отдыхая, пошли дальше.

Снова нас встречают счастливые возгласы:

— Сестра пришла!

В одном пункте мы застали раненых в холодном, нетопленном помещении. Дров нет. Нашли два толстых бревна, но нет пилы. Кое-как раскололи бревна топором. Протопили печь, оказали помощь раненым, накормили их и дальше пошли.

Так продолжалось трое суток.

Все работали горячо, себя не жалея. Как-то зашли мы далеко, нас ждут раненые, а спирт на исходе. В нашей работе без спирта ничего не сделаешь, даже руки не помыть—разве снегом грязь отмоешь? Прямо не знали, как быть. До обоза далеко. И вдруг видим—тащится к нам по снегу наш заведующий аптекой, а на спине у него в корзине двухпудовая бутыль спирту. Сообразил он, что спирту нехватит,—и нес на себе бутыль пять километров. Тогда все думали об одном—как бы скорее и лучше оказать помощь бойцам Красной Армии.

Вернувшись с фронта 31 марта, я пошла в госпиталь Военно-медицинской академии навестить товарищей. Иду по госпиталю, а со всех сторон голоса:

— Сестра! Сестрица из санбата! Зайдите к нам... ко мне!

Я и не помню многих, не узнаю, а они меня встречают, как лучшего друга, как сестру родную. Как я была счастлива, видя их выздоравливающими, веселыми. И даже незнакомые казались мне родными, близкими...

Е. Решетникова

НА ПОЛЕ БОЯ

В детстве я очень увлекалась книгами про войну. С упоением читала о героических походах Красной Армии, о легендарных наших народных героях—Чапаеве, Фрунзе, Лазо. Я мечтала: когда вырасту, обязательно буду участвовать в боях.

Годы шли. После школы я пошла учиться в медицинский техникум.

В августе 1939 года я вышла замуж за старшего политрука Александра Решетникова. Знали мы друг друга еще с детства, вместе учились в Уржуме, а потом он уехал продолжать образование в Ленинград. Шесть лет мы вели оживленную переписку. Когда я закончила техникум, мы поженились, и я переехала в Ленинград.

30 ноября радио известило о том, что войска Ленинградского военного округа, выполняя волю народа, перешли границу Финляндии. Взволнованная, я побежала к женоргу тов. Гавриловой, а от нее—в штаб округа. Просила послать меня на передовые позиции. Мне дали направление, я выехала на фронт поездом, потом пересела на автобус. В штабе мне выдали обмундирование и зачислили лекарским помощником. Неожиданно встречаю знакомого командира. Обрадованная, расспрашиваю о фронтовых делах. Он подробно мне рассказывает и сообщает, что Саша тоже здесь, в гаубичном полку. Я пошла проситься в эту часть. Начальник, увидев меня, спрашивает:

— Кто вы, мальчик или девочка?

Я—маленькая, круглолицая, стриженая, в мужском костюме—выглядела, наверно, очень смешно. Не растерявшись, отвечаю:

— Не мальчик и не девочка, а взрослая женщина; закончила медицинский техникум.

— А вы знаете, что эта часть расположена на передовых позициях?

— Знаю...

Ехала всю ночь. К 7 часам утра прибыла в часть. Темно. Кругом густой, высокий лес. Настороженная тишина. Люди раз-

говаривают друг с другом вполголоса. Приглядываюсь, расспрашиваю. Где-то близко в лесу трещат пулеметы, изредка грохают орудия.

Я доложила о своем прибытии. Стараюсь держаться по-военному. Где-то поблизости был Саша, но я даже не подумала об этом, очень волновалась: каждую минуту могут появиться раненые. Справлюсь ли я, не растеряюсь ли?

Наступил рассвет. Вскоре загрохотала наша артиллерия. Белофинны стали отвечать. Воздух наполнился сплошным гулом. Вокруг рвались снаряды и мины. Люди укрылись в блиндажах. Я выглянула, нет ли раненых. Вдруг рядом разорвался снаряд, один командир на бегу зашатался и упал в снег. Я выбежала из блиндажа, наклонилась над ним. Его осколком ранило в голову. Осматриваю—кости не задеты, осколок только скользнул по черепу, рана неопасная. Раскрываю индивидуальный пакет, быстро перевязываю своего первого раненого. А сердце колотится, руки дрожат от волнения.

Командир спрашивает:

— Какое ранение, сестричка?.. Опасное?

Отвечаю:

— Нет, скоро поправитесь.

Помогла ему дойти до блиндажа, вызвала санитарную помощь, отправила раненого в тыл...

Вскоре встретила мужа. Смотрит на меня и не узнает. Я не выдержала и рассмеялась. Он бросился ко мне, затормошил.

— Ленка, ты ли это?

Узнав, что я приехала в часть работать, сказал:

— Вот это дело!..

Потом заболел наш военфельдшер, его отправили на самолете в госпиталь. Я осталась одна с санитарными инструкторами. Каждый вечер проводила в землянках групповые и индивидуальные беседы с бойцами. Рассказывала им, как надо поступать при различных ранениях, как уберечь раненого от заражения крови, проверяла, знают ли они, как обращаться с индивидуальным пакетом, оказать себе и товарищу первую помощь на поле боя.

В часы затишья Саша обучал меня верховой езде.

11 февраля начался штурм укрепленного района. Во время боя я была на командном пункте. То и дело вызывали к раненым. Однажды по телефону передали, что ранен старший политрук Решетников и что его отправили на медицинский пункт. Хотелось плакать, хотелось немедленно побежать туда, узнать, что же с моим Сашей. Но работы было много, с поста уходить нельзя. Крепилась.

После боя направилась искать Сашу. У него оказалось тяжелое ранение—прострелено легкое. Увидев меня, он произнес одно лишь слово: «Лена!», дальше говорить не смог. Он тяжело дышал, изо рта шла кровь.

Я сопровождала его и других раненых на санитарной машине. Пятнадцать километров держала мужа на руках—ему вредна была

тряска. Он держался стойко, не стонал. Когда его отправляли на самолете в Ленинград, я спросила:

— Саша, может быть, поехать с тобой?

Он посмотрел на меня и покачал головой:

— Я скоро поправлюсь и вернусь...

Проводила его и в тот же день возвратилась в часть.

Бои продолжались. Под сокрушительными ударами частей Красной Армии пала линия Маннергейма. Работа у нас все время была горячая. Изредка приходили успокаивающие письма от Саши. Иногда писала за него сестра, один раз он написал сам. Муж успокаивал меня, сообщал, что поправляется.

Но вот однажды вечером ко мне в землянку пришел командир и принес телеграмму. Читаю: «Состояние ухудшилось. Приезжайте».

Я смотрю на командира и вижу у него в руке еще один телеграфный бланк... У меня сжалось сердце.

Не глядя на меня, командир подает вторую телеграмму. Саша умер!..

А тут поступило сообщение: враг капитулировал, подписан мир. В 12 часов смолкла стрельба. Кругом радость. Люди поздравляют друг друга, обнимаются. А на меня взглянут и затихнут.

В тот же день я выехала в Ленинград. Приехала как раз к похоронам. Простилась навсегда со своим любимым другом и с горестным чувством снова вернулась в свою часть. Товарищи по работе понимали мое состояние—их чуткость трогала до глубины сердца.

После отвода войск меня перевели в Ленинградское краснознаменное артиллерийско-техническое училище. Правительство высоко оценило мою работу на фронте, наградив меня орденом Красного Знамени.

У меня растет маленькая дочурка Саша. Это моя радость и утешение. Я воспитываю ее и учусь без отрыва от работы—повышаю свою квалификацию. Если потребуется, снова встану в ряды защитников родной страны.

Н. Знаменская

В ПОЛЕВОМ ГОСПИТАЛЕ

В первые же дни войны я заявила начальнику политотдела тов. Лисовскому, что хочу ехать на фронт. У меня двое детей. Он спросил, с кем я их оставлю.

— Найду с кем,—ответила я.

8 декабря получила приказ собрать группу жен начальствующего состава для поездки на фронт. Приказ выполнила. Ждем отправки. 13 декабря, наконец, вызвали в политотдел.

— Через два часа явитесь в штаб округа. Сегодня отправляетесь на фронт, пробудете там две недели...

Попрощалась с мужем, забежала домой обнять свою мать и маленького сынишку; старший в школе, повидать уже не удастся.

Ночью прибыли к месту назначения—в полевой подвижной госпиталь. Меня направили в эвакуационное отделение и тут же приказали вступить на дежурство. Явилась к начальнику отделения военврачу 3 ранга Гурбановой. Утомленное бессонными ночами, нервное лицо.

— Надолго?

— На две недели.

— А, значит, только в гости!..

Я смутилась. Стыдно стало, а ведь еще дома мне казалось, что две недели—большой срок.

Приступила к работе. Ночь. Тишина. И вдруг—гул взрывов. Тушим свет. В темноте ощупью занавешиваем окна. Где-то над нами вражеский самолет, удирая от огня зенитной артиллерии, вслепую сбрасывает бомбы. Мне жутко. Но скоро все стихает. На столе тускло светит фонарь. Вот и боевое крещение.

Я работаю по отправке раненых в тыл. Когда свободна, помогаю ухаживать за больными, читаю им газеты, беседую. Эвакуация раненых—сложное дело, я с ним еще как следует не освоилась. Стараюсь все замечать, все запоминать: как транспортируются больные с различными видами ранений, через какой срок после ранения можно эвакуировать больного, как проверяется санитарная

карточка. Обязательно просматриваю первичный и последний диагноз, проверяю, все ли прививки сделаны. Особенно важна противостолбнячная прививка. При малейшем сомнении в правильности эвакуации раненого показываю его врачу.

Большое значение при эвакуации имеет одевание раненых. Им должно быть тепло, удобно, ничто не должно причинять им боли, давить на больное место. При погрузке в автомашины надо строго диференцировать раненых по характеру ранений. В машины с рельсовыми приспособлениями нужно размещать тяжело раненных и таких, которым может повредить тряска, а в машины с качающимися креплениями—легко раненных.

Начальник эвакуационного отделения тов. Гурбанова заболела. Я заменяю ее. Эвакуацию в этот день я должна провести самостоятельно. Тщательно проверяю все мелочи, обдумываю план, подготовляю документы назначенных к отправке раненых.

В 2 часа 30 минут ночи получаю приказ: приступить к эвакуации. Ночную тишину прорезывают гудки автомобилей. Торопливо объявляю приказ по отделению и приступаю к руководству эвакуацией. Стараюсь все видеть, за всем уследить, ничего не забыть. В разгар работы вижу постороннее лицо в отделении. Говорю:

— Товарищ, оставьте отделение, посторонним здесь быть нельзя.

Приветливая, дружеская улыбка, шутливое извинение... Оказывается, это был начальник госпиталя. Он наблюдал за моей работой.

— Работаете четко. Экзамен выдержан,—заявил он.

Мне неудобно, что я в горячке работы не узнала его...

Шли дни, полные напряженной работы. По нескольку суток мы не выходили из госпиталя. Прошел месяц, а о возвращении домой и мысли нет. Решила остаться на фронте до конца войны...

Части действующей армии готовятся к решающему штурму. Все фронтовые тылы стягиваются тесным кольцом к передовым линиям. Наш передвижной госпиталь свернулся в 24 часа, и мы следуем по местам недавних боев к новому пункту.

На пути все сожжено, в лесу—мины. Враг, уничтожая все при отступлении, рассчитывал дезорганизовать снабжение и эвакуацию. Несмотря на тяжелые условия передвижения, мы взяли с собой все—и кровати с сетками, и хорошие матрацы, и белье, и медикаменты, и простыни, и одеяла с пододеяльниками. При переходе на полевые условия была обдумана каждая деталь сложной организации обслуживания раненых. В палатках было тепло, уютно. Все они были тщательно замаскированы.

Части Красной Армии победоносно продвигаются вперед. Вместе с ними движемся и мы. В новом пункте занимаем здание санатория, которое финны не успели разрушить.

Идет прорыв линии Маннергейма. Работаем много. Дни и ночи сливаются в одно. Непрерывно функционирует наша полевая кухня. Жена командира Е. Васильева, ведающая питанием, не спит уже много ночей. Руки ее огрубели и почернели от воды, огня и ожогов, но она продолжает аккуратно готовить диэтическое питание.

Эвакуационная работа усложнилась. Нам дали авиатранспорт.

Здесь нужна особая четкость в подвозе раненых к аэродрому, умение укладывать их в самолет. На сильном ветру, в мороз, надо расстелить на легкой самолетной коечке большое меховое одеяло, быстро уложить туда раненого, не побеспокоив и не простудив его, и хорошо закутать, чтобы ему было тепло и удобно в пути.

Белофинны, удирающие от нашей боевой авиации, проявляют величайшую подлость: нападают на санитарные самолеты и обстреливают их из пулеметов.

Многое было пережито в те боевые дни. Но ярче всего останутся в памяти люди. Никогда не забудешь раненых бойцов, командиров, политработников. Сколько терпения, мужества, почти нечеловеческой выдержки проявили они.

Умирает от гангрены боец-комсомолец Климов. Ему осталось жить несколько часов, но он в полном сознании. Диктует письмо: «Ухожу из жизни с сознанием, что честно выполнил свой долг. Мне бы хотелось трижды отдать жизнь за вас, дорогой товарищ Сталин. Так дороги вы сердцу...» Это письмо я отправила по самому короткому адресу в мире: «Товарищу Сталину».

Политрук Гольденберг. Он полон желания вернуться в свою часть и итти в бой. Усиленно скрывает боль, уверяет врача, что чувствует себя прекрасно.

— Выпишите в часть, мне уже хорошо.

Рентген показал, что у него смята грудная клетка и сломано ребро.

Орденоносец Г. Брагин—командир разведки. Будучи раненым, остался на боевом посту. Только второе ранение привело его в госпиталь. И здесь он заражал всех своей необычайной бодростью. При нем даже тяжело раненным как будто становилось легче.

Было ясно, что с такими людьми Красная Армия не может не победить!

Т. Трифонова

ИЗ ЗАПИСОК СЕСТРЫ

Раненые прибыли днем. Когда я приехала на свое первое дежурство прямо с работы и привезла тяжелые связки книг, почти все отдыхали, наслаждаясь непривычной тишиной и теплом.

В палатах не было слышно голосов—«ходячие» и те лежали. Появление книг взбудоражило всех. Даже слабые поднимали головы, а те, кто мог двигаться, окружили стол...

И тут я получила первый урок.

— Нет ли четвертого тома Ленина?

— Дайте «Вопросы ленинизма»!

— Руководство по пулемету!

— «Краткий курс»...

— «Наполеона» Тарле...

Библиотекари старались подбирать книги для раненых самые легкие и веселые, самые занимательные.

— Чтобы раненые не утомлялись,—пояснили они.

Оказалось, что раненые хотели продолжать работу над собой: закончить изучение той или иной темы, дочитать начатую главу.

— Тут вот рядом поправляется товарищ командир, так он мне обещает помочь с пулеметом,—объяснял боец, у которого нога была в свежем гипсе.—Мне бы про «Максима» почитать.

Выдержка этих людей поражала меня.

— Что ж это вы, товарищ Иванов, не позвонили, когда одеяло упало на пол?

Он улыбается. Ему приятна забота, приятно, когда у него, как у ребенка, подоткнуто одеяло, когда его круглую, гладко остриженную голову повернешь поудобнее. Но он говорит:

— Пустяки... Чего беспокоить вас? Вот вы сами зашли—и хорошо. Есть ведь послабее меня.

Он не знал, что его нога внушала серьезные опасения, что ему грозила ампутация.

А потом, через месяц, с каким торжеством этот же боец принял от меня костыль и, оберегая уцелевшую ногу, пошел к парикмахеру, чтобы побриться за столом, а не в постели.

Косачева привезли днем, когда, освободившись от перевязок в отделении, я дежурила в приемном покое.

С носилок его было трудно поднять: осколки взорвавшейся мины перебили ногу, ранили другую, засели в плече, в боку, в спине. Весь забинтованный, с обострившимся, темным, обросшим лицом он был похож на старика.

— Спать... доктор, я спать буду!—настойчиво повторял он.

Мыли его на тех же носилках, на полу, передвигая таз с горячей водой, обмывая незабинтованные части измученного тела. Тут же, на корточках работал парикмахер.

Косачеву сделали операцию. Он долго спал после наркоза. Мы неотступно следили за его пульсом и дыханием.

Это происходило в день Красной Армии. Госпиталь был завален подарками из учреждений и предприятий: мандарины, яблоки, печенье, конфеты, одеколон, записные книжки, бумага, конверты, папиросы лежали на каждом столике.

Вечером Косачев пил мандариновый сок. Он все время думал о чем-то и, наконец, сказал мне:

— Это я все забуду... Боль пройдет, поправлюсь... А вот не знаю, что с товарищем стало. Мы шли в атаку и рядом со мной упал товарищ. Вместе с ним в лагерях были, потом в Белоруссии, потом здесь, на перешейке... Убит он или ранен—вот что меня беспокоит...

Он больше беспокоился о товарище, чем о самом себе. Но о нем в это время, оказывается, тоже заботились.

Пришло письмо из типографии, где работал Косачев. Друзья писали, что уже все решено и обдумано: будет более легкая работа, будет оказана помощь семье, заработок, как и прежде,— хороший. А пока—посылают гостинцы.

Большую поддержку, большую помощь в лечении оказывали такие письма. Они поднимали настроение раненых, вселяли бодрость, укрепляли силы.

Кучеров был мрачен. Он пристально рассматривал карточки жены и маленького сынишки и диктовал такие письма, от которых невольно слезы навертывались на глаза. Я понимала, как такое настроение мешает его выздоровлению, но ничего не могла сделать.

И вот пришло письмо от жены Кучерова.

— Ты не горюй, Петя, если без ног останешься,—писала эта по-настоящему умная и хорошая женщина.—Ты не на гулянке пропал, не сам себя загубил, боролся за народное дело. А что тебе горе выпало, так мы с тобой вместе его сгорюем. Просись домой, а я приеду встречать в город. Сын твой ждет не дождется, кличет не докличется своего батю, и я тебя жду».

В этот день Кучерову была назначена операция. Ампутировали не ноги, а только помороженные пальцы.

Операция прошла быстро и хорошо. И вдруг, когда мы с сестрой еще заканчивали перевязку, раздалось пение—веселая деревенская частушка. Это Кучеров: наркоз проходит, сознание уже вернулось к нему, а боль еще не возобновилась, и он поет бодрый,

слегка опьяненный наркозом. И сам, когда мы везем его в палату, посмеивается:

— Ишь, развеселился, Петр Афанасьевич! Хоть плясать!..

К некоторым бойцам приезжали жены. Они приезжали, не зная никого в Ленинграде, зная лишь адрес госпиталя да номер палаты. Надо было устроить им ночлег, встретить и подбодрить.

Я работала в госпитале по утрам. Поэтому мне и пришлось встречать и направлять приезжающих. Я сообщала членам своей бригады, что направляю приезжую, и говорила, в каком состоянии больной, чтобы жену подготовили к посещению, к тяжелой иногда встрече.

Так нам удалось добиться, что жены приходили без слез, без страха и не расстраивали, а, наоборот, ободряли наших бойцов.

Большинство членов нашей бригады не имело медицинской подготовки, многие были на службе, некоторых связывали дети. Но все свое свободное время мы решили отдать госпиталю, чтобы помочь раненым героям, чем сможем. Мы назывались «бригадой Союза писателей», но у нас были не только женщины-писательницы, но и домохозяйки, и жены писателей, и служащие литературных организаций. Быстро сдружились, нашли свое место в палатах, в перевязочной, в приемном покое.

В мирное время мы все считали себя перегруженными работой. А когда началась война, у каждой нашлось время, каждая смогла нести дежурства и забывала про усталость.

Однажды, когда бойцы спали после обеда, мы сидели в коридоре, читали свежие газеты. Пожилая домохозяйка Мазаева задремала на стуле—она дежурила вторую смену, так как у ее сменщицы заболел ребенок и та не могла притти.

— Товарищ Мазаева, тут про вашего однофамильца,—окликнула я ее.

Она встрепенулась, схватила газету, и мы вместе прочитали про подвиг ее сына-летчика, который спас товарища, сделавшего вынужденную посадку в тылу у белофиннов.

У другой был убит брат. Третья вот уже два месяца не имела известий от мужа-полярника. У четвертой тяжело болел ребенок, и она прямо из госпиталя бегала в больницу узнавать о нем. Но все это не мешало нашей работе, которая заняла в жизни каждой из нас самое важное место.

Когда закрывался госпиталь и в опустевших палатах уже не было ни одного бойца, комиссар произнес речь. Говорил очень просто. Он сказал, что у нас была тесная сплоченность. И это было так. Наша сплоченность, сплоченность советского народа, страшна врагам нашей Родины. Это великая, непобедимая сила!

Е. Васильева

В ГОСПИТАЛЬНОЙ КУХНЕ

Когда мы добрались до границы, было уже совсем темно. В машине нас было 13 человек. Молча всматривались в темноту. Огни автомобильных фар освещали по краям дороги трупы лошадей, сваленные телеграфные столбы, обгорелые трубы разрушенных домов. За нами, впереди нас, рядом с нами двигались войска, грохотали танки и орудия, шумели моторы грузовых машин, везущих на фронт людей, боеприпасы, продукты, медикаменты.

Машина остановилась, свернув в сторону от дороги. Нас провели по каким-то тропинкам, неразличимым в темноте, к уцелевшему финскому домику, где расположились женщины, приехавшие раньше нас.

В комнате с наглухо занавешенными окнами горела свеча, едва освещавшая скудную обстановку. Мы устроились на ночлег—кто на полу, кто на стульях, но спать не могли и еще до рассвета были готовы приступить к работе.

Меня назначили сестрой-хозяйкой в 3-е отделение полевого госпиталя. Отделение помещалось в бывшей финской школе. Здесь, в четырех больших комнатах с низкими потолками и маленькими окнами мы разместили 250 раненых. Я должна была заботиться о питании и белье.

В больших шкафах мы хранили разнообразные продукты и вещи: какао, сгущенное молоко, сахар, масло, консервированные ягоды, ящики с мандаринами и лимонами, шоколад, конверты, бумагу, мыло, одеколон. Раненые прибывали круглые сутки. Надо было всегда иметь наготове бутерброды с сыром и повидлом, горячий крепкий чай, чтобы немедленно по прибытии санитарной машины, не ожидая обеда или ужина, накормить бойцов. Когда прибывали раненые, мы их мыли, стригли, одевали в чистое белье. Жена командира Аня Иванова кормила их и укладывала в постели.

В моем распоряжении было много белья, которое надо было точно учитывать и держать в полном порядке, чтобы нужная вещь была всегда под рукой. Ежедневно собирались целые груды грязного белья, мы сдавали его на склад в обмен на чистое.

Всех бойцов сестры обтирали раствором Сальвента, лицо и руки мыли водой. Мы все тщательно следили за чистотой, благодаря чему у нас не было ни одного случая инфекционных заболеваний.

Бойцы были довольны нашим госпиталем, говорили, что мы их кормим, как на курорте, но все же рвались обратно в строй. Награжденный впоследствии орденом Красного Знамени разведчик-лейтенант Брагин только и просил врачей, чтобы его поскорей вылечили, и все говорил:

— Хочу туда, где товарищи, хочу бить врага до последней капли крови.

Он вскоре вернулся в строй, и я получала от него письма, в которых он сообщал, что надеется еще немало сделать для Родины, и благодарил за то, что мы его быстро поставили на ноги.

Фронт продвигался вперед, и через два месяца наш госпиталь был переведен в другое место.

Госпиталь расположился в 11 километрах от фронта, в одиноком пустом домике. С одной стороны было открытое поле, с другой—густой лес.

Сразу же мы принялись расчищать снег и ставить палатки. Вскоре вокруг нашего домика вырос целый лагерь. В палатках мы затопили чугунные печки, на них закипели чайники. И хлеб, и консервы, и повидло—все надо было отогревать на чугунках, все было сковано сорокаградусным морозом.

Меня назначили поваром по диэтическому питанию. Я умею хорошо готовить, но дома я это делала на двух человек, а здесь с первого же дня мне надо было накормить 35 бойцов. Надо было не только получать на складе продукты и приготовлять пищу, но и заготовлять дрова и воду. Помогала мне в этой работе моя неразлучная боевая подруга Аня Иванова.

Спустя некоторое время нас перевели в Кирка Халила. Здесь была большая кухня с паровыми котлами, но грязи было так много, что мы—диэтические повара—два дня, засучив рукава, мыли стены, полы и котлы. Окна были разбиты, и ветер гулял над плитой.

Когда Аня Иванова заболела, я осталась одна. А госпиталь в это время развертывался на новом месте. Пришлось готовить на 75 человек, потом на 100, на 200 и, наконец, на 350 человек. Если бы мне сказали до войны, что я сумею готовить завтрак, обед и ужин на 350 человек, и не один раз, а каждый день, я бы ни за что не поверила. Однако я это делала.

Я получала ежедневно 800 штук яиц. Яйца были мерзлые. Чтобы они не лопались, их надо было сначала опустить в холодную воду, и только потом, когда они оттают, сложить в наволочку и опустить в кипяток. Куры, основной продукт диэтического стола, были тоже насквозь промерзшие, и с ними было нелегко работать. Макароны, крупы, вермишель надо было тщательно перебирать.

Подготовляли продукты ночью, а готовить я начинала в 5 часов утра. Полтора месяца я не выходила из кухни, почти не снимала

сапог; днем готовила пищу, ночью подготовляла продукты и кипятила воду для питья и операционной, ежедневно мыла пол и котлы. Спала я в большом ящике со стружками от яиц.

Я добивалась, чтобы питание раненых было вкусным и разнообразным. Например, на завтрак бойцы получали какао, пару яиц и бутерброд с маслом, сыром или повидлом; на обед—куриный бульон, отварную курицу с рисом и компот или кисель; на ужин—кашу на сгущенном молоке или омлет.

Тяжело раненным мы готовили отдельные блюда. Так, одному бойцу, потерявшему ногу и болевшему воспалением легких, я по его заказу готовила вареники со сметаной, молочную манную кашу, картофельное пюре. Пюре я делала из сухого картофеля: мочила картофель, варила, пропускала через мясорубку и добавляла яйцо и масло. Получалось и питательно и вкусно, и раненый, к удивлению врачей, стал быстро поправляться. Я не помню фамилии этого бойца, но его я никогда не забуду, да и он меня, наверно, будет долго помнить.

И вот настал незабываемый день, когда мы получили известие об окончании войны. С утра ревели моторы самолетов, гремели орудийные залпы, и казалось, что ни земля, ни небо не выдержат такого гула и грохота. А в 12 часов все стихло. В этот день я варила обед и, впервые за три с половиной месяца, пела; пела песню о боевой казачке:

Шла казачка в поход
Пулеметом стучать,
Помогать партизанам в боях...

М. Иванова

В ХИРУРГИЧЕСКОЙ КЛИНИКЕ

Как только радио сообщило о начале военных действий, мы с мужем обсудили, с кем оставить детей: наше место, считали мы, на фронте. Но комиссар Военно-медицинской академии, к которому я пошла утром, сказал, что моя работа будет нужней здесь, в клиниках.

— Организуйте здесь других женщин и на работу в клинике и на фронт,—сказала мне женорганизатор тов. Логинова в штабе округа. И тут же дала задание: утром прислать пять женщин для отправки на фронт.

На другой день я пошла по общежитиям, поговорила с женами командиров и слушателей. Девять боевых подруг сразу же выехали в Териоки. Через несколько дней собрались в путь еще пять патриоток.

3 декабря мне позвонили из политотдела академии:

— Сегодня же пришлите 70 женщин на работу в клиники.

Вместе с тт. Бегоулевой и Самойлович пошли по квартирам, а через три часа мы уже имели список на 120 патриоток, желающих ухаживать за ранеными.

В этот день моя комната стала своеобразным штабом. Приходили и уходили женщины, сколачивались бригады, выбирались бригадиры.

К 18 часам, точно в назначенное время, мы явились к начальнику госпиталя, который прикрепил нас к клиникам. Бригадиры получили пропуска и направились на свое первое дежурство.

В нашей бригаде было сначала всего шесть человек. Но мы видели, что работы много, что некоторых больных нельзя оставить ни на одну минуту, и решили не уходить из клиники до тех пор, пока бригада не увеличится настолько, чтобы обеспечить непрерывное круглосуточное дежурство. Недостатка в желающих не было, и наша бригада клиники военно-полевой хирургии скоро выросла до 113 человек.

Чтобы правильно использовать силы, я составила график. В него прежде всего включили тех женщин, которые могли уделять госпиталю только определенные часы, один-два раза в шестидневку. Остальные дни и часы распределили между домохозяйками, которые могли дежурить в любое время дня и ночи.

Большинство из нас окончило кружки ГСО I ступени, а некоторые и II ступени. Но 32 женщины не имели никакой подготовки, и для них мы организовали занятия, которые проводили врачи Веселовский и Баренбаум.

Наша работа была очень разнообразна. Иногда, по указанию врача или дежурной сестры, мы давали лекарства, измеряли температуру, делали перевязки. Затем взялись следить за чистотой больных, мыли их, подстригали ногти и т. п. Кроме того, помогая санитарам, мы убирали палаты. У тяжело раненных были установлены индивидуальные дежурства.

Когда ухаживаешь за раненым, делаешь все, чтобы как можно больше помочь ему, поддержать его силы. Тут и самая черная, иногда физически тяжелая работа, тут и моральная поддержка, и душевный разговор о семье, о будущей жизни и работе, и письма домой, и чтение газет... Всего нельзя предусмотреть инструкцией. Главное—заботиться о людях, любить их, угадывать их желания, стараться, как старается мать для сына, доставить им хоть маленькую радость.

Помню, мы достали для столовой тюлевые занавески, вышили салфетки. Одну такую салфеточку подарили раненому красноармейцу-финну. У него не было родных, он был угрюм, и все думал, что он здесь чужой. Но мы особенно ласково ухаживали за ним, и он повеселел, стал разговорчивей и бодрей.

Один легко раненый туркмен все говорил о том, как ему хочется учиться. Я стала понемногу заниматься с ним, и он ушел из госпиталя, узнав здесь простые дроби.

Мы заботились не только об уходе, но и о культурном обслуживании бойцов. На каждый месяц разрабатывался план культурной работы. Тов. Колесникова, которой поручили организовать все это, очень многое сделала. Ежедневно устраивались читки газет и журналов. Иногда дежурные рассказывали раненым народные сказки.

С декабря по май мы провели 48 лекций и докладов и 86 концертов. Лекции часто сопровождались показом диапозитивов.

Для лежачих больных устраивали художественное чтение в палатах силами артистов Выборгского дома культуры. Иногда здесь выступали участники рабочей самодеятельности с песнями, музыкой.

Один боец, у которого болели глаза, просил ежедневно читать ему газету от «корки до корки», да не одну газету, а две или три. Я читаю, а он приговаривает.

— Читай, сестра, читай... Мне легче, когда ты читаешь...

После читки пил чай с конфетами и засыпал крепко и спокойно.

Бывали тяжело раненные, спасти которых почти не надеялись. Но вот и Пономарев с тяжелым черепным ранением, вот и Кустов, от которых мы несколько дней ни на минуту не отходили, стали поправляться. Приходишь в палату утром сменять дежурного, а они наперебой рассказывают: меньше боль, двигаются пальцы, легче поворачиваться...

В эти минуты мы чувствовали себя счастливыми.

Не только бойцы и командиры, лежавшие в нашей клинике, но и командование округа и командование Военно-медицинской академии высоко ценили нашу работу.

Во всех клиниках работало 300 жен военнослужащих и около 600 других женщин. Мы получили 5 ценных подарков и 9 почетных грамот от округа, 150 грамот от академии, 500 грамот от командования госпиталя; около 300 женщин получили благодарность в приказе.

А Герой Советского Союза Кашуба захотел с нами сфотографироваться и написал на карточке: «Благодарю вас сердечно, тов. Иванова, за Ваши заботы, которые я не забуду никогда».

М. Черепова

ЛЮБОВЬ НАРОДА

В дни войны с белофиннами все будничное, личное, само собой отходило на второй план. Захватывала одна мысль: хоть чем-нибудь помочь действующей армии.

У меня полуторамесячный ребенок. Я вначале думала: ну, какую пользу я могу сейчас принести? Но потом решила работать по отправке подарков нашим доблестным бойцам. Эта работа так сильно увлекла меня, что я отрывалась от нее только для кормления ребенка.

Вначале комиссия работала в одной комнате, но уже через несколько дней и в нескольких комнатах стало тесно,—так велик был приток подарков.

Со мной работали жены военнослужащих и домохозяйки. Руководила нами жена военнослужащего депутат Дзержинского райсовета Э. Галкина, проявлявшая исключительную энергию. Хочется также отметить 86-летнюю старушку Боброву, которая деятельно помогала нам, работая по упаковке подарков.

Подарками мы были буквально завалены. Их приносили ленинградцы, присылали по почте со всех концов Советского Союза. Особенно много их поступило к новому году и к годовщине Красной Армии.

В эти памятные дни мы наблюдали ряд волнующих сцен, свидетельствующих об огромной любви советского народа—от мала до велика—к своей армии.

Как-то маленькая девочка принесла свою копилку и попросила вскрыть ее при ней и взять деньги для подарков бойцам Красной Армии. Когда копилку вскрыли, там оказалось более 100 рублей.

Часто нас посещала старушка, приносившая каждый раз по нескольку пар сшитых ею теплых рукавиц.

68-летняя женщина купила на свои сбережения и принесла для отправки бойцам 30 банок варенья. Как она была огорчена, когда обнаружила, что одна банка разбилась!

Одна девочка прислала с Кавказа банку варенья, ветку мимозы и витамин «С» с просьбой «передать эту посылку раненому бойцу и пожелать ему скорейшего выздоровления».

К нам приносили много вязаных вещей: носков, перчаток, шарфов, любовно изготовленных женщинами. Колхозницы Украины присылали печенье своего изготовления.

А сколько заботы, любви, ласки содержали письма, вложенные в посылки! Мать, у которой сын погиб на фронте, писала: «Погиб мой сын, но остались тысячи. Им я шлю свой привет и желаю успеха в их борьбе».

Много писем присылали дети, причем большинство детских писем было адресовано летчикам или танкистам.

С первых же дней был налажен точный и строгий учет подарков. Мы были тесно связаны с частями. Отправляя посылки, старались учитывать запросы бойцов. Все прибывавшие подарки вскрывали, сортировали и затем составляли индивидуальные и коллективные пакеты.

Ассортимент посылок зависел от того, куда они направлялись,— в действующую армию или к раненым. На фронт мы направляли преимущественно папиросы, конфеты, печенье, ценные подарки; в госпитали—фрукты, вино, шоколад, музыкальные инструменты.

По госпиталям обычно развозили подарки лично, а иногда ездили с машинами и на фронт. Самим приходилось также распаковывать, упаковывать и переносить ящики, так как рабочей силы не было. Каждая из нас делала от 100 до 150 посылок в день.

Подарки не задерживались, а отправлялись по назначению или в тот же день, или в крайнем случае на следующий.

Гражданка Смирнова С. из Нового Петергофа отправила, например, посылку в адрес полевой почтовой станции 123-й стрелковой дивизии с надписью: «Бойцу». Начальник почтовой станции усомнился в адресе и запросил Смирнову, не забыла ли она указать фамилию бойца, которому адресована посылка. В ответ она послала письмо следующего содержания: «Пожалуйста, передайте мою посылку любому бойцу. Желаю всего хорошего. Передайте бойцам от нас, домохозяек, привет. А мы, если понадобится, оставим своих ребятишек в яслях и очагах и будем также защищать нашу великую советскую Родину. Жму руку. Смирнова».

Эта посылка была вручена в день XXII годовщины Красной Армии бойцу-герою, водрузившему знамя на захваченном доте.

Мы получали большое количество ответных писем от бойцов, командования частей и парторганизаций. Непередаваемую радость доставляли эти письма.

Вот, например, что писал нам с фронта боец Скляров: «Вряд ли, делая свое большое, благородное дело, вы подозреваете о том, сколько счастливых, волнующих минут вызывает в сердце каждого бойца ваша товарищеская забота... Вашу записку—самую ценную часть подарка—я сохраню как свидетельство народной любви к Красной Армии».

Раненый боец Садковый писал из госпиталя: «Полученные подарки являются не столько материальной, сколько моральной поддержкой. В них выражены любовь, близкие, дружеские отношения к нашей Красной Армии. Это такая сила, перед которой ничто не устоит».

По окончании войны мы продолжали свою работу вплоть до 25 июня, так как приток посылок не ослабевал. В это время мы переключились на обслуживание раненых бойцов.

В дни боевых испытаний советский народ и его Красная Армия показали на деле свое единство, свою горячую любовь и беззаветную преданность Родине и великой партии Ленина—Сталина.

Приятно и радостно сознавать, что и я в эти дни не стояла безучастно в стороне, а делала хоть и скромное, но полезное для Родины дело.

Слава
героическим
частям
Красной Армии!

Слава
верным сынам
советского
народа,
с честью
выполнившим
свой долг
перед
социалистической
родиной!

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом доблесть и мужество указами Президиума Верховного Совета Союза ССР награждены следующие воинские части:

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

123-я стрелковая дивизия
70-я стрелковая дивизия
100-я стрелковая дивизия
28-й корпусный артиллерийский полк
136-я стрелковая дивизия
39-я отдельная легкая танковая бригада

ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

19-й стрелковый полк
81-й горно-стрелковый полк
7-я стрелковая дивизия
43-я стрелковая дивизия
86-я мото-стрелковая дивизия
138-я стрелковая дивизия
27-й стрелковый полк
169-й мото-стрелковый полк
245-й стрелковый полк
20-я танковая бригада имени С. М. Кирова
35-я легкая танковая бригада
136-й гаубичный артиллерийский полк
320-й пушечный артиллерийский полк

323-й артиллерийский полк
402-й гаубичный артиллерийский полк
15-я скоростная авиационная бригада
44-й скоростной бомбардировочный авиационный полк
50-й скоростной бомбардировочный авиационный полк
54-й скоростной бомбардировочный авиационный полк
25-й истребительный авиационный полк
1-я дальне-разведывательная авиационная эскадрилья
1-й отдельный восстановительный железнодорожный батальон
17-я мото-стрелковая дивизия
49-я стрелковая дивизия
90-я стрелковая дивизия
40-я отдельная легкая танковая бригада
69-й стрелковый полк
271-й мото-стрелковый полк
306-й стрелковый полк
359-й стрелковый полк
43-й корпусный тяжелый артиллерийский полк

49-й корпусный тяжелый артиллерийский полк
101-й гаубичный артиллерийский полк
116-й гаубичный артиллерийский полк
137-й гаубичный артиллерийский полк
202-й артиллерийский полк
291-й легкий артиллерийский полк
311-й пушечный артиллерийский полк
334-й артиллерийский полк
455-й корпусный артиллерийский полк
227-й отдельный саперный батальон
4-й отдельный батальон связи
6-й отдельный понтонно-мостовой батальон
24-я стрелковая дивизия
142-я стрелковая дивизия
13-я танковая бригада
252-й стрелковый полк
24-й корпусный артиллерийский полк
227-й гаубичный артиллерийский полк
302-й гаубичный артиллерийский полк

7-й истребительный авиационный полк

10-й скоростной бомбардировочный авиационный полк

19-й истребительный авиационный полк

58-й скоростной бомбардировочный авиационный полк

32-я отдельная разведывательная авиационная эскадрилья

205-й стрелковый полк

5-й скоростной бомбардировочный авиационный полк

28-й стрелковый полк

37-й стрелковый полк

184-й стрелковый полк

57-й отдельный саперный батальон

402-й стрелковый полк

49-й истребительный авиационный полк

18-й скоростной бомбардировочный авиационный полк

21-й корпусный артиллерийский полк

80-й смешанный авиационный полк

420-й стрелковый полк

Газета «На страже Родины»

ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

6-й военный механизированный дорожный батальон

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 11

Герой Советского Союза генерал-майор инженерных войск А. Хренов. Линия Маннергейма 13

1. Оперативная зона заграждений 15
2. Основная оборонительная полоса 16
3. Вторая оборонительная полоса, или полоса тактических резервов 19
4. Выборгская тыловая позиция 19
5. Выборгская позиция прикрытия 20
6. Островные и береговые укрепления 21

☆

ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ ВОЙНЫ

Вл. Ставский. Что случилось в районе Майнилы. (Из записной книжки) 25

Полковой комиссар С. Ковтуненко. Накануне 29

Сержант К. Кравченко. Так началось 32

Герой Советского Союза В. Галахов. Тридцатое ноября 34

Летчик М. Борисов. Из дневника летчика-истребителя 40

Вл. Ставский. Герой Советского Союза Н. Угрюмов 45

Рувим Бершадский. Герой Советского Союза Федор Дудко 55

Герой Советского Союза К. Симонян. Всегда помогать товарищам 59

Генерал-майор А. Федюнин. Переправа через реку Тайпален-йоки 61

Отделенный командир П. Головин. Провод привел на колокольню 66

С. Клавдиев. Захват первых железобетонных точек 67

Младший командир А. Козлов. Отважный сапер 69

Заместитель политрука Т. Щуклин. Снайпер 72

Герой Советского Союза И. Ульянов. Разведчик 77

Старший лейтенант В. Игнатченко. Перехитрили врага 83

Старший лейтенант П. Копытин. Товарища в беде не оставлять 85

Герой Советского Союза С. Комендант. Ночью... 87
Майор С. Михайлов. Танкисты 94
Механик-водитель Д. Затулавитер. В первой атаке 102
Герой Советского Союза Г. Лаптев. Жаркая схватка 106
Капитан К. Голубенков. В честь любимого Сталина 110
Политрук П. Матюшин. Первые дни перед линией Маннергейма 112

☆

ПОДГОТОВКА ШТУРМА ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА

Полковник П. Груздев. Товарищ Тимошенко на передовых позициях 117
Старший политрук А. Косенко. Трое отважных 120
Герой Советского Союза лейтенант П. Ребенок. Из боевой практики разведчика 124
Герой Советского Союза капитан М. Сипович. Падение первых дотов Хотинена 129
Политрук А. Кирпичников. Ухо к земле! 135
Командир взвода Б. Драбкин. По огоньку папиросы 140
С. Рубен. Герой Советского Союза Михаил Трусов 140
Герой Советского Союза В. Яковлев. Прямой наводкой по дотам 144
Младший политрук Ф. Филиппов. Герой Советского Союза лейтенант С. Елейников 150
Илья Френкель. Воздушный бой в районе станции Иматра 155
Военинженер 3 ранга Д. Зайцев. Незабываемое 157
Елка 158
Баня 158
Подполковник Б. Бычевский. Саперы 160
Лейтенант А. Вдовин. Перед штурмом 162

☆

ПРОРЫВ ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА

Генерал-майор Ф. Алябушев. 123-я ордена Ленина стрелковая дивизия 167
Майор С. Степанов. Прорыв 173
Герой Советского Союза полковник И. Рослый. Одиннадцатое февраля 179
Герой Советского Союза майор С. Ниловский. Заметки артиллериста 181
Герой Советского Союза В. Кириллов. В разведке 183
Полковник А. Муравьев и герой Советского Союза старший лейтенант П. Шутов. Фронтовые заметки 187
Герой Советского Союза лейтенант В. Федоров. Взаимодействие артиллерии и пехоты 191
Герой Советского Союза старший лейтенант Г. Хараборкин. Танки на высоте 65,5 196
Герой Советского Союза полковник Н. Торопчин. Истребители 200

Младший лейтенант Леканов. Наша саперная группа 202
Старший лейтенант И. Колосов. Связисты в бою 204
Полковой комиссар П. Соловьев. Командир и его бригада 207
Воентехник 2 ранга В. Максимов. О боевой выдумке и находчивости 212
Младший политрук С. Тройнин. Непредвиденный случай 217
Герой Советского Союза полковник Д. Турбин. Артиллерия при прорыве переднего края обороны в районе Пуппус-ярви 221
Старший лейтенант И. Усиков. На лыжах по пятам врага 226
Вл. Ставский. Как дела? — Нормально! 228
Герой Советского Союза капитан Д. Шевенок. Разрушение дотов 235
Полковой комиссар М. Погарский. Орденоносная дивизия 241
Полковник А. Тованцев. Приказ командующего выполнен 245
Техник-интендант 2 ранга А. Савельев. Герой Советского Союза М. Бекетов 248
Герой Советского Союза лейтенант Л. Тарасов. Странички из дневника 254
Герой Советского Союза младший лейтенант А. Сироткин. Вместе с танкистами 257
Младший командир М. Булатов. Как мы взорвали дот с пятнадцатью шюцкоровцами 260
Лейтенант Н. Лазарев. Как боец Якушин бил врагов минометной плитой 262
Красноармеец В. Ганин. Подвиг 263
Герой Советского Союза младший лейтенант Г. Айрапетьян. Командир штурмовой группы 265
Н. Климин. Герой Советского Союза Иван Сиволап 269
Капитан Ф. Феденко. Инженерная война 273
Младший командир С. Тараскин. Как я спас раненого командира 276
Старший лейтенант А. Шварц. Боевые уроки 278
Младший лейтенант Н. Кондратьев. Пленные 283

☆

БОРЬБА ЗА ОСТРОВА

Герой Советского Союза генерал-полковник М. Кирпонос. 70-я ордена Ленина стрелковая дивизия 287
А. Андрианов, Н. Белов. По приказу командующего фронтом товарища Тимошенко 294
Герой Советского Союза старший лейтенант В. Москвин. Мысли о войне 297
Лейтенант М. Онипко. Рейд в глубокий тыл противника 299
Капитан П. Семьин. На льду 303
Майор К. Джахуа. Захват четырех островов 308
Лейтенант Д. Федоренко. Минометы на огневых позициях 311
Лейтенант И. Крючков. Как тракторы стали «танками» 313
Герой Советского Союза капитан В. Маричев. Удар на материк 319
Герой Советского Союза А. Маминов. Посыльный 320

☆

НА ВЫБОРГ

Капитан А. Макаров. Разгром финской танковой группы 325
Герой Советского Союза капитан С. Николенко. Разгром белофинского полка 330
Батальонный комиссар Ф. Зыков. Красноармеец Веселов 334
Герой Советского Союза И. Аляев. На станции Сяйние 337
А. Твардовский. Экипаж героев 339
Лейтенант П. Мозговой. Работа саперного батальона 343
Герой Советского Союза младший командир П. Олейников. Береза 348
Полковой комиссар С. Ковтуненко. Герой Советского Союза лейтенант С. Ячник 350
Майор С. Гудзюк. Батальон лыжников 353
Г. Демидов. Поединок снайперов 359
Батальонный комиссар И. Горянский. Танки у выборгского вокзала 362
Военинженер 1 ранга Н. Герасимов. Штрихи 364
Герой Советского Союза лейтенант Ф. Бабаченко. Через все преграды 365
Герой Советского Союза политрук Н. Лысенко. Штурмовые дни 368
Лейтенант А. Ждан-Пушкин. С боем через водные преграды 371
Батальонный комиссар П. Белоусов. «Выборг объявляю советским» 379
Лейтенант К. Снегирев. Встреча победителей 381

☆

БОЕВЫЕ ПОДРУГИ

А. Антонова. «Сестра пришла!» 387
Е. Решетникова. На поле боя 391
Н. Знаменская. В полевом госпитале 394
Т. Трифонова. Из записок сестры 397
Е. Васильева. В госпитальной кухне 400
М. Иванова. В хирургической клинике 403
М. Черепова. Любовь народа 406

☆

Редакторы: *Я. Коган, Н. Толченова.*

Тираж 200 тыс. А37988. Подписано в печать 18 апреля 1941 г. 26¼ печ. л. 36 тыс. зн. в 1 печ. л. 23,85 авт. л. Заказ № 132. Цена книги в переплете 4 руб.

8-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.

59

Цена
150 р. 00 к.

150

Цена
150 р 00 к.

4 руб.